Нацумэ Сосэки

ВАШ ПОКОРНЫЙ СЛУГА КОТ

Annotation

«Ваш покорный слуга кот» — один из самых знаменитых романов классика японской литературы XX в. Нацумэ Сосэки, первок большое сатирическое произведение в японской литературе нового времени. 1907-1916 годы могут быть названы «годами Нацумэ» в японской литературе: настолько сильно было его влияние на умы японской интеллигенции тех лет. Такие великие писатели, как Акутагава Рюноскэ, Ясунари Кавабата и Дадзай Осаму считали себя его учениками.

Герои повести — коты и люди. В японских книжках для детей принято изображать животное как маленького человечка с головой зверя. Коты в повести Сосэки — это маленькие человечки в масках. Среди них сохраняются те же социальные различия, что и среди людей, ведь они живут в мире, где служанка часто расценивается ниже кошки. В повести они на роли клоунов: разыгрывают интермедии между основными номерами. Но если коты похожи на людей, то верно и обратное: многие люди не лучше животных.

Наслушавшись в доме своего хозяина умных разговоров о новых течениях современной мысли, в первую очередь о модном индивидуализме и о «сверхчеловеке», кот возомнил себя существом необыкновенным, подлинным «сыном двадцатого века».

Комизм ситуации, как в «Путешествиях Гулливера» Свифта, состоит в том, что карлик меряет великана меркой своего малого мира с полным чувством собственного превосходства.

Хозяин кажется коту «придурковатым», выходки, чудачества хозяина — верх нелепости. Карлик не владеет ключом к душе великана. Но это верно только в том случае, если существо из малого «кошачьего» мирка встречается с подлинно большим человеком.

«Не все люди — люди» — таков подтекст повести японского писателя Нацумэ Сосэки (1867 — 1916).

- Нацумэ Сосэки
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - Глава VIII
  - Глава IX
  - Глава X
  - Глава XI
  - ПОСЛЕСЛОВИЕ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17

- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77

- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137

- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154
- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162
- 163
- 164
- 165
- 166
- 167
- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179
- 180
- 181
- 182
- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189

Нацумэ Сосэки
Ваш покорный слуга кот

Глава I

Позвольте представиться: я — кот, просто кот, у меня еще нет имени.

Я совершенно не помню, где родился. Помню только, как я жалобно мяукал в каком-то темном и сыром углу. Здесь же мне впервые довелось увидеть человека. Позже я узнал, что это был мальчишка — сёсэй[1], один из тех сёсэев, которые слывут самой жестокой разновидностью людского племени. Рассказывают, что эти мальчишки иногда ловят нас, кошек, зажаривают и едят. Но тогда я даже не подозревал, что мне грозит такая опасность, и поэтому не очень испугался. Я не почувствовал никакой тревоги и тогда, когда мальчишка взял меня на руки и поднял на головокружительную высоту. Мне даже было приятно в теплых и мягких ладонях сёсэя. Я устроился поудобнее и принялся рассматривать его — ведь как-никак это была моя первая встреча с человеком. Уже тогда человек показался мне существом весьма странным. Этого мнения я придерживаюсь и по сей день. Взять хотя бы лицо. Ведь именно здесь должна расти самая густая, самая красивая шерсть. А у него оно голое и круглое — совсем как никелированный чайник! Мне потом приходилось встречаться со многими кошками, но ни разу я не видел среди них такого урода. Более того, средняя часть лица у человека как-то странно выдавалась вперед, а из двух отверстий в этом выступе время от времени вылетали клубы дыма. Дым был едким и противным, и я начал задыхаться. Только недавно я наконец узнал, что это был дым табака, который курят люди.

На руках у мальчишки я просидел довольно долго и чувствовал себя вполне хорошо. Но вдруг меня куда-то стремительно понесло. Я никак не мог понять, что происходит, то ли это двигался мальчишка, то ли двигался лишь я, а он стоял на месте, во всяком случае голова у меня пошла кругом. К горлу подступила тошнота. «Теперь конец», — мелькнула мысль, и тут я хлопнулся оземь, да так, что из глаз посыпались искры. До этого момента я все помню хорошо, но что было потом — хоть убей, не могу вспомнить.

Когда я вдруг пришел в себя, мальчишки поблизости уже не было. Не было никого и из моих многочисленных братьев и сестричек. Даже моя заботливая и нежная мать-и та куда-то исчезла. Я очутился в совершенно незнакомом месте, было непривычно светло, так светло, что резало глаза.

«И куда это я попал?» — подумал я и попробовал сделать несколько шагов, но каждый шаг причинял мне страшную боль — ведь теперь вместо мягкой соломки у меня под ногами была густая колючая поросль молодого бамбука.

Вскоре я выбрался из зарослей и оказался на берегу большого пруда. Здесь я присел на землю и стал размышлять над тем, что же теперь делать, но ни до чего путного так и не додумался. Мне пришло в голову, что если я немного поплачу, то мальчишка непременно придет за мной. «Мяу, мяу», — начал я, но никто не появлялся. А между тем откуда-то, взволновав поверхность пруда, налетел прохладный ветерок. Солнце зашло. Страшно хотелось есть. Я так ослабел, что даже не мог плакать. «Теперь уж все равно ничего не поделаешь, так хоть пойду поищу какой-нибудь еды», — решил я и медленно побрел вдоль берега. На душе было тяжело. Так я шел и шел, терпеливо, сам не зная куда, и вдруг до меня донесся запах человеческого жилья. «Пойду-ка туда, авось кто-нибудь да выйдет», — подумал я и через дыру в изгороди проник в чей-то двор. Удивительная вещь — случай: не будь этой дыры, умер бы я в конце концов от голода где-нибудь на дороге. Вот уж недаром говорят: «Неисповедимы пути господни». А через эту дыру я и сейчас хожу в гости к Микэ, которая живет по соседству.

Ну, хорошо, во двор-то я пробрался, а вот что делать дальше? К этому времени совсем стемнело, и меня окончательно одолел голод. А тут еще пошел дождь, и я сильно продрог. Нельзя было терять больше ни минуты. И я отправился дальше, туда, где, как мне казалось, можно найти свет и тепло.

Теперь я знаю, что тогда я сумел побывать в доме. И там мне снова представился случай встретиться с человеком, на этот раз уже не с мальчишкой. Первой меня заметила служанка. Она обошлась со мной куда безжалостнее, чем тот сорванец сёсэй. Как только я попался ей на глаза, она схватила меня за загривок и вышвырнула на улицу. «Это уж совсем никуда не годится», — подумал я и, закрыв глаза, вверил свою судьбу небу. Но холод и голод были поистине нестерпимы, и, улучив минуту, когда служанка отвернулась, я опять проскользнул в

кухню и тут же снова был выброшен за дверь. Помню, как много раз подряд я пробирался в дом и сразу же оказывался под дождем, как я опять возвращался и меня опять вышвыривали. Уже тогда я всей душой возненавидел служанку. Совсем недавно я утащил у нее со стола рыбу и этим хоть немного отомстил ей за обиды.

Когда она схватила меня в последний раз и уже собиралась было вышвырнуть из кухни, вошел хозяин дома.

– Что тут за шум? — спросил он. Служанка опустила руку и указала на меня.

– Да вот какой-то бездомный котенок все лезет и лезет. Я его гоню, а он опять… Надоел даже…

Хозяин, покручивая росшие у него под носом черные волосы, некоторое время внимательно рассматривал меня, а потом произнес:

– Ну, раз так, то пусть остается у нас, — и снова ушел в комнаты.

Он производил впечатление человека не очень разговорчивого. Служанка с досады бросила меня на пол. Вот так я и поселился в этом доме.

С хозяином мне приходится сталкиваться редко. По профессии он учитель. Придя из школы, запирается на целый день в кабинете и почти не выходит оттуда. «До чего он трудолюбив», — думают домочадцы. А хозяину и в голову не приходит их разубеждать, что на самом деле он вовсе не такой. Иногда я украдкой заглядываю в кабинет и вижу, как он целыми днями спит, уткнувшись носом в раскрытую книгу. Хозяин страдает несварением желудка, поэтому цвет кожи у него изжелта-бледный, а тело дряблое. Но тем не менее ест он помногу, а после обильной еды пьет диастазу[2] Така. Потом идет в кабинет и раскрывает книгу. Однако, прочитав две-три страницы, засыпает, и из полураскрытого рта прямо на книгу начинает капать слюна. Такого рода «занятия» повторяются каждый вечер. Я всего лишь кот, но и то иногда думаю: «До чего же хорошо быть учителем. Будь я человеком, обязательно избрал бы эту профессию. И кошка могла бы справиться с такой службой: спи себе — и вся недолга». Но попробуйте спросить у моего хозяина, и он вам ответит, что нет ничего тяжелее и неблагодарнее труда учителя. Во всяком случае, когда к нему приходят друзья, он всеми силами старается подчеркнуть это.

С тех пор как я поселился в этом доме, все, кроме хозяина, обращаются со мной бесчеловечно. К кому ни подойдешь — все тебя гонят, никто не хочет с тобой поиграть. Мне до сих пор даже не дали имени — вот как мало меня здесь ценят. Потому-то я и стараюсь все время быть поближе к хозяину, ведь как-никак это он приютил меня. По утрам, когда хозяин читает газеты, я непременно взбираюсь к нему на колени. А днем, когда он ложится спать, я устраиваюсь у него на спине. И не потому, что я уж очень люблю хозяина, — просто мне больше не к кому приласкаться. Теперь я приобрел некоторый опыт и решил: по утрам спать на мэсибицу[3], по вечерам — на котацу[4], а днем, если на дворе тепло и нет дождя, отправляться на галерею. Но больше всего я люблю забраться с вечера в постель к хозяйским дочкам и проспать там всю ночь. Одной дочке хозяина пять, другой — три года, и спят они вместе. Я отыскиваю свободное местечко и укладываюсь рядом с ними. Но беда, если кто-нибудь из них проснется, — какой тогда поднимается шум! Им совсем невдомек, что уже ночь и все спят, и они начинают громко вопить: «Кошка, кошка!» Особенно усердствует младшая, у которой вообще несносный характер. Своими криками они будят моего больного нервного хозяина, который спит в соседней комнате. Он вскакивает и бежит к детям. Вот и недавно он рассердился, схватил указку и пребольно хлестнул меня по заду.

Чем дольше я живу среди людей, чем внимательнее к ним присматриваюсь, тем больше убеждаюсь, что они существа весьма капризные и своевольные. Что до детей, с которыми я иногда сплю, то и говорить не приходится. Стоит им только захотеть, и они начинают тормошить меня, переворачивать вверх ногами, швырять на пол, заталкивать в печь, натягивать мне на голову мешок. Но как только я выражу недовольство, люди всей семьей гоняются за мной, ловят и избивают. И вот совсем недавно, когда я вздумал немного поточить коготки о циновку, хозяйка страшно рассердилась и совсем перестала пускать меня в комнаты. Какое ей дело до того, что кто-то на кухне дрожит от холода.

В доме наискосок от нас живет многоуважаемая Сиро-кун[5]. Каждый раз, встречаясь со мной, она повторяет:

«Нет на свете создания более бессердечного, чем человек». У Сиро-кун недавно родилось четверо пушистых, похожих на шарики котят. Но уже на третий день живущий в их доме ученик отнес бедняжек за дом, к пруду, и побросал всех четверых в воду. Сиро-кун горько оплакивала своих детей и ни о чем другом не могла говорить. И еще она сказала, что мы, кошки, непременно должны бороться с людьми и уничтожить их всех до одного, если хотим обеспечить себе счастливую семейную жизнь, когда любовь между родителями и детьми достигнет наивысшего расцвета. Мне кажется, что это весьма и весьма справедливо. А Микэ-кун, которая тоже живет по соседству, при этом с возмущением добавила: «Люди совсем не имеют представления о праве собственности». У нас, кошек, издавна так заведено: кто первый заметит что-нибудь съедобное, — будь то голова сардинки или брюшко голавля, — тот и имеет полное право сам съесть найденное. Того же, кто не придерживается этого строгого закона, силой заставляют подчиниться ему. А люди, кажется, абсолютно не понимают этого и всегда отбирают найденные нами лакомства. Силой, без всякого зазрения совести они присваивают то, что принадлежит нам по праву. Сиро-кун живет в доме военного, хозяин Микэ-кун — адвокат. Я же живу в доме учителя и поэтому смотрю на вещи более оптимистично, чем мои приятельницы. Мне бы только тихо и мирно, без всяких волнений дожить до конца дней своих. Все равно господство людей на земле не будет вечным. Так что не будем терять надежды и подождем, пока наступит эпоха кошек.

Раз я уж начал говорить о капризах людей, то придется рассказать и о том, как однажды мой хозяин из-за своего дурного характера попал впросак. Он отнюдь не блещет талантами, но тем не менее берется за все. То сочиняет хайку[6] и посылает их в журнал «Кукушка», то пишет стихи в новом стиле и отправляет их в «Утреннюю звезду», а то начинает строчить статьи на английском языке, в которых полно ошибок. Иногда он вдруг увлекается стрельбой из лука или принимается распевать утаи[7], а иногда с утра до вечера пиликает на скрипке. Но, к сожалению, он во всем далек от совершенства, хотя, несмотря на несварение желудка, целиком отдается этим странным занятиям. Он распевает свои утаи даже в нужнике, за что и получил от соседей прозвище «Господин нужник». Но он не обращает на это никакого внимания и продолжает петь: «Я храбрый Тайра Мунэмори»[8], и все прыскают со смеху: «Нет, каково, вы только послушайте: новый Мунэмори объявился».

Однажды я был совсем сбит с толку и никак не мог понять, какая новая идея пришла в голову моему хозяину. Это было в день выдачи жалованья, когда прошел всего лишь месяц с тех пор, как я поселился в доме учителя. Хозяин вернулся из школы очень взволнованный; в руках у него был большой сверток. «Интересно, чего он там накупил», — подумал я. В свертке оказались кисти, акварельные краски, листы ватманской бумаги. С тех пор хозяин забросил утаи, хайку и, казалось, преисполнился решимости стать художником. Уже со следующего дня он начал запираться в кабинете и рисовать. Он даже отказался от послеобеденного сна. Но сколько потом люди ни вглядывались в его картины, никто не мог определить, что там нарисовано. Да и он сам, наверное, понимал, что получается не то, что нужно.

Как-то я подслушал разговор хозяина с одним его приятелем, который, кажется, был искусствоведом.

– Неважно что-то у меня получается, — жаловался мой хозяин. — Посмотришь у других — ну что здесь, казалось бы, особенного, а вот как сам возьмешься за кисть… Трудно, очень трудно…

Он действительно нисколько не кривил душой.

– Да, сначала всегда так, — отвечал гость, глядя на хозяина поверх очков в золотой оправе. — И вот что главное: ты никогда не сможешь написать хорошую картину, если твое воображение ограничено стенами дома. Послушай, что говорил старый итальянский мастер Андреа дель Сарто[9]: «Если хочешь написать настоящую картину, то изображай то, что имеется в природе, неважно что именно. Природа сама по себе большая, живая картина. На этой картине есть все: и мерцание звезд на небе, и блеск росы на траве, и летящие птицы, и бегающие животные, и плавающие в пруду рыбы, и стынущие на ветвях опавших деревьев вороны». Вот и тебе, для того чтобы стать настоящим художником, следует рисовать с натуры. Интересно, что получится…

– Как, Андреа дель Сарто действительно так говорил? А я и не знал. И он, конечно, прав, тысячу раз прав. Ведь так и должно быть, — чересчур восторженно воскликнул хозяин.

За очками в золотой оправе мелькнула ироническая усмешка.

На следующий день я, как обычно, вышел на галерею и, устроившись поудобнее, задремал. Хозяин тоже вышел из кабинета, чего раньше в это время дня с ним никогда не случалось, и, стоя позади меня, начал усиленно над чем-то трудиться. Когда я проснулся и, чуть-чуть приоткрыв один глаз, взглянул на хозяина, то обнаружил, что он старательно выполняет завет великого Андреа дель Сарто. Я не мог сдержать невольной улыбки. Хозяин попался на удочку своего приятеля и для начала решил изобразить меня. Я уже хорошо выспался, и мне страшно хотелось потянуться и зевнуть. Но хозяин работал с упоением, и я понял, что стоит мне пошевелиться, как все пойдет насмарку, а поэтому терпел изо всех сил. Он уже нанес на бумагу контуры моего тела и сейчас раскрашивал мордочку.

Сознаюсь, что как кот я не представляю собой превосходнейшего экземпляра. Можно смело сказать, что я не отличаюсь от других котов ни ростом, ни цветом и красотой шерсти, ни чертами мордочки. Но при всей своей заурядной внешности я никак не могу согласиться, что похожу на страшилище, которое в это время рисовал мой хозяин. Прежде всего я совсем другого цвета. Шкурка у меня как у персидской кошки — светло-серая, с желтоватым оттенком и с черными блестящими, как лак, пятнами. Уж что-что, а это всякий может разглядеть. На картине же я был не желтым и не черным, не серым и не коричневым. Да что говорить, здесь не было даже смешения этих цветов! Одним словом, это был весьма своеобразный цвет, иначе и не скажешь. Но что самое удивительное — так это глаза. Вернее, глаз на картине вовсе не было. На первый взгляд это представлялось вполне резонным: ведь хозяин рисовал меня, когда я спал. Но дело в том, что на рисунке не было даже какого-либо намека на глаза; сколько ни гадай — никак не угадаешь, то ли это слепая кошка, то ли спящая. И я подумал про себя: «Что бы там ни говорил Андреа дель Сарто, а такая картина никуда не годится». Однако при всем этом нельзя было не восхищаться тем огромным рвением, с которым работал мой хозяин. Я всеми силами старался не шевелиться, но мне уже давно хотелось пойти по нужде. Внутри у меня все напряглось, я не мог больше терпеть ни минуты. Вот и пришлось волей-неволей позабыть все приличия: я потянулся, выставив далеко вперед лапы и низко пригнув голову, и сладко зевнул. После этого уже, конечно, не стоило сидеть неподвижно, ведь так или иначе я спутал хозяину все его планы. Поэтому я поднялся и не спеша пошел за дом по своим делам. Но в это время раздался крик хозяина: «Ах, черт бы тебя побрал!» Гнев, отчаяние слышались в его голосе. Когда хозяин ругается, он всегда употребляет это выражение: «Черт бы тебя побрал». Такая уж у него привычка; да он и не знает других ругательств. Я же подумал: «Потерпел бы с мое, тогда бы не кричал „черт бы тебя побрал“. Не очень-то это вежливо». Обычно он так ругается, когда я забираюсь к нему на спину, но если лицо у него в эту минуту хоть чуточку добреет, я ему охотно прощаю грубость. Однако еще ни разу не случалось, чтобы он уважил хотя бы одно мое желание. Вот и сейчас мне было очень больно услышать это «черт бы тебя побрал», когда я встал, чтобы пойти помочиться. Вообще люди слишком полагаются на свою физическую силу, а поэтому все они такие зазнайки. И неизвестно, каких пределов может достигнуть их зазнайство в будущем, если только не появятся какие-нибудь более сильные существа и не станут над ними издеваться.

Можно было бы мириться с человеческим своенравием, если бы оно проявлялось только так; но дело в том, что мне известны случаи, когда людская несправедливость достигала прямо-таки вопиющих размеров. За нашим домом есть небольшой, всего в каких-нибудь десяток цубо[10] сад, в котором растет несколько чайных кустов. Здесь много уютных солнечных мест. Когда дети начинают слишком шуметь и в доме нельзя спокойно отдохнуть, когда у меня плохое настроение или я голоден, я всегда ухожу сюда и наслаждаюсь покоем.

Однажды, в погожий осенний день около двух часов пополудни, я, хорошенько отдохнув после обеда, вышел на улицу и, прогуливаясь, забрел в сад. Я не спеша прохаживался между чайными кустами, обнюхивая их корни, пока не добрался до забора, который огораживает сад с запада. На засохшем кусте хризантемы, пригибая его своей тяжестью к земле, не обращая внимания на то, что творится вокруг, спал большой кот. Громко храпя и вытянувшись во всю длину, он продолжал спать даже тогда, когда я подошел совсем близко, — может быть, он не заметил моего приближения, а может, и заметил, но сделал вид, что ему решительно все равно. Забраться в чужие владения и так спокойно спать — нет, я не мог не удивиться такой дерзкой отваге. Он был весь черный, без единой отметины. Яркое, полуденное солнце щедро освещало его своими лучами, и казалось, что в мягкой шерсти кота все время вспыхивают неуловимые огоньки. Незнакомец был так великолепно сложен, что его можно бы было смело

принять за короля кошек. Он был наверняка в два раза больше меня. Восхищение и любопытство заставили меня забыть обо всем другом; пораженный великолепием незнакомца, я застыл на месте и принялся в упор разглядывать его. Тем временем слабый осенний ветерок тихонько качнул свесившиеся через забор ветви павлонии, и несколько листьев с легким шорохом упало на куст хризантемы. Король кошек вдруг открыл глаза, громадные и совершенно круглые, как блюдце. Этот миг я запомнил на всю жизнь. Блеск его глаз затмевал даже янтарь, который так высоко ценится у людей. Незнакомец не шевелился. Взгляд его прекрасных глаз, из самой глубины которых, казалось, лились потоки света, остановился на моем ничтожном лбу. Он спросил:

– А ты, собственно говоря, кто такой?

Тут я подумал, что такая форма обращения выглядит несколько вульгарной в устах короля кошек, но в его голосе чувствовалась сила, способная привести в трепет даже собаку, и я стоял молча, объятый страхом. Но и молчать тоже было опасно. Поэтому, стараясь по возможности сохранить самообладание, я ответил:

– Я — кот, просто кот, у меня еще нет имени.

Сердце мое в эту минуту билось быстрее, чем когда-либо. Он насмешливо произнес:

– Что? Кот? Подумаешь, тоже мне кот… А где ты живешь?

«Какой наглец», — подумал я и с достоинством сказал:

– Я живу в доме здешнего учителя.

– Ах, учителя, я так и думал. То-то ты такой тощий.

Он был королем и мог безнаказанно говорить что угодно. Но из его манер я заключил, что незнакомец не из хорошего дома. Однако он был сытым, гладким — сразу видно, что живет в довольстве и ест вволю. И я не мог удержаться, чтобы не спросить:

– А ты откуда?

– Я — Куро, живу у рикши, — отвечал он высокомерно.

Этот Куро был известен как отпетый хулиган. О нем знали все

в округе. Он слыл сильным, дурно воспитанным котом — сказывалось влияние рикши. Поэтому мы избегали водить с ним знакомство, но и ссориться боялись.

Когда он назвал свое имя, у меня от страха затряслись поджилки, но в то же время я почувствовал к нему презрение. Чтобы выяснить, насколько он необразован, я спросил:

– А как по-твоему, кто лучше: рикша или учитель?

– О, мой хозяин гораздо сильнее. Ты посмотри на своего — кожа да кости.

– Ты тоже, наверное, сильный. Ведь живешь-то в доме рикши, там и кормят, видимо, здорово.

– О, я!… Я из тех, которые везде сыты будут. А ты только и знаешь что свои чайные кусты. Пойдем со мной, не пройдет и месяца, как ты растолстеешь так, что и не узнать будет.

– Не сейчас, как-нибудь в другой раз я попрошу тебя взять меня с собой. Да и дом у учителя побольше, чем ваш, и жить в нем удобнее.

– Эх ты, олух. Одним домом сыт не будешь.

Тогда он, наверное, здорово на меня рассердился. Часто поводя ушами, похожими на косо обрезанные побеги бамбука, он резко вскочил и ушел. Так я познакомился с Куро.

После этого мы встречались довольно часто, и всякий раз он хвастался своим хозяином. Как-то раз он рассказал мне о страшной несправедливости со стороны людей, о той самой несправедливости, о которой я упоминал раньше. Однажды мы с Куро лежали среди чайных кустов, грелись на солнышке и беседовали. Он, как всегда, хвастался, причем делал это с таким видом, будто бы говорит что-то новое. Вдруг он повернулся ко мне и спросил:

– Сколько ты за свою жизнь поймал крыс?

Конечно, я гораздо образованнее Куро, но когда речь заходит о силе и храбрости, то я не могу с ним тягаться. Поэтому его вопрос несколько смутил меня. Но факт есть факт, соврать было невозможно, и я ответил:

– Все собираюсь начать ловить, но пока еще ни одной не поймал.

Куро отчаянно затряс своими пышными усами и громко захохотал. Он необыкновенный хвастун, этот Куро, и, следовательно, не очень умен. Поэтому во время его болтовни достаточно восхищенно мурлыкать, чтобы он стал мягким и податливым. Я понял это с первого дня нашего знакомства и потому решил не показывать своего превосходства, дабы не испортить с ним отношений. Это было бы весьма нежелательно, и поэтому я изо всех сил старался польстить ему.

К этому способу я прибегнул и теперь.

– А ты, наверное, уже много крыс наловил… Ведь ты такой опытный.

Я как раз затронул его слабое место. Куро как будто прорвало:

– Ни много ни мало, а несколько десятков есть, — самодовольно заявил он. — Сотню, другую крыс поймать всегда можно. А вот хорька никак изловить не могу. Один раз даже в беду попал с этим хорьком.

– Как интересно! — подзадоривал я.

А Куро, мигая своими огромными глазами, продолжал:

– Это случилось в прошлом году, когда у нас в доме была генеральная уборка. Хозяин взял мешок и отправился за известью под галерею, и представь себе, там был здоровенный хорек. Он, сволочь, сначала забегал, заметался, а потом выскочил на улицу.

– Ух и здорово! — изобразил я восторг.

– Хорек! Только название страшное, а сам-то он лишь чуть побольше крысы. Я бросился в погоню и загнал этого прохвоста в сточную канаву.

– Ах. какой молодец, — продолжал я восхищаться.

– И только собрался его схватить, как он, проклятый, испустил страшную вонь. До того она была противна, эта вонь, что и теперь при виде хорька меня начинает мутить.

Дойдя до этого места, Куро несколько раз помахал лапой перед носом, как будто и сейчас чувствовал этот отвратительный запах. Мне даже стало немного жаль его. Чтобы хоть как-нибудь подбодрить Куро, я сказал:

– Но вот если крыса попадется тебе на глаза, считай, что ее песенка спета. Ведь по части ловли крыс ты настоящий мастер. И растолстел ты так, наверное, потому, что у тебя постоянно мясной стол.

Однако моя откровенная лесть возымела самое неожиданное действие. Куро тяжело вздохнул и сказал:

– Эх! только подумать — как все глупо получается. Сколько ни старайся, сколько ни лови крыс… Да знаешь ли ты, что на свете нет существа более нахального, чем эти мерзавцы — люди. Стоит мне поймать крысу, как ее тут же отбирают и несут к полицейскому. А там ведь не разбираются, кто поймал, и платят принесшему пять сэн[11]. Хозяин благодаря мне уже заработал на этом деле чуть ли не полторы йены[12], а мне ничего не перепало. Все люди — грабители, хоть и корчат из себя праведников.

Аи да Куро! Неуч, неуч, а человеческую натуру раскусил правильно. Он был страшно зол, шерсть на спине встала дыбом. Я тоже немного испугался и поспешил уйти домой. Тогда-то я и решил никогда не ловить крыс и не участвовать в походах Куро за всякой другой живностью. Мне не надо никакой вкусной пищи. Самое важное хорошенько выспаться. Когда кошка живет в доме учителя, то она и характером начинает походить на учителя. А если не побережется, то может подобно своему хозяину заболеть несварением желудка.

Коль скоро речь снова зашла об учителях, то следует сказать, что недавно мой хозяин, кажется, в конце концов понял, что художника из него не получится, и первого декабря записал в своем дневнике следующее:

«Сегодня на собрании впервые встретился с господином N. Говорят, что он отъявленный развратник. И он действительно производит впечатление бывалого человека. Такие люди нравятся женщинам. Поэтому правильнее было бы сказать, что N просто вынужден быть развратником. Ходят слухи, что его жена была гейшей, фу ты, даже позавидовать можно. Уж так заведено, что чаще всего развратников ругают именно те люди, у которых нет никаких

данных, чтобы самим стать развратниками. Более того, даже среди тех, кто стремится прослыть развратниками, многие совершенно неспособны на это. И все-таки они стараются изображать из себя таковых. Эти люди так же достойны звания развратника, как я — звания художника. Тем не менее они считают себя бывалыми людьми и страшно важничают. Если можно прослыть бывалым, выпив сакэ[13] в ресторане и сходив в дом свиданий, то тогда чем и я не художник? Любой невежественный провинциал намного выше этих тупых бывалых людей, точно так же как и любая ненаписанная картина превосходит мою мазню».

Трудно согласиться с такого рода теоретизированием о бывалом человеке. А завидовать человеку у которого жена гейша, не пристало учителю. Пожалуй, единственное, что здесь верно, — это критический подход к своему творению.

Однако, несмотря на то что хозяин правильно оценил свои возможности, ему не удалось окончательно избавиться от излишней самонадеянности. И через два дня, четвертого декабря, он сделал в дневнике еще одну запись:

«Прошлой ночью мне приснилось, будто бы я решил, что из моей картины все-таки ничего не выйдет, и выбросил ее. Но кто-то подобрал картину, вставил в прекрасную рамку и повесил на стену. Потом вижу, будто я стою перед своей картиной в полном одиночестве и думаю: „Вот я и стал признанным художником! До чего же это приятно! Уж если мою картину повесили на стену, то она и вправду, наверное, хороша“. Но ночь прошла, рассвело, и с первыми лучами солнца я понял, что по-прежнему бездарен».

Хозяин даже во сне не мог забыть о своей картине. Выходит, что художник не может стать даже бывалым человеком, одним из тех, кого называют «учеными мужами».

На следующий день, после того как хозяину пригрезилась во сне картина, его навестил тот самый искусствовед в золотых очках. Он уже давно не навещал нас. Войдя в комнату, он прежде всего спросил:

– Ну, как картина?

– Я последовал твоему совету и все время старался рисовать с натуры, — с деланным спокойствием ответил хозяин. — И знаешь, рисуя с натуры, я, кажется, научился улавливать тончайшие оттенки в игре красок, замечать самые незначительные детали предметов. Раньше у меня этого не получалось. На Западе издревле уделяют большое внимание рисованию с натуры, потому-то там и достигли такого совершенства. О, великий Андреа дель Сарто!

Казалось, хозяин совсем забыл о том, какую запись он сделал в дневнике всего несколько дней назад. Искусствовед засмеялся.

– Ты знаешь, я все это говорил просто так, — и почесал затылок.

– Что «это»? — воскликнул хозяин, все еще не замечая издевки.

Да о том самом Андреа дель Сарто, которым ты так восхищаешься. Я все это выдумал. Мне и в голову не приходило, что ты так серьезно относишься к занятиям живописью. — И, в восторге от своей выдумки, он громко захохотал: — Ха-ха-ха!

Я был на галерее, слышал весь этот разговор и никак не мог себе представить, какая запись появится в дневнике сегодня.

Искусствовед любил пошутить, и для этого он прибегал к самым невероятным уловкам.

Кажется, ему было невдомек, что разговор об Андреа дель Сарто проник в самые сокровенные уголки души моего хозяина, и он с самодовольным видом произнес:

– До чего бывает комично, когда человек всерьез принимает шутку. Люблю посмеяться. Недавно я сообщил одному студенту, что Николас Никклби[14] посоветовал Гиббону[15] не писать его «Историю французской революции», которая является величайшим произведением того времени, на французском языке, и книга была издана на английском. У этого студента чертовски хорошая память, и до чего же было забавно, когда он серьезно, слово в слово, повторил это на заседании Общества японской литературы. На заседании присутствовало около ста человек, и ни у кого не возникло даже тени сомнения. А вот еще один любопытный анекдот. Недавно в присутствии известного литературоведа зашла речь об историческом романе Гаррисона «Теофано». Я возьми да и скажи, что из всех исторических романов этот самый лучший, что особенно сильно написан эпизод, в котором говорится о смерти героини, от него веет чем-то демоническим. Так этот самый достопочтенный

господин — он сидел как раз напротив меня — нет чтобы сразу признаться, что, мол, «не знаю», «не читал», стал говорить: «Да, да, это поистине великолепное место». Ну, я сразу же понял, что он, подобно мне, не читал этого романа.

У моего нервного впечатлительного хозяина глаза полезли на лоб:

– Ну, а если ты скажешь что-нибудь просто так, наобум, а твой собеседник читал об этом. Что тогда?

По-видимому, он считает, что вообще-то людей дурачить можно и неудобно бывает лишь тогда, когда тебя уличат во лжи.

Искусствовед, нисколько не смутившись, ответил:

– В таком случае бывает достаточно сказать, что спутал с какой-нибудь другой книгой или еще что-нибудь в этом роде, — и захохотал.

Хоть этот искусствовед и носит очки в золотой оправе, характером своим он очень походит на Куро. Хозяин молча курил, пуская кольца дыма, а выражение его лица как бы говорило: «Ну, сам-то я на такую дерзость ни за что бы не решился». В веселых глазах гостя угадывался ответ: «В таком случае тебе и рисовать нельзя». Вслух же он сказал:

– Однако шутки шутками, а живопись действительно очень сложная штука. Говорят, что Леонардо да Винчи заставлял своих учеников срисовывать пятна со стен храмов. Попробуй сам, когда идешь в уборную, повнимательнее присмотреться к стенам, на которых проступают пятна от сырости. Тогда увидишь, какие великолепные узоры рисует природа. Попробуй тщательно их срисовать, должно получиться что-нибудь интересное.

– Ты опять, наверное, меня обманываешь.

– Нет, нет, уж это-то правда. И потом, разве не оригинальная мысль? Как раз в духе да Винчи.

– И верно, оригинально, — уже наполовину сдавшись, сказал хозяин. Но переносить свою студию в уборную он, кажется, пока не собирался.

Вскоре после этого разговора я встретился с Куро. Он стал прихрамывать на одну лапу, его когда-то лоснящаяся шкурка потеряла свой блеск и облезла. Глаза, прежде казавшиеся мне прекраснее янтаря, гноились. Но самое главное — он утратил былую бодрость духа и здорово исхудал. А когда при последней нашей встрече среди чайных кустов я спросил его: «Как поживаешь, Куро?» — он ответил:

– Я по горло сыт и хориной вонью, и коромыслом хозяина рыбной лавки.

Сквозь ветви сосны было видно, как тихо, словно обрывки древних снов, на землю падают красные листья всевозможных оттенков, а розовые кусты дикорастущего чая, которые когда-то осыпали нас своими лепестками, стоят совсем голые. Наступила зима, дни пошли на убыль, в ветвях деревьев постоянно шумит ветер. И я уже не сплю подолгу на галерее.

Хозяин каждый день ходит в школу, а вернувшись домой, сразу же запирается в кабинете. Когда у него кто-нибудь бывает, он говорит, что ему надоело быть учителем. Рисует он теперь тоже редко. Как-то он сказал, что диастаза Така ему мало помогает, и совсем бросил ее пить. Дети, слава богу, все время ходят в детский сад. Придя домой, они поют, играют в мяч, иногда таскают меня за хвост. Кормят меня теперь гораздо хуже, не растолстеешь. Только благодаря своему хорошему здоровью я до сих пор не умер, но крыс все-таки не ловлю. И продолжаю ненавидеть служанку. Имени у меня по-прежнему нет. Но мало ли чего можно захотеть! Видно, так и придется мне прожить всю свою жизнь в доме этого учителя безымянным котом.

Глава II

В начале этого года мне удалось немного прославиться, и как хорошо, что теперь я, простой кот, могу хоть чуточку задрать нос.

В новогоднее утро хозяин получил открытку. Это было поздравление от какого-то художника, его товарища. Сверху открытка была красной, а снизу — темно-зеленой. Посередине же пастелью было изображено какое-то скорчившееся животное.

Хозяин заперся в кабинете, долго вертел открытку в руках, — то так на нее поглядит, то этак, а потом изрек: «Какой приятный цвет». «Пора бы кончать, сколько же можно восхищаться», — подумал я, но он снова и снова принимался разглядывать ее. Извиваясь всем телом, он то вытягивал руку и смотрел на открытку издалека, как смотрят старики в гадательные книги, то поворачивался к окну и подносил ее к самому носу. А я сидел на его трясущихся коленях и думал: «Скорее бы это кончилось, а то я, чего доброго, и свалиться могу, уж очень он разошелся». И тут хозяин тихо спросил: «А что же, собственно говоря, на ней нарисовано?» Цветом-то открытки он восхищался, а вот какое животное на ней изображено, он так и не понял и теперь, кажется, ломает над этим голову. «Неужели такая непонятная открытка», — подумал я и, деликатно приоткрыв глаза, взглянул на нее — несомненно, это был мой портрет! Навряд ли рисовавший его человек подражал подобно хозяину Андреа дель Сарто, но он был настоящим художником, и поэтому все в портрете было правильно — и очертания тела и окраска. Нарисовано было так здорово, что всякий, кто взглянет на открытку, сразу же скажет: «Ну конечно, это кот». А если у этого человека мало-мальски опытный глаз, ему стало бы ясно, что это не просто какая-то кошка, а именно я. Ломать голову над такой очевидной вещью — за одно это человек достоин жалости. Если бы я умел говорить, я бы сказал ему, что на открытке нарисован мой портрет. Да ладно уж, пусть он не узнает, что это именно мой портрет, лишь бы понял, что на открытке изображен кот, а не что-нибудь другое. Но люди — это такие существа, которым не дано понимать наш кошачий язык, и, как ни жаль, я ничем не мог ему помочь.

Хотелось бы обратить внимание читателей на то, что, к сожалению, у людей издавна повелось по любому поводу без всякого зазрения совести говорить обо мне пренебрежительно: «Кот, кот». Среди таких, как, скажем, учителя, которые, не замечая собственного невежества, ходят с самодовольным видом, существует представление, что из отходов, которые остались после производства человека, изготовили лошадей и коров, а уж из коровьего и лошадиного помета сделали кошек, но со стороны это кажется нелепостью. Ведь даже кошку так просто — тяп да ляп — не сделаешь. Стороннему наблюдателю может показаться, что кошки, все без исключения, не имеют своих индивидуальных, характерных особенностей, но стоит ему поближе познакомиться с кошачьим миром, и он увидит его во всей сложности и многообразии, а сказанные о людях слова: «Сто голов — сто умов» — в полной мере применимы к нам. Кошки отличаются друг от друга и выражением глаз, и формой носа, и цветом шерсти, и походкой. У всех кошек и усы растут по-разному, и уши торчат по-особому, не говоря уже о хвостах. Что ни возьми: красоту и уродливость, симпатии и антипатии, искушенность и неискушенность в жизни — во всех случаях можно сказать лишь одно: «Бесконечное разнообразие». И все же, несмотря на то что кошки отличаются друг от друга своими ярко выраженными особенностями, люди, к сожалению, этого не замечают, они не различают нас даже по чисто внешним признакам, не говоря уже о характерах. Еще бы, ведь они только и говорят что о росте, прогрессе и еще о чем-то, а поэтому их глаза постоянно устремлены в небо. С давних пор существует поговорка: «Свой своего разумеет», поэтому на моти есть мотия[16], а на кошачьи дела — кошка, и когда речь заходит о кошках, то никому, кроме самих кошек, этого не понять. Людям же, как бы далеко они ни ушли в своем развитии, это не под силу. Более того, если говорить правду, им трудно понять кошек еще и потому, что они далеко не так умны, как думают сами. А о таких, как мой хозяин, который не отличается состраданием к людям, и говорить не приходится, ведь он не понимает даже того, что полное взаимопонимание — непременное условие любви. Спрятался как упрямая улитка в своем кабинете и носа оттуда не кажет, словом ни с кем не перемолвится. Поэтому бывает весьма забавно смотреть, когда он делает вид, словно нет в мире более мудрого человека, чем он. А он вовсе и не мудр. Доказательством этому может служить хотя бы то, что он, разглядывая мой портрет, так ничего в нем и не понял. Однако он

счел необходимым напустить на себя важность и гордо изрек бессмысленную фразу: «Здесь, очевидно, нарисован медведь, поскольку наступил второй год войны с Россией».

Так размышлял я, лежа с закрытыми глазами на коленях у хозяина, как вдруг явилась служанка и подала хозяину еще одну открытку. На этой открытке были изображены сидящие за столом четыре кошки заморской породы. В лапах у них карандаши, перед глазами раскрытые книги. А еще одна кошка отплясывала на углу стола европейский вариант кошачьего танца «Ты говоришь, что я кошка». Вверху чернела сделанная японской тушью надпись: «Я — кот», а справа было даже написано хайку:

О первый день весны,
когда читают кошки книги
и пляшут вволю.

Эту открытку прислал бывший ученик хозяина, и хотя смысл ее можно было уразуметь с первого взгляда, мой глупый хозяин все еще, кажется, ничего не понимал, он только покачал головой и промолвил: «Как, разве сейчас год кошки?» Видимо, до него пока не дошло, что я так прославился.

А служанка тем временем принесла третью открытку, на этот раз без картинки. В ней говорилось: «Поздравляю с Новым годом», а сбоку была сделана приписка: «Покорнейше прошу извинить за беспокойство, но если вас не затруднит, то будьте любезны передать привет вашему коту». Даже хозяину, как бы он ни был глуп, станет понятно, когда написано так прямо. Наконец-то он, кажется, сообразил, в чем тут дело, и с возгласом удивления обратил взгляд в мою сторону. Выражение глаз у него в эту минуту было необычным, и мне показалось, что в них промелькнуло даже некоторое уважение. «Да это и понятно, — подумал я, — еще бы, ведь только благодаря мне мой доселе безвестный хозяин вдруг удостоился такой чести».

Как раз в эту минуту зазвенел колокольчик на воротах: «динь, динь, ди-и-инь». Гости, наверное. Пусть служанка или еще кто-нибудь встретит их. Я решил выходить, только когда приходит Умэко из закусочной, и поэтому продолжал спокойно сидеть на коленях у хозяина. А тот смотрел в сторону прихожей с таким беспокойством, словно оттуда вот-вот должен появиться, ну скажем, ростовщик. Казалось, ему очень неприятно принимать гостей и распивать с ними сакэ. Если бы у человека была только такая странность, то лучшего бы и желать не нужно. В таком случае уйди он пораньше из дому, и все в порядке. Но у хозяина на это не хватило смелости — сказалась натура улитки. Через некоторое время вошла служанка и доложила: «Кангэцу-сан[17] пожаловали». Этот Кангэцу тоже когда-то учился у хозяина, но теперь он уже окончил университет, и ходит слух, что во всех отношениях он более достойный человек, чем его учитель. Непонятно почему, но он частенько заходит к хозяину. Придет и говорит-говорит без умолку, да все о том, есть ли женщины, которые любят его, или нет, интересна жизнь или скучна; наговорит таких мрачных, с эротическим привкусом фраз и уходит. Я никак не возьму в толк, зачем это он приходит толковать о подобных вещах с таким сухарем, как мой хозяин, и очень забавно видеть, как этот человек-улитка внимательно слушает его и время от времени поддакивает.

– Давно уже не был у вас. По правде сказать, все собирался: «Зайду, зайду», — но с конца декабря у меня уйма дел, и в ваших краях не довелось побывать… — загадочно произнес гость, покручивая шнурок от хаори[18].

– А в каких же краях тебе пришлось бывать? — с серьезным видом спросил хозяин и начал теребить рукава своего черного хаори с гербами. Хаори было хлопчатобумажным, из-под его коротких рукавов на целых пять бу[19] выглядывало кимоно из шелка.

Кангэцу-кун засмеялся:

– Хе-хе-хе, да так, все в других краях…

И тут я заметил, что сегодня у него не хватает одного переднего зуба.

– Послушай, а что с твоим зубом. — Хозяин перевел разговор на другую тему.

– Да вот, ел в одном месте грибы…

– Что ел?

– Грибы. Только собрался было откусить шляпку, а зуб хруп! — и вылетел.

– Оказывается, о грибы можно сломать зубы. Что же это творится на белом свете! Ты как старик. Темой для хайку это еще может, наверное, стать, а в делах любовных никуда не годится, — промолвил хозяин, тихонько похлопывая меня ладонью по голове.

– А, это все тот же кот? Здорово он разжирел, теперь не уступит даже Куро. Хорош, — принялся нахваливать меня Кангэцу-кун.

– Да, за последнее время он сильно вырос, — ответил хозяин и с самодовольным видом похлопал меня по голове. От похвал я почувствовал прилив гордости, но голове было немного больно.

– Позавчера вечером мы устроили небольшой концерт, — вернулся Кангэцу-кун к первоначальному разговору.

– Где?

– Вам, наверное, не интересно знать где. Было очень мило — три скрипки, аккомпанемент на рояле. А когда скрипок целых три, то даже при плохом исполнении слушать все-таки можно. На двух играли женщины, а я затесался между ними. Мне даже показалось, что мы играли хорошо.

– Кто же эти женщины? — с завистью спросил хозяин. Обычно выражение его лица напоминало твердый заплесневевший сухарь, но он вовсе не был равнодушен к женщинам. Однажды он читал какой-то западный роман о человеке, который влюблялся почти в каждую женщину, с которой ему приходилось встречаться. Когда хозяин дошел до того места, где автор с иронией замечает: «Подсчитать, так он влюблялся немногим меньше, чем в семьдесят процентов встречавшихся ему на улице женщин», — он с восхищением воскликнул: «А ведь и правда!» Вот он какой, мой хозяин. И мне, коту, совсем не понятно, как может столь ветреный человек жить подобно улитке! Одни говорят, что он стал таким из-за несчастной любви, другие — что из-за больного желудка, а третьи — что по причине бедности и робкого характера. В конце концов неважно почему — ведь здесь речь идет не о человеке, который бы оказывал влияние на ход истории эпохи Мэйдзи[20]. Важно, что мой хозяин с завистью расспрашивал Кангэцу-куна о женщинах, с которыми тот имел дело.

А Кангэцу-кун между тем выловил из кутитори[21] кусочек рыбы, поднес его ко рту и с удовольствием впился в него зубами. Я боялся, как бы он не сломал себе еще один зуб, но на сей раз все обошлось благополучно. — А эти две барышни из благородных семей. Вы их не знаете, — произнес он безучастным тоном.

– Во-о-от… — протянул хозяин и, не досказав «как», задумался.

Кангэцу-кун, вероятно, решил, что наступил подходящий момент, и предложил:

– Погода сегодня хороша… Не пойти ли нам погулять, если вы, конечно, не заняты. В городе сегодня очень весело — Порт-Артур пал.

Некоторое время хозяин пребывал в раздумье. По лицу его было видно, что его больше интересуют эти женщины, чем падение Порт-Артура. И наконец, словно собравшись с силами, он решительно поднялся:

– Ну что ж, идем.

Прямо поверх черного хлопчатобумажного хаори с гербами он надел кимоно из цумуги[22] на вате. Кимоно это лет двадцать тому назад досталось хозяину в наследство, кажется, от старшего брата. Каким бы прочным ни было цумуги, оно не может носиться так долго. Местами кимоно проносилось настолько, что на свет можно было разглядеть дырочки, которые оставляла игла, когда с изнанки накладывались заплаты. И в праздники и в будни хозяин носил одну и ту же одежду. И дома и на людях он носил одно и то же кимоно. Когда ему нужно было куда-нибудь пойти, он просто засовывал руки за пазуху, вставал и шел. Я так и не понял, то ли у него не было другой одежды, то ли была, но он, считая переодевание слишком хлопотливым занятием, не носил ее. Я не думаю, что такое поведение — результат только несчастной любви.

Когда хозяин и его гость ушли, я немного поступился правилами приличия и доел оставшиеся у Кангэцу-куна на тарелке кусочки рыбы. В эту минуту я тоже был не обычным котом. Мне казалось, что я в полной мере обладаю достоинством, скажем, кота Момокава Дзёэн[23] или воровавшего золотых рыбок кота Грэя[24]. Таких, как Куро, я во внимание не принимаю. Вряд ли кто-нибудь упрекнет меня за то, что я съел какой-то кусочек рыбы. К тому же привычка есть в неурочное время, тайком от других, свойственна не только нам, кошкам. Наша служанка частенько, когда хозяйки нет дома, нарушая правила приличия, ворует и ест сладкие моти, а съев одно, тут же тянется за другим. Да не одна служанка. Такая привычка свойственна даже детям, хотя хозяйка повсюду раззвонила, что ее дочки получают прекрасное воспитание. Вот что случилось несколько дней назад. Дети проснулись страшно рано и, пока отец и мать еще спали, уселись друг против друга за обеденный стол. Обычно они каждое утро съедают по нескольку кусочков хлеба, — у нас его ест хозяин, — посыпанных сахаром, но в этот день сахарница стояла на столе, а возле нее лежали ложки. Рядом никого, кто бы дал им, как обычно, сахару, не оказалось, и старшая девочка недолго думая зачерпнула полную ложку песку и высыпала его к себе на тарелку. Младшая последовала примеру старшей сестры и сделала то же. С минуту они бросали друг на друга злобные взгляды, потом старшая зачерпнула еще одну полную ложку и высыпала к себе на тарелку. Младшая тут же взяла свою долю, стараясь не отставать от сестры. Старшая опять потянулась к сахарнице, но младшая не отставала. Как только старшая сестра протягивала руку к сахарнице, младшая бралась за ложку. Через несколько минут на тарелках у обеих образовались горки из сахара, а сахарница опустела. И как раз в этот момент из спальни, протирая глаза, вышел хозяин и пересыпал обратно в сахарницу только что вычерпанный оттуда сахар. Наблюдая за этой картиной, я подумал: «В чувстве равенства, которое основано на эгоизме, люди, может быть, превосходят кошек, а вот что касается ума, то тут они, наоборот, уступают кошкам. Чем накладывать такую гору сахара, лучше было бы съесть его побыстрее — и все». Но люди не понимают того, что я говорю, и мне только оставалось молча, с сожалением наблюдать за происходящим, сидя на охати[25].

Интересно, где гулял хозяин в тот вечер, когда он ушел из дому вместе с Кангэцу-куном? Вернулся он поздно вечером, к столу на другой день вышел только в девять часов. Я сидел все на том же охати и смотрел, как хозяин молча ел дзони[26]. Одна чашка дзони сменяла другую. Плававшие в дзони кусочки моти были невелики, но хозяин, съев всего шесть или семь кусочков, отложил хаси[27]: «Ну, хватит». Другим он ни за что не позволил бы оставить еду в миске, ему же, как главе семьи, все было можно. Он лишь поглядел самодовольно на плавающие в мутном соусе остатки подгоревшего моти и приобрел еще более важный вид. Когда хозяйка достала из стенного шкафчика и поставила на стол диастазу Така, он сказал:

– Не буду я ее пить, все равно не помогает.

– Послушайте, ведь говорят, что она очень хорошо действует, когда употребляешь пищу, где много крахмала, — принялась упрашивать его жена.

Но он заупрямился:

– Хоть крахмал, хоть что — не буду.

– До чего же вы непостоянны, — сказала хозяйка словно про себя.

– Что значит «непостоянный»? Это лекарство не помогает.

– Но вы же еще недавно говорили: «Действует, действует» — и пили его каждый день.

– Раньше действовало, а теперь не действует, — последовал ответ.

– Если то пить, то бросать, как вы, — нечего надеяться, что лекарство поможет, каким бы хорошим оно ни было. Наберитесь еще немного терпения, а то желудок ни за что не вылечите — ведь это не то что другие болезни, — сказала хозяйка и оглянулась на служанку, которая стояла подле нее с подносом в руках. Та сразу же стала на сторону хозяйки:

– И то правда. Попробуйте попить еще немного, а то и не узнаете, хорошее лекарство или плохое.

– Ну и ладно, сказал «не буду» — значит, не буду. И что могут понимать бабы, молчите уж лучше!

– Хорошо, пусть я буду баба, — сказала хозяйка и пододвинула диастазу к мужу, — очевидно, она все-таки решила настоять на своем. Хозяин, не говоря ни слова, поднялся и

ушел в кабинет. Жена и служанка переглянулись и рассмеялись. Я не решился последовать за хозяином в кабинет, чтобы там, по обыкновению, расположиться у него на коленях. Я опасался хозяйского гнева, а поэтому тихонько обошел дом со двора, поднялся на галерею и оттуда заглянул через щелочку в кабинет — хозяин сидел, раскрыв перед собой книгу, автора которой звали, кажется, Эпиктетом[28]. Ну, если на сей раз он разбирался в написанном как обычно, то он действительно умный человек. Через пять-шесть минут, как я и ожидал, он с шумом швырнул книгу на стол. Я продолжал внимательно следить за хозяином. На этот раз он достал дневник и написал следующее:

«Гулял вместе с Кангэцу в Нэдзу, Уэно, по Икэ-но-Хата и в окрестностях Канда. Перед чайным домиком, что на Икэ-но-Хата, гейша в новогоднем кимоно с красивыми узорами играла в волан[29]. Одежда-то у нее нарядная, но лицо такое страшное, вроде как у моего кота».

Наверное, можно было бы и не называть именно меня как образец страшилища. Пойди я в парикмахерскую «Китадоно» да побрейся там, — наверное, и не так бы уж сильно стал отличаться от человека. Вечно приходится страдать из-за людского зазнайства.

«Когда мы заворачивали за угол магазина „Хотан“, навстречу нам опять попалась гейша. У нее была очень хорошая фигура — стройная, плечи покатые. В своем скромном бледно-лиловом кимоно она выглядела весьма элегантной. Обнажив в улыбке белые зубы, она сказала: „Гэн-тян[30], вчера я была занята и поэтому…“ Голос у нее был хриплый, как у бродячей вороны, и она уже не казалась мне красивой. Было лень даже оглянуться, чтобы посмотреть, кто же такой этот Гэн-тян, и, не вынимая рук из-за пазухи, я вышел на Онаримити. Кангэцу-кун, кажется, куда-то спешил».

Ничто так не трудно для понимания, как человеческая психология. Попробуй-ка разберись, то ли хозяин сердится, то ли веселится, то ли ищет единственное утешение в трудах философа. Вот и я никак не возьму в толк: не то он сардонически смеется над этим миром, не то хочет целиком раствориться в нем, не то впал в раздражение при виде разных нелепостей, не то вообще отрешился от всего мирского. Кошки в этом отношении куда проще. Захочется есть — едят, захочется спать — ложатся спать, если злятся, так уж от души, если плачут — так отчаянно. И, главное, у кошек никогда не бывает таких ненужных вещей, как дневники, потому что в них нет никакой необходимости. У людей, живущих подобно моему хозяину двойной жизнью, может быть, и есть потребность хотя бы в дневнике выразить втайне от других те стороны своей натуры, которые нельзя выставлять напоказ. Что же касается нас, кошек, то я думаю, не стоит стремиться сохранить свой престиж ценой таких хлопот — ведь вся наша жизнь: и то, как мы ходим, как сидим и спим, и то, как испражняемся и мочимся — настоящий дневник. Куда лучше поспать на галерее, вместо того чтобы писать дневник.

«В Канда мы зашли в небольшой ресторанчик-беседку и там поужинали. После продолжительного перерыва я снова выпил несколько чашечек сакэ, и сегодня утром желудок совсем не болел. По-моему, при больном желудке самое лучшее — пить за ужином сакэ. Диастаза, безусловно, никуда не годится. Все, больше не буду ее пить, что бы там ни говорили. Если уж раньше не помогло, то теперь и подавно не поможет».

Что-то слишком он ополчился на диастазу. Точно бранится сам с собой. Как поругался утром с женой, так до сих пор не может успокоиться. Очевидно, в этом-то и состоит основная особенность человеческих дневников.

«Недавно А сказал, что моя болезнь может пойти на поправку, если я перестану завтракать. Попробовал несколько дней не позавтракать, — пользы никакой, только в животе бурчало. В посоветовал во что бы то ни стало отказаться от маринованных овощей. По его теории причина всех желудочных заболеваний кроется в соленьях. Он выдвинул такой довод: „Ты только перестань есть соленья, тогда иссякнет источник болезни и, несомненно, наступит полное выздоровление“. Я целую неделю даже не прикасался к маринованным овощам, но никакого особого улучшения не наступило, и недавно я снова стал их есть. Я обращался к С, и тот сказал: „Единственное, что может помочь — так это массаж живота. Но массаж не простой. Можно излечиться от большинства желудочных заболеваний, если тебя раз-другой помассируют старинным способом „Минагава“. Ясуи Соккэн[31] тоже очень любил этот вид массажа. И даже такой богатырь, как Сакамото Рюма[32], иногда прибегал к нему“. Я немедленно отправился к Каминэгиси, где и принял сеанс. Массировали меня жестоко да еще приговаривали: „Все кости не перемять — не поправишься, все кишки не перевернуть — не

выздоровеешь“. После такого массажа мышцы напоминают вату и возникает такое ощущение, как будто ты впал в летаргический сон. Я не мог этого вынести и решил отказаться от такого метода лечения. А-кун сказал: „Ни в коем случае не ешь грубую пищу“. Я попробовал целый день прожить на одном молоке. В животе булькало, и я всю ночь не сомкнул глаз, все думал: „Уж не наводнение ли началось?“ В-кун сказал: „Если дышать глубоко, всей грудью, то внутренности придут в движение, и, естественно, желудок будет работать хорошо. Попробуй и ты“. Испытал я более или менее и это средство, для живота от него было одно беспокойство. Время от времени я спохватывался и принимался усиленно дышать, вкладывая в это занятие всю душу, но через пять-шесть минут уже забывал о лечении. „Все, теперь уже больше не забуду“, — думал я, сосредотачивал все внимание на диафрагме и уже не мог ни читать, ни писать. Искусствовед Мэйтэй как-то застал меня за этим занятием и давай издеваться: „Мужчина в родовых схватках! Да брось ты это“. Я и бросил. С-сэнсэй[33] сказал, что при несварении хорошо помогает гречневая лапша. Я принялся поглощать ее в огромных количествах и в разных видах: и залитую соусом, и сваренную на пару. А толку никакого, только понос прохватил. Я перепробовал все возможные средства, чтобы излечиться от своего хронического несварения — все впустую. А вот три чашечки сакэ, выпитые вчера вместе с Кангэцу, подействовали. Теперь каждый вечер буду выпивать по две, по три чашки».

Навряд ли и это будет продолжаться долго. Настроение хозяина что цвет моих глаз — все время меняется. Такой уж он человек: за что бы ни взялся, никогда не доведет до конца. Всего же забавнее то, что на страницах дневника он беспокоится о своем желудке, а на людях делает вид, что абсолютно здоров. Недавно к нему приходил его товарищ, какой-то ученый. У этого ученого своеобразные взгляды на вещи. Он высказал предположение, что все наши болезни — это расплата за грехи предков и наши собственные. Видимо, он немало поработал над этой проблемой, потому что сумел вывести великолепную, стройную теорию с убедительными доводами. Жаль, хозяину не хватает ни ума, ни знаний, чтобы полностью опровергнуть эту теорию, однако он сам страдает от несварения желудка, а поэтому, видимо, решил как-нибудь доказать, что за ним нет никаких грехов, и тем самым поддержать свой престиж. «Твоя теория интересна, но и у Карлейля было несварение желудка», — невпопад вставил он таким тоном, словно оттого, что Карлейль страдал несварением желудка, и его собственное несварение удостоится почестей. Друг принялся распекать его: «Если Карлейль страдал несварением, то это еще не значит, что всякий желудочный больной сможет стать Карлейлем». Хозяину ничего не оставалось как промолчать. Даже смешно: уж такой тщеславный человек — и то, кажется, понимает, что лучше избавиться от несварения, и с сегодняшнего вечера начинает пить за ужином сакэ. Если хорошенько вдуматься, то и дзони он утром съел так много, наверное, потому, что вчера пропустил с Кангэцу-куном несколько чашечек сакэ. Мне тоже захотелось попробовать дзони.

Я — кот, но в еде неразборчив. Я не обладаю энергией, достаточной для того, чтобы, подобно Куро, совершать набеги на закусочную в переулке. Я, конечно, не могу сказать, что живу в такой же роскоши, в какой живет Микэ у учительницы игры на кото[34]. Вопреки ожиданиям, я ем все подряд. Я подбираю и крошки, которые падают на пол, когда дети едят хлеб, люблю полизать и сладкую начинку для моти. Маринованные овощи очень невкусны, но для того, чтобы иметь о них представление, я как-то даже съел два кусочка маринованной редьки. Как ни странно, я могу есть почти все. «И то не люблю, и это не нравится» — так привередничать можно только при роскошной жизни, а котам, живущим в доме учителя, так говорить не приходится. По словам хозяина, во Франции жил романист по имени Бальзак. Этот человек был очень привередлив… правда, привередлив не в смысле еды, а в отношении своих произведений, поскольку он был писателем. Однажды ему нужно было придумать имя для одного из персонажей его нового романа. Много имен он перебрал, но ни одно из них ему не понравилось. Вскоре к нему зашел друг и пригласил пойти прогуляться. Бальзак охотно принял приглашение, так как заодно надеялся подыскать наконец имя, над которым так долго ломал себе голову. Когда друзья шли по улице, Бальзак только и делал что смотрел на вывески магазинов. Но ни одно имя ему не нравилось. Так он ходил очень долго, таская за собой друга, который, ничего не понимая, покорно следовал за ним. Их путешествие по улицам Парижа продолжалось с утра до вечера. И уже на обратном пути Бальзаку вдруг бросилась в глаза вывеска на портняжной мастерской. На вывеске было написано имя «Маркус». Бальзак хлопнул в ладоши и воскликнул: «Вот оно, только оно, и никакое другое. Прекрасное имя: Маркус. Поставить перед ним инициал Z, и будет замечательно. А без Z нельзя. Z. Marcus! И правда здорово. В имени, которое придумываешь сам, всегда

чувствуется какая-то искусственность, каким бы подходящим оно тебе ни казалось. В том-то и беда. Наконец я нашел нужное имя». В этой, одному ему понятной, радости он совсем не замечал растерянного вида товарища. Очень хлопотливое это дело — давать имена героям романа: целый день нужно бродить по Парижу. Великая вещь — прихотливость, когда она проявляется в подобной форме, но когда живешь в доме человека-улитки, привередничать не приходится. Неприхотливость в еде тоже обусловлена моим положением. И дзони я решил сейчас поесть вовсе не потому, что мне его так захотелось. Просто руководствуясь правилом: «наедайся впрок, когда есть возможность поесть», я подумал: «А не осталось ли на кухне недоеденное хозяином дзони?… Схожу-ка на кухню…»

В чашке я обнаружил те же пригоревшие к дну кусочки моти, которые видел утром. Признаться, до сегодняшнего дня мне ни разу не приходилось есть моти. На вид оно казалось вкусным, но вместе с тем будило какую-то неуловимую тревогу. Передней лапой я царапнул лежавший сверху лист капусты и отодвинул его в сторону. К когтям прилипла корочка от моти. Понюхал — запах точь-в-точь какой бывает, когда сваренный рис перекладывают из котла в охати. «Съесть или не надо?» — подумал я и оглянулся по сторонам. К счастью, а может, к несчастью, поблизости никого не было. Кухарка, — она даже не нарядилась по случаю праздника, словно ей было безразлично, Новый год сейчас или нет, — играла в волан. Дети распевали в гостиной: «Что ты, зайчик, говоришь?» Ну, если съесть, то сейчас! Упущу случай, придется ждать до будущего года, так и не узнав, что собой представляет моти. И в эту минуту я, простой кот, постиг одну истину. «Редко выпадающий случай заставляет всех животных смело делать даже то, что им не нравится». По правде говоря, мне не так уж и хотелось дзони. Более того, чем больше я смотрел в чашку, тем тревожнее становилось у меня на душе, и не было никакой охоты приниматься за еду. Появись в это время на пороге черного хода кухарка или услышь я звуки приближающихся шагов детей, отвернулся бы от этой чашки безо всякого сожаления и не вспомнил бы, наверное, о дзони еще целый год. Но сколько я ни ждал, никто не пришел, никто. У меня было такое состояние, словно какой-то внутренний голос приказывал: «Ешь скорее, ешь». Продолжая заглядывать в чашку, я думал: «Хоть бы побыстрее кто-нибудь пришел». Но по-прежнему никто не приходил. Итак, нужно приниматься за дзони. И я, словно собираясь броситься в омут, ринулся к чашке, и в мгновение ока кусок моти оказался у меня во рту. Схватив моти столь стремительно, я должен бы был немедленно проглотить его, но, о ужас! оказалось, что я не могу отодрать моти от зубов. «Попробую-ка еще раз», — решил я, но на этот раз не смог даже двинуть челюстью. «В моти сидит дьявол», — догадался я, но было уже поздно. Подобно тому как человек, попавший в болото, погружается все глубже и глубже при каждой попытке выбраться из него, чем больше я старался избавиться от моти, тем труднее становилось раскрывать рот и двигать зубами. Как-то искусствовед Мэйтэй-сэнсэй сказал моему хозяину: «Тебя трудно раскусить». Хорошо сказано. Это моти, как и хозяина, трудно раскусить. Я старался изо всех сил, и мне уже начало казаться, что никогда, во веки веков, подобно делению десяти на три, моим мучениям не будет конца. И в этих мучениях я невольно познал вторую истину: «Все животные интуитивно чувствуют, что им враждебно, а что нет». Я уже открыл две истины, но из-за того, что во рту у меня застряло моти, не испытал никакой радости. Моти прочно завладело моими зубами, и это причиняло такую боль, словно у меня вытаскивали одновременно все зубы. Надо быстрее кончать с моти и бежать, а то явится кухарка. Пение детей тоже, кажется, стихло, не иначе сейчас они прибегут на кухню. Когда мучения достигли своего апогея, я принялся быстро вертеть хвостом, но это не приносило облегчения; тогда я стал двигать ушами: то поставлю их торчком, то плотно прижму к голове — и это не помогло. Подумал я немного и сообразил, что уши и хвост не имеют никакого отношения к моти. Короче говоря, я понял, что напрасно вертеть хвостом, напрасно ставить торчком уши, напрасно прижимать их к голове, и прекратил это занятие, Наконец меня осенило: «Освободиться от моти можно только при помощи передних лап». Прежде всего я поднял правую лапу и провел ею вокруг рта. Для того, чтобы оторвать моти от зубов, этого оказалось недостаточно. Тогда я вытянул правую лапу и попытался резко очертить ею круг, центром которого был рот. Но дьявол этой ворожбы не испугался. «Главное — терпение», — подумал я и принялся махать попеременно то левой, то правой лапой, но зубы по-прежнему были в тисках моти. «Ну и морока». Теперь я пустил в ход сразу обе лапы. И тут только, к своему удивлению, я обнаружил, что могу стоять на одних задних лапах. Возникло такое ощущение, словно я уже и не кот. «Разве в такую минуту имеет значение, кто я — кот или нет? Прежде всего нужно избавиться от дьявола в образе моти», — и, охваченный этим стремлением, я принялся неистово царапать себе морду. Движения моих передних лап были очень резкими, и я то и дело терял равновесие и чуть не падал. Чтобы не упасть, приходилось

все время переступать задними лапами, поэтому я не мог оставаться на одном месте и носился по кухне — взад-вперед, взад-вперед. «Я, и вдруг могу так ловко стоять на задних лапах», — подумал я. В голове стремительно и отчетливо возникла третья истина: «Когда грозит опасность, ты способен сделать то, чего ни за что не сделаешь в обычных условиях. Это называют божьей помощью». Осчастливленный божьей помощью, я изо всех сил продолжал сражаться с дьяволом, что сидел в моти. Но что такое? Послышались шаги, я почувствовал, что кто-то направляется к кухне. «Ужасно, если меня здесь застанут», — подумал я и забегал по кухне, распаляясь еще больше. Шаги приближались все быстрее. Какая жалость, чуть-чуть не хватило божьей помощи. Вот дети увидели меня. «Ой, посмотрите! Наелся дзони и теперь танцует», — громко закричали они. Кухарка первая услышала их. Отшвырнув волан и ракетку, с криком «ах разбойник!» она бросилась в дом через черный ход. Появилась хозяйка в крепдешиновом кимоно с гербами и промолвила: «Какой гадкий кот». Даже хозяин вышел из кабинета и сказал: «Черт бы тебя побрал». Только дети кричали: «Интересно, интересно». Потом все, словно сговорившись, громко расхохотались. Я задыхался от гнева и горечи, казалось, силы вот-вот покинут меня, а я все продолжал танцевать по кухне. Постепенно смех начал стихать, но тут девочка, та, которой было пять лет, сказала: «Мама, а кот-то совсем глупый», — и тотчас же подобно всплескам, которые бывают на море уже после того, как утихнет буря, раздался новый взрыв хохота. Мне много раз приходилось быть свидетелем неблаговидных человеческих поступков, но еще ни разу я не испытывал к людям такой ненависти, которая возникла у меня в душе в этот момент. В конце концов божья помощь меня обманула, я вернулся в свое обычное положение, то есть опустился на четыре лапы, и почувствовал такую усталость, что закатил глаза. Хозяину, конечно, не хотелось, чтобы я умер у него на глазах, и он приказал кухарке: «Вытащи у него изо рта моти». Та взглянула на хозяйку, как бы спрашивая: «Может, не трогать его, пусть еще потанцует!» Хозяйке хотелось еще посмотреть, как я танцую, но она боялась стать причиной моей гибели, поэтому промолчала. «Вынимай, а то сдохнет — скорее вынимай», — и хозяин снова оглянулся на кухарку. Кухарка с равнодушным видом, словно пробудившись от волшебного сна, подошла ко мне, схватила меня за морду и вытащила моти. Я не Кангэцу-кун, но мне показалось, что я лишился передних зубов. А о том, что было нестерпимо больно, и говорить не приходится, ведь кухарка дернула моти вместе с прочно завязшими в нем зубами. «Путь к удовольствиям лежит через страдания», — познал я на собственном опыте четвертую истину и как ни в чем не бывало огляделся по сторонам. Вокруг никого уже не было, все ушли в гостиную.

После такого конфуза я не мог оставаться дома ни минуты, стоило этой жестокой женщине кухарке только взглянуть в мою сторону, как сразу же на душе у меня становилось очень скверно. «Пойду-ка лучше навещу Микэко, что живет в тупичке, у учительницы музыки, развлекусь немного», — решил я и вышел из кухни. Микэко — известная во всей нашей округе красавица. Я всего лишь кот, но в общих чертах понимаю, что такое чувства. Когда, насмотревшись на кислую физиономию хозяина и натерпевшись оскорблений от кухарки, я бываю в подавленном настроении, то обязательно отправляюсь к этому товарищу другого пола, и мы подолгу беседуем о разных вещах. И на сердце незаметно становится легче, забываются все невзгоды и печали, словно заново рождаешься на свет. Великая вещь — женское общество! «Дома ли она?» — подумал я и заглянул через отверстие в изгороди из посаженных плотно друг к другу криптомерии. Микэко чинно восседала на галерее, по случаю праздника на шее у нее был повязан новый бант. Невозможно выразить словами, как изящен был изгиб ее спины. Воплощение красоты кривой линии! Трудно подобрать правильные сравнения, чтобы описать и плавно изогнутый хвост, и мило подобранные лапки, и то, как она время от времени лениво поводила ушами. Оттого что Микэко, видимо, пригрелась на солнышке и вообще отличалась благородной сдержанностью, она сидела очень спокойно и прямо. И все-таки волоски ее прекрасной шкурки, такой гладкой, что ее легко можно принять за бархат, едва заметно колыхались при полном безветрии, искрясь в ярких лучах весеннего солнца. Очарованный ее красотой, я некоторое время безмолвно смотрел на нее. Потом пришел в себя и, помахивая передней лапой, тихонько позвал: «Микэко-сан, Микэко-сан». Микэко воскликнула: «Ах, сэнсэй!» — и спустилась с галереи. «Динь, динь», — зазвенел бубенчик, привязанный к ее красивому банту. Пока я, охваченный восхищением, думал: «О! На Новый год даже бубенчик привязали, очень приятный звук», — Микэко приблизилась ко мне. «Поздравляю вас с Новым годом, сэнсэй», — сказала она и слегка повела хвостом влево. Когда мы, кошки, обмениваемся приветствиями, то поднимаем хвост трубой, а потом вертим им влево. Во всем нашем квартале только Микэко зовет меня «сэнсэем». Как я уже говорил вначале, у меня еще нет имени, но я живу в доме учителя, и

поэтому Микэко уважает меня и называет сэнсэем. Я тоже не возражаю, когда меня называют сэнсэем, и с удовольствием откликаюсь на это имя.

– Поздравляю, поздравляю, — ответил я. — Ваш туалет просто изумителен.

– Это мне госпожа учительница купила в конце прошлого года. Правда, неплохо? — И она дернула бубенчик.

– Прекрасный звук! Я отродясь не видывал такой замечательной вещицы.

– Ах что вы! Сейчас все носят такие. — «Динь, дунь», — снова зазвенел бубенчик. — Хороший звук. Я так рада. — «Динь, динь, динь, динь». Бубенчик звенел не переставая.

– Видно, ваша хозяйка очень любит вас, — произнес я. За этой фразой скрывалось то смешанное чувство восхищения и зависти, которое охватило меня, когда я сравнил жизнь Микэко со своей.

В ответ наивная Микэко сказала:

– Да, вы угадали, она любит меня совсем как собственного ребенка.

И она простодушно рассмеялась.

Даже кошки могут смеяться. Люди ошибаются, когда думают, что, кроме них, это никому не доступно. Когда я смеюсь, ноздри у меня принимают форму треугольников, а кадык начинает трястись мелкой дрожью. Ну, где же людям заметить это!

– А кто она, собственно говоря, ваша хозяйка?

– Вы спрашиваете, кто моя хозяйка? Странно. Она госпожа учительница. Она обучает игре на тринадцатиструнном кото.

– Это-то и я знаю. Я спрашиваю, из какой она семьи. Во всяком случае, раньше она, наверное, занимала в обществе высокое положение?

– О да!

«Пока я ждала тебя, низкая сосна…» Это за сёдзи[35] заиграла на кото госпожа учительница музыки.

– Хороший голос, — гордо промолвила Микэко.

– Кажется, неплохой, но я не очень-то разбираюсь. Вообще, что это?

– Это? Вы спрашиваете, что это такое? Госпожа учительница очень любит эту вещь… Госпоже учительнице уже шестьдесят два. Очень хорошее здоровье, правда?

Раз дожила до шестидесяти двух лет, то, конечно, здоровье должно быть хорошим. Я только протянул: «О-о!» — и замолчал, но что поделаешь, раз я так и не смог придумать какого-нибудь более вразумительного ответа.

– И все-таки она очень знатного происхождения. Она всегда говорит об этом.

– А какого же?

– О, она дочь племянника матери мужа младшей сестры личного секретаря Тэнсёин-сама[36].

– Что, что?

– Мужа младшей сестры личного секретаря Тэнсёин-сама…

– Ага. Подождите немного. Личного секретаря младшей сестры Тэнсёин-сама…

– Ах, нет! Младшей сестры личного секретаря Тэнсёин-сама.

– Ладно, понял. Значит, Тэнсёин-сама?

– Да.

– Личного секретаря?

– Правильно.

– За которого вышла замуж…

– Младшая сестра которого вышла замуж!

– Да, да, я ошибся. Мужа младшей сестры…

– Матери племянника дочь!

– Матери племянника дочь?

– Да. Теперь, кажется, поняли?

– Нет. Все что-то перепуталось, никак не соображу. В конце концов кем же она приходится Тэнсёин-сама?

– Какой вы непонятливый. Она дочь племянника матери мужа младшей сестры личного секретаря Тэнсёин-сама, я же с самого начала ясно сказала.

– Это-то я понял…

– Большего от вас и не требуется.

– Да, да.

Мне ничего не оставалось, как только сдаться. Иногда так складываются обстоятельства, что приходится без зазрения совести врать.

Многострунное кото за сёдзи вдруг смолкло, и послышался голос учительницы: «Микэ! Микэ! Обедать!»

Микэко радостно воскликнула:

– Госпожа учительница зовет. Я пойду, ладно? Не говорить же мне: «Не ходите».

– Приходите опять, — сказала она и, позвякивая бубенчиком, пробежала через двор, но потом быстро вернулась и с беспокойством спросила:

– Вы очень плохо выглядите. Что-нибудь случилось?

– Ничего особенного. Просто от разных дум голова немного разболелась. Вот я и пришел сюда: думаю, поговорю с вами и все пройдет.

Не мог же я рассказать ей о том, как танцевал с моти во рту.

– Да? Смотрите же, берегите здоровье. До свиданья.

Ей, кажется, было чуточку жаль расставаться со мной, и после истории с дзони я впервые почувствовал себя легко и бодро. У меня было отличное настроение. Я решил вернуться домой через уже знакомый читателю чайный садик. Ступая по тающим иглам инея, я пробрался к такому же забору, как у храма Кэн-ниндзи и, просунув голову через дыру в нем, увидел Куро, который, как обычно, сидел выгнув спину на засохшем кусте хризантемы и сладко позевывал. Теперь я уже был не тот, что раньше, и не дрожал от страха при одном виде Куро, но мне не хотелось разговаривать с ним, и я попытался пройти мимо, будто вовсе и не знаком с ним. Но не такой у Куро характер, чтобы сделать вид, словно он не замечает презрительного к нему отношения.

– Ну ты, серость безыменная! Не кажется ли тебе, что в последнее время ты уж слишком стал заноситься. Нечего ходить с такой спесивой рожей, хоть ты и жрёшь учительские харчи. Не валяй дурака.

Куро, видимо, еще не знал, что я стал знаменитостью. Я хотел было рассказать ему об этом, но потом подумал, что он все равно ничего не поймет, и решил, что лучше просто поздороваться с ним, а потом как можно быстрее откланяться.

– А, Куро-кун. Поздравляю с Новым годом. Ты, я вижу, бодр, как всегда, — сказал я и, подняв хвост, повел им влево. Куро же только поднял хвост, но махать им в знак приветствия не стал.

– Что, поздравляю? Я хоть на Новый год дурак, а такие, как ты, целый год ходят в дураках[37]. Ты смотри, у меня не очень-то, рыло — кузнечный мех.

«Рыло — кузнечный мех» — это, кажется, ругательство, но я не понимаю, что оно значит, и поэтому спросил:

– Прости, пожалуйста, но что такое «рыло — кузнечный мех»?

– Вот так так, тебя ругают, а ты еще спрашиваешь, что это означает. Сказано, дурак новогодний.

«Дурак новогодний» — это ругательство хотя и звучит поэтично, но еще более непонятно, чем «кузнечный мех». Хотел было осведомиться и об этом, но ведь все равно, сколько ни спрашивай, вразумительного ответа не получишь, а поэтому я продолжал молча стоять перед Куро. Мне уже все это начинало надоедать, как вдруг послышался визгливый голос хозяйки Куро. Она громко вопила: «Ой, а где же лососина, которую я положила на полку? Вот несчастье! Опять этот чертов Куро украл. Вот паршивец! Пусть теперь только вернется!» Эти крики бесцеремонно сотрясали разлитую в воздухе тишину ясного весеннего дня и нарушали всю прелесть «августейшего царствования, когда ни одна ветвь на деревьях не шелохнулась»[38]. Куро скорчил дерзкую гримасу, словно желая сказать: «Ругаешься? Ну, ну, ругайся сколько влезет», — и, выставив вперед квадратный подбородок, подмигнул мне: дескать, слыхал? Тут я увидел, что в ногах у него валяются покрытые грязью остатки лосося, каждый кусок которого стоил примерно две сэны и три рина[39]. Я был настолько обескуражен встречей с Куро, что только теперь заметил, чем лакомился мой грозный сосед.

– А ты занимаешься своим прежним ремеслом! — с невольным восхищением воскликнул я, позабыв весь предыдущий разговор. Но даже после этого настроение у Куро нисколько не улучшилось.

– Чем это я занимаюсь? Ах ты сукин сын! Подумаешь, стащил кусок-другой лососины, так уж «прежним ремеслом»! Ты давай поменьше оскорбляй других. Позволю себе напомнить, что я все-таки Куро рикши.

И он начал скрести против шерсти свою правую переднюю лапу, от когтей и до самого плеча. Это означало, что он засучивает рукава.

– Мне давно известно, что ты Куро-кун.

– А если известно, так почему говоришь «занимаешься своим прежним ремеслом»? Почему, спрашиваю, — вызывающим тоном — заговорил Куро. Будь мы людьми, он уже давно схватил бы меня за грудь и отхлестал бы по щекам. Я немного перетрусил и про себя подумал: «Ну и попал же я в переплет», — но тут тишину снова нарушил голос хозяйки Куро: «Послушай, Нисикава-сан! Нисикава-сан! Дело есть. Сейчас же тащи кин[40] говядины! Понял? Один кин говядины, только не жесткой».

– Ха, берет говядину раз в год, а орет так, что уши режет. Решила похвастаться перед соседями: смотрите, мол, целый кин говядины покупаю. Просто беда с этой глупой бабой.

Не переставая злословить, Куро вытянул все четыре лапы. Я уже не знал, что говорить, и молча смотрел на него.

– Подумаешь, кин! Да там и смотреть не на что. Ну уж ладно. Пойду съем хоть это, как только принесут, — произнес Куро таким тоном, словно мясо заказывали специально для него.

Чтобы побыстрее от него отделаться, я сказал:

– Вот угощение так угощение. Просто здорово.

– Не твое дело. Замолчи лучше. Надоел! — ответил Куро и вдруг начал задними лапами швырять мне в голову комки мерзлой земли. Пока, весь дрожа от испуга, я отряхивал с себя грязь, Куро пролез под забором и куда-то исчез. Наверное, отправился следить, когда Нисикава вернется с говядиной.

Когда я пришел домой, в гостиной было необычно светло, совсем по-весеннему, и даже смех хозяина звучал весело. «Что с ним случилось?» — подумал я и, войдя в дом через распахнутую настежь дверь, приблизился к хозяину. У нас был гость, которого раньше мне видеть не приходилось. Волосы у него были разделены аккуратным пробором, хлопчатобумажное хаори с гербами было заправлено в штаны из грубой ткани. Своим видом он очень походил на прилежного ученика. На углу стоявшей перед хозяином грелки для рук рядом с лаковым портсигаром я заметил визитную карточку, на которой было написано: «Имею честь рекомендовать Вам Оти Тофу-куна. Мидзусима Кангэцу». Теперь я знал и имя гостя и то, что он был приятелем Кангэцу-куна. Я пришел в самый разгар их беседы и только поэтому не понял, о чем шла речь. Во всяком случае, они, кажется, говорили об искусствоведе Мэйтэй-куне, с которым я уже познакомил читателей раньше.

– И он сказал: «У меня есть забавная идея, давайте обязательно сходим туда вместе», — спокойным тоном продолжал гость свой рассказ.

– Какая же это идея? Насчет того, чтобы пообедать в европейском ресторане?

Хозяин долил в чашку чаю и пододвинул ее гостю.

– Тогда-то и я не понял, что у него за идея, но думал, раз уж он говорит, то, должно быть, что-то интересное…

– И вы, значит, пошли вдвоем? Ну, ну.

– Однако произошло нечто удивительное.

«То-то же», — чуть было не сказал хозяин, но промолчал и лишь тихонько похлопал ладонью по моей голове. Мне было не много больно.

– Опять какой-нибудь дурацкий фарс. У него есть такая привычка.

Хозяин вдруг вспомнил случай с Андреа дель Сарто.

– Да как вам сказать. Он спросил: «Ты бы съел чего-нибудь необыкновенного?»

– И что же вы ели?

– Первым делом мы просмотрели меню и поговорили о разных блюдах.

– Еще до того, как заказать?

– Да.

– Потом?

– А потом он задумчиво покачал головой и, глядя на официанта, сказал: «Кажется, у вас нет ничего необыкновенного?» — на что официант возразил: «А что вы думаете насчет утиного филе или телячьей отбивной?» Сэнсэй ответил: «Шли бы мы сюда специально из-за таких банальных вещей». Официант не понял слова «банальные» и только молча хлопал глазами.

– Еще бы.

– Потом сэнсэй повернулся ко мне и горячо заговорил: «Поехал бы ты во Францию или в Англию. Вот где можно поесть разных кушаний, хочешь в стиле стихов эпохи Тэммэй[41], хочешь — в стиле Манъёсю[42]. А в Японии что: куда ни пойди — написано одно, а на деле выходит совсем другое. Даже заходить не хочется в наши европейские рестораны…» А вообще разве он бывал когда-нибудь за границей?

– Что? Был ли Мэйтэй за границей? Да что ему, деньги есть, время есть, может поехать когда вздумается. Наверное, сейчас он как раз собирается туда, вот и вздумал пошутить немного: выдал будущее за прошлое. — И хозяин, решив, что сказал что-то очень остроумное, засмеялся заразительно, словно приглашал собеседника последовать своему примеру. Но гость отнюдь не пришел в восторг.

– Вот оно что, — произнес Тофу-кун. — А я-то думал, что ему приходилось бывать за границей, и принимал его слова всерьез. К тому же он так образно рассказывал о супе из улиток и о тушеных лягушках, словно видел их своими глазами.

– Это кто-нибудь ему рассказал. Он большой мастер врать.

– Да, вы, кажется, правы, — вздохнул гость и принялся рассматривать стоявшие в вазе цветы водяного лука. Кажется, он немного расстроился.

– Так, значит, вся его идея заключалась в этом? — вывел его из задумчивости хозяин.

– Нет, это только прелюдия, главное будет дальше.

– Ну, ну! — с любопытством воскликнул хозяин.

– Потом он сказал: «Раз мы при всем своем желании не можем отведать ни улиток, ни лягушек, то не остановиться ли нам, так уж и быть, на тотимэмбо? Как ты думаешь?» — «Хорошо», — ответил я, ничего не подозревая.

– Гм, тотимэмбо. Странное блюдо.

– Вот именно, очень странное, но сэнсэй был так серьезен, то у меня не возникло и тени сомнения.

Гость словно извинялся перед хозяином за свою оплошность. Но тот холодно спросил:

– Что было потом?

Признание гостем своей вины не вызвало в нем ни малейшего сочувствия.

– Потом он сказал официанту: «Эй, принеси-ка нам две порции тотимэмбо». — «Мэнтибо?»[43] — переспросил официант, но сэнсэй с еще более серьезным видом поправил его: «Не мэнтибо, тотимэмбо».

Ну и ну. Да разве есть вообще такое блюдо: «тотимэмбо»?

– Мне и самому это название показалось удивительно странным, но сэнсэй сохранял полное самообладание. К тому же он читал себя знатоком Европы, и тогда я еще верил, что он бывал а границей. Поэтому я присоединился к нему и тоже принялся втолковывать официанту: «Тотимэмбо, тотимэмбо».

– А официант что?

– Официант, — и сейчас, как вспомню, не могу удержаться от меху, — официант задумался на минуту, а потом сказал: «Я очень и очень сожалею, но тотимэмбо сегодня нет. Вот если бы мэнтибо, так сию же секунду принес бы две порции». Сэнсэй с печальным видом промолвил: «Ну вот, без толку шли в такую даль. Так, значит, ты нас так и не сможешь накормить тотимэмбо?» — и дал официанту двадцатисэновую монету. «Может быть, сейчас что-нибудь придумаем, пойду посоветуюсь с поваром», — сказал официант и убежал на кухню.

– Уж очень, видно, Мэйтэю хотелось тотимэмбо.

– Вскоре официант вернулся и сказал: «Если хотите, можно приготовить, но, к сожалению, придется немного подождать». Мэйтэй-сэнсэй сразу успокоился. «Все равно Новый год, времени у нас много, можем и подождать», — произнес он и, достав из кармана сигару, принялся попыхивать ею. Мне тоже ничего другого не оставалось, как вынуть из-за пазухи газету и погрузиться в чтение. Официант тем временем снова удалился на совещание с поваром.

– Ну и морока же, — сказал хозяин. Он слушал с таким интересом, будто читал сообщение о ходе военных действий, и даже весь подался вперед.

– Но вот снова появился официант и с грустным видом сообщил: «В последнее время стало очень трудно доставать продукты для тотимэмбо. Мы не смогли купить их ни в одном магазине. Так что, как ни печально, некоторое время этого блюда не будет». Сэнсэй, глядя на меня, несколько раз повторил: «Плохо, плохо. Шли сюда специально, и вот…» Я тоже не мог оставаться равнодушным и принялся вторить ему: «Прискорбно».

– И то правда, — согласился хозяин. Я так и не понял, что именно «правда».

– Официант тоже казался опечаленным. «Если в ближайшее время достанем продукты, — сказал он, — тогда прошу». Когда же сэнсэй спросил его: «Из чего вы готовите тотимэмбо?» — он только засмеялся, но ничего не ответил. «Из поэтов из „Нихонха“[44], наверное?» — не унимался сэнсэй, на что официант сказал: «Да, да, вот именно. Сейчас даже в Иокогаме не достанешь, очень сожалею».

– Ха-ха-ха! Это конец? Забавно, — как никогда громко расхохотался хозяин. Колени его тряслись, и я чуть было не свалился а пол. Нисколько не считаясь с этим, хозяин продолжал смеяться. Он сразу повеселел, когда узнал, что не один он стал жертвой Андреа дель Сарто.

– Когда мы вышли на улицу, сэнсэй самодовольно сказал: «Ну как, здорово получилось? Эти разговоры вокруг Тоти Мэмбо[45], наверное, звучали очень забавно?» — «Я просто в восторге», — ответил я, и мы расстались. Время обеда давно прошло, я страшно проголодался и чувствовал себя скверно.

– Это уже неприятно, — впервые посочувствовал ему хозяин. Против этого и я ничего не могу возразить. Их разговор на некоторое время прервался, и в комнате было слышно только мое мурлыканье.

Тофу-кун одним глотком допил остывший чай и снова заговорил, на этот раз уже официальным тоном:

– Собственно говоря, я сегодня зашел потому, что у меня к вам, сэнсэй, есть небольшая просьба.

Хозяин тоже напустил на себя важный вид и спросил:

– А, какое-нибудь дело?

– Как вам, наверное, известно, я люблю литературу и искусство, а поэтому…

– Ну и прекрасно, — подзадорил его хозяин.

– Недавно я и мои товарищи организовали кружок декламации. Мы решили собираться один раз в месяц и заниматься исследованиями в этой области. В конце прошлого года даже состоялось первое занятие.

– Извините, я перебью вас, но когда вы говорите «кружок декламации», то можно подумать, что вы там читаете как-то по-особому разные виды стихов и прозы. Как у вас вообще это все происходит?

– Мы думаем начать с произведений классиков и постепенно дойти до творчества, скажем, членов кружка.

– Из произведений классиков, наверное, такие, как, например, «Лютня» Бай Лэ-тяня?[46]

– Нет.

– Или что-нибудь вроде «Сюмпубатэйкёку» Бусона?[47]

– Нет, нет.

– Что же тогда?

– Недавно мы читали одно из синдзюмоно Тикамацу[48].

– Тикамацу? Это тот самый Тикамацу, что писал дзёрури?

«Второго Тикамацу никогда не было. Если говорят о Тикамацу, то, значит, речь идет именно о Тикамацу-драматурге. До чего же туп мой хозяин, если он даже такие вещи переспрашивает», — подумал я. Но хозяин ничего не подозревал и легонько гладил меня по голове. «Ну, ошибся, не беда. Кто не ошибается — ведь встречаются даже люди, которые хвастают, что их любит косоглазый», — решил я и позволил хозяину ласкать меня и дальше.

– Да, тот, — ответил Тофу-кун и пристально взглянул хозяину в лицо.

– И как вы это делаете? Один читает все подряд или вы распределяете роли?

– Мы попробовали распределить роли и читать как диалоги. Основная наша цель — вжиться в образы этих произведений и как можно полнее раскрыть их характеры. При этом мы пользуемся мимикой и жестами. Что же касается самого чтения, то главное — по возможности ярче показать людей той эпохи, чтобы персонажи, будь то барышня или мальчик на побегушках, получались как живые.

– О, да там у вас чуть ли не настоящий театр.

– Пожалуй. Правда, без костюмов и декораций.

– И, извините за любопытство, хорошо получается?

– Думаю, что для первого раза вполне удачно.

– Так что это за «синдзюмоно», о котором вы только что говорили?

– Это как раз то место, где говорится о том, как лодочник везет гостя в район публичных домов Ёсивара.

– Ну и сцену же вы выбрали, — произнес хозяин, слегка наклонив голову, — недаром он был учителем. Облачко табачного дыма, вылетевшее при этом у него из носа, коснувшись ушей, расплылось вокруг лица.

– Да что вы, не такая уж она трудная, — невозмутимо ответил Тофу-кун. — Ведь в ней участвуют всего лишь гость, лодочник, гетера, накаи, яритэ и кэмбан.

Услыхав слово «гетера», хозяин слегка поморщился. О том, что значат слова «накаи», «яритэ», «кэмбан», он, видимо, не имел ясного представления и поэтому первым делом спросил:

– Накаи — это все равно что служанка в доме терпимости?

– Мы еще не приступили к глубокому изучению этого вопроса, но, по-моему, накаи — это служанка при доме свиданий, а яритэ — нечто вроде советницы по делам женской комнаты.

Всего несколько минут назад Тофу говорил: «Мы стараемся подражать артистам, чтобы герои пьес получились как живые», — но он так, кажется, хорошенько и не понял, что представляют собой яритэ или накаи.

Значит, накаи состоит при чайном домике, а яритэ обитает в доме терпимости? Дальше. Кэмбан — это человек? Или этим словом обозначается какое-то определенное заведение? И если человек, то мужчина или женщина?

Мне кажется, что кэмбан — это все-таки мужчина.

– Чем же он занимается?

– Столь далеко мы пока не зашли в своих исследованиях. Постараемся в ближайшее время выяснить.

«Какая же чепуха, должно быть, получилась, когда вы читали свои диалоги», — подумал я и взглянул хозяину в лицо. К моему удивлению, оно было серьезным.

– Кто еще, кроме вас, состоит в декламаторах?

– Да разные люди. Гетеру читал К-кун, юрист. Правда, он носит усы, а говорить ему нужно слащавым женским голоском. Поэтому получилось немного странно. К тому же по ходу действия у гетеры должен разболеться живот…

– Неужели даже это необходимо при декламации? — с тревогой в голосе спросил хозяин.

– Конечно. Ведь как-никак эмоциональная выразительность — самое главное.

Тофу считал себя глубоким знатоком литературы.

– И как, удачно болел у него живот? — сострил хозяин.

В первый раз эта сцена ему не вполне удалась, на то и болезнь, — тоже пошутил Тофу.

– Кстати, какая роль досталась тебе?

– Я был лодочником.

– Ах, лодочником, — протянул хозяин таким тоном, словно хотел сказать: «Уж если ты играешь лодочника, то с такой ролью, как кэмбан, даже я справлюсь». Тут же он дал понять, что нисколько не обольщается насчет драматического таланта Тофу: — Трудно было тебе играть лодочника?

Тофу, кажется, не рассердился. По-прежнему сохраняя самообладание, он произнес:

– Начал я своего лодочника за здравие, а кончил за упокой, хоть и сам выбрал эту роль. Дело в том, что по соседству с домом, где собрался наш кружок, квартирует несколько девушек-студенток. Они как-то проведали, — не пойму, как им это удалось, — что состоится собрание кружка, пробрались под окна нашего дома и стали слушать. Я читал свою роль с большим вдохновением, как заправский артист, бурно жестикулируя. Я настолько вошел в роль, что подумал: «Теперь пойдет как по маслу», и в этот самый момент… По-видимому, я слишком перестарался, и студентки, которые до этого кое-как терпели, наконец не выдержали и громко расхохотались. Не приходится говорить, как я растерялся, смутился и, сбитый с толку, уже ни за что не мог продолжать. На этом нам и пришлось разойтись.

Я не мог удержаться от смеха, когда представил себе, что у них будет называться провалом, если они считают, что на первый раз все обошлось благополучно, и невольно замурлыкал. Хозяин все нежнее и нежнее гладил меня по голове. Приятно быть обласканным человеком как раз в ту минуту, когда смеешься над людьми, но в этом есть и что-то жуткое.

– О, это ужасно, — проговорил хозяин. Новый год, а он произносит надгробные речи.

– В следующий раз мы постараемся, чтобы репетиция прошла еще более успешно, потому-то я и пришел сегодня к вам. Дело в том, что мы просим вас стать членом нашего кружка и принять участие в декламациях.

– Но ведь я ни за что не сумею изобразить боли в животе, ни за что, — начал отнекиваться мой флегматичный хозяин.

– Ничего, пусть даже без этого. Вот у меня список лиц, оказывающих нам покровительство.

Тофу с торжественным видом развязал фиолетовый платок и вынул оттуда тетрадь размером с листок ханагами[49].

– Запишите, пожалуйста, свою фамилию и поставьте печать, — сказал он и, раскрыв тетрадь, положил ее перед хозяином. Я увидел имена знаменитых профессоров литературы и ученых-литераторов, расположенные в строгом соответствии с этикетом. Улитка-сэнсэй казался очень обеспокоенным.

– Я ничего не имею против того, чтобы записаться в число ваших покровителей, — сказал он. — Но какие у меня будут обязанности?

– Никаких особых обязанностей у вас не будет. Достаточно, чтобы вы вписали свое имя.

Узнав, что он не будет обременен никакими обязанностями, хозяин облегченно вздохнул:

– В таком случае я записываюсь.

Лицо его изображало готовность сделаться даже участником антиправительственного заговора, знай он только, что это не повлечет за собой никаких лишних хлопот. Кроме того, соблазн поставить свое имя рядом с именами знаменитых ученых был очень велик, а потому вполне оправдана и та быстрота, с которой он дал свое согласие.

– Извините, я сейчас, — сказал хозяин и удалился в кабинет за печатью. Я шлепнулся на циновку. Тофу взял с тарелки большой кусок бисквита, затолкал себе в рот и принялся поспешно перемалывать его зубами. Я вспомнил случай с дзони, имевший место утром. Хозяин вышел из кабинета с печатью в руке как раз в тот момент, когда бисквит достиг желудка Тофу. Хозяин, кажется, не заметил, что бисквита на тарелке стало на один кусок меньше. А если бы заметил, то, конечно, подумал бы, что пирог съел я.

Когда Тофу ушел, хозяин вернулся в кабинет и обнаружил на столе неизвестно откуда взявшееся письмо от Мэйтэя. «Приношу поздравления по случаю радостного праздника Нового года».

«Необыкновенно серьезное начало», — подумал хозяин. В письмах Мэйтэя обычно ничего серьезного не было, в последнее время их содержание сводилось примерно к следующему: «Сейчас у меня нет женщины, которую бы я особенно любил, и любовных писем ниоткуда не получаю, — в общем, можно сказать, что живу благополучно, поэтому покорнейше прошу не беспокоиться за меня». Сегодняшнее же поздравительное письмо было необыкновенно заурядным.

«Хотел на минутку заглянуть к вам, но, в противоположность вашей сдержанности, я стараюсь придерживаться активного направления и в связи с празднованием этого необычайного Нового года страшно занят, так занят, что голова идет кругом; умоляю вас о сочувствии».

«Уж кто-кто, а этот человек должен был сбиться с ног от новогоднего торжества», — в глубине души согласился с ним хозяин.

«Вчера улучил минутку и решил угостить Тофу тотимэмбо, но, к несчастью, из-за нехватки продуктов моей идее не суждено было осуществиться, о чем я весьма сожалею…»

«Ну вот, и это письмо в конечном итоге оказалось таким же, как все остальные», — подумал хозяин и улыбнулся.

«Завтра я приглашен на карты к одному барону, послезавтра на новогодний банкет в „Обществе эстетики“, еще через день — на чествование профессора Торибэ, а еще через день…»

– Скучно все это читать. — Хозяин пропустил несколько строк.

«Как уже говорилось выше, за короткое время я должен был присутствовать на многих собраниях, я участвовал в заседании „Общества любителей театра Но“, „Общества любителей хайку“, „Общества любителей танка“[50], „Общества любителей синтайси“[51] и поэтому был вынужден ограничиться поздравительным письмом, вместо того чтобы навестить вас лично, за что и прошу покорнейше меня извинить…»

Дочитав до этого места, хозяин произнес:

– Очень ты здесь нужен.

«Когда мы увидимся в следующий раз, мне бы очень хотелось поужинать вместе с вами. И хотя зимой трудно найти деликатесы, я уже сейчас позабочусь, чтобы у нас было по меньшей мере тотимэмбо…»

«Все еще носится со своим тотимэмбо. Ну и невежда». Хозяин почувствовал некоторое раздражение.

«Однако в последнее время замечается нехватка продуктов для тотимэмбо, и поэтому никогда нельзя заранее сказать, когда будет это кушанье, а посему на всякий случай я осмелюсь предложить вашему изысканному вкусу хотя бы павлиньи языки…»

– Ага, две приманки выставил, — воскликнул хозяин. Ему захотелось узнать, что же будет дальше.

«Как вам известно, мяса в павлиньем языке и с полмизинца не наберется, а поэтому, для того чтобы наполнить желудок такому обжоре, как вы…»

– Ври больше, — бросил пренебрежительно хозяин.

«…я думаю, павлинов мне придется добыть штук двадцать-тридцать. Правда, меня несколько беспокоит то, что увидеть их можно только в зоологическом саду да в парке Асакуса, а в обычных лавках, где продают битую птицу, я никогда их не встречал».

– Ведь ты стараешься лишь ради собственной прихоти, — произнес хозяин; в его словах не прозвучало ни малейшего оттенка благодарности.

«В период наивысшего расцвета древнего Рима кушанье из павлиньих языков было необычайно модным и знаменовало собой верх утонченной роскоши, поэтому вы можете легко себе представить, какое страстное желание отведать его я издавна лелею в своей душе…»

– Что я там могу себе представить, — безразличным тоном произнес хозяин. — Дурак!

«Шло время, и к шестнадцатому-семнадцатому веку павлин повсюду в Европе стал лакомством, без которого трудно было себе представить пир. Я точно помню, когда граф Лейсестер пригласил королеву Елизавету в Кэнилворс, он угощал ее павлином. И на полотнах великого Рембрандта, изображающих пышные обеды, можно увидеть павлинов, которые лежат на столах, широко распустив хвосты…»

– Не так-то уж ты, наверное, занят, если нашел время описывать историю возникновения блюд из павлинов, — проворчал хозяин.

«Во всяком случае, я тоже, кажется, скоро заболею подобно вам несварением желудка, если мне придется и впредь есть так много, как сейчас».

– «Подобно вам» уже лишнее. Совсем незачем делать из меня мерило для несварения желудка, — брюзжал хозяин.

«По свидетельству историков, римляне устраивали пиры по нескольку раз в день. А если садиться за стол два-три раза подряд, то это вызовет расстройство пищеварительных функций даже у человека с очень здоровым желудком и, уж конечно, у таких, как вы…»

– Опять «как вы»? Ох и грубиян!

«Досконально изучив вопрос о невозможности совмещения чревоугодия и гигиены, они придумали один способ для того, чтобы можно было поглощать всевозможные деликатесы в огромных количествах и сохранять органы пищеварения в норме».

Хозяин внезапно встрепенулся:

– Наконец-то!

«После еды они обязательно принимали горячую ванну, а выйдя из ванны, засовывали в рот два пальца и таким простым способом опоражнивали свои желудки. После этого они снова садились за стол и наслаждались, сколько душе угодно, тонкими яствами, а насладившись, снова лезли в горячую воду и повторяли все сызнова. Так можно вволю есть любимые кушанья, без всякого ущерба для внутренних органов. По-моему, римляне одним выстрелом убивали сразу двух зайцев…»

– И правда, одним выстрелом сразу двух зайцев. — На лице хозяина отразилась зависть.

«В двадцатом веке в связи с развитием средств сообщения необычайно возросло количество банкетов. Я верю, что, вступив во второй год русско-японской войны, который должен принести много перемен, наш победоносный народ оказался перед насущной необходимостью постичь по образцу древних римлян искусство горячих ванн и опоражнивания желудков. Меня повергает в глубочайшее беспокойство мысль о том, что если этого не сделать, то вся наша великая нация в ближайшем будущем подобно вам превратится в желудочнобольных…»

«Опять „подобно вам“? — подумал хозяин. — Этот человек начинает меня раздражать».

«При сложившихся обстоятельствах мы, люди, хорошо знакомые с Западом, окажем неоценимую услугу всему обществу, если глубоко изучим старинные предания и легенды, возродим уже забытые истины, сделаем их всеобщим достоянием и, как говорится, пресечем зло в корне. Тем самым мы вознаградим государство за то, что сейчас имеем возможность в любое время предаваться увеселениям…»

– Какие-то странные вещи он пишет, — покачал головой хозяин.

«Вот почему я сейчас охочусь за сочинениями Гиббона, Моммзена[52], Смита[53] и других, но, к моему великому сожалению, все еще не могу добраться до истоков истины. Однако, как вам известно, у меня такой характер, что если мне что-нибудь взбредет в голову, то я ни за что не успокоюсь до тех пор, пока не добьюсь своего, а поэтому верю, что недалек тот час, когда будет возрожден старый способ опоражнивания желудков. Разумеется, как только я сделаю вышеназванное открытие, я немедленно поставлю вас об этом в известность. А после того как открытие будет сделано, мне хотелось бы во что бы то ни стало угостить вас тотимэмбо или павлиньими языками, о которых я говорил раньше; думаю, что мои изыскания будут, безусловно, ценны и для вас, уже страдающего от несварения. На этом кончаю свое письмо, прошу великодушно извинить за небрежное изложение мысли».

«Уж не обманывает ли он меня?» — подумал хозяин, но письмо было написано слишком серьезно, и он спокойно дочитал его до конца. Потом рассмеялся и сказал: «Ох и бездельник же этот Мэйтэй, даже на Новый год не может обойтись без проказ».

В последующие несколько дней не произошло сколько-нибудь примечательных событий, если не считать того, что в белой фарфоровой вазе постепенно увял водяной лук и распустились цветы на сменивших его ветках сливы. Такая жизнь мне окончательно наскучила, я два раза ходил навестить Микэко, но повидаться с ней не смог. В первый раз я решил, что ее нет дома, но когда пришел на следующий день, то узнал, что она больна и не встает с постели. Спрятавшись за орхидеей, которая росла в тёдзубати[54], я подслушал доносившийся из-за перегородки разговор между учительницей музыки и служанкой. Вот о чем они говорили:

– Микэ позавтракала?

– Нет, с самого утра ничего не изволили кушать. Я уложила их на котацу, пусть погреются.

Когда я услышал этот разговор, то никак не мог поверить, что речь идет о кошке. Заботятся о ней совсем как о человеке.

Я стал сравнивать свою жизнь с жизнью Микэко и испытал при этом два противоречивых чувства: с одной стороны, мне было завидно, а с другой, радостно, что кошка, которую я люблю, окружена таким теплом и заботой.

– Что же делать, ведь она совсем ослабеет, если не будет есть.

– Ваша правда. Мы вот и то — не поедим день, так на следующий и работать не можем.

Из ответа служанки следовало, что она считает кошку существом куда более благородным, чем она. Наверное, и правда, в этом доме кошка важная персона.

– А к врачу ты ее носила?

– Конечно. Только врач попался какой-то странный. Захожу я с Микэ на руках к нему в кабинет, а он: «Что, простудилась?» — и хочет пощупать мне пульс. «Да нет, говорю, больная не я, а вот», — и показываю ему Микэ. Он рассмеялся и говорит: «Я в кошачьих болезнях не разбираюсь. Поменьше носись с ней, и она мигом поправится». Ох и жестокий человек,

правда? Я рассердилась: «Не хотите смотреть — не надо, а смеяться нечего. Для меня эта кошка дороже всего на свете». Посадила Микэ за пазуху и прямо домой.

– Так-с…

«Слово-то какое мудреное „так-с“, у нас в доме ничего подобного не услышишь. Нужно состоять в родстве с какой-то там Тэнсёин-сама, чтобы так говорить. Уж очень изысканное словцо», — с восхищением подумал я.

– Жалуются они все на что-то, и теперь у них горлышко болит. От простуды кто угодно закашляет…

Речь служанки была отменно вежливой, недаром она состоит в горничных у особы, имеющей отношение к Тэнсёин-сама.

– К тому же в последнее время появилась какая-то новая болезнь, туберкулез легких называется, что ли…

– И правда, сейчас что ни день, то новая болезнь: туберкулез, чума; все время надо быть начеку.

– Мы в старину о таких напастях и не слыхивали. Ты тоже будь осторожнее.

– Конечно, конечно.

Служанка была очень растрогана.

– Как же она могла простудиться, ведь вроде не так уж часто и на улицу выходит…

– Вы знаете, у них в последнее время завелся плохой приятель, — с торжественным видом, словно поверяя государственную тайну, произнесла служанка.

– Плохой приятель?

– Да, такой неопрятный кот, живет у учителя на проспекте.

– У того самого учителя, который каждое утро кричит не своим голосом?

– Вот именно, когда он умывается, всегда орет, как резаный гусак.

«Орет, как резаный гусак» — очень образное выражение. У моего хозяина есть такая привычка, когда он полощет по утрам в ванной рот, то постукивает зубной щеткой по горлу и издает при этом весьма странные звуки, нисколько не беспокоясь о том, что они могут быть неприятны окружающим. Когда он не в духе, то гогочет изо всех сил, а если настроение у него хорошее, это гоготание становится еще громче. Одним словом, плохое ли у него настроение, хорошее ли — он, не переставая ни на секунду, орет свое «га-а, га-а». Жена хозяина уверяет, что раньше у него не было такой привычки, но однажды, после того как они поселились здесь, он неожиданно загоготал и теперь уже ни один день не обходится без этого. Что и говорить, привычка не из приятных, и мы, кошки, никак не можем взять в толк, почему он упорно продолжает проделывать это каждое утро. Впрочем, дело не в этом, уж очень меня укололи слова «неопрятный кот», и я стал слушать еще внимательнее.

– Не знаю, что за заклинания он выкрикивает таким голосом. До Реставрации[55] даже слуги — и те имели понятие об этикете, и никто в усадьбах не умывался подобным образом.

– Ах, ах, ну конечно же!

Служанка слишком часто приходила в восторг, и тогда ахам да охам не было конца.

– Ничего удивительного, что у такого хозяина и кот бродяга, ты его поколоти слегка, когда он придет в следующий раз.

– Непременно поколочу. И не иначе как из-за него заболела наша Микэ. Уж я непременно отомщу ему за это.

«В каком ужасном преступлении ты меня обвиняешь, — подумал я. — Теперь мне нельзя без особой надобности показываться тебе на глаза». Так и не повидавшись с Микэко, я вернулся домой.

Хозяин сидел в кабинете и что-то усердно писал. Он, должно быть, страшно рассердился бы, если бы я рассказал ему, что о нем думают в доме учительницы музыки, но, как говорят, блажен тот, кто не ведает, — что-то бормоча себе под нос, он изо всех сил старался придать себе вид святого поэта.

И тут неожиданно явился Мэйтэй-кун, тот самый Мэйтэй-кун, от которого только что получено письмо, где он извещает хозяина о своей занятости и сожалеет, что не может лично поздравить его с Новым годом.

– Наверное, какое-нибудь синтайси сочиняешь? Покажи, если что-нибудь интересное, — сказал он.

– Угу, — нехотя произнес хозяин. — Вот неплохой рассказ попался, дай-ка, думаю, переведу.

– Рассказ? Чей рассказ?

– Не знаю чей.

– Неизвестного автора? Что ж, и у неизвестных авторов бывают очень хорошие вещи, вовсе не следует относиться к ним пренебрежительно. А где был напечатан этот рассказ?

– Во втором томе школьной хрестоматии, — как ни в чем не бывало ответил хозяин.

– Во втором томе хрестоматии? При чем здесь хрестоматия?

– А при том, что замечательное произведение, которое я перевожу, входит как раз во второй том хрестоматии.

– Брось шутить! Ты, верно, задумал отомстить мне за павлиньи языки.

– Я не такой лгун, как ты, — ответил хозяин и покрутил ус. Он оставался совершенно невозмутимым.

– Рассказывают, что когда-то в старину один человек спросил у Санъё[56]: «Сэнсэй, не попадалось ли вам в последнее время какое-нибудь выдающееся произведение?» Тогда Санъё достал долговую расписку, написанную конюхом, и сказал: «Из созданных за последнее время выдающихся произведений на первом месте стоит вот это». Кто знает, вдруг и у тебя обнаружился тонкий литературный вкус. А ну, читай, я послушаю.

Мэйтэй-сэнсэй говорил так, словно он был самым большим авторитетом в вопросах литературы.

Голосом монаха из секты дзэн[57], читающего заветы великого Дайто Кокуси[58], оставленные им в назидание потомкам, хозяин забубнил:

– Великан Тяготение.

– Что за «великан тяготение»?

– Это заголовок такой: «Великан Тяготение»,

– Странный заголовок. Не пойму, что он означает.

– Здесь имеется в виду великан, имя которого Тяготение.

– Не совсем гладко, ну ладно, пока так и оставим, заголовок как-никак. Читай побыстрее сам рассказ. Дикция у тебя приятная, с удовольствием слушаю.

– Только не перебивай меня, — предупредил хозяин и снова принялся за чтение:

– Кэт смотрит из окна на улицу. Там дети играют в мяч. Они подбрасывают его высоко вверх. Мяч летит все выше и выше. А через некоторое время падает. Дети снова подбрасывают его. И так много раз подряд. И каждый раз мяч возвращается на землю. «Почему он падает? — спрашивает Кэт. — Почему не летит все выше и выше?» — «Потому, что в земле живет великан, — отвечает мать. — Это великан Тяготение. Он сильный. Он все притягивает к себе. Он притягивает дома к земле. А если бы не притягивал, то они улетели бы. Дети тоже улетели бы. Ты, наверное, видел, как опадают листья. Это великан Тяготение зовет их. Тебе, наверное, приходилось ронять книгу. Это великан Тяготение зовет ее: „Иди сюда“. Мяч начинает подниматься в небо, но тут его окликает великан Тяготение, и он падет на землю».

– И все?

– Угу. Разве плохой рассказ?

– Ах, что ты, он произвел на меня огромное впечатление. Нежданно-негаданно получил подарок в знак благодарности за тотимэмбо.

– Никакой это не подарок. Просто понравился мне рассказ, вот я и попробовал его перевести. Ты не согласен со мной? — произнес хозяин, вопросительно глядя на очки в золотой оправе.

– Я поражен. Никогда не думал, что ты способен на такие шутки, вот и попался на удочку. Сдаюсь, сдаюсь. — Мэйтэй громогласно объявил о своем поражении, но хозяин так и не понял, что имеет в виду его приятель.

– У меня, — сказал он, — даже в мыслях не было заставить тебя сдаться. Просто рассказ показался мне интересным, и я попробовал его перевести. Только и всего.

– Ах, как в самом деле все забавно получилось! Только этого твоего высказывания не хватало для полноты картины. Потрясающе! Я преклоняюсь перед тобой.

– Не надо преклоняться. Недавно я забросил живопись и решил вместо этого заняться писательским ремеслом.

– Это, конечно, не идет ни в какое сравнение с твоими картинами, которые лишены перспективности изображения и отличаются удивительным несоответствием цветов. Я в совершеннейшем восторге от перевода.

– Ну, раз ты так хвалишь, то я с еще большей охотой буду продолжать заниматься литературным творчеством, — ответил хозяин. Он упорно не желал понять истинный смысл слов своего собеседника.

В это время в комнату вошел Кангэцу-кун.

– А, здравствуй, — приветствовал его Мэйтэй-сэнсэй. — Только что я прослушал одно великолепнейшее произведение, и дух тотимэмбо уже не витает над нами.

– Вот оно что, — воскликнул Кангэцу. Очевидно, ему был понятен намек Мэйтэя. Только хозяин пребывал в полном неведении и не испытывал никакой радости.

– Недавно, — обращаясь к Кангэцу-куну, сказал хозяин, — по твоей рекомендации ко мне приходил человек по имени Оти Тофу.

– Зашел все-таки? Он очень честный парень, этот Оти Коти, но у него есть свои странности, и я боялся, как бы его визит не доставил вам беспокойства. Но он так просил познакомить…

– Особого беспокойства он мне не причинил…

– Неужели он вам ничего не рассказывал о своем имени?

– Нет, об этом разговора, кажется, не было.

– Да ну! Ведь у него привычка каждому новому знакомому объяснять свое имя.

– Как же он его объясняет? — вмешался Мэйтэй-кун, который долго ждал подходящего момента, чтобы вступить в разговор.

– Он очень обижается, когда «Коти» читают на китайский манер.

– Отчего бы это? — спросил Мэйтэй-сэнсэй и взял из замшевого с золотым узором кисета щепотку табаку «Кумой».

– Он всегда предупреждает: «Мое имя не Оти Тофу, а Оти Коти!»

– Странно, — произнес Мэйтэй, глубоко затягиваясь.

– Это объясняется исключительно его увлечением литературой, ведь если читать «Коти», то получается целое выражение «там и сям»; кроме того, он чрезвычайно гордится тем, что его имя и фамилия образуют рифму. Поэтому, когда «Коти» читают на китайский манер, он жалуется: «Растолковываешь, растолковываешь, и все без толку».

– Самое настоящее чудачество, — заявил Мэйтэй-сэнсэй тоном, не допускающим возражений, и вдруг, сжав в руке трубку, закашлялся — табачный дым, который сэнсэй в это время выдыхал из легких, изменил направление и, не дойдя до ноздрей, попал в дыхательное горло.

– В тот раз, — посмеиваясь, заговорил хозяин, — он рассказал мне, как исполнял роль лодочника на собрании кружка декламаторов и как над ним посмеялись студентки.

– Вот, вот, — Мэйтэй-сэнсэй принялся выколачивать трубку, и я поспешил отодвинуться подальше. — Этот самый кружок! Мы говорили о нем, когда я угощал Тофу тотимэмбо. «На следующее собрание, — сказал он, — мы решили пригласить известных литераторов. Прошу и вас оказать нам честь своим присутствием». — «Опять, спрашиваю, будете читать сэвамоно Тикамацу?» — «Нет, теперь мы возьмемся за более современные вещи, думаем остановиться на „Золотом демоне“[59]». «Какая же тебе, говорю, досталась роль?» А он отвечает: «Я буду Омия!» Зрелище обещает быть забавным: Тофу в роли Омии. Обязательно побываю там, устрою ему овацию.

Кангэцу-кун как-то странно усмехнулся:

– Да, это будет забавно.

– Однако он хороший парень — исключительно искренний и весьма серьезный. Не то что Мэйтэй.

Хозяин сразу отомстил Мэйтэю и за Андреа дель Сарто, и за павлиньи языки, и за тотимэмбо. Но Мэйтэй-кун словно пропустил его слова мимо ушей и только улыбнулся:

– Ничего не поделаешь, у меня нрав что кухонная доска из Гётоку[60].

– Да, примерно так, — сказал хозяин. По правде говоря, он не понял, что значит выражение «кухонная доска из Гётоку», но ведь недаром он был учителем и лгал на протяжении многих лет — трудные минуты педагогический опыт приходил ему на помощь.

– А что значит «кухонная доска из Гётоку»? — с простодушным видом спросил Кангэцу. Хозяин, глядя на вазу с цветами, стоявшую в нише, произнес: «Эти цветы я купил еще перед Новым годом, когда возвращался из бани, хорошо сохранились, правда?» — и таким образом сумел перевести разговор на другую тему.

– Твои слова напомнили мне об одном удивительном случае, который произошел со мной перед Новым годом, — заговорил Мэйтэй, ловко жонглируя своей трубкой.

– Что за происшествие? Расскажи, — с облегчением вздохнул хозяин, видя, что со стороны «кухонной доски из Гётоку» ему же не угрожает никакая опасность.

И Мэйтэй-сэнсэй рассказал следующее:

– Было, как сейчас помню, двадцать седьмое декабря. Я получил от этого самого Тофу записку: «Хочу прийти к вам побеседовать о литературе; пожалуйста, никуда не уходите». Я ждал его с самого утра, но сэнсэй все не шел и не шел. После обеда я расположился у котацу и погрузился в чтение юмористических повестей Берри Пэйна[61], как вдруг пришло письмо из Сидзуока от моей матери. Она уже стара, и я для нее, видно, всегда буду ребенком, поэтому в письме содержалось множество разных советов: «зимой не выходи по вечерам из дому», «холодные обтирания — вещь, конечно, хорошая, но все-таки не забывай топить печь, а то простудишься» — и так далее. Уж на что я беззаботный человек — и то растрогался: «Как хорошо, когда у тебя есть родители, ведь никто другой так о тебе не позаботится». И тогда меня осенила мысль: «Довольно бездельничать. Надо написать какую-нибудь большую книгу и таким образом прославить нашу семью. Пусть еще при жизни матери весь мир узнает имя Мэйтэй-сэнсэя».

Читаю дальше: «Тебе очень повезло. Сейчас, когда из-за войны с Россией нашей молодежи приходится переживать огромные трудности и приносить все свои силы на алтарь отечества, ты продолжаешь веселиться, для тебя каждый день — праздник». Не так уж весело я провожу время, как думает мать. Потом она перечислила имена моих школьных товарищей, которые погибли или были ранены на войне. Когда я читал одно за другим имена товарищей, мне вдруг стало очень грустно: почему так печален мир? Как мало стоит человеческая жизнь! А в самом конце письма говорилось: «Я уже стара и этой весной, пожалуй, в последний раз отведала новогоднего дзони…» В этих словах чувствовалась такая безысходность, такая печаль, что я совсем расхандрился. «Хоть бы Тофу пришел поскорее», — подумал я, но сэнсэй все не шел. Так незаметно подошло и время ужинать. После ужина я решил написать матери ответ. Письмо получилось коротеньким, всего двенадцать-тринадцать строчек. Мать же иной раз присылала письма больше шести сяку[62]. Мне так никогда не суметь. Поэтому я обычно напишу десяток строк и на этом кончаю.

Я целый день провел без движения, и к вечеру у меня разболелся желудок. Сказав своим: «Если придет Тофу, то попросите его подождать», — я вышел прогуляться, а заодно и

опустить письмо. Вместо того чтобы пойти, как всегда, к Фудзимитё, я незаметно для себя забрел в Дотэ-Самбантё. Вечер был холодный, небо затянули тучи, из-за Охори ежеминутно налетали порывы сильного ветра. Со стороны Кагурадзака донесся гудок, и вскоре у подножья дамбы промчался поезд. Меня охватило жуткое чувство одиночества. Мысли об убитых на войне товарищах, старческой немощи, о превратностях судьбы и скоротечности жизни вихрем кружили в голове. Я подумал, что чаще всего именно в такие минуты людьми вдруг овладевает желание повеситься, навсегда уйти из жизни. Взглянув на дамбу, я обнаружил, что стою как раз под той самой сосной.

– Той самой сосной? Какой сосной? — взволнованно спросил хозяин.

– Под сосной удавленников, — ответил Мэйтэй и запахнул ворот своего кимоно.

– Сосна удавленников растет на холме Ко-но-дай, — возразил Кангэцу, внося тем самым еще большую путаницу.

– На Ко-но-дай, — поспешил разъяснить Мэйтэй, — растет сосна, на которую вешают колокола, а на той, что в Дотэ-Самбантё, вешаются люди. Еще в древнем предании говорится, что у каждого, кто пройдет под этой сосной, появляется желание повеситься. Вот ее и назвали сосной удавленников. У дамбы растет несколько десятков сосен, но если ты услышишь о том, что кто-то повесился, знай, он мог повеситься только на этой сосне. Ежегодно с дерева снимают несколько удавленников. Другие деревья совсем не навевают мыслей о смерти.

Я взглянул на сосну. Ее ветви склонились над улицей. «Ах, какая красота, — подумал я, — даже жаль уходить отсюда. Вот бы посмотреть, как выглядит это дерево, когда на нем висит человеческое тело. Может быть, еще придет кто-нибудь». Я оглянулся по сторонам, но поблизости не было ни души. Ничего не поделаешь, придется, наверное, самому повеситься. Нет, не стоит, уж очень опасный эксперимент, — так, пожалуй, и с жизнью расстаться недолго. Но ведь говорят же, что древние греки во время праздников развлекались тем, что имитировали повешение. Делалось это так: человек становился на подставку и просовывал голову в петлю, и в этот момент кто-нибудь выбивал у него подставку из-под ног. Тот, кто изображал повешенного, тут же высвобождал голову из петли и спрыгивал на пол. Если это правда, то почему бы и мне разок не попробовать. Я ухватился руками за ветку, и она послушно наклонилась, образовав изящный изгиб. Я попытался себе представить, как плавно она будет покачиваться, когда я повисну на ней, и меня охватил неописуемый восторг. «Обязательно повешусь», — подумал я, но вспомнил о Тофу — а вдруг он придет, тогда ему придется слишком долго меня ждать. Лучше встречусь сначала с Тофу, поговорю с ним, как обещал, а потом снова приду сюда, — решил я и быстро направился домой.

– И это все? — спросил хозяин.

– Интересно, — ухмыльнулся Кангэцу.

– Прихожу домой, а Тофу нет. Зато от него пришла открытка: «Сегодня у меня много неотложных дел, никак не могу к вам выбраться, но надеюсь, что мы непременно встретимся на днях». Я сразу успокоился и с радостью подумал: «Теперь можно спокойно пойти и повеситься». Быстро надев гэта[63], я со всех ног бросился бежать к заветной сосне…

Мэйтэй посмотрел на хозяина, потом на Кангэцу и замолчал.

– Ну, ну, прибежал ты, а дальше? — нетерпеливо спросил хозяин.

Кангэцу же произнес:

– Вот здесь-то и начинается самое интересное, — и принялся крутить шнурок от хаори.

– Прибегаю и вижу, что кто-то уже опередил меня. Представляете, опоздал на какую-то минуту, и вот… Такая жалость! Сейчас мне все кажется, что сам бог смерти руководил мною. Будь здесь, предположим, Джеймс, он, наверное, сказал бы, что в соответствии с каким-нибудь особым законом причины и следствия произошло взаимодействие потустороннего мира, который подсознательно существует в нашем мозгу, и окружающего нас мира реального. Ну что, разве не удивительный случай произошел со мной? — закончил Мэйтэй свой рассказ, и лицо его стало еще более непроницаемым.

Хозяин, решив, что над ним снова хотят подшутить, не проронил ни слова; он набил рот куямоти[64] и теперь старательно пережевывал его.

Кангэцу тщательно разгребал пепел в хибати[65] и, не поднимая головы, посмеивался. Наконец он посмотрел на хозяина и серьезным тоном заговорил:

– И не поверил бы, что такое может случиться, — уж очень неправдоподобной кажется на первый взгляд эта история, но совсем недавно мне самому довелось испытать нечто подобное, а поэтому она у меня не вызывает никаких сомнений.

– Как! Ты тоже хотел повеситься?

– Нет, я не вешался. Но случай, о котором я хочу рассказать, тоже произошел в конце прошлого года и, что еще более удивительно, в тот же день и почти в тот же час, что и с вами, сэнсэй.

– Забавно, — заметил Мэйтэй и тоже принялся набивать рот куямоти.

– В тот день мы собрались в доме одного моего знакомого в Мукодзима на проводы старого года. Предполагалось устроить концерт, поэтому я захватил с собой скрипку. На вечер собралось пятнадцать или шестнадцать барышень и дам, и было очень весело. Устроили все великолепно, и я подумал, что уже давно не проводил время так интересно. Но вот закончился ужин, а за ним и концерт, обо всем переговорили, да и время было позднее, и я собрался было уже откланяться, как вдруг ко мне подошла супруга одного профессора и тихо спросила: «Вы знаете, что барышня N заболела?» Всего каких-нибудь два или три дня назад я видел эту девушку, и тогда она выглядела вполне здоровой. Поэтому я, естественно, испугался и принялся расспрашивать о ее здоровье. Оказывается, в тот же день, когда мы встретились, к вечеру у нее внезапно поднялась температура и она впала в бред. Но если бы только это! Главное, что в бреду она то и дело повторяла мое имя.

Не говоря уже о хозяине, даже Мэйтэй-сэнсэй — и тот воздержался от обычных своих замечаний: «Э, да здесь что-то нечисто». Сейчас они хранили полное молчание и слушали очень внимательно.

– Потом эта дама рассказала о том, как к больной позвали врача и как тот не мог поставить диагноз. «Затрудняюсь сказать, — заявил он, — что это за болезнь. Ясно одно: у девушки сильный жар, и от этого помутилось сознание. Если снотворное не даст желаемого результата, нужно быть готовым к худшему исходу». Мне сразу стало как-то не по себе, возникло чувство страшной подавленности, какое обычно бывает, когда снятся кошмары. Казалось, что воздух вокруг меня вдруг затвердел и с неимоверной силой сжимает меня со всех сторон. По пути домой я не мог думать ни о чем другом, кроме барышни N. Эта красивая, эта энергичная, эта пышущая здоровьем барышня N!

– Извини, перебью тебя на минутку. Ты уже дважды произнес «барышня N», если можно, назови ее имя, — перебил его Мэйтэй и оглянулся на хозяина. Тот тоже неопределенно буркнул «угу».

– Нет, лучше не надо, боюсь, что это будет ей неприятно, — запротестовал Кангэцу-кун.

– Значит, все так и будет покрыто мраком неизвестности?

– Не смейтесь, пожалуйста, я ведь говорю совершенно серьезно… Стоило мне вспомнить об этой девушке, и тотчас же она ассоциировалась в моем сознании с увядшими цветами, с облетевшими листьями; я пришел в полное уныние, словно жизненные силы покинули мое тело. Пошатываясь, побрел я к мосту Адзумабаси. Там, опершись на перила, я долго смотрел вниз на воду. Не помню, было это время отлива или прилива, я видел только стремительно проносившийся подо мной поток черной густой воды. Со стороны Ханакавадо на мост вбежал рикша. Я провожал взглядом огонек фонарика, покачивавшегося у него на коляске, до тех пор, пока он стал совсем маленьким и наконец потерялся во тьме. Я снова стал смотреть на воду. И тут откуда-то издалека донесся голос, зовущий меня по имени. «Что это? Кто в такое время может звать меня?» — подумал я и стал пристально вглядываться вдаль, но в темноте ничего нельзя было разглядеть. «Очевидно, мне просто почудилось, — решил я. — Надо побыстрее идти домой». Но не успел я сделать и двух шагов, как снова послышался слабый крик. Опять кто-то звал меня по имени. Я замер на месте и стал вслушиваться. Когда меня окликнули в третий раз, я вцепился обеими руками в перила и задрожал от страха. Может, этот голос доносился откуда-то издалека, а может, со дна реки, несомненно одно — он принадлежал барышне N. «Я здесь», — не помня себя от страха, крикнул я. Гулкое эхо прокатилось над темной рекой, я испугался своего собственного голоса и быстро оглянулся по сторонам. Ни человека, ни собаки, ни луны. Во мне росло желание

броситься в объятия темной, как эта ночь, реки, немедленно отправиться туда, откуда доносился голос. Мои уши снова пронзил жалобный, исполненный муки крик барышни N, словно молящей о спасении. «Иду», — ответил я и, перегнувшись через перила, посмотрел на черную холодную воду. Мне казалось, что взывающий о помощи голос доносится снизу, с большим трудом пробиваясь сквозь толщу воды. «Она там, под водой, — подумал я и влез на перила. — Позовет еще раз — прыгну». Полный решимости, я вглядывался в поток. И вот в воздухе, как дрожание струны, снова повис жалобный крик. Пора! Я напряг всю свою волю, подпрыгнул на целый тан[66] и, как, ну скажем — камень, полетел вниз.

– Так-таки и прыгнул, — заморгал хозяин,

А Мэйтэй дернул себя за кончик носа и сказал:

– Не думал, что дойдет до этого.

– После прыжка я потерял сознание и некоторое время находился в обморочном состоянии. Когда я очнулся, то почувствовал, что очень замерз, хотя одежда на мне была совершенно сухая. Но я же прекрасно помню, что прыгал в воду, что за наваждение! «Странно», — подумал я, когда окончательно пришел в себя и огляделся вокруг. Тут я удивился еще больше. Собирался прыгать в воду, но ошибся и прыгнул на середину моста. Меня разбирала досада. Только потому, что я спутал направление, мне не удалось отправиться туда, куда меня звал голос барышни N.

Кангэцу захихикал и принялся крутить шнурок от хаори, как будто тот мешал ему, и он решил его оторвать.

– Ха-ха-ха! Забавно! Эта история оригинальна тем, что очень похожа на рассказанный мною случай. Тоже ценный материал для профессора Джеймса. Наши ученые мужи наверняка были бы удивлены, если бы ему вздумалось, основываясь на фактическом материале, написать книгу о человеческой индукции… Ну, а как болезнь барышни N? — допытывался Мэйтэй.

– Несколько дней тому назад я ходил поздравлять ее с Новым годом. Она играла у ворот со служанкой в волан и выглядела совсем здоровой.

Хозяин, который уже давно над чем-то сосредоточенно думал, наконец открыл рот.

– Со мной однажды тоже приключилось, — сказал он, показывая всем своим видом, что он не хуже других.

– Приключилось? Что приключилось? — спросил Мэйтэй. Уж от кого от кого, а от хозяина ничего путного он, конечно, не ожидал.

– Это произошло тоже в конце прошлого года.

– У всех в конце прошлого года. Странное совпадение, — засмеялся Кангэцу. Из зияющей у него во рту дыры торчал кусок куямоти.

Мэйтэй насмешливо спросил:

– Может, даже в тот же день и в тот же час?

– Нет, день был другой, что-то около двадцатого числа. «Вместо новогоднего подарка, — сказала мне в то утро жена, — сводите-ка меня послушать Сэтцу Дайдзё»[67]. — «Почему не сводить, отвечаю, свожу, конечно. Какая сегодня пьеса?» Жена заглянула в газету и сказала: «Унагидани». — «Я не люблю „Унагидани“, давай сходим в другой раз». В тот день мы так никуда и не пошли. На следующий день жена снова развернула газету: «Сегодня „Хорикава“. Пойдем?» — «В „Хорикава“, говорю, много играют на сямисэне[68], но и только. А в общем-то пьеса бессодержательная. Так что лучше не надо». Жена вышла из комнаты с недовольным лицом. На следующий день она объявила категорическим тоном: «Сегодня идет „Храм Сандзюсангэндо“, и я во что бы то ни стало хочу увидеть Сэтцу Дайдзё в „Сандзюсангэндо“. Не знаю, может и „Сандзюсангэндо“ вам тоже не нравится, но прошу вас пойти ради меня». — «Ну что ж, если тебе так хочется, можно и пойти, но это их самый лучший спектакль и наверняка будет полно народу. Поэтому не приходится думать, что удастся легко туда попасть. Издавна повелось: когда собираешься в театр, не забудь зайти в чайный домик при театре и заказать нужные места. Нехорошо нарушать правила, которых придерживаются абсолютно все. Как видишь, сегодня, к сожалению, тоже пойти не удастся». Жена мрачно взглянула на меня и чуть ли не плача проговорила: «Я — женщина и поэтому не знала, что

все так сложно, но ведь и мать Охара, и жена Судзуки — Кимиё-сан — ходили в театр, минуя эти формальности. Мало ли что вы учитель, могли бы обойтись и без лишних хлопот, несносный вы человек!» — «Ладно, — уступил я, — пойдем, хотя нехорошо так поступать. Поужинаем и пойдем». Настроение у жены сразу поднялось. «Тогда нужно постараться поспеть туда к четырем часам. Нельзя мешкать ни минуты». — «Почему обязательно к четырем?» — спрашиваю я, а жена отвечает, что, как объяснила ей Кимиё-сан, можно вообще не попасть в театр, если заранее не занять места. «Значит, после четырех будет поздно?» — еще раз переспросил я. «Да, поздно». И тут, поверите, вдруг начался озноб.

– У жены? — спросил Кангэцу.

– Да какой там у жены! У меня! Я весь как-то сразу обмяк, словно аэростат, у которого прокололи оболочку и выпустили водород. Перед глазами все поплыло, я не мог двинуть ни рукой, ни ногой.

– Внезапное заболевание, — прокомментировал Мэйтэй.

– Меня разбирала досада. Очень хотелось исполнить просьбу жены, единственную за целый год. Ведь я только и делаю, что браню ее, заставляю выполнять тяжелую домашнюю работу, ухаживать за детьми и за все время ни разу не вознаградил ее за то, что она безропотно выполняет обязанности служанки. А сегодня у меня, к счастью, и время свободное было, и в кармане позвякивало несколько монет. Итак, все благоприятствовало жене, но вот мой озноб, от которого все плывет перед глазами! Как я поеду в трамвае, когда даже через порог переступить не в силах. Ах, какая жалость! Озноб становился все сильнее, все сильнее кружилась голова. «Если побыстрее показаться врачу и выпить какого-нибудь лекарства, то до четырех часов можно еще успеть выздороветь», — решил я и, посоветовавшись с женой, послал за доктором Амаки, но, к несчастью, он вчера вечером ушел в клинику на дежурство и еще не вернулся. «Он будет дома около двух и сразу же придет к вам», — сказали нашей служанке у доктора. — Что делать?! Выпей я сразу же настою на абрикосовых косточках, к четырем все бы как рукой сняло, но когда не повезет, то все идет кувырком. Видно, мне не суждено было хоть раз увидеть улыбающееся лицо жены. А она между тем укоризненно спрашивала меня: «Значит, вы никак не сможете пойти?» — «Пойдем, обязательно пойдем, — ответил я. — Успокойся, вот увидишь, я выздоровлю до четырех. Поскорее иди умойся, переоденься и жди меня». В эти слова я постарался вложить всю глубину своих чувств. Но озноб и головокружение все усиливались. Кто знает, что натворит эта малодушная женщина, если мне не станет лучше до четырех часов и я не смогу выполнить свое обещание! Ну и история. Как же быть? Я подумал, что сейчас мой долг по отношению к жене состоит в том, чтобы на всякий случай заблаговременно рассказать ей о бренности жизни, о том, что нет ничего вечного на земле, и таким образом подготовить к наихудшему исходу. Я немедленно позвал жену в кабинет. «Хоть ты и женщина, — сказал я, — но, наверное, понимаешь все-таки, что значит европейская пословица many a slip twixt the cup and the lip?»[69] Но она с грозным видом набросилась на меня: «Кто их разберет, эти европейские пословицы! Вы же знаете, что я не понимаю по-английски, но нарочно говорите на этом языке, чтобы поиздеваться надо мной. Ладно, пусть я не понимаю. Если вам так нравится говорить по-английски, то почему вы не женились на воспитаннице христианской школы? Таких жестоких людей, как вы, поискать надо». Весь мой так тщательно продуманный план рухнул. Мне очень хочется, чтобы хоть вы поняли, что я заговорил по-английски без всякой задней мысли. Мною руководила исключительно любовь к жене. Я просто не знаю, что мне делать, если вы истолкуете мои слова так же, как их истолковала жена. К тому же все это произошло в тот самый момент, когда из-за озноба и головокружения у меня немного помутилось сознание. Именно поэтому я поступил столь опрометчиво, прибегнув к английской пословице и заговорив о бренности жизни. Я, конечно, допустил оплошность. Начался новый приступ лихорадки, еще быстрее завертелись перед глазами предметы. Жена, как ей было велено, пошла в ванную, разделась до пояса и стала приводить себя в порядок, потом она достала из шкафа кимоно, оделась и стала ждать меня, всем своим видом говоря: «За мной, мол, дело не станет, могу выйти в любую минуту». Я же не находил себе места. Скорее бы уже Амаки-кун пришел, что ли. Глянул на часы. Уже три. До четырех остается всего один час. «Может, пойдем потихоньку?» — предложила жена. Наверное, кажется странным, когда хвалят собственную жену, но никогда она не казалась мне такой красивой, как в ту минуту. Ее кожа, которую она, раздевшись до пояса, старательно вымыла с мылом, блестела и казалась еще белей рядом с черным крепдешином хаори. Лицо моей жены сияло по двум причинам: первая, — так сказать, материальная, причина заключалась в том,

что она мылась с мылом, а вторая, духовная причина — это надежда увидать Сэтцу Дайдзё. И мною овладела решимость во что бы то ни стало помочь этой надежде осуществиться. «Поднатужусь немного и встану», — подумал я и закурил. Но тут наконец пришел Амаки-сэнсэй. Он точно выполнил мою просьбу. Осведомившись, что меня беспокоит, он взглянул на мой язык, пощупал пульс, постучал по груди и погладил спину, вывернул веко, потер череп, а потом задумался. «Боюсь, не угрожает ли мне какая опасность», — сказал я, но доктор спокойно ответил: «Навряд ли что-нибудь серьезное». — «Наверное, и на улицу можно выйти», — спросила жена. «Конечно», — сказал Амаки-сэнсэй и снова задумался. Потом добавил: «Лишь бы не почувствовали себя плохо». — «Я чувствую себя неважно», — отозвался я. «Тогда для начала пропишу вам микстуру». — «Как микстуру?! Значит, у меня что-нибудь опасное?» — «Не настолько, чтобы беспокоиться. Не заставляйте себя нервничать понапрасну», — ответил доктор и ушел. Было уже половина четвертого. Послали служанку за лекарством. Жена строго-настрого приказала ей бежать всю дорогу до аптеки и обратно. Без четверти четыре. До четырех еще целых пятнадцать минут. Но тут как назло меня начинает тошнить, хотя до этого я не испытывал никакой тошноты. Жена налила микстуру в чашку и поставила ее передо мной. Но как только я поднес чашку ко рту, из глубины моего желудка послышался воинственный клич: «Гэ-э!» Пришлось поставить лекарство обратно. «Да пейте же вы быстрее», — поторапливала жена. Я чувствовал, что буду очень виноват перед ней, если сейчас же не выпью лекарство и мы не отправимся в театр. «Выпью, и все», — подумал я, решительно берясь за чашку, и снова это самое «гэ-э» с завидным упорством помешало осуществиться моему намерению. Пока я несколько раз подряд порывался выпить лекарство, но ставил чашку назад, часы в столовой пробили четыре. «Четыре часа, больше нельзя мешкать ни минуты», — пронеслось в моем сознании, и я опять взялся за чашку и — и удивительная вещь! поистине удивительная! — вместе с четырьмя ударами часов совершенно исчезла тошнота, и я смог выпить микстуру без всякого труда. Уже около десяти минут пятого я начал убеждаться, что Амаки-сэнсэй — великий доктор: как дурной сон исчезли и мурашки, бегавшие по спине, и головокружение; радость моя была безгранична, — еще бы, ведь я полностью исцелился от болезни, после которой уже и не надеялся подняться.

– И потом вы пошли в «Кабуки»? — спросил Мэйтэй с таким выражением на лице, словно он не понял, в чем суть этого рассказа.

– Мне хотелось пойти, но было уже больше четырех, и жена считала, что мы все равно опоздали. Так и пришлось отказаться от этой затеи. Приди Амаки-сэнсэй хотя бы на пятнадцать минут раньше, и я бы выполнил свой долг перед женой и она получила бы удовольствие. И все из-за каких-то пятнадцати минут! Какая досада! Мне и сейчас кажется, что тогда моей жизни грозила серьезная опасность.

Закончив свой рассказ, хозяин облегченно вздохнул с видом человека, наконец-то выполнившего тяжелую задачу. Наверное, он полагал, что таким образом сумел поддержать свой престиж в глазах собеседников.

Кангэцу улыбнулся, обнажив при этом свой дырявый рот, и сказал:

– Это действительно очень досадно.

Мэйтэй с наивным видом проговорил как бы про себя:

– Как должна быть счастлива жена, у которой такой муж.

В ответ за перегородкой послышалось покашливание хозяйки.

Я терпеливо выслушал по порядку все три рассказа, но, не найдя в них ничего забавного или поучительного, решил, что люди только и умеют что разговаривать друг с другом, когда им вовсе не хочется этого, да смеяться над тем, что совершенно несмешно, или радоваться тому, что печально. И все это только для того, чтобы как-то убить время. Я и раньше знал, что мой хозяин человек капризный и со странностями, но обычно он был немногословен, а поэтому я никак не мог понять его до конца. Мне даже казалось, что такая неясность таит в себе что-то страшное, но после сегодняшнего разговора мне захотелось презирать его. Что ему стоило молча выслушать рассказы тех двоих? Какой смысл нести несусветную чушь ради того, чтобы не отстать от других? Не знаю, может это Эпиктет заставляет так поступать. Одним словом, и хозяин, и Кангэцу, и Мэйтэй — самые обыкновенные бездельники, они делают вид, что им ничего не нужно, что они стоят выше всего будничного, в действительности же им свойственны и тщеславие и алчность. В их повседневной болтовне всегда Сквозит дух конкуренции, желание победить, победить во что бы то ни стало, и если

кому-нибудь удается выдвинуться вперед хоть на один шаг, они тотчас же уподобляются хищникам, запертым в одной клетке и всегда готовым перегрызть друг другу глотку. Единственное достоинство этих людей, достоинство весьма незначительное, заключается в том, что их слова и поступки лишены шаблонности, характерной для обыкновенных дилетантов.

От таких мыслей у меня вдруг пропал всякий интерес к их беседе, я решил, что уж лучше пойти проведать Микэко, и отправился во двор учительницы музыки. Праздничные ворота из живых сосен, украшенных симэ[70], исчезли — ведь как-никак после Нового года прошло уже десять дней, но ясное весеннее солнышко щедро освещало землю с высоты бездонного голубого неба, на котором не было видно ни единого облачка, и маленький, меньше десяти цубо, двор выглядел еще более свежим, чем в день Нового года. На галерее лежала только подушка для сидения, людей не было видно; сёдзи тоже были плотно сдвинуты — наверное, учительница куда-нибудь ушла, может быть даже в баню. Впрочем, меня мало интересовало, дома она или нет, я беспокоился о другом: поправилась ли Микэко. Вокруг стояла мертвая тишина, нигде поблизости не было ни одной живой души. Я поднялся на галерею и прямо с ногами развалился на подушке. Лежать, оказывается, было очень приятно. Незаметно подкралась дремота. Я забыл даже о Микэко и все глубже погружался в сон, когда за сёдзи вдруг послышались голоса детей.

– Большое тебе спасибо. Готово?

Значит, учительница все-таки была дома.

– Извините, я немного задержалась. Когда я пришла к мастеру, он как раз заканчивал.

– Ну-ка, покажи. О, красиво! Будет напоминать нам о Микэ. Позолота как, не облезет?

– Я спрашивала его об этом. Говорит, взял самую лучшую, продержится еще дольше, чем на ихаи[71], которые он делает для людей… А еще он немного изменил один иероглиф в ее посмертном имени Мёёсиннё, потому что, по его словам, будет красивее, если «ё» написать скорописью.

– Хорошо, давай побыстрее поставим на алтарь и зажжем ароматические палочки.

«Что с Микэко? Какие-то странные дела здесь творятся», — подумал я, поднимаясь на ноги.

«Динь», — раздался звук колокольчика, и учительница запричитала:

– Вечная тебе слава, Мёёсиннё, вечная тебе слава, Амида[72], вечная тебе слава, Амида. И ты молись за упокой ее души.

«Динь». «Вечная тебе слава, Мёёсиннё, вечная тебе слава, Амида. Вечная тебе слава, Мёёсиннё, вечная тебе слава, Амида», — вторила служанка.

У меня вдруг тревожно забилось сердце. Я стоял на подушке словно деревянное изваяние, даже моргать перестал.

– Какое горе, какое горе! А ведь началось с небольшой простуды.

– Дал бы Амаки-сан хоть какое-нибудь лекарство, глядишь бы и обошлось.

– В общем, во всем виноват этот Амаки-сан, уж слишком пренебрежительно он отнесся к нашей Микэ.

– Не надо так плохо говорить о человеке. Видно, так суждено. Оказывается, Микэко тоже лечилась у Амаки-сэнсэя.

– Короче говоря, все произошло потому, что этот учительский бродяга-кот частенько сманивал ее на улицу, я так думаю.

– Да, да, только эта скотина виновата в смерти нашей Микэ. Мне хотелось как-нибудь оправдаться перед ними, но нужно было терпеть, и, затаив дыхание, я продолжал слушать. Прервавшийся на минуту разговор возобновился:

– Как плохо устроен мир. Преждевременно умирает такая красавица, как Микэ. А этот урод здоров и продолжает шкодить…

– Ваша правда. Другого такого славного человека, как Микэ, днем с огнем не сыщешь.

Вместо «другой такой кошки» служанка сказала «другого человека». Видать, она и впрямь считает, что кошка и человек одно и то же. Лицом служанка действительно очень похожа на нас, кошек.

– Если можно бы было, то пусть вместо Микэ…

– Умер бы этот бродяга из дома учителя. Тогда не нужно было бы желать ничего лучшего.

Худо мне придется, если обстоятельства сложатся так, что мне не останется желать ничего лучшего. Я еще ни разу не испытывал, что это за штука — смерть, поэтому не могу сказать, понравится она мне или нет. Недавно было очень холодно, и я забрался в гасилку. Служанка же наша не знала, что я там, и накрыла гасилку крышкой. Страшно даже вспомнить, чего я тогда натерпелся. По словам Сиро-куна, продлись мои муки еще немного, и наступил бы конец. Я бы безропотно пошел на смерть вместо Микэко, но если, умирая, невозможно избежать таких мук, то ни за кого умирать не захочется.

– Покидая этот мир, она не должна ни о чем сожалеть. Ведь хотя она и кошка, над ней читал молитвы монах, и имя посмертное ей придумали.

– Конечно, конечно, но было бы еще лучше, если бы монах не торопился и читал более тщательно.

– Да, молитва была слишком короткой. Когда я ему сказала: «Что-то вы слишком рано кончили», — Гэккэйдзи-сан ответил: «Я прочел самое главное, этого вполне достаточно, чтобы она попала в рай, — это же всего-навсего кошка».

– Ах, вон оно что… Ну, а если бы это был тот бродяга?…

Я уже не раз предупреждал, что у меня нет имени, но все-таки служанка учительницы упорно продолжает называть меня бродягой. До чего же невежливая особа!

– Велика его вина, и никакие молитвы не помогут ему попасть в рай.

Не знаю, сколько раз потом они еще повторили слово «бродяга». Я не мог дольше выносить этого разговора и, соскользнув с подушки, прыгнул на землю. Восемьдесят восемь тысяч восемьсот восемьдесят моих волосков стояли дыбом, я дрожал всем телом. С тех пор я ни разу даже близко не подошел к дому учительницы музыки. Сейчас, наверное, по ней самой Гэккэйдзи-сан небрежно читает заупокойные молитвы.

В последнее время я не отваживаюсь выходить из дома. Жизнь мне представляется какой-то унылой и мрачной. По части домоседства я теперь не уступлю самому хозяину. Мне вполне резонным начинает казаться объяснение затворничества хозяина несчастной любовью.

Крыс я так ни разу и не ловил, и однажды служанка даже поставила вопрос о моем изгнании, но хозяин знает, что я кот не простой, а поэтому я продолжаю жить в этом доме, по-прежнему ничего не делая. Без всяких колебаний готов принести хозяину свою глубокую благодарность за проявленную им доброту и одновременно выразить восхищение его проницательностью. Меня даже не особенно сердит, что служанка настойчиво не желает меня замечать и обращается со мной очень грубо. Если бы сейчас вдруг явился Хидари Дзингоро[73] и принялся вырезать мой портрет на столбе у ворот, если бы японский Стейнлен[74] взялся рисовать на холсте мое изображение, этим тупым слепцам пришлось бы устыдиться за свою непроницательность.

Глава III

Микэко умерла, с Куро я так и не подружился, а поэтому чувствую себя весьма одиноко, но, к счастью, знакомство с людьми скрашивает одиночество. Недавно один человек прислал хозяину письмо, в котором просит мою фотографию. А на днях кто-то специально для меня привез из Окаяма знаменитые кибиданго[75]. По мере того как растет внимание со стороны людей к моей особе, я постепенно забываю, что я кот. У меня такое ощущение, словно я незаметно для самого себя стал гораздо ближе к людям, чем к кошкам, и в последнее время мне уже совсем не хочется, скажем, созывать своих соплеменников и мериться силами с двуногими господами. Более того, я так изменился, что временами даже начинаю считать себя членом человеческого рода, и это внушает мне уверенность в моем будущем. Я вовсе не хочу сказать, что презираю своих соплеменников; просто вполне естественно, что я чувствую себя более спокойно, когда поступаю в соответствии со своей натурой, и мне бывает очень неприятно, если это истолковывают как измену, лицемерие или предательство. А ведь найдется немало людей с унылым, неуживчивым характером, которые только и ждут, чтобы изругать человека всевозможными мерзкими словами. Не могу же я, освободившись от кошачьих привычек, без конца возиться только с кошками. И все же мне хотелось бы с достоинством, равным человеческому, сказать свое слово об их внутренней сущности, их речах и поступках. Это было бы совсем не трудно. Мне только очень больно, что хозяин, несмотря на всю глубину моих познаний, обращается со мной, как с самым обыкновенным котенком, — не сказав мне ни слова, он без всякого зазрения совести съел кибиданго. И снимка моего он еще не сделал, и не отослал его по назначению. Этим я, конечно, тоже весьма недоволен, но что поделаешь — хозяин есть хозяин, а я есть я, и мы, естественно, расходимся во взглядах. Я почти окончательно превратился в человека, и поэтому мне довольно трудно писать о поступках кошек, с которыми я теперь не поддерживаю никаких отношений. Позвольте мне ограничиться описанием образа жизни господ Мэйтэя и Кангэцу.

Сегодня воскресенье, прекрасный солнечный день. Хозяин вышел из кабинета, поставил рядом со мной тушечницу и положил стопку бумаги, а сам улегся на живот и принялся что-то мурлыкать себе под нос. «Наверное, собирается писать, вот и издает такие чудные звуки», — решил я и стал внимательно наблюдать, что будет дальше. Через некоторое время он вывел жирные иероглифы: «Воскурю благовония». «Что же это будет, хайку? Слова-то какие — „воскурю благовония“, слишком они изящны для хозяина», — мелькнула у меня мысль, но он уже оставил «благовония» и быстро начертал: «Сначала я, пожалуй, напишу о Тэннэн Кодзи»[76]. И тут кисть вдруг неподвижно застыла в руке хозяина. Хозяин глубоко задумался, но никакая блестящая идея так, кажется, и не осенила его. Тогда он лизнул кончик кисти языком, отчего губы его сразу стали черными. Чуть пониже написанной строчки он нарисовал кружок. Внутри поставил две точки, которые должны были изображать глаза. Потом нарисовал широкий нос и провел горизонтальную линию, которая обозначала рот. Это уже не могло быть ни рассказом, ни хайку. Да хозяину самому, видимо, наскучило это занятие, и он поспешил зачеркнуть рожицу. Потом опять начал с новой строки. Он, наверное, полагал, что стоит только начать с новой строки, как слова польются сами собой. «Тэннэн Кодзи — это человек, который изучает воздушное пространство, читает „Луньюй“[77], ест печеный батат, под носом у него всегда блестят сопли», — одним духом написал он фразу на разговорном языке. Сумбурная, что ни говори, фраза получилась. Громко выкрикивая слова, хозяин перечитал написанное и расхохотался: «Ха-ха-ха, интересно», но тут же добавил: «„Под носом у него всегда блестят сопли“ — это звучит немного сурово, вычеркнем», — и провел толстую линию. И одной такой линии было бы достаточно, но он провел и вторую и третью. Эти параллельные друг другу линии были очень красивы. Хозяин, не обращая внимания на то, что они заходят на другие строки, проводил их одну за другой. Когда образовалось восемь таких линий, а следующая фраза все еще не была придумана, хозяин отложил кисть в сторону и принялся крутить свои усы, словно говоря: «Вот я сейчас покажу, как можно из усов добывать хорошие фразы». Он яростно теребил усы, закручивая их то вверх, то вниз. В эту минуту из столовой вышла хозяйская жена и уселась перед самым носом мужа.

– Послушайте, — промолвила она.

– В чем дело? — глухим, как удар гонга под водой, голосом откликнулся хозяин. Жене такой ответ, видимо, не очень понравился, и она вновь обратилась к мужу:

– Послушайте.

– Ну, что там еще?

На этот раз он засунул в ноздрю большой и указательный пальцы и выдернул оттуда волосок.

– В этом месяце немного не хватило…

– Не может быть. Ведь и с доктором за лекарства рассчитались, и в книжный магазин еще в прошлом месяце внесли долг. В этом месяце должно было даже остаться, — ответил хозяин, сосредоточенно рассматривая только что выдернутый волосок, словно перед ним было одно из чудес света.

– И все-таки не хватило. Вы же не едите рис, вам обязательно хлеб подавай, да еще и варенье.

– Сколько же я съел этого варенья?

– В этом месяце восемь банок.

– Восемь? Не помню, чтобы столько я съел.

– Не вы один, вместе с детьми.

– Все равно, не должно было уйти больше пяти-шести йен. — И хозяин с невозмутимым видом принялся один за другим приклеивать к бумаге выдернутые им из носа волоски. Он вырывал их прямо с мясом, и поэтому они стояли на бумаге прямо, как воткнутые иголки. В восторге от неожиданного открытия хозяин подул на них изо всех сил, но волоски прилипли очень прочно и никак не хотели улетать.

– Ишь ты какие упрямые, — буркнул хозяин и начал дуть еще сильнее.

– И не только варенье, — продолжала хозяйка. От возмущения на щеках у нее выступили красные пятна. — Еще кое-что нужно было купить.

– Может быть, может быть, — ответил хозяин, снова засовывая пальцы в нос. Волоски были самых различных цветов: рыжие, черные, а один попался даже белый. Хозяин был этим немало удивлен и вовсю таращил на него глаза. Потом, зажав его между пальцами, поднес к самому лицу жены. С криком «Фу! Гадость какая!» та оттолкнула его руку.

– Да ты только посмотри, у меня в носу растут седые волосы. — Хозяин казался страшно взволнованным. Даже хозяйка, не выдержав, рассмеялась и поспешила уйти обратно в столовую. На экономические проблемы она, видимо, махнула рукой. А ее муж снова принялся за своего Тэннэн Кодзи.

Хозяин, которому при помощи волоска удалось прогнать жену, с облегчением вздохнул, как бы говоря: «Ну, теперь можно работать спокойно», — и каждый раз, выдернув волосок, порывался что-то написать, но у него так ничего и не получилось. Наконец он произнес:

– «Ест печеный батат» здесь совершенно лишнее, придется убрать, — и вычеркнул эти слова. — «„Воскурю благовония“ тоже звучит слишком неожиданно, выбросим», — без всякого сожаления вынес он себе письменное порицание. Осталось только одно предложение: «Тэннэн Кодзи — это человек, который изучает воздушное пространство, читает Луньюй». «А так слишком коротко получается, — подумал хозяин. — Ох, и морока, пусть уж это будет не рассказ, а просто эпитафия». Помахал он в воздухе кистью и начал усердно рисовать в верхней части листа орхидею — жалкое подобие рисунка автора на полях. Весь его огромный труд до единого иероглифа пошел насмарку. Тогда он перевернул лист и написал что-то совершенно невразумительное: «В воздушном пространстве родился, воздушное пространство исследовал, в воздушном пространстве умер. Ах, воздушный, ах, пространственный Тэннэн Кодзи!» И тут пришел Мэйтэй. Наверное, Мэйтэй не видел никакой разницы между своим домом и домами чужими, потому что всегда входил бесцеремонно, даже не постучавшись. Более того, были случаи, когда он неожиданно вторгался с черного хода. Еще при рождении он потерял все качества добропорядочного человека — стыд, совесть, стеснительность, застенчивость. Не успев сесть, он спросил хозяина:

– Никак опять великан Тяготение?

– Уж не думаешь ли ты, что я все время только и пишу что о великане Тяготении? Сочиняю эпитафию Тэннэн Кодзи, — многозначительно ответил хозяин.

– Тэннэн Кодзи — это такое же посмертное имя, как и Гудзэн Додзи?[78] — как обычно наобум спросил Мэйтэй.

– А разве такое тоже есть?

– Навряд ли, но я сначала было подумал, что ты имеешь в виду именно его.

– Гудзэн Додзи… Нет, такого имени я не знаю. А вот кто такой Тэннэн Кодзи, ты знаешь.

– Кто же вообразил себя Тэннэн Кодзи?

– Я говорю о том самом Соросаки, который после окончания университета поступил в аспирантуру и занялся исследованиями по теме «Теория воздушного пространства», но отдавал учебе слишком много сил и умер от перитонита. Ведь Соросаки был моим близким другом.

– Ну, и прекрасно, что он был твоим другом, я не вижу в этом ничего плохого. Но кто переименовал Соросаки в Тэннэн Кодзи? Чьих это рук дело?

– Я. Я назвал его так. Это не то что вульгарные имена, которые обычно дают монахи, — самодовольно произнес хозяин, словно «Тэннэн Кодзи» и правда было необычайно элегантным именем. Мэйтэй засмеялся и потянулся за рукописью:

– А ну-ка, покажи мне эту эпитафию. Что такое?… — И громко прочитал: — «В воздушном пространстве родился, воздушное пространство исследовал, в воздушном пространстве умер. Ах, воздушный, ах, пространственный Тэннэн Кодзи!» Действительно неплохо, именно такая эпитафия подходит для Тэннэн Кодзи.

– Конечно, хорошо, — радостно вторил ему хозяин.

– Высечь эту эпитафию на камне, что кладут в кадушку с маринованной редькой, а потом отнести за ограду храма, пусть там лежит, как те камни, которые поднимают люди, чтобы испробовать силу. И красиво, и о Тэннэн Кодзи напоминать будет.

– Я так и собирался сделать, — совершенно серьезно ответил хозяин. Потом добавил: — Извини, пожалуйста, я сейчас же вернусь, а ты пока поиграй с кошкой, — и, не дожидаясь ответа Мэйтэя, вдруг поднялся и вышел из комнаты.

Мне совершенно неожиданно поручили развлекать Мэйтэй-сэнсэя, а поэтому нельзя было сидеть с угрюмым лицом. Я приветливо заулыбался и попробовал было взобраться к гостю на колени, но тут он сказал: «Ого, и растолстел же ты, а ну», — и, бесцеремонно схватив меня за загривок, поднял вверх. «Э-э, а задние лапы-то у тебя болтаются, не ловишь ты, видно, крыс… Как, хозяюшка, ловит ваш кот крыс?» — обратился он к сидевшей в соседней комнате хозяйке. Видно, моего общества ему было недостаточно.

– Какие там крысы. Вот танцевать с дзони во рту — это он умеет, — неожиданно раскрыла хозяйка мой старый грех.

Я продолжал болтать лапами в воздухе и не знал, куда деваться от стыда. А Мэйтэй все не отпускал меня.

– По морде можно догадаться, что он танцор. Хозяюшка, а физиономия-то у вашего кота прехитрющая. Он очень похож на кошку Нэкомата, которую я видел в одной старой книжке с картинками. — Болтая всякую несусветную чушь, Мэйтэй изо всех сил старался втянуть хозяйку в разговор. Та с досадой отложила свое рукоделие и вошла в гостиную.

– Вам, наверное, очень скучно? Он скоро вернется. — Она налила в чашку свежего чая и подала Мэйтэю.

– А куда же он ушел?

– Трудно сказать. Он никогда не предупреждает, куда идет. Скорее всего пошел к врачу.

– К Амаки-сэнсэю? Плохо же придется Амаки-сэнсэю, если ему попадется такой больной.

– Да, — коротко ответила хозяйка. Ей, видимо, не хотелось продолжать разговор на эту тему, но Мэйтэй сделал вид, что он ничего не понял, и продолжал расспрашивать:

– Как он себя чувствует в последнее время? С желудком лучше стало?

– Понятия не имею, лучше или хуже. Можно ходить к Амаки-сану каждый день, но если питаться одним вареньем, желудок никогда не наладится. — В такой сдержанной форме хозяйка излила перед Мэйтэем свое недавнее раздражение.

– Неужели он так много ест варенья? Совсем как ребенок.

– И не только варенье, сейчас он увлекается тертой редькой, говорит, первейшее лекарство от желудка…

– Да ну, — изобразил удивление Мэйтэй.

– Все началось с того, что он прочитал в газете, будто бы в тертой редьке содержится диастаза.

– Видно, решил редькой уравновесить вред, который ему наносит варенье. Здорово придумано, ха-ха-ха!…

Жалобы хозяйки развеселили Мэйтэя.

– А недавно он даже маленького накормил…

– Вареньем?

– Да нет, тертой редькой… Представляете? «Иди сюда, говорит, детка, папа даст тебе что-то вкусное». Хоть раз в жизни, думаю, приласкает ребенка, а он такую глупость сделал. А несколько дней назад взял нашу среднюю дочку да и посадил на шкаф…

– Какой же в этом смысл?

О чем бы ни зашел разговор, Мэйтэй всегда стремится докопаться до смысла.

– Да никакого. Он просто сказал ей: «А ну, попробуй-ка спрыгнуть отсюда». Да разве способна девочка, которой едва минуло четыре года, спрыгнуть с такой вышины?

– Действительно, смысла здесь очень мало. И все-таки по-своему он хороший человек, не вредный.

– Еще не хватало, чтобы он был вредным, тогда бы вообще стало невмоготу! — с горячностью воскликнула хозяйка.

– О, зачем так браниться. Ведь гораздо лучше, когда жизнь течет спокойно, без скандалов. А Кусями-кун человек скромный и в одежде неприхотлив, он как бы создан для тихой семейной жизни, — легкомысленным тоном принялся поучать ее Мэйтэй, хотя это было совсем не в его характере.

– Однако вы глубоко заблуждаетесь…

– Что, чем-нибудь потихоньку увлекается? В нашей жизни всякое бывает, — загадочно проговорил Мэйтэй.

– Вообще-то никакой распущенности я за ним не замечаю, если не считать того, что он все время покупает книги, которые даже не читает. Было бы еще полбеды, если бы он покупал только необходимые ему книги, а то ведь отправляется когда вздумается в «Марудзэн» и покупает их десятками, а как подходит конец месяца и приносят счета, он делает невинное лицо. Вот, например, в конце прошлого года очень туго пришлось: нужно было платить сразу за несколько месяцев.

– Ну, то, что он покупает книги, еще не страшно, пусть покупает. А когда придут за деньгами, вы пообещайте немедленно уплатить, они и оставят вас в покое.

– Но ведь когда-нибудь все равно придется платить, — упавшим голосом продолжала хозяйка.

– Тогда объясните супругу, в чем дело, и заставьте сократить расходы на книги.

– Я уже говорила, да разве он послушает? Вот и недавно он сказал мне: «Ну, какая из тебя жена ученого! Ты же совсем не понимаешь, что такое книги. Послушай, что случилось однажды в древнем Риме, это тебе будет наукой на будущее».

– Интересно, что же там случилось? — сразу загорелся Мэйтэй. Им руководило не сочувствие к хозяйке, а обыкновенное любопытство.

– В общем, в древнем Риме был царь Тарукин…

– Тарукин? Гм, странно.

– У, очень они трудные, эти иностранные имена, никак не могу запомнить. Во всяком случае, он, кажется, был седьмым.

– Седьмой Тарукин… очень странно. Так что же случилось с этим седьмым Тарукином?

– И вы смеетесь надо мной… Возьмите и объясните сами, если знаете, злой вы человек, — напустилась хозяйка на Мэйтэя.

– С чего вы взяли, что я смеюсь над вами, я не способен на такие вещи. Просто мне показалось, что седьмой Тарукин звучит не совсем обычно… Постойте, седьмой римский царь… э-э, как его… точно не помню, но, кажется, это был Тарквиний Гордый. Ну, да неважно… Так что же случилось с этим царем?

– Как-то к нему пришла женщина с девятью книгами и предложила купить их у нее.

– Так, так.

– «За сколько же ты их продаешь?» — спросил царь. Та назвала очень высокую цену. «Это слишком дорого, — сказал царь, — может, уступишь немного?» Женщина тут же взяла три книги и бросила их в огонь.

– Это она зря.

– А в книгах тех были написаны не то предсказания, не то еще что-то, чего нигде больше нельзя было найти.

– Ой, ой, ой.

– Царь подумал: «Раз из девяти книг теперь осталось только шесть, то и цена, наверное, меньше стала», — и спросил: «Сколько же ты просишь за шесть книг?» Женщина назвала прежнюю цифру и не хотела уступить ни мона[79]. «Это же грабеж!» — возмутился царь, но желание приобрести эти книги, видно, не покидало царя, и он спросил: «А за сколько ты продашь три книги?» — «За ту же цену, что и все девять». Из девяти книг осталось шесть, потом только три, а цена не уменьшилась ни на рин. «Чего доброго, и последние три окажутся в огне», — подумал царь, перестал торговаться и, заплатив большие деньги, купил уцелевшие от сожжения книги… «Ну, надеюсь, ты поняла теперь, что значат книги», — старался всеми силами объяснить муж, но мне по-прежнему невдомек, в чем их ценность.

Изложив свою точку зрения, хозяйка дала понять Мэйтэю, что ждет от него вразумительного ответа. Однако тут даже Мэйтэй, видимо, оказался в тупике. Он вытащил из рукава кимоно носовой платок и принялся дразнить меня, потом, словно надумав что-то, воскликнул:

– Однако, хозяюшка! Ведь его только потому и считают ученым, что он без разбору покупает книги и загромоздил ими весь дом. Недавно о Кусями-куне писали в одном литературном журнале.

– Правда? — Хозяйка подалась всем телом вперед. Наверное, муж ей все-таки не совсем безразличен, если ее интересует, что о нем говорят. — И что же там писали?

– Немного, всего несколько строчек. Что Кусями-кун пишет так, как будто облака плывут по небу, как будто река катит свои воды.

Хозяйка радостно заулыбалась.

– И только?

– Дальше было вот что: «Только подумаешь, что вот-вот доберешься до истины, как вдруг все исчезает и растворяется в тумане».

Лицо у хозяйки в эту минуту было какое-то странное.

– Хвалили, наверное? — с беспокойством спросила она.

– Должно быть, хвалили, — произнес Мэйтэй и принялся с бесстрастным видом водить платком у меня перед глазами.

– Что ж, если книги нужны ему для дела, то тут ничего не поделаешь, но у него слишком много странностей.

«Ага, на этот раз повела наступление с другой стороны», — подумал Мэйтэй, а вслух сказал, уклончиво, чтобы и хозяйку не обидеть и хозяина защитить:

– Да, он действительно несколько странный, да ведь они, то есть люди, занимающиеся наукой, все такие.

– Недавно приходит он из школы и говорит, что должен немедленно куда-то идти и что переодеваться поэтому не стоит. Потом, представляете, прямо в пальто садится на стол и принимается за еду. Дзэн[80] он поставил на котацу. Я сидела рядом с миской в руках, и мне было очень странно видеть такую картину…

– Он, наверное, в эту минуту был похож на воина, рассматривающего отрубленную голову врага, только вместо кольчуги этот воин одет в модное пальто. Однако это весьма характерно для Кусями-куна — во всяком случае, не банально. — Мэйтэй изо всех сил старался выгородить своего приятеля.

– Банально или нет — женщине все равно не понять, но что бы вы ни говорили, его поведение переходит всякие границы.

– Банальность — самое худшее, — продолжал Мэйтэй. Однако его ответ совершенно не удовлетворил хозяйку. Она вдруг переменила тон и строго спросила:

– Вот вы без конца твердите: банальность, банальность. А что это такое — банальность?

– Банальность? Банальность — это… Трудновато объяснить сразу…

– Если это такая неопределенная вещь, ваша банальность, то навряд ли она означает что-то хорошее, — с чисто женской логикой напустилась хозяйка на гостя.

– Почему же неопределенная? Здесь все определенно, просто трудно объяснить.

– Во всяком случае, вы называете банальностью все, что вам не нравится, — сама того не сознавая, хозяйка попала в самую точку. Обстоятельства сложились так, что Мэйтэю нужно было срочно что-то предпринимать в отношении банальности.

– Хозяюшка, — сказал он, — примером банальности могут служить люди, которым «нет еще двадцати восьми — двадцати девяти лет, которые всем довольны и живут легко и бездумно», а если сказано «стоит прекрасный солнечный день», то можете быть уверены, что они непременно «отправятся гулять на дамбу Сумитэй, прихватив с собой сакэ во фляге из тыквы».

Хозяйка ничего не поняла из этого объяснения.

– Разве есть такие люди? — только и смогла промолвить она, а потом добавила, окончательно сдаваясь: — Уж очень сумбурное объяснение, мне его не понять.

– В таком случае приставьте к туловищу Бакина[81] голову майора Пенденниса[82] и пустите их на год-другой в Европу.

– И тогда получится банальность?

Мэйтэй ничего не ответил, а только засмеялся. Через минуту он сказал:

– А вообще-то можно сделать даже проще. Возьмите гимназиста, прибавьте к нему приказчика из магазина «Сирокия» и разделите пополам. Вот вам, пожалуйста, прекрасный образчик банальности.

– Даже так? — сказала хозяйка и погрузилась в раздумье — видно, ей было трудно переварить в своем сознании все сказанное Мэйтэем.

– Ты все еще здесь? — спросил хозяин, входя в гостиную и располагаясь рядом с Мэйтэем. Никто не заметил, когда он вернулся.

– Что значит «все еще здесь»? Ты же сказал: «Подожди немного, я сейчас вернусь».

– Он всегда так, — вставила хозяйка, обращаясь к Мэйтэю.

– Пока тебя не было, я всю твою подноготную узнал.

– Женщинам только дай поболтать. Вот если бы люди умели так же молчать, как этот кот, — проговорил хозяин и погладил меня по голове.

Говорят, ты хотел накормить младенца тертой редькой.

– Хм, — усмехнулся хозяин, — сейчас знаешь какие умные пошли младенцы. Спросишь его: «Детка, где горько?» — а он язык высовывает. Забавно!

– Фу, какая жестокость, будто собаку дрессируешь. Кстати, скоро должен прийти Кангэцу.

– Кангэцу? — недоуменно переспросил хозяин.

– Ага. Я ему послал открытку: «К часу дня будь у Кусями».

– Что ты за человек, все делаешь, как тебе хочется, а с другими совсем не считаешься. Ну, скажи: для чего ты позвал Кангэцу?

– Да не я это придумал, Кангэцу-сэнсэй сам попросил. Сэнсэй сказал, что должен выступать с докладом в Физическом обществе. Я, говорит, буду репетировать, а ты слушай. Прекрасно, говорю, пусть тогда и Кусями послушает. Вот и решил пригласить его сюда… тебе же все равно делать нечего, он нисколько не помешает, почему бы не послушать. — Мэйтэй распоряжался как у себя дома. Возмущенный его бесцеремонностью, хозяин возразил:

– Но ведь я ничего не пойму в докладе по физике.

– Ты не думай, что этот доклад будет сухим и неинтересным, о каком-нибудь, скажем, сопле с магнитом. Тема его необычайно оригинальна и интересна — «Механика повешения». Рекомендую послушать.

– Тебе-то не мешало бы послушать, ведь это ты когда-то не смог повеситься, а мне…

– Признаться, я не ожидал, что человек, которого при одном упоминании «Кабуки» бросает в дрожь, вдруг придет к заключению, что он не в силах слушать подобный доклад, — как всегда шутливо промолвил Мэйтэй. Хозяйка захихикала и, взглянув на мужа, поспешно вышла из комнаты. Хозяин молча гладил меня по голове. Я не могу припомнить другого такого случая, когда бы он делал это столь же учтиво.

Прошло несколько минут, и, как было условлено, пришел Кангэцу-кун. По случаю доклада, который ему предстояло прочесть сегодня вечером, он облачился в элегантный сюртук, высоко поднял белоснежный воротничок сорочки, и, таким образом, его мужская красота возросла ровно на двадцать процентов. «Извините, я немного опоздал», — спокойным тоном приветствовал он присутствующих.

– А мы уже ждем, ждем тебя, — откликнулся Мэйтэй. — Начинай побыстрее. — И, обращаясь к хозяину, спросил: — Ты не возражаешь? — Тому ничего не оставалось, как пробурчать «угу». Кангэцу-кун не спешил.

– Принесите мне, пожалуйста, стакан воды, — сказал он.

– Ого, все как полагается. Потом, чего доброго, начнешь требовать аплодисментов, — тараторил Мэйтэй. Кангэцу-кун достал из внутреннего кармана тезисы доклада и, положив их перед собой, с достоинством начал:

– Это всего лишь репетиция, поэтому прошу откровенно высказывать свое мнение.

Осуждение преступников на смертную казнь через повешенье было распространено главным образом среди англосаксов, но если обратиться к временам более древним, то станет ясно, что повешенье являлось широко распространенным способом самоубийства. Известно, что у евреев существовал обычай убивать преступников, забрасывая их камнями. В результате изучения Ветхого завета можно прийти к заключению, что слово «повешенье» означало «отдать на съедение хищным животным или птицам подвешенный на столбе труп преступника». Имеющиеся у Геродота сведения дают основания полагать, что евреи еще до выхода из Египта испытывали глубокое отвращение к выставлению трупов на всеобщее обозрение в ночное время. Говорят, что египтяне отрубали преступникам головы, а к крестам прибивали только их тела. Персы…

– Кангэцу-кун, — перебил его Мэйтэй, — а ничего, что ты постепенно отвлекаешься от темы?

– Сейчас я перейду к основной части доклада, потерпите немного… Итак, как же поступали персы? По всей вероятности, они тоже прибегали к распятию преступников на кресте. Неясно только, когда они приколачивали их гвоздями к кресту — уже после смерти или заживо…

– Это неважно, — со скучающим видом заметил хозяин.

– Я бы еще о многом хотел вам рассказать, но боюсь затруждать…

– По-моему, «утруждать» звучит лучше, чем «затруждать». А, Кусями-кун? — не отставал Мэйтэй от докладчика.

– Все равно, — равнодушно ответил хозяин.

– Переходя к главной теме доклада, я поведаю…

– Но тут опять вмешался Мэйтэй-сэнсэй:

– Это сказители так говорят — «поведаю». Было бы желательно, чтобы докладчик употреблял более изысканные слова.

– Если «поведаю» — неподходящее слово, то как же следует говорить? — спросил Кангэцу; в голосе его слышалось раздражение.

– Мне неясно, зачем пришел сюда Мэйтэй — слушать или только мешать. Кангэцу-кун, не обращай внимания на этого горлопана и делай спокойно свое дело, — поспешил вмешаться хозяин.

– «И в раздражении поведал он про иву», — последовал ответ, как всегда неожиданный. Кангэцу невольно прыснул.

– Применение повешения в чистом виде, как мне удалось выяснить, описывается в двадцать второй песне «Одиссеи». Точнее, это та самая строфа, где рассказывается о том, как Телемах повесил двенадцать рабынь Пенелопы. Хорошо бы прочитать это место на греческом языке, но могут подумать, что я хвастаюсь, а потому придется отказаться от этой затеи. Однако вы легко можете убедиться в правильности моих ссылок, прочитав строки: четыреста шестьдесят пятую — четыреста семьдесят третью.

– Греческий язык и все связанное с ним лучше выбросить, а то это смахивает на хвастовство. Правда, Кусями-кун?

– Я тоже согласен, не надо выхваляться, так будет гораздо солиднее, — поддержал хозяин Мэйтэя, чего раньше никогда не случалось. И тот и другой совершенно не знали греческого.

– Тогда сегодня вечером я опущу эти несколько фраз и повед… э-э, пойду дальше. Представим себе, как осуществлялось это повешенье. Оно могло выполняться двумя способами. Первый заключается в том, что Телемах с помощью Евмея и Филойтия привязал один конец веревки к столбу. Затем наделал на ней петли, просунул в каждую петлю голову женщины и сильно натянул другой конец…

– Короче говоря, эти женщины висели на веревке, как рубашки в европейской прачечной.

– Вот именно. Второй способ сводится к следующему: как и в первом случае, один конец веревки привязывается к столбу, а другой конец закрепляется высоко под сводом. К этой туго натянутой веревке прикрепляется еще несколько веревок. На них делают петли, надевают их женщинам на шею и в какой-то момент выталкивают подставки у женщин из-под ног.

– Для наглядности будет уместным вспомнить, скажем, о том, как висят на веревочной шторе круглые фонарики.

– Мне никогда не приходилось видеть круглый фонарик, поэтому я ничего не могу сказать по этому поводу, но если предположить, что таковые действительно существуют, то они-то, наверное, и подойдут…Итак, попытаемся доказать, что с точки зрения законов механики первый случай никак не мог иметь место.

– Интересно, — сказал Мэйтэй.

– Угу, интересно, — согласился с ним хозяин.

– Вначале предположим, что женщины были подвешены на равном расстоянии друг от друга. Через a_1 a_2… a_6 обозначим углы, образуемые веревкой с линией горизонта, T_1 T_2… T_6 примем за силы, действующие на каждую часть веревки. Через T = X обозначим силу, действующую на веревку в самой нижней ее части. W — вес женщин, запомните это. Ну как, понятно?

Мэйтэй с хозяином переглянулись и ответили:

– В основном понятно.

Однако это «в основном» было сказано совершенно произвольно и отнюдь не означало, что то же самое можно будет сказать и о других слушателях.

– Итак, на основании известной вам теории равновесия для многоугольников получаем следующие двенадцать уравнений:

$T_1 \cos a_1 = T_2 \cos a_{2\ldots}(1)$

$T_2 \cos a_2 = T_3 \cos a_{3\ldots}(2)\ldots$

– Вероятно, достаточно формул, — грубо прервал его хозяин.

– Но ведь суть доклада именно в этих уравнениях.

Кангэцу-кун был страшно обескуражен. Мэйтэй тоже выглядел несколько смущенным.

– Раз в этом вся суть, — сказал он, — то, может, вернемся к ним позже?

– Если опустить эти формулы, то и все мое исследование, на которое я затратил столько сил, пойдет насмарку…

– Да чего ты стесняешься, выбрасывай поскорее, — спокойно произнес хозяин.

– Ну что ж, будь по-вашему, но только зря это.

– Вот теперь хорошо, — к моему несказанному удивлению, захлопал в ладоши Мэйтэй.

– Перейдем к Англии. Упоминание в «Беовульфе»[83] слова «галга», то есть «виселица», позволяет думать, что смертная казнь через повешение, несомненно, была введена уже в ту эпоху. Согласно Блэкстону[84], если приговоренный к повешению преступник почему-либо не умирал на виселице, он должен был подвергнуться этому наказанию вторично, но, как ни странно, в «Петре Пахаре»[85] встречается такая фраза: «Каким бы ни был злодей, нет такого закона, чтобы вешать его дважды». Неизвестно, кто из них прав, но есть немало примеров, когда из-за нерадивости палача преступник не мог умереть сразу. В тысяча семьсот восемьдесят шестом году состоялась казнь через повешение знаменитого преступника Фицджеральда. Однако по странному стечению обстоятельств в тот момент, когда выбили подставку у него из-под ног, веревка оборвалась. Начали все снова, но на этот раз веревка оказалась слишком длинной, ноги преступника коснулись земли, и он снова остался жив. И только на третий раз, уже с помощью зрителей удалось довести дело до конца.

– Дальше, дальше, — внезапно оживился Мэйтэй. Даже хозяин проявил какие-то признаки заинтересованности.

– Вот уж действительно смерть не берет, — проговорил он.

– Еще одна интересная деталь: говорят, что у повешенного увеличивается рост ровно на сун[86]. Здесь не может быть никакой ошибки, врачи точно измерили.

– Это что-то новое. Взяли бы да повесили на минутку, скажем, Кусями-куна, глядишь, он подрос бы на целый сун и стал бы таким же, как все остальные люди, — сказал Мэйтэй и оглянулся на хозяина. А тот вопреки ожиданиям с очень серьезным видом спросил:

– Кангэцу-кун, были такие случаи, когда люди вырастали на целый сун и после этого?

– Такое совершенно исключено. Дело в том, что в таком положении у человека вытягивается спинной мозг, короче говоря, тело не просто удлиняется, а в нем происходят разрывы.

– Тогда не надо. — Хозяин сразу же отказался от этой затеи.

Конца доклада не было видно, докладчик намеревался даже охарактеризовать физиологические процессы, совершающиеся в организме повешенного, но Мэйтэй непрестанно лез со своими дурацкими репликами, а хозяин то и дело зевал во весь рот, поэтому Кангэцу, остановившись на полуслове, собрал свои бумаги и ушел. У меня не было возможности узнать, как держался Кангэцу-кун в тот вечер, как он ораторствовал, — все это происходило где-то очень далеко.

Несколько дней прошло спокойно, но однажды, около двух часов пополудни, неожиданно как снег на голову свалился Мэйтэй-сэнсэй. Не успев сесть, он заговорил, да так оживленно, будто пришел сообщить по меньшей мере о падении Порт-Артура:

– Ты слыхал, что произошло с Оти Тофу в Таканава?

Хозяин, как всегда, угрюмо ответил:

– Нет, я уже давно с ним не встречался.

– Мне захотелось поведать тебе о неудаче, постигшей Тофу, вот я и пришел, несмотря на занятость.

– Опять преувеличиваешь, наглец ты этакий.

– Ха-ха-ха, не наглец, а бесцеремонный, прошу запомнить, ведь это касается моей чести.

– А, все равно, — как ни в чем не бывало ответил хозяин. Настоящее воплощение Тэннэн Кодзи!

– Говорят, что в прошлое воскресенье Тофу отправился в Таканава, в храм Сэнгакудзи. Правда, в такую погоду лучше было бы не ездить… Поехать в Сэнгакудзи или в другое подобное место мог додуматься лишь какой-нибудь провинциал, который совершенно не знает Токио.

– Это уже его дело. Ты не имеешь права ему запретить.

– Такого права у меня действительно нет. Да не в правах дело. В том храме есть балаган, называется он «Общество по охране вещей Гиси». Тебе известно об этом?

– Нет…

– Как, неужели неизвестно? Но ведь тебе приходилось бывать в Сэнгакудзи.

– Нет, не приходилось.

– Ну… Поразительно. Теперь понятно, почему ты изо всех сил защищаешь Тофу. Как тебе не стыдно — уроженец Эдо[87] и не знаешь Сэнгакудзи.

– Учителю этого можно и не знать. — Хозяин все больше и больше уподоблялся Тэннэн Кодзи.

– Ну, ладно. Итак, Тофу был занят осмотром выставки, когда пришли немцы — муж и жена. Они о чем-то спросили Тофу по-японски. Но ведь сэнсэй такой человек, ему ничего не надо — дай только поговорить по-немецки. И он без запинки выпалил несколько немецких слов. Неожиданно для него самого получилось очень здорово — уже потом он пришел к выводу, что в этом-то и крылась причина случившегося с ним несчастья.

Мало-помалу Мэйтэю удалось заинтриговать хозяина.

– Что же было потом? — нетерпеливо спросил тот.

– Немцы увидели футляр для лекарств с инкрустациями по лаку, некогда принадлежавший Отака Гэнго, и спросили, можно ли его купить. И вот что ответил им Тофу. Послушай, это очень забавно. «Японцы, — сказал он, — честный и неподкупный народ, поэтому ничего у вас не получится». До сих пор все шло более или менее благополучно, но потом немцы, обрадованные тем, что им попался человек, умеющий говорить по-немецки, засыпали его вопросами.

– Что же они спрашивали?

– Что! Если бы он только знал что, тогда бы можно было не беспокоиться, но немцы буквально забрасывали его вопросами и говорили так быстро, что он не мог ничего понять. Он лишь понимал, что его спрашивают о баграх да таранах, но полного смысла не улавливал. Сэнсэю пришлось очень туго, потому что он никогда не учил, как будет по-немецки багор или таран.

– Оно, конечно, так, — сочувственно вздохнул хозяин, вспоминая, что ему пришлось испытать самому за годы работы в школе.

– Тут, привлеченные диковинным зрелищем, понемногу стали собираться зеваки. Они окружили Тофу и немцев и глазели на них. Тофу покраснел и окончательно смутился. На смену первоначальной бодрости пришла полная растерянность.

– Чем же все это кончилось?

– Тофу не мог больше выдержать ни минуты и, буркнув по-японски «до свидения», бросился наутек. Я потом спросил его; «„До свиденья“ звучит несколько странно, что, разве у

тебя на родине вместо „до свиданья“ говорят „до свиденья“?» — «Почему же, — ответил он, — у нас тоже говорят „до свиданья“, но поскольку моими собеседниками были иностранцы, я специально для гармонии произнес „до свиденья“». Я просто в восторге; вот человек, даже в трудную минуту не забывает о гармонии.

– Ну ладно, — значит, он сказал «до свиденья», а что же иностранцы?

– Те, говорят, были ошеломлены и только таращили глаза, ха-ха-ха… Забавно, правда?

– Ничего особенно забавного я здесь не вижу, гораздо забавнее то, что ты специально пришел рассказать мне об этом, — сказал хозяин и стряхнул пепел с папиросы. В эту минуту у ворот кто-то громко позвонил, и резкий женский голос спросил: «Разрешите?» Мэйтэй и хозяин удивленно переглянулись и замолчали.

«Женщины являются к нам не так уж часто», — подумал я, и в ту же минуту в комнату вошла обладательница этого резкого голоса, волоча по полу подол своего двойного крепдешинового кимоно. Лет ей было, наверное, немногим больше сорока. Прорезанная глубокими залысинами копна волос возвышалась над лбом подобно дамбе; высота прически составляла примерно половину длины лица. Щелки глаз, еще более узкие, чем у кита, поднимались круто к вискам, подобно склонам насыпи. Ее нос был необычайно крупный. Невольно создавалось впечатление, что раньше этот нос принадлежал кому-то другому, но женщина похитила его и пересадила на свое лицо. Как огромный каменный фонарь, перенесенный из храма поклонения духам павших воинов на маленький, всего в три цубо двор, он закрывал почти все лицо и все-таки казался каким-то совершенно инородным телом. Это был из тех носов, которые называют носами-крючками; однажды он принялся изо всех сил тянуться вверх, но по пути заскромничал и, решив вернуться на прежнее место, наклонился, да так и остался висеть, заглядывая в находящийся прямо под ним рот. Когда женщина начинала говорить, то благодаря столь необычайной форме ее носа складывалось впечатление, что она делает это не при помощи рта, а скорее при помощи носа. Для того чтобы выразить свое уважение к этому великолепному носу, я намерен впредь, говоря об этой женщине, называть ее Ханако[88].

Покончив с приветствиями, которые произносятся при первом знакомстве, Ханако внимательным взором обвела гостиную и сказала: «Прекрасный у вас дом». «Ври больше», — подумал про себя хозяин, попыхивая сигаретой. Мэйтэй, глядя в потолок, произнес: «Смотри, какой странный узор. Это что, от дождя? Или там просто доски такие?» — и тем самым намекнул хозяину, о чем следует говорить. «От дождя, конечно», — ответил хозяин. «Прекрасно», — с серьезным видом произнес Мэйтэй. «Ну и люди, совсем не умеют держать себя в обществе», — возмутилась в глубине души Ханако. Некоторое время все сидели молча.

– Мне хотелось бы кое-что спросить у вас, поэтому я и пришла, — снова заговорила гостья.

– А-а, — безразличным тоном протянул хозяин.

«Нет, так дело не пойдет», — подумала Ханако и сказала:

– Собственно говоря, я живу совсем рядом — в угловом особняке, на противоположной стороне переулка.

– Такой большой европейский дом с амбаром? То-то на нем висит дощечка с надписью «Канэда», — кажется, дошло наконец до сознания хозяина, что речь идет о доме Канэда и амбаре Канэда, но от этого почтительности к госпоже Канэда у него не прибавилось.

– Вообще-то с вами должен был разговаривать мой муж, но дела фирмы отнимают у него слишком много времени… — сказала Ханако. В глазах у нее светилось торжество: «Теперь-то, наверное, проняло немного». Однако на хозяина это сообщение не произвело никакого впечатления. Манера Ханако говорить показалась ему слишком свободной для женщины, впервые встретившейся с незнакомым мужчиной, и он почувствовал раздражение.

– И даже не одной фирмы, а сразу двух или трех, — продолжала гостья. — И во всех трех он директор… Да вы, наверное, знаете.

«Неужели и это не произведет желаемого эффекта», — было написано у нее на лице. При одном упоминании имен крупных ученых или профессоров хозяин преисполнялся благоговения, к дельцам же, как ни странно, он не питал почти никакого уважения. Он был

твердо убежден, что учитель гимназии на две головы выше любого дельца. А если бы даже у него и не было такого убеждения, то все равно весьма сомнительно, чтобы он со своим неуживчивым характером мог снискать расположение деловых людей. С этой мыслью хозяин уже давно примирился и был совершенно равнодушен к радостям и печалям людей, на благодеяния со стороны которых он не рассчитывал. Поэтому во всех вопросах, не имеющих отношения к научному миру, он был совершеннейшим профаном, и это проявлялось особенно ярко, когда речь заходила о деловом мире: он не имел никакого понятия о том, кто к нему принадлежит, чем там занимаются. А если бы даже и знал, все равно не смог бы испытывать к этому миру чувство покорной учтивости. Ханако и во сне не могло присниться, что где-то на земле, под одним с ней солнцем обитает такой чудак. Ей не раз приходилось иметь дело с людьми разного положения и разного нрава, и стоило ей только сказать: «Я — жена Канэда», — как тотчас же перед ней широко распахивались двери в любое общество, она была вхожа к любому человеку, какое бы высокое положение он ни занимал. Поэтому она была уверена, что достаточно будет сказать этому зачахшему в четырех стенах престарелому сэнсэю: «Я живу в угловом особняке, на противоположной стороне переулка», — чтобы тот, не спросив даже, чем занимается ее муж, пришел в неописуемый восторг.

– Ты знаешь, кто такой Канэда? — пренебрежительным тоном спросил хозяин Мэйтэя.

– Конечно, знаю. Канэда-сан друг моего дяди. Недавно они вместе были на пикнике, — серьезно произнес Мэйтэй.

– Гм! А кто твой дядя?

– Барон Макияма, — ответил Мэйтэй еще серьезнее. Хозяин хотел что-то возразить, но не успел он раскрыть рта, как Ханако резко повернулась к Мэйтэю и внимательно посмотрела на него. Лицо Мэйтэя, который сегодня поверх кимоно из цумуги надел еще кимоно из заморского шелка, оставалось бесстрастным.

– Ах, значит, вы господина Макияма… Кем же вы ему приходитесь? Извините великодушно, я этого совсем не знала. Мой муж часто повторяет: «Мы всем обязаны господину Макияма».

Она вдруг заговорила вежливым тоном и в довершение всего склонилась перед Мэйтэем в низком поклоне.

– Э, полноте, — засмеялся Мэйтэй.

Хозяин был совершенно сбит с толку и только молча наблюдал за происходящим.

– Он просил господина Макияма позаботиться и о будущем нашей дочери…

– Вот как?

Даже для Мэйтэя это прозвучало слишком неожиданно, и он не мог скрыть удивление.

– Вообще-то многие просят ее руки, но ведь мы люди с положением и не можем отдать ее за первого попавшегося…

– Совершенно справедливо, — ответил Мэйтэй, постепенно успокаиваясь.

– Вот я и пришла поговорить с вами, — заговорила Ханако своим прежним высокомерным тоном, обращаясь к хозяину. — Говорят, к вам часто заходит человек по имени Мидзусима Кангэцу. Что он собой представляет?

– А для чего вы спрашиваете о Кангэцу? — неприязненно спросил хозяин.

«Наверно, это связано с замужеством их дочери и им хочется все о нем разузнать», — догадался Мэйтэй.

– Было бы очень хорошо, если бы вы рассказали мне о нем.

– Значит, вы сказали, что хотите выдать свою дочь за Кангэцу, — начал было хозяин, но Ханако тут же заставила его замолчать:

– Никто этого не хочет. У нас предложений сколько угодно, так что ничего страшного не случится, если он не женится на ней.

– Тогда вам нечего о нем расспрашивать, — вспылил хозяин.

– Но скрывать тоже не стоит, — с угрозой в голосе заметила Ханако.

Мэйтэй сидел между ними и, держа свою серебряную трубку наподобие гумпай-утива[89], выкрикивал про себя: «Хаккэ, ёй-я, ёй-я!»[90].

– А сам-то Кангэцу говорил, что непременно хочет жениться на ней? — спросил хозяин в упор.

– Сам он этого не говорил, но…

– Но вы думаете, что хочет? — сказал хозяин, очевидно понимая, что с такой женщиной надо говорить только так.

– До этого дело не дошло… Но Кангэцу-сан, наверное, не прочь жениться на нашей дочери. — Ханако попыталась исправить положение как раз в тот момент, когда она уже была оттеснена к самому краю арены.

– А Кангэцу как-нибудь выказал свои чувства к вашей дочери? — спросил хозяин, всем своим грозным видом как бы говоря: «Попробуй только скажи, что выказывал», — и откинулся назад.

– Должно быть, примерно так.

На этот раз «лобовая атака» не достигла цели. Даже у Мэйтэя, который до сих пор с интересом наблюдал за происходившей сценой, корча из себя арбитра, слова Ханако вызвали любопытство. Он отложил в сторону трубку и весь подался вперед.

– Кангэцу даже писал вашей дочери любовные письма? Вот здорово! Еще один анекдот в Новом году прибавился, будет что рассказать, — радовался он про себя.

– Если бы только любовные письма! Хуже! Да как будто вы не знаете, — язвительным тоном сказала Ханако.

Хозяин, словно помешанный, повернулся к Мэйтэю и спросил:

– Тебе что-нибудь известно об этом?

Ответ Мэйтэя прозвучал не менее странно.

– Мне ничего не известно, уж если кто должен знать, так это ты, — ни с того ни с сего заскромничал он.

И лишь одна Ханако сидела с торжествующим видом.

– Нет, — сказала она, — вы оба должны знать об этом.

«Оба», пораженные, воскликнули в один голос:

– Что?!

– А если забыли, то я напомню. В конце прошлого года у Абэсана, в Мукодзима, был концерт, Кангэцу-сан тоже на нем присутствовал, верно? Вечером, когда он возвращался домой, намосту Азумабаси что-то произошло… я не хочу вдаваться в подробности, возможно ему это будет неприятно — но думаю, что этих доказательств вполне достаточно. Ну, так как?

И, упершись в колени унизанными бриллиантами пальцами, Ханако как ни в чем не бывало стала усаживаться поудобнее. Ее нос становился все великолепнее, а Мэйтэй и хозяин для нее уже как будто не существовали.

Не говоря уже о хозяине, даже Мэйтэй, казалось, был поражен этим внезапным ударом, и некоторое время оба находились в состоянии полной прострации, но когда постепенно оправились от потрясения, то сразу почувствовали весь комизм положения и, словно сговорившись, разразились громким хохотом. Только Ханако, видя, что все идет не так, как ей хотелось бы, сидела мрачная и злая, всем своим видом как бы говоря: «Мол, это же очень невежливо, смеяться в такой момент».

– Так это была ваша дочь? Здорово! Все было, как вы говорите, а, Кусями-кун? Не иначе Кангэцу влюблен в их дочь… Теперь уже нечего скрывать, давай признаемся.

– Угу, — только и буркнул в ответ хозяин.

– Конечно, чего там скрывать, и так уже все ясно. — К Ханако вернулось ее обычное самодовольство.

– Ладно, так уж и быть. Расскажем вам все, что знаем о Кангэцу-куне. Кусями-кун! Ты же хозяин. Перестань смеяться, а то так мы никогда не кончим. Ох, и страшная же это вещь

тайна. Сколько ни прячь, все равно как-нибудь обнаружится. Но вот что странно. Как это госпоже Канэда удалось проведать обо всем? Просто удивительно, — разболтался Мэйтэй.

– Я-то всегда начеку, — с победоносным видом заявила Ханако.

– По-моему, даже слишком начеку. А все-таки от кого вы узнали об этом?

– От жены рикши, что живет рядом с вами.

– Того самого рикши, у которого есть черный кот? — спросил хозяин. От удивления у него глаза вылезли на лоб.

– Да, того самого. Я частенько пользовалась ее услугами в этом деле. Мне было интересно узнать, о чем говорит Кангэцу-сан каждый раз, когда приходит сюда, вот я и попросила ее подслушать, а потом рассказать мне.

– Какой ужас, — воскликнул хозяин, глядя на Ханако широко раскрытыми глазами.

– Пустяки. Что делаете и что говорите вы, меня совсем не интересует. Только Кангэцу-сан.

– Да хоть Кангэцу, хоть кто… В общем, проделки этой бесстыдницы, жены рикши, мне совсем не по вкусу, — разозлился хозяин.

– Разве она не может подойти к вашему забору и стоять там сколько ей вздумается? А если вам не нравится, что ваши разговоры слушают другие, то или говорите тише, или переезжайте в другой дом, который побольше, — без тени смущения заявила Ханако. — И не только жена рикши. Кое-что мне рассказала также учительница музыки.

– О Кангэцу?

– Не только о Кангэцу-сане, — с угрозой в голосе ответила Ханако.

«Не по себе ему, наверное, сейчас», — только успел я подумать о своем хозяине, как тот произнес:

– Эта учительница, которая корчит из себя благородную, набитая дура…

– Позволю себе заметить, она все-таки женщина. Так что со своим «набитая дура» вы ошиблись адресом.

Манеры Ханако красноречиво говорили о том, что собой представляет эта женщина. Она, кажется, явилась сюда только затем, чтобы устроить скандал. Мэйтэй, как всегда, был верен себе и с интересом наблюдал за перепалкой между хозяином и Ханако. Он был совершенно невозмутим и очень напоминал отшельника Тэккая, следящего за боем сиамских петухов.

Хозяин, понимая, что по части колкостей Ханако намного превзошла его, был вынужден на некоторое время замолчать. Но тут его неожиданно осенила какая-то идея.

– Вы изображаете дело так, словно Кангэцу влюблен в вашу дочь, а я слышал совсем по-другому, ведь правда, Мэйтэй-кун? — воскликнул хозяин, призывая в свидетели Мэйтэя.

– Да, он нам тогда рассказывал, будто ваша дочь заболела… что-то там говорила в бреду.

– Ничего подобного, — воскликнула госпожа Канэда, теперь она выражалась более четко и определенно.

– Однако Кангэцу говорил, что действительно слышал об этом от жены одного профессора.

– Ведь это моих рук дело, я сама попросила профессоршу сделать так, чтобы Кангэцу-сан обратил внимание на нашу дочь.

– И профессорша согласилась?

– Да. Не даром, конечно. Пришлось потратиться.

– Значит, вы решили не возвращаться домой до тех пор, пока не узнаете о Кангэцу-куне всю подноготную? — спросил Мэйтэй необычайно грубым тоном: видно, ему тоже надоела Ханако. — Кусями-кун, если и будем рассказывать, то так, чтобы он не пострадал от этого… Сударыня, мы, я и Кусями, расскажем вам о Кангэцу-куне лишь то, что не сможет повредить. Лучше всего, если вы будете спрашивать по порядку.

Ханако в конце концов согласилась и стала не спеша задавать вопросы. Теперь она снова заговорила вежливым, учтивым тоном.

– Говорят, что Кангэцу-сан физик, но не могли бы вы рассказать, что он избрал своей специальностью?

– В аспирантуре он занимается изучением земного магнетизма, — серьезным тоном отвечал хозяин.

К несчастью, Ханако не поняла, что это означает, и, хотя она многозначительно воскликнула «о!», лицо ее изображало недоумение.

– А он сможет стать доктором наук, если будет продолжать заниматься?

– Вы хотите сказать, что если он не станет доктором, то вы не отдадите за него свою дочь? — с неприязнью спросил хозяин.

– Конечно, — совершенно спокойным тоном ответила Ханако. — Ведь людей, которые просто окончили университет, сколько угодно.

Хозяин взглянул на Мэйтэя, и его лицо выразило еще большее отвращение.

– Мы не можем точно сказать, станет он доктором или нет. Спросите о чем-нибудь другом.

Мэйтэю тоже было явно не по себе.

– Он и сейчас занимается этим самым земным… ну, как его?

– Несколько дней тому назад он сделал в Физическом обществе доклад о результатах своего исследования на тему «Механика повешения», — поспешил сообщить хозяин.

– Фу, мерзость какая! Повешение… Уж очень он странный человек. С этим повешением или еще там с чем-то ему никогда не стать доктором.

– Конечно, если он сам повесится, то сделать это будет трудно, но не исключена возможность, что благодаря именно «Механике повешения» он станет доктором, — сказал Мэйтэй.

– Вот как? — произнесла Ханако, переводя испытующий взгляд на хозяина. К сожалению, она не понимала значения слова «механика», поэтому испытывала беспокойство. Однако госпожа Канэда, очевидно, решила, что ей не пристало обнаруживать свою необразованность, и ей ничего не оставалось, как попытаться что-нибудь понять по выражению лиц своих собеседников. У хозяина лицо было хмурым.

– А еще чем-нибудь другим, более понятным, он не занимается?

– Недавно он написал трактат «От рассмотрения устойчивости желудей к вопросу о движении небесных тел».

– Неужели в университете изучают даже какие-то там желуди?

– Я тоже всего лишь дилетант и точно сказать не могу, но если этим занимается Кангэцу-кун, значит вещь стоящая, — с серьезным видом подтрунивал Мэйтэй.

Ханако, кажется, поняла, что разговоры о науке ей не по зубам, и, решив больше не задавать никаких вопросов, поспешила перевести разговор на другую тему.

– Теперь бы мне хотелось спросить о другом… Ведь правда, что он на Новый год сломал два передних зуба, когда ел грибы?

– Это вопрос мой, — оживился Мэйтэй. — Правда. Сейчас у него на том месте прилепился кусок куямоти.

– Неужели ему совершенно несвойственно щегольство? Почему он не пользуется зубочисткой?

– Непременно укажу ему на это при первой же встрече, — ухмыльнулся хозяин.

– Мне кажется, что у него очень плохие зубы, если даже о грибы ломаются. Верно?

– Пожалуй, не скажешь, что хорошие, а, как ты думаешь, Мэйтэй?

– Не хорошие, но довольно симпатичные. Вот только непонятно, почему он до сих пор не вставил новые. Очень странно смотреть на эти залежи куямоти.

– Не вставляет потому, что нет денег, или просто из прихоти?

– Успокойтесь, долго ходить беззубым он не будет.

К Мэйтэю постепенно возвращалось хорошее расположение духа.

Ханако заговорила снова:

– Мне хотелось бы взглянуть на какое-нибудь его письмо или еще что-нибудь в этом роде, если у вас, конечно, есть.

– Разве что открытки, у меня их много, вот посмотрите, пожалуйста.

И хозяин принес из кабинета три или четыре десятка открыток.

– Мне не надо так много… Только парочку…

– Ну-ка дай, я выберу, какие получше, — сказал Мэйтэй и протянул Ханако открытку с картинкой. — Вот, кажется, интересная.

– О, даже с картинкой, очень красивая картинка, посмотрим… Фу, барсук! Почему он решил нарисовать барсука? Барсук здесь прямо как настоящий, удивительно! — воскликнула Ханако с восхищением.

– Вы прочитайте, что там написано, — смеясь, сказал хозяин, Ханако читала так же, как читает наша служанка.

– «В последний день года по лунному календарю горные барсуки устраивают гуляние и танцуют до упаду. В песне, которую они поют, говорится: „Сегодня вечером к концу подходит год, и даже „по горам идущий“ сегодня к нам не забредет. Тра-та-та-та“». Что это такое? Насмешка какая-то, — рассердилась Ханако.

– А эта богиня вам нравится? — спросил Мэйтэй, протягивая ей еще одну открытку. На открытке была изображена богиня в хагоромо[91], играющая на бива[92].

– Кажется, у этой богини слишком маленький нос.

– Самый обыкновенный. Да вы не на нос смотрите, а читайте, что написано.

А написано там было следующее:

«В старину жил где-то астроном. Однажды вечером он, как обычно, поднялся на высокую башню и стал внимательно рассматривать звезды. Неожиданно в небе появилась прекрасная богиня, и на землю полились звуки чарующей музыки, какой не услышишь в нашем мире; астроном стоял словно завороженный, совершенно забыв даже о пронизывавшем насквозь холоде. А утром нашли труп астронома, совершенно белый от инея. „Это — правдивая история“, — сказал старик лгун».

– Что такое? Здесь же нет никакого смысла! И это писал физик. Хоть бы почитал изредка журнал «Литературный клуб»… — На Кангэцу-куна обрушился поток брани.

– А как эта? — полушутливо спросил Мэйтэй и подал Ханако третью открытку. На этой открытке был изображен парусник, а внизу, как обычно, виднелась небрежно сделанная надпись.

«Маленькая ночная гетера у переправы просыпается на рассвете от крика куликов, что бродят по берегу бурного моря, и плачет — нет у нее родителей. Отец моряк — на дне морском».

– Великолепная вещь! Восхитительно! Как он хорошо все понимает, как чувствует! — вскричала гостья.

– Вы считаете, что понимает?

– Конечно. Под сямисэн можно петь.

– Тогда получится настоящий шедевр. А как вам нравятся эти? — спросил Мэйтэй, засыпая Ханако открытками.

– Хватит, хватит, мне и так уже ясно, что он знает толк в чайных домиках. — Восторгу Ханако, казалось, нет предела.

Ханако, видимо, уже выяснила все интересовавшие ее вопросы относительно Кангэцу и под конец выдвинула весьма любопытное требование:

– Я очень извиняюсь перед вами. Не говорите, пожалуйста, Кангэцу-сану, что я была у вас.

Она, очевидно, считала, что имеет право знать о Кангэцу все, а тому нельзя о ней рассказывать ничего.

– Да, конечно, — уклончиво ответили Мэйтэй и хозяин.

Ханако поднялась и направилась к выходу, многозначительно сказав при этом: «А я на днях отблагодарю вас».

Когда хозяин и Мэйтэй, проводив гостью, вернулись в гостиную, каждый из них обратился к другому с одним и тем же вопросом: «Что это значит?» Хозяйка, находившаяся в соседней комнате, тоже не выдержала: оттуда слышалось приглушенное хихиканье.

Мэйтэй громко крикнул:

– Хозяюшка, а хозяюшка, вот приходил типичный образец банальности! Когда банальность достигает такой степени, она становится типичной банальностью. Так что вы не стесняйтесь, смейтесь сколько угодно.

– Главное, лицо у нее неприятное, — с раздражением проговорил хозяин.

– А какой великолепный нос! — подхватил Мэйтэй.

– И кривой к тому же.

– Сутуловат немного. Сутулый нос! Сверхоригинально, — воскликнул Мэйтэй и засмеялся, довольный своим сравнением.

– Такие особы верховодят мужьями, — произнес хозяин с еще большей досадой.

– Похожа на товар, не распроданный в девятнадцатом веке и залежавшийся на полке до двадцатого.

Мэйтэй всегда говорит какие-то непонятные вещи. Тут в комнату вошла хозяйка и предупредила с чисто женской осторожностью:

– Будете громко ругаться, опять жена рикши все услышит и передаст ей.

– Пусть передаст, ей это пойдет только на пользу.

– Но ведь неблагородно критиковать чье-нибудь лицо. Не по своей же воле она ходит с таким носом. Это очень нехорошо еще и потому, что она дама.

Защищая нос Ханако, хозяйка одновременно защищала и свою собственную наружность.

– Почему же неблагородно? Разве это дама?! Не дама, а настоящая дура, вот она кто. Правда, Мэйтэй?

– Может, и дура, но все равно молодец. Какую нам выволочку устроила!

– Во-первых, кто в ее представлении преподаватель?

– То же, что и рикша, который живет по соседству с твоим домом. Чтобы заслужить уважение такой особы, нужно быть по меньшей мере доктором. В общем, ты сделал большую ошибку, что не стал доктором, а как вы считаете? — сказал Мэйтэй, обращаясь к хозяйке.

Но даже она считала мужа совершенно безнадежным.

– Профессор из него ни за что не получится, — сказала она.

– А может, и стану скоро, ты напрасно пренебрегаешь мною. Тебе, конечно, неизвестно, что в древние времена человек по имени Исократ[93] написал большую книгу в возрасте девяноста четырех лет. Софокл создавал шедевры, удивлявшие весь мир, когда ему было почти сто лет. Восьмидесятилетний Симоноид[94] сочинял чудесные стихи. Я же…

– Глупости все это, да вы ни за что не проживете столько с вашим желудком, — выпалила хозяйка, будто бы она точно подсчитала, сколько ее мужу осталось жить.

– Грубиянка!… Пойди и сама спроси у Амаки-сана… Ты всегда даешь мне мятые черные хаори, заплатанные кимоно. Теперь понятно, почему эта женщина ни во что меня не ставит. С завтрашнего дня я буду носить такие же вещи, какие носит Мэйтэй, приготовь.

– «Приготовь»! Но у вас ведь нет такой прекрасной одежды. И потом, жена Канэда была вежлива с Мэйтэй-саном только потому, что он упомянул имя своего дяди. Одежда здесь ни при чем, — ловко отвела упрек хозяйка.

Хозяин, который при слове «дядя» как будто вдруг вспомнил о чем-то, спросил Мэйтэя:

– Я никогда не знал, что у тебя есть дядя. Ты ведь никогда о нем не рассказывал. Так как же, есть у тебя дядя или нет?

Показывая всем своим видом, что для него этот вопрос не является неожиданным, Мэйтэй произнес:

– О, дядя! Мой дядя страшно упрям… Он тоже достался нам в наследство от девятнадцатого века, — и посмотрел на супругов.

– Ха-ха-ха… Вы всегда говорите такие интересные вещи. А где он живет?

– В Сидзуока, да не просто живет. Он живет с тёммагэ[95] на голове, я прямо поражаюсь. Когда ему говорят: «Наденьте шапку», — он гордо отвечает: «Хотя мне уже много лет, холод для меня никогда не был чувствительным настолько, чтобы надевать шапку…» — «Холодно, поспите еще», — скажут ему, а он в ответ: «Человеку, чтобы выспаться, вполне достаточно четырех часов, спать больше — уже роскошь», — и встает затемно. Он хвастает: «Я тоже тренировался не один год, чтобы научиться спать не больше четырех часов, однако в молодости мне все время страшно хотелось спать. Теперь же я наконец вступил в такую пору жизни, когда могу сделать все, что захочу, и страшно доволен». Ведь вполне закономерно, что в шестьдесят семь лет у него пропал сон. Для этого не нужна ни тренировка, ни всякая другая чепуха. Но он убежден, что добился успеха исключительно благодаря силе самоотречения. Поэтому, выходя из дому, он непременно захватывает с собой железный веер.

– Что он с ним делает?

– Не знаю, просто берет, и все. Возможно, он использует его вместо стека. Недавно с ним произошла странная история, — продолжал Мэйтэй, на этот раз обращаясь уже к хозяйке.

– Что такое? — нехотя отозвалась та.

– Этой весной я неожиданно получил от него письмо: «Срочно вышли котелок и фрак». Такая просьба озадачила меня, и я поспешил сделать письменный запрос. Мне ответили, что котелок и фрак нужны для самого старика. Заказ был выполнен срочно, чтобы успеть к двадцать третьему числу, когда в Сидзуока будет отмечаться праздник победы. Однако в письме содержалась такая странная фраза: «Шляпу купи умеренной величины, мерку для фрака тоже выбери по своему усмотрению и закажи в „Даймару“»…

– Сейчас и в «Даймару» шьют европейское платье?

– Ах, сэнсэй, просто он спутал с «Сирокия».

– «Выбери мерку по своему усмотрению»… Это же очень трудно!

– Это в духе дядюшки.

– И как же ты поступил?

– А что же мне оставалось делать — выбрал по своему усмотрению и послал.

– Ты тоже хорош. Ну и что, размер подошел?

– Наверное, подошел, потому что в местной газете я читал, что в тот день Макияма Оо был в великолепном фраке, с этим самым железным веером…

– С веером он, по-видимому, никогда не расстается.

– Да, я собираюсь положить его дядюшке в гроб, когда он умрет.

– Хорошо хоть, что шляпа и фрак пришлись ему впору.

– Как бы не так. Я тоже полагал, что все в порядке, но через некоторое время оттуда пришла посылка. Ишь ты, думаю, даже подарок какой-то прислали. Открываю — котелок. Тут же письмо: «Вы были очень любезны, выполнив мою просьбу, но котелок оказался немного велик. Не сочтите, пожалуйста, за труд и перешлите его шляпочнику, пусть уменьшит немного. Необходимые для этого деньги я отправлю почтовым переводом».

– Какой ты беспечный! — воскликнул хозяин, с величайшим удовлетворением узнав, что на свете есть кто-то еще более беспечный, чем он сам. Немного погодя он спросил: — Ну, а что потом?

– Потом? Потом я стал сам носить, что же еще оставалось делать?

– Эту шляпу-то? — хихикнул хозяин.

– И этот человек барон? — удивленно спросила хозяйка.

– Кто?

– Ваш дядя с железным веером.

– Да что вы!! Он ученый-конфуцианец. В молодости корпел над книгами китайских ученых и поэтому даже теперь, когда повсюду сияют электрические лампы, ни в какую не желает расставаться со своим тёммагэ, тут уж ничего не поделаешь, — отвечал Мэйтэй.

– Послушай, но ведь ты, кажется, говорил о бароне Макияма!

– Говорили, говорили, я тоже слышала из столовой, — единственный раз согласилась с мужем хозяйка.

– Ах, вон оно что, ха-ха-ха… — ни с того ни с сего рассмеялся Мэйтэй, потом с невозмутимым видом добавил: — Это все неправда. Да будь у меня дядя барон, я бы сейчас был по меньшей мере директором департамента.

– А я уж подумал, что за чертовщина, — сказал хозяин с радостным и взволнованным лицом.

Его жена пришла в еще больший восторг.

– Ну и ну, — сказала она, — а вы частенько врете с серьезным видом, как сейчас? Оказывается, вы умеете лгать.

– Та женщина делает это еще лучше, чем я.

– Да вы тоже ей не уступите, что и говорить.

– Однако, хозяюшка, я лгу ради шутки, а эта женщина все говорит с особым умыслом, с подковыркой. Злокачественная ложь. Если перестать отличать неподдельное чувство юмора от обезьяньей мудрости интриги, то сам бог комедии будет вынужден пожалеть об отсутствии проницательного мужа.

Хозяин потупил взор и произнес:

– Ну, не знаю.

– А, все равно, — смеясь, ответила хозяйка.

Мне еще ни разу не доводилось видеть усадьбу Канэда. Я услыхал о ней впервые только сейчас. У нас в доме никогда не говорили о дельцах, а поэтому и я, живущий на хлебах хозяина, не только не имею с ними ничего общего, но они всегда были мне глубоко безразличны. Тем не менее, прислушиваясь краем уха к беседе, которая только что состоялась во время неожиданного визита Ханако, я попытался представить себе красоту ее дочери, а потом стал размышлять об их богатстве, знатности и могуществе и, несмотря на то что я просто кот, не мог уже спокойно валяться на галерее. В то же время я испытывал чувство сострадания к Кангэцу-куну. Какая польза от того, что он окончил университет и стал физиком? Вот Ханако подкупила профессоршу, жену рикши и даже Тэнсёин с многострунным кото, разузнала о нем все, вплоть до того, что у него нет двух передних зубов. А он в такой момент лишь посмеивается да крутит свой шнурок. Далеко не всякий осмелится приблизиться к женщине, у которой на лице покоится такой великолепный нос. Хозяин, конечно, предпочтет остаться в стороне, тем более что у него слишком мало денег. Мэйтэй не стеснен в средствах, но он такой Гудзэн Додзи, что вряд ли захочет помочь Кангэцу. Таким образом, единственный, кто вызывает сожаление, — это сэнсэй, выступающий с докладами о механике повешения. Поэтому было бы очень несправедливо, если бы даже я не попытался проникнуть в стан врага и выведать, что там происходит. Я просто кот, но кот, живущий в доме ученого, который иногда даже читает Эпиктета и стучит им по столу; я немного отличаюсь от обычных бестолковых и глупых кошек. Рыцарский дух, который позволяет мне отважиться на подобную авантюру, скрыт в кончике моего хвоста. Мое желание отправиться на разведку объясняется не чувством долга перед Кангэцу-куном и тем более не тем нервным

состоянием, когда, не раздумывая, бросаешься спасать другого. Если выражаться высокопарно, мой поступок заслуживает похвалы и свидетельствует о благородстве моей натуры. Если Ханако и ее сторонники, не испросив на то согласия Кангэцу, повсюду раззвонили о происшествии на Адзумабаси, если они подослали своих сыщиков и теперь с торжествующим видом рассказывают каждому встречному и поперечному, что удалось через них выведать, если они прибегают к помощи рикш, конюхов, бродяг, хулиганов-сёсэев, старух поденщиц, акушерок, ведьм, массажистов, дураков и всячески отвлекают людей, ценных для государства, от важных занятий… у кота тоже найдется решимость. Погода была хорошая, но моя задача несколько осложнялась тем, что на улице начал таять иней, и все-таки во имя выполнения своего долга я готов пожертвовать жизнью. Может быть, служанке будет неприятно, что я выпачкаю ноги и притащу грязь на галерею, меня это мало трогает. «И пойду не завтра утром, а сейчас», — решил я и, полный отваги и смелости, ринулся вперед, но, добежав до кухни, подумал: «Подожди!» Как кот, я достиг высшей степени развития; мне даже кажется, что по своему развитию я ни за что не уступлю ученику третьего класса гимназии. Вот только устройство моего горла, какая жалость! осталось точно таким же, как у всех остальных кошек, и я не могу разговаривать по-человечьи. Допустим, мне удастся пробраться в усадьбу Канэда и выяснить, что происходит в лагере противника — ведь я все равно не смогу рассказать об этом Кангэцу-куну. И хозяин и Мэйтэй-сэнсэй ничего не узнают. Если я не могу сообщить о добытых с большим трудом сведениях, то они будут походить на бриллиант, зарытый в землю и лишенный возможности сверкать в лучах солнца. «Глупо все это, может, не стоит», — размышлял я, стоя у дверей.

Однако жаль бросать начатое дело на полпути. У меня было такое чувство, которое испытывают люди в засуху, — они ждут дождя, а черные тучи проплывают над головой и уходят дальше в соседнюю провинцию. Одно дело, если бы я был неправ, но бороться против несправедливости, во имя гуманности, всегда было сокровенной мечтой мужчины, и он смело идет в бой, если даже знает, что ему грозит неминуемая гибель. Заниматься бесполезным делом и понапрасну пачкать ноги — вот удел кота. Мне было суждено родиться котом, и я не могу обмениваться мнениями с господами Кангэцу, Мэйтэем и Кусями, но если необходимо куда-то незаметно пробраться, то лучше меня никто этого не сделает. Мне всегда бывает очень приятно выполнить то, что не под силу другим. Пусть только мне одному будет известно, что творится в доме у Канэда, но это гораздо приятнее, чем если бы об этом не знал никто. Было бы приятно дать им понять, что существует некто, знающий о них все, пусть даже этот некто и не может рассказать об этом другим. Ну, как не пойти, когда тебя ожидает столько приятных ощущений. Все-таки, пожалуй, пойду.

Когда я пришел к усадьбе Канэда, я увидел величественный европейский особняк, занимавший огромный участок. «Хозяин, наверное, такой же высокомерный, как и сам дом», — подумал я, входя в ворота и внимательно оглядывая здание. Дом не отличался никакими архитектурными достоинствами, два его этажа чопорно возносились ввысь, как бы желая запугать всех своим грозным видом. Наверное, это и есть та самая банальность, о которой говорит Мэйтэй. Обойдя парадный подъезд, я пересек газон и направился к черному ходу. Кухня, как и следовало ожидать, была просторная, наверняка раз в десять больше, чем у Кусями-сэнсэя. Там все было в таком идеальном порядке, все так блестело и сверкало, что навряд ли она уступала кухне графа Оокума, о которой недавно очень подробно писали в газете. «Образцовая кухня», — подумал я и вошел в дом. Смотрю — в просторной светлой передней стоит жена рикши и о чем-то с увлечением рассказывает кухарке и рикше Канэда. «Их надо остерегаться», — подумал я и шмыгнул за лохань.

– Неужели тот учитель не знает нашего барина? — спросила кухарка.

Рикша Канэда ответил:

– Как можно не знать? Надо быть уродом без глаз и без ушей, чтобы жить по соседству и не знать усадьбы Канэда-сана.

– Ничего не могу сказать. Ведь этот учитель такой чудак — ничем, кроме книг, не интересуется. Если бы он знал, кто такой барин, то, наверное, испугался бы. Да куда там, он даже не имеет понятия, сколько лет его собственным детям, — сказала жена рикши.

– Ого, даже самого Канэда-сана не боится! Болван несчастный! Была не была, давай все вместе пойдем и пригрозим ему.

– Это было бы здорово. Ишь ты, нос у барыни слишком велик, лицо ее ему не нравится… Скажет же такое. А у самого рожа, как у барсука из Имадо…[96] А еще, наверное,

думает, что такой же, как все люди, этого уж стерпеть никак нельзя.

– Да не только лицо. Посмотрите, какой у него спесивый вид, когда он с полотенцем в руке идет в баню. Будто лучше него человека на свете нет.

Даже кухарка всей душой презирала Кусями-сэнсэя.

– Давайте все вместе подойдем к его забору да обругаем его покрепче.

– Это наверняка поубавит ему спеси.

– Не надо показываться ему на глаза. Пусть только голоса слышит. Помешайте ему заниматься, позлите как следует. Это барыня так наказала.

– Все ясно. — Жена рикши поспешила дать понять, что она свою долю ругательств выдаст сполна.

«Эта компания, чего доброго, и вправду явится издеваться над Кусями-сэнсэем», — подумал я и, тихонько проскользнув мимо заговорщиков, вошел в комнаты.

У кошек как будто нет ног: еще ни разу не случалось, чтобы кто-нибудь из них неловко ступил и наделал шуму. Они ступают совершенно бесшумно, как будто идут по облакам. Их поступь подобна удару гонга в воде, звону гуслей в глубокой пещере. Мне нет дела ни до банального европейского дома, ни до образцовой кухни, мне нет дела ни до жены рикши, ни до слуги, кухарки, барышни, горничной, самой госпожи Ханако, ее мужа-барина. Я сходил, куда хотел сходить, послушал, что хотел услышать, высунув язык, помахал хвостом и, нащетинив усы, не спеша вернулся домой. Пожалуй, во всей Японии никто не сможет сделать это искуснее меня. Я стал сомневаться: «Уж, в самом деле, не сродни ли я кошке Нэкомата, что нарисована в книжке с картинками?» Говорят, что во лбу у жабы есть драгоценный камень, светящийся в темноте, а у меня в хвосте заключено чудесное средство, передаваемое в нашей семье по наследству. Оно-то и позволяет мне дурачить людей. Гордо прошествовать по коридору в доме Канэда, да так, чтобы этого никто не заметил, для меня легче, чем богатырю Нио-сама[97] растоптать токоротэн[98]. Тут я и сам пришел в восторг от своих способностей и, сообразив, что все это благодаря моему хвосту, которым я всегда очень дорожу, преисполнился к нему благоговения. Я решил помолиться великому богу хвосту о ниспослании мне кошачьей удачи и наклонил слегка голову, но, кажется, допустил при этом небольшой просчет. Полагается отвесить три поклона, все время глядя на хвост. Я хотел выполнить все в точности и повернулся так, чтобы можно было видеть хвост, но хвост, оказывается, последовал за моим туловищем. «Не уйдешь», — подумал я и оглянулся, да так, что чуть не вывернул себе шею, но… хвост тоже метнулся в сторону. Угнаться за хвостом оказалось так же трудно, как втиснуть всю вселенную в три суна; повернувшись в погоне за хвостом семь с половиной раз, я совсем измучился и прекратил это занятие. У меня закружилась голова, и я никак не мог сообразить, где нахожусь. «Будь что будет», — подумал я и побрел куда глаза глядят. За сёдзи послышался голос Ханако. «Наконец-то», — сказал я себе и замер на месте, навострив уши и затаив дыхание.

– Какой-то нищий учитель, а нахальства хоть отбавляй, правда? — звенел на самых высоких нотах уже знакомый мне пронзительный голос.

– Да, нахальный субъект. Надо будет подстроить что-нибудь, проучить его немного. Ведь в этой гимназии работают мои земляки.

– Кто такие?

– Цуки Пинскэ и Фукути Кисяго. Попрошу их подразнить его. Я не знаю, откуда родом Канэда-кун, но очень удивился, услыхав, какие странные имена у его земляков.

– Он учитель английского языка? — уточнил Канэда-кун.

– Ага, жена рикши говорила, что он преподает не то английский язык, не то еще что-то.

Во всяком случае, учитель он никудышный. — Слово «никудышный» тоже привело меня в немалый восторг. — Недавно я встретился с Пинскэ, и вот что он мне рассказал: «У нас в гимназии работает один странный тип. Как-то ученики спросили его: „Господин учитель, как будет по-английски „чай бантя“?“[99] — а он и отвечает с самым серьезным видом: „Бантя“ по-английски будет „savage tea“. Теперь все наши учителя потешаются над ним. А ведь такие, как он, и на других бросают тень». Это, наверное, был именно он.

– Конечно, он. Только тип с его рожей может сказать такое. И усы какие-то противные отрастил.

– Отвратительный тип!

Выходит, если у тебя растут усы, то ты уже отвратительный тип. Тогда среди кошек нет ни одной, которая не была бы отвратительной.

– Есть там у них еще не то Мэйтэй, не то Пьяница беспробудный[100], не помню точно, как его зовут. Тот вообще какой-то шут гороховый. Говорит, что барон Макияма — его дядя. Я тогда еще подумала: «У такой рожи — и вдруг дядя барон, не может этого быть».

– Плохо, что ты приняла его слова за чистую монету. Ведь никто не знает, что он собой представляет.

– Плохо, говорите? Но ведь он окончательно заморочил мне голову, — с глубоким сожалением произнесла Ханако.

О Кангэцу-куне, к моему удивлению, не было сказано ни слова, и я пришел к выводу, что либо о нем говорили до моего прихода, либо они решили, что он им не подходит, и забыли о нем думать. Это обстоятельство, конечно, обеспокоило меня, но что поделаешь. Некоторое время я стоял неподвижно, как вдруг из гостиной, которая находится напротив, послышался звонок. «Ага, там тоже что-то происходит, — подумал я. — Как бы не опоздать», — и направился к гостиной. Я услышал громкий женский голос. По тому, как сильно этот голос походил на голос Ханако, можно было догадаться, что он принадлежит барышне Канэда и что благодаря этому голосу Кангэцу-кун чуть не покончил жизнь самоубийством. Какая жалость, сёдзи мешали мне почтительно преклонить колена перед ее драгоценным ликом. Я также не могу ручаться, украшает ли ее лицо большущий нос, или нет. Однако если судить по громкому сопению, которым сопровождался весь разговор, то он у нее далеко не из тех приплюснутых носов, которые не привлекают внимания людей.

Женщина болтала без умолку, голоса же ее собеседника не было слышно. Наверное, она разговаривала по так называемому телефону, о котором мне уже приходилось слышать.

– Это Ямато? Я собираюсь завтра в театр, оставь мне билет в третью ложу, ладно?… Понял?… Ну, что же тут непонятного? Ах, какой ты! Оставь в третью ложу… Что такое?… Не сможешь? Нет, ты должен оставить, обязательно оставь, слышишь? Ха-ха-ха, шучу, говоришь?… Какие же тут могут быть шутки!… Смеешься, противный? Кстати, кто ты такой? Тёкити? Какой ты, Тёкити, все-таки бестолковый. Скажи, чтобы хозяйка подошла к телефону. Что? Для меня и так сойдет?… Как ты смеешь, наглец? Да ты знаешь, кто я такая? Я — Канэда!… Ха-ха-ха, прекрасно знаешь, говоришь? Ох и дурак… Канэда, говорю… Что?… Благодарю за то, что вы всегда так любезны со мной?… С чего это ты меня благодарить вздумал? Нужны мне твои благодарности… Опять смеешься! Ты, видно, настоящий идиот… Вы совершенно правы, говоришь?… Не морочь мне голову, а то повешу трубку! Что тогда будешь делать?… Если будешь молчать, то мы с тобой не скоро договоримся. Скажи что-нибудь!

Ей никто не ответил: Тёкити, наверное, повесил трубку. Барышня, задыхаясь от злости, принялась крутить ручку телефона. Поднялся оглушительный трезвон. Испуганно залаяла сидевшая у ее ног болонка. «Здесь надо держать ухо востро», — сказал я себе и, быстро выбежав из дома, спрятался под галереей.

В эту минуту послышались шаги и скрип раздвигаемых сёдзи. «Кто бы это мог быть?» — подумал я и весь превратился в слух.

– Барышня, вас зовут барин и барыня.

Похоже, это была горничная.

– Знать ничего не желаю! — закричала на нее барышня.

– Но они сказали: «Есть небольшое дело, пойди позови барышню».

Барышня ответила новым потоком брани:

– Ну что ты ко мне пристала? Я же ясно сказала: ничего не желаю знать!

Призвав на помощь всю свою сообразительность, горничная сделала попытку успокоить разбушевавшуюся хозяйку:

– …Речь, кажется, идет о Мидзусима Кангэцу-сане.

– Не знаю я никакого Кангэцу, никакого Суйгэцу! Ненавижу! У-у, морда лошадиная…

Теперь барышня вымещала свой гнев уже на отсутствующем Кангэцу-куне.

– Ого, когда это ты сделала себе модную прическу?

Горничная перевела дух и коротко ответила:

– Сегодня.

– Бесстыдница! Горничная, а туда же прешься. Да ты, я вижу, и воротничок сменила. — Горничной тоже не удалось избежать нападок своей госпожи.

– Это тот, который вы мне недавно изволили подарить. Он такой красивый, что мне все жалко было его носить, я его хранила в корзинке. Но старый испачкался, поэтому пришлось переменить.

– Когда же я тебе его дарила?

– На Новый год. Вы тогда купили его в «Сирокия»… На зеленовато-коричневом поле — набивка в виде программы сумо. Вы сказали, что он вас старит и что вы дарите его мне. Вот как было дело.

– Чушь какая-то. Он тебе очень к лицу, у-у противная.

– Весьма тронута.

– Да я и не собираюсь тебя хвалить. Противная, говорю.

– Как так?

– Почему ты взяла и не сказала, что он красивый?

Горничная в недоумении посмотрела на молодую госпожу и ничего не ответила.

– Если уж он тебе идет, то на мне и подавно не будет выглядеть смешно.

– Он вам, конечно, очень пойдет.

– Ах ты, знала, что пойдет, и молчала. Теперь носишь как ни в чем ни бывало, дрянь ты этакая.

Брань лилась неудержимым потоком. Я внимательно следил за тем, как разворачиваются события. В это время раздался голос Канэда-куна.

– Томико! Томико! — позвал он дочь.

Барышне ничего не оставалось, как крикнуть «иду» и отправиться к родителям. Болонка, чуть побольше меня ростом, у которой глаза и нос были как бы стянуты к середине морды, помчалась за ней. Все так же крадучись, я выскочил на улицу через черный ход и пустился бежать домой. Успех экспедиции превзошел все мои ожидания.

Покинув прекрасный дом Канэда, я через несколько минут оказался возле нашего грязного домишка. У меня возникло такое ощущение, словно с залитой солнечным светом горной вершины я вдруг спустился во мрак глубокой пещеры. Во время пребывания в особняке Канэда мои мысли были заняты совсем другим, и я не обратил внимания ни на убранство комнат, ни на фусума[101], сёдзи и тому подобное, но как только я очутился в нашем жилище, я тотчас же почувствовал все его убожество, страшно затосковал по этой так называемой банальности. Похоже, что дельцы — люди более выдающиеся, чем учителя. Однако эта мысль показалась мне несколько странной, и я решил спросить, что думает по этому поводу мой уважаемый хвост: «правильно, правильно», — донеслись из кончика хвоста слова божьего откровения.

Вхожу я в гостиную и, к своему глубокому удивлению, обнаруживаю, что Мэйтэй-сэнсэй все еще здесь. В хибати наподобие пчелиных сот натыкано множество окурков, а сам Мэйтэй, удобно развалясь, о чем-то разглагольствует. Тут же неизвестно откуда появившийся Кангэцу-кун. Хозяин, подперев голову рукой, сосредоточенно рассматривает расплывшееся по потолку дождевое пятно. Собрание все тех же беспечных лентяев.

– Кангэцу-кун, тогда ты сохранил в тайне имя женщины, говорившей о тебе даже в бреду, теперь-то, наверное, можно сказать, кто она, — принялся подтрунивать Мэйтэй.

– Я бы сказал, если бы это касалось меня одного, но ей может быть неприятно…

– Значит, все еще нельзя?

– К тому же я дал слово жене профессора.

– Дал слово молчать?

– Да, — ответил Кангэцу-кун и начал, как обычно, теребить шнурок своего хаори. Это был необычный шнурок, фиолетового цвета, в продаже таких не встретишь.

– Этот шнурок напоминает об эпохе Тэмпо[102], — не поднимая головы, пробормотал хозяин. История с девицей Канэда его нисколько не трогала.

– Да, эпохи японо-русской войны здесь не чувствуется. Этот шнур так и просится к боевому камзолу с гербами да походному шлему. Говорят, что Ода Нобунага[103] на свадьбе связал свои волосы в пучок вот этим самым шнуром, — произнес Мэйтэй, как всегда очень серьезно. Кангэцу-кун тоже серьезно ответил:

– Да, действительно этим шнурком пользовался мой дед во время усмирения восстания в Тёсю.

– Самое время преподнести его в дар какому-нибудь музею, а? Ведь то, что ученый-физик Мидзусима Кангэцу-кун, читающий доклад на тему: «Механика повешения», выглядит, как какой-то запаршивевший хатамото[104], непосредственно влияет на его репутацию.

– Конечно, можно было бы последовать вашему совету, но есть люди, которые говорят, что этот шнурок мне к лицу, и потому…

– Кто сказал тебе такое? У этого человека нет никакого вкуса, — громко проговорил хозяин, переворачиваясь на другой бок.

– Вы его не знаете…

– Ладно, допустим, что не знаем, но все-таки кто?

– Да так, одна женщина.

– Ха-ха-ха. Ох, и любишь ты напустить тумана. Хочешь, угадаю? Это та самая женщина, которая звала тебя со дна Сумидагава. Да, кстати, не попробовать ли тебе еще раз отправиться к праотцам уже в этом хаори? — нанес Мэйтэй неожиданный удар с фланга.

– Ха-ха-ха. Больше со дна реки она меня не зовет. В той райской обители, что находится на противоположной стороне…

– Не такая уж она и райская. Один нос чего стоит!

– Что такое? — воскликнул Кангэцу, подозрительно поглядывая на приятелей.

– Только что здесь был носище. Мы просто обомлели при его появлении, правда, Кусями-кун?

– Угу, — буркнул хозяин, лежа распивавший чай.

– Носище? Вы это о ком?

– О достопочтенной мамаше твоей дражайшей дамы сердца.

– Что, что?

– Женщина, назвавшаяся женой Канэда, приходила и расспрашивала о тебе, — с серьезным видом объяснил ему хозяин.

Мне было интересно, как станет реагировать Кангэцу-кун. Удивится? Обрадуется? Смутится? Но сколько я ни всматривался в лицо Кангэцу-куна, никаких особых эмоций на нем не проявилось.

– Она, наверное, просила вас уговорить меня жениться на ее дочери? — промолвил он своим тихим голосом и снова принялся крутить фиолетовый шнурок.

– Совсем нет. Эта достопочтенная мамаша — обладательница великолепного носа…

Но тут хозяин перебил Мэйтэя на полуслове и ни с того ни с сего понес сущую околесицу:

– Подожди, я тут уже давно сочиняю эпиграмму про этот нос. Из соседней комнаты донеслось хихиканье хозяйки.

– Тебя, я вижу, ничто не волнует. Ну и как, уже сочинил?

– Почти. Первая строка будет такая: «На этом лице — праздник носа».

– Дальше?

– Следующая: «Поднесем этому носу священное сакэ».

– Ну, а дальше?

– Пока все.

– Забавно, — усмехнулся Кангэцу-кун.

– А что, если дальше сделать так: «В нем две укромные пещеры», — продолжал сочинять Мэйтэй.

– Не знаю, — подхватил Кангэцу, — понравится ли вам такая фраза: «Они так глубоки, что волосков не видно».

Как раз в ту минуту, когда на наших друзей снизошло вдохновение и они принялись наперебой болтать все, что им приходило в голову, на улице, у самого забора, послышались громкие голоса. Несколько человек дружно скандировали: «Барсук из Имадо! Барсук из Имадо!»

Хозяин и Мэйтэй удивились и быстро повернулись в ту сторону, откуда доносились крики, стараясь разглядеть через щели в заборе, что там происходит. За забором послышался дружный взрыв смеха и частый топот ног.

– Что значит «барсук из Имадо»? — удивленно спросил Мэйтэй, обращаясь к хозяину.

– Понятия не имею, — отвечал тот.

– Здорово придумано, — добавил Кангэцу-кун.

Мэйтэй будто вспомнил о чем-то. Он вскочил на ноги и начал серьезным тоном:

– Уже в течение многих лет я веду исследовательскую работу о роли носа с эстетической точки зрения; сейчас я хочу изложить некоторые результаты своей работы и поэтому прошу вашего внимания.

Это было настолько неожиданно, что хозяин растерялся и недоверчиво покосился на Мэйтэя. Кангэцу чуть слышно промолвил:

– Очень хотелось бы послушать.

– Я всесторонне изучил данную проблему, но природу носа мне так и не удалось установить. Прежде всего вызывает сомнение количество отверстий в нем: ведь если предположить, что нос имеет практическое назначение, то двух отверстий слишком много. Ему нет никакой необходимости так кичливо выпячиваться в самом центре лица. Однако почему же он постепенно все больше и больше выдается вперед?

И Мэйтэй для наглядности потрогал свой собственный нос.

– Он у тебя совсем не выпячивается. — Хозяин сказал правду, он совсем не собирался льстить своему приятелю.

– Во всяком случае, он у меня и не вдавлен вовнутрь. Чтобы у вас не возникло сомнения, предупреждаю, что он не является просто двумя рядом расположенными отверстиями.

…Итак, появление выступа, именуемого носом, по моему мнению, можно объяснить тем, что результаты незначительного воздействия, называемого нами, людьми, сморканием, естественно, накапливались и привели к возникновению этого поразительного и одновременно очевидного феномена.

– И все это сущая правда, — снова вставил свое замечание хозяин.

– Как известно, при сморкании мы хватаемся пальцами за нос, при этом возбуждающее воздействие оказывается только на ту часть носа, за которую мы хватаемся пальцами; согласно великим принципам теории эволюции, именно эта часть тела, подвергаясь

постоянному раздражению, развивается гораздо быстрее, чем его другие части. Кожа, естественно, затвердевает, ткани постепенно уплотняются, и в конце концов образуется хрящ.

– Позвольте… Навряд ли мясо может вот так легко и просто вдруг превратиться в хрящ, — заговорил Кангэцу-кун, ученый-физик.

– Ваши сомнения совершенно справедливы, — как ни в чем не бывало продолжал Мэйтэй. — Но факты — лучшее доказательство, и вот вам, пожалуйста, — хрящ существует, тут ничего не скажешь. Хрящ уже образовался. Однако, несмотря на это, из носа продолжают течь сопли. А раз так, то приходится сморкаться. Хрящ в результате этого процесса стесался по бокам и превратился в высокий узкий выступ… действительно, ужасный процесс. Подобно тому как капля камень точит, как отшлифованная руками паломников голова Биндзуру[105] сама по себе излучает сияние, как поговорка об удивительном благоухании и удивительном зловонии, так и нос постепенно выпрямляется и затвердевает.

– Но у тебя нос мягкий, как рисовая лепешка.

– Докладчик опасается, что его собственный нос может дать повод для возражений, а поэтому умышленно уклоняется от обсуждения затронутого вопроса. Мне только хотелось бы довести до вашего сведения, господа, что нос, которым обладает глубокоуважаемая мамаша Канэда, является в своем роде чудом, ибо он достиг в своем развитии наивысшего уровня и представляет собой великолепнейший и редкий экземпляр.

– Вот, вот, — невольно воскликнул Кангэцу-кун.

– Однако, несмотря на то что все совершенное, несомненно, представляет собой величественное зрелище, оно почему-то подавляет нас, и нам бывает трудно приблизиться к нему. Не подлежит никакому сомнению, что нос такого рода великолепен, но возникает вопрос: не слишком ли круто он поднимается вверх? Носы у людей прошлого, как, например, у Сократа, Голдсмита или у Теккерея, тоже оставляли желать лучшего с точки зрения их устройства, но именно в этом заключалось их какое-то особое обаяние. Уж не потому ли носы уважают не за высоту, а за их своеобразие? В народе даже говорят: «Лучше рисовая лепешка, чем нос»[106]. В таком случае наибольшую эстетическую ценность, пожалуй, имеет нос, подобный носу Мэйтэя.

Тут Кангэцу и хозяин принялись хохотать. Вслед за ними весело засмеялся и сам Мэйтэй.

– Итак, все, что я вам только что поведал…

– Сэнсэй, «поведал» немного не то слово, оно вульгарно и скорее бы подошло какому-нибудь сказочнику, пожалуйста, не употребляйте его, — съязвил Кангэцу-кун, вспомнив недавнее замечание Мэйтэя.

– В таком случае протрем глаза и начнем сначала… Э… э… далее я хотел бы коснуться вопроса о соразмерности носа и лица. Если говорить о носе отдельно, безотносительно ко всем остальным деталям лица, то такой нос, как у нашей глубокоуважаемой мамаши, можно смело показывать где угодно… Это такой нос, который, как мне думается, мог бы получить первую премию даже на выставке на Курамаяма[107]. Однако имеется одно «но», которое заключается в том, что нос этот создавался без предварительной консультации с господами Глазами, Ртом и другими. Нос Юлия Цезаря — несомненно, хорош, но что получилось бы, если бы нос Цезаря аккуратно вырезали и приставили к морде вашего кота? Цезаревский нос выглядел бы на кошачьей морде точно так же, как выглядела бы статуя Будды из Нара на шахматной доске. Я полагаю, что такое сильное нарушение пропорций только снизит его эстетическую ценность. Нос уважаемой мамаши, как и нос Цезаря, не что иное, как выступ, поражающий своей мужественной красотой и горделивой осанкой. Но каково же окружение этого носа? Разумеется, оно не столь вульгарно, как у вашего кота. Однако это факт, что ее лоб, как на маске эпилептика, прорезают две глубокие морщины, а узкие щелочки глаз круто поднимаются вверх, к вискам. Ну как, господа, не посетовать при виде этого носа на таком лице?!

Мэйтэй умолк, и как раз в эту минуту из-за дома донесся возглас:

– Все еще про нос болтают. Как они любят позлословить!

– Это жена рикши, — пояснил хозяин Мэйтэю. Тот снова заговорил:

– Докладчик считает для себя большой честью обнаружить в самом неожиданном месте, за углом дома, еще одного слушателя — существо другого пола. Своим чарующим, похожим на журчание ручейка голосом она внесла приятное оживление в наше сухое, академическое собрание. Я бесконечно счастлив! Буду стараться излагать свои мысли по возможности в общедоступной форме и тем самым надеюсь вознаградить то благосклонное внимание, которым почтила нас эта прекрасная леди; однако сейчас я должен коснуться некоторых вопросов механики, поэтому, естественно, не исключена возможность, что это окажется трудным для восприятия дам. Прошу запастись терпением.

При слове «механика» Кангэцу-кун опять захихикал.

– Я попробую доказать, что этот нос совершенно не гармонирует и более того — находится в полной диспропорции с остальными деталями лица. Здесь мы имеем пример нарушения закона о золотом сечении Цейзинга; я попытаюсь продемонстрировать это уважаемой публике, оперируя формулами, заимствованными из механики. Через H обозначим высоту носа, а — угол, образуемый при пересечении носа с плоскостью лица. Прошу также принять во внимание, что W — разумеется, вес носа. Ну, как? Надеюсь, понятно?

– Ничего не понял, — сказал хозяин.

– А вы, Кангэцу-кун, поняли?

– Я тоже не совсем понял.

– Что же делать! Кусями-то еще ладно, но ты же физик, я думал, обязательно поймешь. Ведь эти формулы составляют суть моего доклада, и если их опустить, весь мой труд пойдет насмарку… Ну, ничего не поделаешь. Как ни жаль, придется оставить формулы и изложить только выводы.

– Как, выводы есть? — удивленно спросил хозяин.

– А ты как думал? Доклад без выводов — что европейский обед без десерта… Будьте внимательны, перехожу к выводам… Итак, если на вышеприведенную формулу взглянуть с точки зрения теории господ Вирхова и Вейсмана, то, безусловно, необходимо допустить априорное наследование формы. Далее, несмотря на существование веских доводов о том, что апостериорность не является наследственной, необходимо признать, что духовный склад, соответствующий этой форме, до некоторой степени является ее неизбежным следствием. Таким образом, можно предположить, что и в носах детей, которые родились от обладателей носов, несоответствующих их общественному положению, имеются отклонения от нормы. Возьмем Кангэцу-куна. По молодости лет он, наверное, не может обнаружить отклонений от нормы в устройстве носа у дочери Канэда. Но инкубационный период у такого рода наследственности очень велик, поэтому она может проявиться в любой момент; достаточно оказаться в другом климатическом поясе, чтобы нос начал бурно расти и мгновенно достиг размеров носа достопочтенной матушки. Учитывая эти обстоятельства и научные доводы Мэйтэя, представляется наиболее целесообразным воздержаться от данного брака; я думаю, что, не говоря уже о нашем уважаемом хозяине, даже у почивающего здесь господина кота не будет никаких возражений на этот счет.

Хозяин не спеша поднялся и заговорил очень горячо и убедительно:

– Ну, разумеется! Кому нужна дочь таких типов! Смотри, Кангэцу-кун, не женись на ней!

Для того чтобы каким-нибудь образом выразить свое согласие, я мяукнул два раза: «Мяу, мяу». Судя по виду Кангэцу-куна, нельзя было сказать, чтобы его взволновала тирада Мэйтэя.

– Что ж, — сказал он, — если мои уважаемые учителя придерживаются такого мнения, то я мог бы и воздержаться, но если она примет мой отказ близко к сердцу и заболеет, то вина падет на меня…

Ха-ха-ха, и будешь ты без вины виноватым!

Лишь один хозяин отнесся к словам Кангэцу серьезно.

– Что за глупости! Ведь у такой тупицы дочь должна быть абсолютным ничтожеством! Подумать только, пришла первый раз в дом и давай налетать на хозяина. Спесь из нее так и прет, — выпалил он, задыхаясь от злости. За забором снова послышался дружный хохот. Потом один закричал: «Оболтус спесивый!» — «Не хочешь ли переехать в дом побольше!» — подхватил другой. Третий во всю глотку заорал: «Я тебе очень сочувствую, но сколько бы ты ни пыжился, ты всего-навсего жалкий трус!»

Хозяин вышел на галерею и заорал голосом, не уступающим по силе голосу противника:

– Прекратить шум. Остановились нарочно у самого забора…

– Ха-ха-ха, дикий чай, дикий чай! — тут же посыпался на него град оскорблений.

Хозяин, взбешенный такой наглостью, схватил трость и выскочил на улицу. «Вот здорово! Давай, давай!» — захлопал в ладоши Мэйтэй. Кангэцу только ухмылялся, покручивая шнурок своего хаори. Через отверстие в заборе я проник на улицу и оказался рядом с хозяином, который со скучающим видом стоял, опершись на трость. На улице не было ни души.

Глава IV

Я по-прежнему посещаю усадьбу Канэда. Теперь нет необходимости объяснять, что значит «по-прежнему», ибо уже известно: «по-прежнему» равно «часто», возведенному в квадрат. То, что сделано однажды, хочется повторить еще раз, а испытанное дважды хочется испытать и в третий раз. Любопытство присуще не только человеку, оно даже кошкам дано от рождения. Когда одно и то же действие повторяешь несколько раз, его можно считать привычкой, а постепенно привычки у нас, точно так же как и у людей, превращаются в жизненную необходимость. И если у кого-нибудь возникнет недоумение, зачем я так часто наведываюсь в усадьбу Канэда, то, прежде чем ответить на этот вопрос, я хотел бы спросить: «А почему люди вдыхают через рот и выпускают через нос дым? Если уж люди без зазрения совести вдыхают то, что и для желудка вредно и кровообращению не способствует, то и я не хочу, чтобы меня слишком сурово укоряли за частые визиты в усадьбу Канэда. Ведь усадьба для меня что табак».

Я не совсем точно выразился, когда сказал «наведываюсь». Ведь не шпион же я какой-нибудь или прелюбодей. Правда, я хожу к Канэда без приглашения, но отнюдь не для того, чтобы стащить кусок макрели или пошушукаться с болонкой, у которой нос и глаза словно судорогой перекосило. При чем тут шпион?… Об этом не может быть и речи. Если вы спросите меня, какая профессия на свете самая постыдная, я отвечу, что более гнусного занятия, чем шпионаж и ростовщичество, не существует. Действительно, однажды во мне пробудилось несвойственное кошкам благородство, и ради Кангэцу-куна я мимоходом подсмотрел, что делается в доме Канэда, но это случилось только раз, я больше никогда не совершал подлых поступков, которые бы шли наперекор кошачьей совести… Тогда зачем же я употребляю такие подозрительные слова, как «наведываюсь»? О, это имеет очень глубокий смысл. Откровенно говоря, по моему мнению, небеса созданы для того, чтобы покрывать собой все сущее, а земля — чтобы нести на себе все сущее… даже такие заядлые спорщики, как люди, — и те навряд ли станут отрицать этот факт. Итак, сколько же труда затратили люди на создание небес и земли? Оказывается, они даже пальцем не шевельнули! Нет такого закона, по которому бы можно было считать своей собственностью то, что тобою не создано. Впрочем, это их дело, но они не имеют права запретить другим ходить там, где им вздумается. Изобретательность людей дошла до того, что они нагородили всюду заборов, набили кольев, разделив земные просторы на земельные участки господ таких-то или таких-то. Это выглядит примерно так же, как если бы они протянули по голубому небу веревки и объявили: «Эта часть неба — моя, а вон та — его». Коль скоро землю продают мелкими участками в один цубо, то почему бы не продавать воздух, которым мы дышим, разделив его на кубические сяку. А если нельзя продавать в розницу воздух, если абсурдно делить небо на квадратные сяку, то столь же абсурдно устанавливать частную собственность на землю. Я твердо придерживаюсь этой точки зрения, а поэтому хожу всюду. Впрочем, я хожу только туда, куда мне захочется идти. И если уж я захочу куда-нибудь попасть, меня ничто не способно остановить, я твердо иду к своей цели. С какой стати я буду стесняться таких, как Канэда… Однако наша кошачья беда заключается в том, что мы вовсе не так сильны, как люди. Поскольку мы живем в мире, где существует даже поговорка: «Прав тот, кто силен», то кошкам никогда не удастся доказать свою правоту, какие бы разумные доводы они ни выдвигали. А если попробуешь настаивать на своем — того и гляди отведаешь, подобно Куро, коромысла хозяина закусочной. В том случае, когда правда оказывается на твоей стороне, а сила — на стороне противника и надо решить, как быть дальше — либо отказаться от своих убеждений и уступить, либо отстаивать их до конца, я, разумеется, предпочту последнее. Но мне придется таиться, чтобы избежать коромысла. А коль скоро мне ничто не мешает зайти в чужой дом, я не могу удержаться от этого. Вот почему я тайком захожу в усадьбу Канэда.

У меня нет никакого желания заниматься шпионажем, однако вполне естественно, что всякий раз, как я тайком захожу в дом Канэда, я становлюсь невольным свидетелем всего происходящего там и невольно запоминаю даже то, чего не хочу и не должен запоминать. Я вижу, и как госпожа Ханако тщательно вытирает после умывания свой нос, и как барышня Томико объедается пирожным, и как сам Канэда-кун… В противоположность жене, у Канэда-куна нос приплюснутый. И не только нос, все лицо у него совершенно плоское. Очевидно, еще в детстве во время мальчишеской ссоры какой-нибудь сорвиголова схватил Канэда-куна за шиворот и изо всех сил прижал лицом к забору, и лицо до сих пор хранит на себе следы

этого события. Бесспорно, лицо Канэда весьма добродушное, но уж очень оно неподвижное. Как бы ни горячился его обладатель, оно продолжает оставаться спокойным… Мне постоянно приходится наблюдать, как этот самый Канэда-кун ест сасими[108] из тунца, пошлепывая себя по лысине, и как он носит непомерно высокие шляпы и непомерно высокие гэта, потому что не только лицо, а и он сам весь какой-то сплюснутый, и как их рикша посмеивается над своим хозяином, а слушающий его сёсэй восхищается: «Ох и наблюдательный же ты!» — да разве все перечтешь!

В последнее время я действую так: осторожно прохожу мимо черного хода, пробираюсь во двор к Канэда и, спрятавшись за искусственным холмиком, наблюдаю за домом. Когда я убеждаюсь в том, что сёдзи плотно сдвинуты и все вокруг тихо, я не спеша вхожу в дом. Если слышатся голоса людей или мне угрожает опасность быть замеченным из гостиной, я обхожу пруд и, незаметно прокравшись мимо уборной, забираюсь под галерею. За мной не водится никаких грехов, поэтому мне нечего бояться, и все-таки я всегда готов к тому, что могу встретиться с наглецом, имя которому — человек. Если бы весь мир состоял из одних злодеев, подобных Кумасака Тёхану[109], то даже высшие государственные чиновники, как бы высоконравственны они ни были, наверное вели бы себя точно так же, как веду себя я. Канэда-кун — всеми уважаемый, почтенный коммерсант, а поэтому нечего опасаться, что он выскочит мне навстречу, размахивая, подобно Кумасака Тёхану, огромным мечом, но я слышал, что он страдает недугом, при котором больной не считает людей за людей. А если он так относится к людям, то о котах и говорить не приходится. Выходит, что существо кошачьей породы, каким бы высоконравственным оно ни было, должно всегда в этом доме держать ухо востро. Однако именно эта необходимость держать ухо востро имеет для меня какую-то особую притягательную силу, и, очевидно потому, что я люблю острые ощущения, я так часто переступаю порог дома Канэда. Я оставляю за собой право еще раз высказаться по этому вопросу, после того как сумею досконально разобраться в кошачьем образе мыслей.

«Интересно, что происходит здесь сегодня», — подумал я и, взобравшись на уже знакомый вам искусственный холмик, стал осматривать дом. Сёдзи огромной гостиной были широко раздвинуты навстречу весне. В гостиной супруги Канэда и какой-то незнакомый мне человек вели оживленную беседу. К сожалению, госпожа Ханако повернула свой нос в мою сторону и вперила злобный взгляд прямо мне в лоб. Канэда-кун сидел, повернувшись ко мне боком, а поэтому не было видно, что у него плоское лицо. По торчавшим во все стороны густым с проседью усам можно было догадаться, что чуть повыше находится нос. У меня разыгралось воображение, и я подумал, как весеннему ветру должно быть приятно гладить такое лицо. Из всех троих самая заурядная внешность была у гостя. Однако именно потому, что лицо его было таким заурядным, в нем невозможно было отыскать хотя бы одну характерную черту. Заурядность сама по себе вещь хорошая, но когда вникнешь в ее сущность, поймешь, что такое посредственность, являющаяся наиболее полным выражением заурядности, становится ясным, что она достойна глубокого сострадания. Кого это угораздило в нашу блестящую эпоху, эпоху Мэйдзи, родиться с таким невыразительным лицом? Я не смогу ответить на этот вопрос, если не заберусь, как обычно, под галерею и не подслушаю, о чем говорят в гостиной.

– …поэтому жена взяла на себя труд отправиться к этому типу и спросила, как…

Канэда-кун, как всегда, говорил высокомерным тоном. Высокомерным, но отнюдь не суровым. Изрекаемые им фразы были такими же плоскими и бесформенными, как его лицо.

– В самом деле, раз этот человек когда-то был учителем Мидзусима-сана… В самом деле, это хорошая мысль… в самом деле.

Эти «в самом деле» слетали ежеминутно с уст гостя.

– Однако гость и хозяин так и не смогли столковаться.

– А-а, это потому, что Кусями никогда ничего не может толком объяснить… Он слыл размазней еще тогда, когда мы жили в пансионе… Представляю, как вам было трудно с ним, — сказал гость, обращаясь к Ханако.

– Трудно — не то слово! Мне за всю свою долгую жизнь никогда не приходилось встречать подобный прием, со мной никто не смел так обращаться, — воскликнула Ханако и громко засопела носом.

– Неужели он нагрубил вам? Впрочем, от него можно всего ожидать, ведь он в течение десяти лет только и делал что преподавал английский язык. Он всегда был страшно упрям…

Теперь вам, наверное, понятно, отчего он такой, — старался попасть в тон хозяйке гость.

– Он даже не заслуживает, чтобы о нем говорили. Жена только спросит его о чем-нибудь, а он сразу же обрывает ее…

– Это просто возмутительно… Стоит человеку немного поучиться, как он становится спесивым, а если к тому же он еще и беден, то на каждом шагу проявляется его болезненное самолюбие… Эх, много еще среди нас наглецов. Они не замечают собственной никчемности и готовы живьем съесть другого только за то, что он сумел нажить состояние. Поразительно! Очевидно, им кажется, что это состояние должно принадлежать им, ха-ха-ха, — рассмеялся гость, страшно довольный собой.

– Да что говорить, такая спесь появляется от незнания жизни, а поэтому я решил его проучить. Это должно пойти ему на пользу. Кое-что уже сделано.

Гость, не дослушав, что же было сделано, поспешил согласиться с Канэда-куном.

– В самом деле, это должно было пойти ему на пользу.

– Постойте, Судзуки-сан, если бы вы только знали, какой он упрямый. Говорят, что теперь в гимназии он даже не разговаривает с Фукути-саном и Цуки-саном. Я думаю: раскаялся наконец, вот и молчит. Но не тут-то было. На днях он гнался с тростью за нашим ни в чем не повинным сёсэем… И подумать только — в тридцать лет делать такие глупости. Видно, от отчаяния у него помутился разум.

– И с чего это он так разбушевался… — на сей раз в словах гостя звучали нотки недоверия.

– Да ни с того ни с сего. Просто сёсэй сказал что-то, когда проходил мимо его дома, а тот вдруг схватил трость и прямо босиком выскочил на улицу. Ну пусть даже сёсэй сказал что-нибудь, что же здесь страшного? Ведь сёсэй всего-навсего ребенок, а он, верзила усатый, ведь учитель.

– Да, да, учитель, — согласился гость.

– Да, учитель ведь, — повторил вслед за ним и Канэда-кун. — Выходит, если ты учитель, то должен с хладнокровием деревянной статуи выслушивать какие угодно оскорбления.

По-видимому, это был тот пункт, по которому все трое неожиданно для самих себя пришли к единому мнению.

– А возьмите этого, как его… Мэйтэя. Тоже порядочный чудак. Наговорит три короба всякой ерунды… Я впервые вижу такого странного типа.

– А-а, Мэйтэй? Он, кажется, все так же врет. Вы его встретили у Кусями? С ним лучше не иметь дела. Когда-то мы ели из одного котла, но частенько ссорились — уж очень он любит морочить голову.

– Такой тип кого угодно выведет из себя. Вообще-то врать, конечно, можно, например, когда ты в чем-нибудь виноват или нужно выкрутиться из неловкого положения… в такие минуты всякий скажет не то, что есть на самом деле. Но этот человек несет несусветную чушь даже тогда, когда в этом нет никакой необходимости. И зачем только он несет всякую ерунду, как у него хватает на это смелости?

– Совершенно справедливо. И самое страшное заключается в том, что он врет ради вранья.

– А эта история с Мидзусима! Ведь подумать только! Я специально пошла к Кусями, чтобы с ним серьезно обо всем поговорить. Все пошло прахом. Я была страшно разгневана, мне даже смотреть на него было тошно… Но приличие прежде всего, и если ты обращаешься к человеку за каким-нибудь делом, нечего прикидываться, будто не знаешь, что за это надо платить. Вот я и послала ему с нашим рикшей дюжину бутылок пива. И что же вы думаете? «Я не могу принять этого, — сказал он, — отнеси обратно». — «Да нет, — отвечает ему рикша, — возьмите, пожалуйста, это же подарок»… А тот ему, — ну, не негодяй ли! — «Вот варенье я ем каждый день, а такую горькую дрянь, как пиво, никогда не потребляю». Повернулся и пошел в дом… как будто не мог найти другого ответа… Что вы на это скажете, каков грубиян, а?

– Ужасный!

На этот раз гость, кажется, окончательно убедился в том, что Кусями — отъявленный грубиян и нахал.

– Вот я сегодня и пригласил тебя, — после короткой паузы снова заговорил Канэда-кун. — Казалось бы, с такого дурака достаточно и этого, но тут другое, более щекотливое дело… — И Канэда-кун звонко похлопал себя по лысине так же, как он это делал, когда ел сасими из тунца. Правда, я находился под галереей и не мог видеть, действительно ли он похлопал себя по лысине, но за последнее время мне так часто приходилось слышать этот звук, что я научился безошибочно определять, когда он делал это. Точно так же как монахини различают, кто бьет в колотушку, так и я, даже сидя под галереей, могу сказать, когда хозяин бьет себя по лысине. Главное — чтобы звук был чистым. — Так вот, я хочу немного тебя побеспокоить…

– Требуйте всего, что в моих силах, не стесняйтесь… Ведь и в Токио-то меня перевели исключительно благодаря вашим любезным заботам, — с радостью согласился гость выполнить любую просьбу Канэда-куна. По угодливости тона можно было догадаться, что гость чем-то обязан Канэда-куну. Ого, дело, кажется, принимает интересный оборот! Сегодня хорошая погода, и я шел сюда без особой охоты, совсем не рассчитывая на то, что смогу получить такие интересные сведения. «О чем же собирается Канэда-кун просить своего гостя?» — подумал я и, продолжая оставаться под галереей, еще больше навострил уши.

– Говорят, что этот чудак по имени Кусями, по какой-то непонятной причине, подзуживает Мидзусима и всячески уговаривает его не жениться на нашей дочери… Правда, Ханако?

– Да так прямо и говорит: «Где вы найдете дурака, который бы согласился жениться на дочери такой особы? Кангэцу-кун, ни за что не женись».

– «Такой особы». Какая наглость! Неужели он выражался так грубо?

– Еще как выражался! Жена рикши мне регулярно обо всем докладывает.

– Ну как, Судзуки-кун? Вы слышали все. Что же делать с таким негодяем?

– Не знаю даже, что ответить. Ведь в такое дело ни с того ни с сего вмешиваться неудобно. Это и Кусями, должно быть, понятно. И зачем только он сотворил такую глупость?…

– Видишь ли, я решил обратиться именно к тебе, потому что говорят, будто в студенческие годы ты жил с Кусями в одном пансионе и по сей день поддерживаешь с ним дружеские связи. Прошу тебя встретиться с ним и растолковать как следует, что ему полезно и что вредно. Может, он за что-нибудь рассердился? Если это действительно так, то от него требуется одно — пусть он утихомирится, а об остальном позабочусь я. Если же он будет вести себя по-прежнему, то я в долгу не останусь… Короче говоря, если он будет стоять на своем, то, кроме вреда, это ему ничего не принесет.

– Конечно, глупое упорство пойдет ему только во вред. Я постараюсь это как следует ему внушить.

– Еще скажи, что руки нашей дочери просят многие и еще неизвестно, решимся ли мы выдать ее за Мидзусима. Однако мы все больше убеждаемся, что Мидзусима неплохой человек, образованный. Ты даже можешь, между прочим, намекнуть, что если он будет усердно заниматься и станет в ближайшее время доктором, то мы, вероятно, отдадим за него свою дочь.

– Когда он узнает об этом, он станет работать еще упорнее, это должно его подхлестнуть. Хорошо, я обязательно с ним поговорю.

– Так, дальше. Видишь ли, какая штука… я думаю, Мидзусима совсем не к лицу называть этого чудака Кусями сэнсэем. Более того, он, кажется, во всем следует его совету. Ну да ладно. На Мидзусима свет клином не сошелся, и мы не будем особенно возражать, если Кусями захочет как-то помешать…

– Просто нам жалко Мидзусима-сана, — вмешалась госпожа Ханако.

– Я незнаком с Мидзусима-саном, но кто бы он ни был, для него должно быть большой честью породниться с вами. Это величайшее счастье, и возражать против этого он, конечно, не станет.

– Мидзусима-сан хочет жениться, да вот его сбивают с толку эти два типа — Кусями и Мэйтэй.

– Людям образованным совершенно не пристало вести себя подобным образом. Я непременно схожу к Кусями и поговорю с ним.

– Извини, что мы обременяем тебя такой просьбой. Кусями знает Мидзусиму лучше, чем кто-либо другой, но жене так и не удалось чего-либо выведать у него. Поэтому ты разузнай как следует, какой у него характер, как он себя ведет, умный ли.

– Слушаюсь, все будет сделано. Сегодня суббота, и если я сейчас отправлюсь к Кусями, то наверняка застану его дома. Только вот я не знаю, где он теперь живет.

– Как выйдете из дома, поверните направо и идите до конца улицы, потом повернете налево и увидите черный забор. Это и есть его дом, — объяснила Ханако.

– Так это совсем рядом. На обратном пути забегу к нему. Думаю, что сумею без особых трудов отыскать дом по табличке.

– Но имейте в виду, что табличка не всегда бывает на месте. Очевидно, он просто приклеивает к воротам свою визитную карточку, которую каждый раз смывает дождем. Но стоит дождю прекратиться, как тотчас же появляется новая карточка. Так что на табличку полагаться нельзя. Казалось бы, куда лучше прибить деревянную, да разве такой поймет…

– Просто удивительно. Ну, а если я спрошу, где дом с развалившимся черным забором, то мне. наверное, каждый встречный скажет?

– Конечно, другого такого грязного дома во всем квартале не сыщешь, так что не ошибетесь… Стойте, стойте, есть еще одна хорошая примета. Крыша его дома поросла травой.

– Очень заметный дом, ха-ха-ха…

Надо во что бы то ни стало успеть вернуться домой до того, как туда пожалует Судзуки-кун. Что же касается разговора, то я и так наслышался вдоволь. Я прошмыгнул мимо уборной к забору и, отыскав заветную щель, выбрался на улицу и быстро помчался к дому, крыша которого поросла травою. Я, как всегда, поднялся на галерею и, расположившись как раз напротив гостиной, принял скучающий вид.

Хозяин расстелил на галерее белое одеяло и, распластавшись на нем, нежился в лучах весеннего солнышка. Солнце оказалось неожиданно справедливым и освещало жалкую лачугу с поросшей травой крышей так же щедро, как и гостиную Канэда-куна. И только одеяло, к моему глубокому сожалению, имело убогий вид. Когда его ткали на фабрике, предполагалось, что оно будет белым, в магазине его тоже продавали как белое; более того, сам хозяин, покупая его, сказал: «Дайте белое», — но… с тех пор миновало не менее двенадцати — тринадцати лет, оно давно перестало быть белым и теперь постепенно приобретало странный пепельный цвет. Интересно, сможет ли оно протянуть так долго, чтобы в конце концов приобрести другой, еще более мрачный цвет. Пожалуй, называть эту тряпку одеялом было бы слишком смело, потому что оно так истерлось, что местами можно свободно разглядеть нити, из которых оно соткано; теперь это уже не шерстяное одеяло, а самая обыкновенная рогожа. Но хозяин, очевидно, считает, что если оно согревало его и год и два, и пять и десять лет, то должно верой и правдой служить ему до скончания века. Какое легкомыслие, какой удивительный эгоизм! Итак, хозяин лежал распластавшись на одеяле, у которого была такая длинная история. «Что он делает?» — подумал я и, присмотревшись повнимательнее, увидел, что выдвинутым далеко вперед подбородком он опирается на обе руки, а между пальцами правой руки зажата папироса. И только. Впрочем, не исключена возможность, что в его обильно усыпанной перхотью голове подобно адской огненной колеснице проносятся великие истины вселенной. И все-таки, наблюдая за ним со стороны, трудно предположить что-либо подобное.

Не обращая внимания на то, что папироса истлела до самого основания и столбик остывшего пепла упал на одеяло, хозяин с увлечением следил за тонкой струйкой поднимавшегося от папиросы дыма. Подхваченный весенним ветерком, лиловато-серый дым то плавно поднимался вверх, то стлался понизу, сворачиваясь во множество затейливых колец, пока не оседал на еще влажные после мытья волосы хозяйки. О, совсем забыл, я должен сказать несколько слов о хозяйке.

Хозяйка повернулась к мужу задом… что, вы считаете это неприличным? Ничего неприличного здесь нет. Один и тот же поступок можно квалифицировать как вежливый и невежливый, все зависит от того, как к нему подойти. В том, что жена подняла свой величественный зад перед самым лицом мужа, а тот смиренно уткнулся в него головой, нет ничего непристойного. Они были выше предрассудков. Им удалось избавиться от них еще на первом году супружеской жизни.

…Итак, приняв столь необычную позу и распустив по плечам свои черные как смоль, только что вымытые волосы, хозяйка молча занималась шитьем. Впрочем, именно для того, чтобы просушить волосы, она вышла с шитьем на галерею и почтительно повернулась к мужу задом. Табачный дым, о котором я вам только что говорил, все так же легко проникал многочисленными струйками сквозь слегка колыхавшиеся на ветру черные волосы, а хозяин неотрывно глядел на неожиданно возникшее перед ним марево. Дым, однако, не задерживался на месте, а находился в постоянном движении, и, для того, чтобы проследить за тем, как струйки дыма сплетаются с волосами, хозяину приходилось неотступно следовать взглядом за дымом. Начав наблюдение с того самого момента, когда дым проходил над поясницей жены, он медленно перевел взгляд на спину своей верной подруги, потом скользнул им по плечам, по затылку и, добравшись наконец до макушки, невольно с удивлением воскликнул: «Ах!»… На самой макушке его дорогой супруги, с которой он обещал не разлучаться до самой смерти, виднелась большая, совершенно гладкая плешь. Словно воспользовавшись долгожданным моментом, она ярко сверкала под теплыми лучами солнца. Когда хозяин столь неожиданно для себя обнаружил, что супруга плешивая, он разинул рот и широко раскрытыми глазами уставился в ее затылок. Плешь напомнила хозяину лампаду, украшавшую божницу, которая переходила в их семье по наследству из поколения в поколение. Семья тратила довольно много денег на религиозные обряды, что пагубным образом сказывалось на ее положении. Хозяин вспомнил, как в детстве он иногда заходил в амбар, где стояло украшенное серебряной мишурой дзуси[110] с латунной лампадой внутри. В лампаде даже днем тускло горел огонек. Во мраке, со всех сторон обступавшем эту лампаду, свет ее казался особенно ярким, а поэтому теперь, при виде лысины на голове жены, перед глазами хозяина внезапно всплыл образ далекого детства, и он отчетливо представил себе лампаду. Но не прошло и минуты, как видение исчезло. Теперь он вспомнил голубя богини Каннон[111]. Казалось бы, голубь богини Каннон не имеет никакого от ношения к лысине хозяйки, но в сознании хозяина между этими двумя предметами существовала прочная связь. В далеком детстве, всякий раз когда его возили в Асакуса[112], он непременно покупал горох, чтобы кормить голубей. Горох продавался в красных глиняных тарелочках, и эти тарелочки своим цветом и величиной тоже напоминали лысину.

– И правда похоже! — неожиданно воскликнул хозяин.

– Что? — отозвалась хозяйка, не отрываясь от шитья.

– «Что, что»! — передразнил ее муж. — Ты знаешь, что у тебя на голове большущая лысина?

– Ага, — ответила хозяйка, даже не взглянув на мужа. Тон ее свидетельствовал о том, что открытие мужа ее нисколько не смутило. Редкостная жена, она выше всяких предрассудков.

– А что, эта лысина у тебя была еще до замужества или появилась уже после свадьбы? — спросил хозяин. «Если она была еще до замужества, значит меня обманули», — мысленно добавил он, но вслух этого не сказал.

– Я не помню, когда она появилась. Подумаешь, какая важность — лысина. — Хозяйка сразу смекнула, что дала маху. Не надо было выставлять свою лысину напоказ.

– Что значит «подумаешь»? Разве тебе безразлично, какая у тебя голова?

Хозяин начал понемногу проявлять признаки раздражения.

– Потому-то и безразлично, что моя, — ответила хозяйка и поспешно схватилась за лысину. — Ого, как выросла, а я и не знала, что она такая большая.

Казалось, только сейчас хозяйка обнаружила, что с годами лысина стала слишком большой, и была совершенно обескуражена этим обстоятельством.

– Когда женщины в течение многих лет делают магэ[113], это очень плохо сказывается на волосах. Немудрено и полысеть. — Хозяйка сделала слабую попытку оправдаться.

– Если ты будешь продолжать лысеть с такой быстротой, то к сорока годам у тебя будет не голова, а настоящий металлический чайник. У тебя какая-то болезнь, не иначе. Может быть, даже заразная, немедленно покажись доктору.

И хозяин принялся усердно гладить себя по голове.

– Вот вы так говорите о других, а ведь у вас самих в носу растут седые волосы. Если лысина заразна, то седые волосы и подавно заразны, — перешла в наступление хозяйка.

– Седые волосы из носа не выглядывают, поэтому не страшно, а вот голова… Особенно противно, когда плешь на голове у молодой женщины, уродина!

– А если уродина, то зачем же вы женились на мне? Вы же сами женились, вас никто не заставлял, а теперь «уродина»!…

– Женился, потому что не знал! До самого сегодняшнего дня ничего не знал. Если ты так гордишься своей плешью, то почему же не показала мне ее, когда была еще невестой?

– Что за чушь! Да где это видано, чтобы невеста показывала жениху темя?

– Плешь-то еще как-нибудь можно стерпеть, но вот рост у тебя слишком маленький. Смотреть противно!

– Так ведь достаточно взглянуть один раз, чтобы понять, какой у человека рост. Вы же с самого начала знали, что я маленького роста, и все-таки женились на мне.

– Ну, знал, конечно знал. Так я потому и женился, что думал, ты еще подрастешь.

– Но ведь мне тогда было двадцать лет, куда же расти… Морочите человеку голову. — И, отбросив шитье, хозяйка резко повернулась к мужу. Всем своим видом она как бы говорила: «Посмотрим, что ты ответишь, так просто меня не сломишь!»

– Откуда это известно, что после двадцати лет человек не растет? Я-то надеялся, что ты еще сможешь немного подрасти, если тебя пичкать всякими питательными вещами, — с серьезным видом говорил хозяин. В эту минуту раздался резкий звонок, и чей-то громкий голос спросил: «Разрешите?» Должно быть, Судзуки-кун наконец отыскал логово спящего дракона Кусями-сэнсэя.

Отложив на время ссору, хозяйка поспешно схватила шкатулку с шитьем и убежала в гостиную. Хозяин тоже поспешно свернул свое серое одеяло и швырнул его в кабинет. Немного погодя явилась служанка с визитной карточкой. Глянув на карточку, хозяин удивленно поднял брови, потом приказал служанке проводить к нему гостя и с карточкой в руках удалился в уборную. Я никак не возьму в толк, зачем ему так срочно понадобилось идти в уборную и тем более брать с собой визитную карточку Судзуки Тодзюро-куна. Во всяком случае, уж кому-кому от этого досталось, так это визитной карточке, которая была вынуждена сопровождать хозяина в такое зловонное место.

Служанка подвинула к нише ситцевый дзабутон[114] и, сказав гостю: «Пожалуйте сюда», — удалилась. Оставшись один, Судзуки-кун огляделся по сторонам. Осмотрев висевшую в нише картину, полюбовавшись цветущими ветками вишни, поставленными в дешевую вазочку, он перевел взгляд на дзабутон, предложенный ему служанкой, и обнаружил, что на нем преспокойно восседает неизвестно откуда появившийся кот. Читатель, очевидно, догадался, что это был я собственной персоной. И тут в душе Судзуки-куна разыгралась буря. Однако он так тщательно старался скрыть внутреннее волнение, что по его лицу никак нельзя было понять, что творится у него в душе. Дзабутон ведь был предложен Судзуки-куну, но, раньше чем он успел воспользоваться любезным предложением служанки, дзабутоном без зазрения совести завладело какое-то странное животное. Это было первым обстоятельством, нарушившим душевное равновесие Судзуки-куна. Другое дело, если бы Судзуки-кун, желая подчеркнуть свою скромность, преднамеренно отказался бы от дзабутона и предпочел ему жесткую циновку. Но ведь Судзуки-кун был далек от того, чтобы уступать дзабутон наглому коту. Если бы речь шла о человеке, тогда другой разговор, но бесцеремонность кота вывела его из равновесия. Настроение гостя окончательно испортилось — подумать только: его место занял кот. Это было вторым обстоятельством, нарушившим душевное равновесие Судзуки-куна. А поведение этого кота?! Оно приводило Судзуки-куна в бешенство. Вместо того чтобы понять свою оплошность и попытаться исправить положение, кот развалился с надменным видом на дзабутоне, на который не имел ровно никакого права, и уставился своими круглыми недружелюбными глазищами прямо в лицо Судзуки-куна, словно

спрашивая: «А ты кто такой?» Это было третьим обстоятельством, нарушившим равновесие. Если ему не нравится, как я себя, веду, то взял бы и стащил меня за загривок, но нет, Судзуки-кун только молча смотрел на меня. Не может быть, чтобы такая важная персона, как человек, вдруг испугалась кота и не пустила в ход руки. Тогда почему же он не излил накопившийся гнев и не наказал меня? Думается, что причиной этого — исключительно чувство собственного достоинства, которое обязывает Судзуки-куна, как отдельного индивидуума, стремиться не уронить престиж человека. Если говорить о физической расправе надо мной, то это под силу даже маленькому ребенку, не говоря уже о таком взрослом мужчине, как Судзуки-кун. Очевидно, все дело в престиже, который не позволяет даже правой руке Канэда-куна — Судзуки Тодзюро наказать дерзкого кота за явное пренебрежение к его персоне. Пусть поблизости никого не было, все равно ему было не к лицу учинять драку с котом и тем самым подрывать свое человеческое достоинство. В конце концов это было бы даже смешно. Лучше некоторые неудобства, чем позор. Однако чем больше Судзуки-куну приходилось терпеть, тем сильнее росла в его душе ненависть к коту, а поэтому, поглядывая время от времени в мою сторону, он сердито хмурил лицо. Мне же доставляло удовольствие смотреть на кислую физиономию Судзуки-куна, и я изо всех сил старался удержаться от смеха и сохранить невозмутимый вид.

Пока мы с Судзуки-куном разыгрывали эту пантомиму, в комнату, поправляя на себе одежду, вышел хозяин. «Ба!» — воскликнул он, садясь. Судя по тому, что теперь он не держал в руках визитную карточку, можно было заключить, что имя Судзуки Тодзюро-куна отправлено в бессрочную ссылку в зловонное место. Не успел я подумать: «Ох, и страшная же участь выпала на долю визитной карточки», как хозяин с криком «черт бы тебя побрал» схватил меня за шиворот и в мгновение ока вышвырнул на галерею.

– Ну-ка, присаживайся. Просто глазам своим не верю. Когда ты приехал в Токио? — И хозяин протянул дзабутон своему старому другу. Судзуки-кун принял дзабутон, положил его другой стороной и только после этого решился сесть.

– Был очень занят, а поэтому не давал о себе знать. Меня ведь перевели в Токио, в главную контору…

– Прекрасно, мы так давно не виделись. Пожалуй, с тех самых пор, как ты уехал в провинцию.

– Да, скоро исполнится десять лет. Вообще-то мне приходилось бывать в Токио, но все дела, дела, ты уж извини, пожалуйста. Не сердись. Компания — не то что гимназия — вечно бываешь занят.

Хозяин оглядел гостя с ног до головы и сказал:

– А ты здорово изменился за эти десять лет.

Судзуки-кун причесывался на прямой пробор, носил модный костюм английского покроя с красивым ярким галстуком, а на груди у него даже поблескивала золотая цепочка — ни за что не поверишь, что это старый приятель Кусями-куна.

– Да, теперь даже вот такие штучки приходится носить, — произнес Судзуки-кун, указывая на цепочку.

– Настоящая? — позволил себе усомниться хозяин.

– Еще бы, семьдесят вторая проба, — смеясь, ответил Судзуки-кун. — Ты тоже очень постарел. У тебя, кажется, дети были. Один?

– Нет.

– Двое?

– Нет.

– Как нет? Трое, значит?

– Да, трое. И неизвестно, сколько их еще будет.

– Ты все такой же беспечный. Сколько самому старшему? Уже, наверное, порядочно.

– Я точно, правда, не знаю, но, наверное, лет шесть или семь есть.

– Ха-ха-ха, ну и беззаботные же эти учителя, мне тоже надо было стать преподавателем.

– Попробуй, через три дня опротивеет.

– Вон как! Почему бы это? Работа приличная, спокойная, времени свободного много, можно заниматься любимым делом. Коммерсантом тоже быть не плохо, но не таким, как я. Если уж быть коммерсантом, то обязательно крупным. А то находишься в каком-то глупом положении: все время расточаешь комплименты, ходишь с одного банкета на другой да пьешь сакэ, которого терпеть не можешь.

– Я еще в университете терпеть не мог коммерсантов. Они ради наживы готовы на все, да что говорить — еще в старину их называли подлыми купчишками, — распространялся хозяин, нимало не смущаясь тем, что перед ним сидел один из таких коммерсантов.

– Ну, это не совсем так. Конечно, в них есть что-то отталкивающее, но как бы там ни было, если у тебя нет решительности пойти ради денег на смерть, ты ничего не достигнешь… однако деньги — это такая штука, с ними надо держать ухо востро… я сейчас был у одного коммерсанта, так он сказал мне: «Тот, кто делает деньги, не может обойтись без тригонометрии. Нужно научиться пользоваться треугольником чувств, то есть забыть раз и навсегда, что такое стыд, долг, дружба». Забавно, правда? Ха-ха-ха.

– Какая чушь!

– Совсем не чушь, очень умно сказано. Этот коммерсант пользуется в своем кругу большой известностью. Да ты должен его знать, он живет с тобой по соседству.

– Канэда? Подумаешь, тоже мне…

– Чего это ты так разошелся? Перестань, ведь я просто к примеру тебе сказал: если, мол, не сделаешь так, то и состояния не наживешь. Совсем ни к чему принимать шутку так близко к сердцу.

– Ну, ладно, пусть тригонометрия — шутка, а что ты скажешь насчет носа госпожи Канэда? Ты же, наверное, видел этот нос?

– Ты говоришь о его супруге? Его супруга — очень любезная женщина.

– Нос, нос! Я говорю о ее огромном носе. Недавно я сочинил эпиграмму про этот нос.

– А что это такое, эпиграмма?

– Эпиграмма? Э, да ты, я смотрю, совсем отсталый человек.

– А-а, таким занятым людям, как я, совсем не до литературы или еще там чего. К тому же я никогда не увлекался ею.

– А ты знаешь, как выглядел нос Карла Великого?

– Ха-ха-ха! Ох, и бездельник! Конечно, не знаю.

– Веллингтон получил от своих подчиненных прозвище «нос». Тебе известно это?

– Почему ты только и думаешь о носах? Какое тебе дело до формы носов?

– Ошибаешься. Ты о Паскале знаешь?

– Опять «знаешь»! Как будто я пришел к тебе на экзамен. Так что же сделал этот Паскаль?

– Паскаль говорил вот что.

– Что же он говорил?

– «Если бы нос Клеопатры был чуть-чуть меньше, это бы привело к огромным изменениям в мире».

– Да ну!

– Вот почему нельзя так легкомысленно относиться к носам, как это делаешь ты.

– Хорошо, я изменю свое отношение. Между прочим, у меня к тебе небольшое дело… Этот… ну, который, кажется, у тебя учился, Мидзусима… э-э Мидзусима… э-э… никак не могу вспомнить… Ну, тот, который все время ходит к тебе.

– Кангэцу?

– Вот-вот, Кангэцу. Я пришел кое-что узнать о нем.

– Не о женитьбе ли?

– Да-да, что-то в этом роде. Сегодня, когда я ходил к Канэда…

– Недавно Нос сам заявился сюда.

– Вот как! Ах да, госпожа Канэда рассказывала. «Пришла, говорит, к Кусями-сану, чтобы обо всем расспросить, но у него, к сожалению, сидел Мэйтэй, который все время вмешивался в наш разговор; так я и не поняла что к чему».

– Сама виновата, с таким носом нечего ходить.

– Подожди, ведь она же не о тебе говорила. Просто она жаловалась, что из-за этого Мэйтэй-куна, который сует нос в чужие дела, ни о чем не сумела узнать, и попросила меня поговорить с тобой еще раз. Мне тоже до сих пор никогда не приходилось выполнять подобные поручения, но я думаю, было бы совсем неплохо, — если стороны, конечно, не против, — уладить это дело… Право, мы сделали бы доброе дело… вот за этим я и пришел к тебе.

– Благодарю за труд, — сухо ответил хозяин, но слово «стороны» неизвестно почему тронуло его до глубины души. У него было точно такое же ощущение, какое испытываешь в душную летнюю ночь, когда прохладный ветерок неожиданно коснется твоего разгоряченного тела. Вообще мой хозяин грубый человек, с черствой унылой душой, но тем не менее он сильно отличается от людей, порожденных нашей жестокой бесчувственной цивилизацией. Хотя он быстро выходит из терпения и начинает дуться на всех подряд, у него все-таки развито чувство сострадания. А с Ханако он недавно поссорился только потому, что ее нос не пришелся ему по вкусу. Дочь же Ханако совершенно ни при чем. Он ненавидит коммерсантов, а поэтому и некоего Канэда — их представителя, однако следует заметить, что эта ненависть не распространяется на его дочь. Он не питает к этой девушке ни добрых, ни злых чувств, Кангэцу же — его ученик, которого он любит больше, чем родного брата. Если, как говорит Судзуки-кун, стороны любят друг друга, то благородному человеку не пристало мешать им. — Кусями-сэнсэй все-таки считал себя благородным человеком. — Если, конечно, стороны любят… впрочем, это еще вопрос. Для того чтобы определить свое отношение к тому или иному вопросу, необходимо исходить из истинного положения вещей.

– Послушай, а сама девушка хочет выйти замуж за Кангэцу? Мне безразлично, что думают Канэда и Нос, но меня интересуют намерения девушки?

– Это… эта… как его… во всяком случае… хочет, наверное.

Ответ Судзуки-куна был весьма туманным. Собственно говоря, он считал, что от него требуется лишь выяснить все, что касается Кангэцу-куна, намерения же барышни его не интересовали. Даже Судзуки-кун при всей своей изворотливости оказался в затруднительном положении.

– Слово-то какое неопределенное — «наверное».

Хозяин никогда не может успокоиться до тех пор, пока не трахнет противника прямо обухом по голове.

– Да нет, я просто не так выразился. Наверняка барышня тоже хочет этого. Ну конечно же… а?., госпожа Канэда сама мне об этом сказала. Иногда, мол, случается, что она бранит Кангэцу-куна…

– Эта девица?

– Ага.

– Возмутительная особа, ишь ты — «бранит»! Разве это не свидетельствует о том, что она не собирается замуж за Кангэцу?

– Знаешь, случается всякое, ведь бывает, что любимого человека нарочно ругают.

– Где ты видел таких олухов?

Хозяину совершенно недоступно понимание таких тонких проявлений человеческих чувств.

– Такие олухи встречаются на каждом шагу, что же делать… Да и госпожа Канэда так думает: «Не иначе она крепко любит Кангэцу-сана, если ругает его, обзывает лошадиной мордой».

Это невероятное объяснение оказалось для хозяина столь неожиданным, что он лишился дара речи и подобно уличному гадальщику своими округлившимися от изумления глазами неотрывно смотрел на физиономию гостя.

Судзуки-кун, очевидно, понял, что, если беседа и дальше пойдет в таком же духе, он не сможет выполнить возложенной на него миссии, и заговорил, как ему казалось, на более понятном для хозяина языке.

– Ты только подумай, ведь невестке с таким богатством да с такой привлекательной внешностью будут рады в любом порядочном доме. Не спорю, — может, Кангэцу-кун и выдающаяся личность, но что касается его положения… ох, может быть, не совсем прилично говорить о его положении… Возьмем материальную сторону дела. Каждому ясно, что в этом отношении он ей совсем не пара. Вон как обеспокоены ее родители — даже специально командировали меня к тебе. Какие еще нужны доказательства ее любви? — продолжал Судзуки-кун, ловко манипулируя аргументами. Теперь хозяин, кажется, поверил в искренность любви дочери Канэда, и Судзуки-кун наконец облегченно вздохнул. Однако он прекрасно отдавал себе отчет в том, что Кусями-сэнсэй в любую минуту может бросить боевой клич и перейти в наступление; а поэтому решил как можно быстрее добиться успешного завершения своей миссии.

– Надеюсь, теперь ты понял. Им не нужно ничего — ни денег, ни состояния, они хотят только одного — чтобы у них был зять с положением. Они согласны выдать за него дочь, если он станет доктором; не думай, это не тщеславие… постарайся понять меня правильно, а то когда у тебя была госпожа Канэда, Мэйтэй-кун говорил такие странные вещи… нет, нет, ты тут ни при чем. Госпожа Канэда тоже тебя хвалила: «Такой искренний, такой честный». Это Мэйтэй-кун во всем виноват… Так вот, если лицо, о котором идет речь, станет доктором наук, то это поднимет престиж семейства Канэда в глазах общества. Как ты думаешь, сможет Мидзусима-кун в ближайшее время получить звание доктора?… Да что и говорить, если бы речь шла о Канэда, то ему не надо ни кандидатских, ни докторских званий, но ведь еще существует общество, а это значительно осложняет дело.

Под напором этих доводов хозяин начал склоняться к мысли, что желание Канэда заполучить себе в зятья непременно доктора отнюдь не лишено оснований. А раз так, то ему захотелось помочь Судзуки-куну выполнить возложенное на него поручение. Короче говоря, хозяин теперь полностью находился под влиянием Судзуки-куна. Да это и не удивительно, ведь мой хозяин человек доверчивый и честный.

– В таком случае я посоветую Кангэцу, когда он придет сюда в следующий раз, писать докторскую диссертацию. Но прежде всего необходимо выяснить, действительно ли он намерен жениться на дочери Канэда.

– Выяснить? Послушай, если ты будешь действовать так прямолинейно, то у нас ничего не выйдет. Лучше всего попытаться каким-нибудь окольным путем выведать, что у него на сердце.

– Попытаться выведать?

– Ну, виноват, неправильно выразился… Я хотел сказать, — побеседовать… и из разговора станет ясно, какие у него планы.

– Тебе-то, может, и станет ясно, а я понимаю только тогда, когда мне говорят прямо.

– Ну, не поймешь — и не надо. Я думаю, нехорошо, когда такие люди, как Мэйтэй, суют нос в чужие дела и все портят. Если даже не сможешь помочь ему советом, то по крайней мере не мешай, ведь в конце концов это его личное дело… Да нет, я не о тебе, я имею в виду этого Мэйтэй-куна. Если попадешься ему на язык, добра не жди. — Судзуки-кун ругал как будто бы Мэйтэя, на самом же деле он имел в виду хозяина.

В этот момент в полном соответствии с поговоркой «легок на помине», как всегда, с черного хода явился Мэйтэй-сэнсэй. Он влетел в дом неожиданно, вместе с порывом весеннего ветра.

– О, сегодня у тебя редкий гость! С такими частыми гостями, как я, Кусями частенько бывает невнимателен. Да, к Кусями нею следует приходить чаще, чем раз в десять лет. Вот и угощенье сегодня лучше, чем обычно. — И Мэйтэй немедленно набил рот пастилой. Судзуки-кун беспокойно ерзал на своем дзабутоне, хозяин ухмылялся, а Мэйтэй усердно жевал. Наблюдая за этой сценой с галереи, я пришел к выводу, что пьесы без диалогов —

вещь вполне возможная. Монахи секты дзэн участвуют в диспутах, не произнося ни единого слова, они обмениваются мыслями на расстоянии. А чем эта молчаливая сцена не похожа на такой Диспут? Правда, короткий, но зато весьма напряженный и выразительный.

– Я думал, ты, как перелетная птица, всю жизнь проведешь в странствиях, но, вижу, все-таки вернулся в родные края. Хорошо жить долго. Глядишь, и доведется встретить такого, как ты, — произнес Мэйтэй; с Судзуки-куном он держался так же бесцеремонно, как и с хозяином. Встречаясь после десятилетней разлуки, люди испытывают какую-то неловкость, даже если в былые времена жили под одной крышей и ели из одного котла. Но о Мэйтэй-куне этого сказать нельзя. Я никак не пойму, то ли это от великого ума, то ли как раз наоборот.

– Зачем ты так говоришь? Не такой уж я дурак, — осторожно ответил Судзуки-кун; он никак не мог успокоиться и нервно теребил свою золотую цепочку.

Вдруг хозяин обратился к Судзуки-куну со странным вопросом:

– Ты приехал на электричке?

– Можно подумать, что я пришел сюда специально для того, чтобы вы издевались надо мной. Каким бы провинциалом вы меня ни считали, у… у меня все-таки есть шестьдесят акций городской дороги.

– Ого, смотри-ка! У меня самого их было восемьсот восемьдесят восемь с половиной, но сейчас осталась только половина, остальное, к сожалению, съела, по всей вероятности, моль. Жаль, что ты не приехал в Токио чуть пораньше, а то бы я отдал тебе тот десяток, который тогда она еще не успела сожрать.

– Ох, и язычок у тебя. Однако шутки шутками, а держать такие акции выгодно, ведь с каждым годом они поднимаются в цене.

– Конечно, даже на оставшейся половинке я через каких-нибудь тысячу лет так разбогатею, что мое добро и в три амбара не поместится. Мы-то с тобой люди современные, изворотливые — в таком деле промашки не сделаем. Вот только таких, как Кусями, жаль — они думают, что акция — это нечто вроде братишки редьки[115], — сказал Мэйтэй и, взяв еще одну пастилу, взглянул на хозяина. У хозяина тоже разыгрался аппетит на пастилу, и рука сама собой потянулась к вазочке. Все, что есть в нашей жизни положительного, имеет право на подражание.

– А ну их, акции. Вот если бы Соросаки хоть разок прокатить на трамвае, — проговорил хозяин, с разочарованным видом разглядывая следы своих зубов на пастиле.

– Если бы Соросаки ездил на трамвае, то каждый раз доезжал бы до самой конечной остановки Синагава. Пусть уж лучше останется «Дитя Природы», как начертано на его могильном камне, на том самом камне, который когда-то опускали в бочку с маринованной редькой, — так спокойней как-то.

– Соросаки-то, говорят, умер. Жаль. Такая светлая голова, и вот надо же… печально, печально, — проговорил Судзуки-кун.

– Голова у него, конечно, была хорошая, — тут же подхватил Мэйтэй, — но готовил он хуже всех. Когда подходила его очередь дежурить, я обычно уходил из дому и целый день питался одной лапшой.

– И правда, все, что готовил Соросаки, всегда пахло дымом, а внутри оставалось сырым, я, помнится, тоже страдал от этого. Кроме того, он всегда заставлял нас есть тофу[116], прямо в сыром виде, оно бывало такое холодное, что нельзя было в рот взять, — ударился в воспоминания и Судзуки-кун, выуживая со дна своей памяти то, что вызывало его недовольство десять лет назад.

– Уже тогда Кусями с Соросаки были друзьями, каждый вечер они ходили есть сладкую фасоль, вот теперь в наказание за это Кусями страдает хроническим несварением желудка. По правде говоря, Кусями следовало бы умереть раньше Соросаки, ведь это он объедался фасолью.

– Удивительная логика. Вспомни лучше, как ты под видом гимнастики каждый вечер отправлялся с бамбуковой рапирой на кладбище, начинавшееся за нашим домом, и колотил по надгробьям, пока однажды тебя не поймал монах и не задал нахлобучку. Это почище моей сладкой фасоли будет, — не желал сдаваться хозяин.

– Ха-ха-ха, правильно. Монах еще сказал: «Перестань стучать палкой по головам усопших, не нарушай их вечный сон». Да я что, подумаешь, бамбуковая рапира, то ли дело наш Судзуки-генерал. Вздумал бороться с памятниками, штуки три, кажется, повалил.

– Тогда монах действительно страшно разозлился. «Чтоб немедленно, кричит, на место поставил». — «Подождите, говорю, пока рабочих найму». А он мне: «Никаких рабочих. Если не поднимешь их сам и тем самым не выразишь свое раскаяние, то оскорбишь души усопших».

– Да, вид у тебя тогда был не очень привлекательный. Помню, как ты в одной рубашке и фундоси[117] пыхтел в луже…

– И как ты мог все это так спокойно зарисовать! Я редко когда сержусь, но в ту минуту выругался от души. Ну и наглец, думаю. Я никогда не забуду, какую ты тогда отговорку придумал. А ты помнишь?

– Где уж там помнить, что было десять лет назад. Единственное, что я еще помню, это надпись, которая была вырезана на том памятнике: «Кисэн-индэн Кокаку-дайкодзи, Анъэй 5 год дракона, январь». Это был изящный памятник в старинном стиле. У меня даже была мысль увезти его с собой на новое место жительства. Прелестный памятник в готическом стиле, отвечающий всем законам эстетики. — Мэйтэй снова захотел поразить собеседников своей осведомленностью в вопросах эстетики.

– Все это так, но какую ты тогда придумал отговорку… «Я намерен посвятить жизнь изучению эстетики, — как ни в чем не бывало заявил ты, — а поэтому мне необходимо накапливать материал для своей будущей работы, зарисовывая по возможности все то интересное, с чем приходится сталкиваться в жизни. „Ах, бедный“, „Ах, несчастный“ — эти слова, которые есть не что иное, как выражение личных чувств, не должны срываться с уст человека, столь преданного науке, как я». Я тоже пришел к выводу, что ты слишком бесчувственный человек, схватил грязными руками твой альбом и разорвал его в клочки.

– И как раз в эту минуту надломился и погиб навсегда мой многообещающий талант художника. Ты погубил его. И я затаил против тебя злобу.

– Не морочь мне голову. Это я должен был злиться.

– Мэйтэй уже тогда слыл хвастуном, — снова вмешался в беседу хозяин, покончивший со своей пастилой. — Я не помню случая, чтобы он выполнил свое обещание. Когда же его призывают к ответу, он не желает признавать своей вины, а старается как-нибудь вывернуться. Однажды, когда за оградой храма цвела сирень, он сказал: «Еще до того как отцветет эта сирень, я напишу трактат на тему: „Основы эстетики“». — «Ничего у тебя не выйдет, — сказал я ему. — Это ясно». А Мэйтэй мне и говорит: «Может быть, моя внешность действительно не внушает доверия, но я человек большой силы воли, о которой трудно судить по наружности. Если не веришь, давай заключим пари». Я отнесся к его предложению вполне серьезно, и мы условились, что проигравший должен пригласить другого на обед в европейский ресторан в Канда. Я согласился на пари, так как был уверен, что чего-чего, а трактата ему ни за что не написать в такой короткий срок. Однако в душе я все-таки немного побаивался. Ведь у меня не было денег, чтобы угощать обедами в европейском ресторане. Но сэнсэй, оказывается, и не думал приниматься за работу. Прошло седьмое число, миновало и двадцатое, а он не написал ни строчки. Наконец персидская сирень отцвела, на кустах не осталось ни одной цветущей ветки, а он все не проявлял ни малейших признаков беспокойства. «Ну, можно считать, что мне обеспечен обед в европейском ресторане», — думал я и однажды потребовал, чтобы Мэйтэй выполнил свое обещание. Мэйтэй был невозмутим и все мои упреки пропускал мимо ушей, будто они совершенно его не касались.

– Опять какой-нибудь веский довод выдвинул? — оживился Судзуки-кун, но тут подоспел сам Мэйтэй-сэнсэй:

– Хотя и не написал ни одной строчки?

– Ну конечно. Ты тогда сказал: «Я берусь смело утверждать, что в отношении силы воли не уступлю никому ни на йоту. А вот память у меня, к сожалению, далеко не блестящая. У меня вполне достаточно силы воли, чтобы написать „Основы эстетики“, но вся беда в том, что буквально на второй день после нашего разговора я забыл о своем обещании. И если трактат не был готов к назначенному дню, то в этом повинна исключительно моя память.

А раз сила воли ни при чем, то мне незачем и приглашать тебя в европейский ресторан». Вот как ты обвел меня вокруг пальца.

– Это действительно в стиле Мэйтэя. Очень интересно, — неизвестно почему вдруг начал восхищаться Судзуки-кун. Теперь он говорил уже иначе, чем в отсутствие Мэйтэя. Может быть, все умные так поступают.

– Что тут интересного? — воскликнул хозяин; казалось, он до сих пор продолжал злиться на Мэйтэя.

– Весьма сожалею об этом, но ведь я стараюсь загладить свою вину, буквально сбился с ног в поисках павлиньих языков или еще чего-нибудь подобного. Не сердись, пожалуйста, наберись терпенья. Однако коль скоро речь зашла о трактатах, то я вам сообщу удивительную новость.

– Ты каждый раз сообщаешь удивительные новости, с тобой надо держать ухо востро.

– Но сегодняшняя новость и правда удивительна. Тебе известно, что Кангэцу начал писать докторскую диссертацию? Я никогда не думал, что Кангэцу, человек с необыкновенно развитым чувством собственного достоинства, займется такой чепухой, как писание докторской диссертации. Забавно, ему, оказывается, все же свойственно влечение к женскому полу. Послушай, об этом нужно немедленно сообщить Носу. Поди ей во сне снятся доктора желудевых наук.

Услыхав имя Кангэцу, Судзуки-кун принялся делать хозяину знаки: не говори, мол, не говори. Но хозяин ничего не понял.

Слушая страстную проповедь Судзуки-куна, он проникся сочувствием к дочери Канэда, но теперь, когда Мэйтэй все время твердил: «Нос, Нос», — он вспомнил о недавней ссоре с Ханако и почувствовал легкое раздражение. Однако известие о том, что Кангэцу взялся за докторскую диссертацию, явилось для него лучшим подарком. Поистине оно было самой сенсационной за последнее время новостью. Впрочем, не просто сенсационной, а вместе с тем и радостной и приятной. В конце концов дело не в том, женится Кангэцу на дочери Канэда или нет. Важно, что он станет доктором наук. Нет, хозяин не боялся, что он сам, как неудачная деревянная статуэтка, не покрытая позолотой, проваляется где-то в углу мастерской скульптора, ожидая, пока ее источат черви, но ему очень хотелось, чтобы удачная скульптура как можно быстрее была покрыта позолотой.

– Это правда, что он начал писать диссертацию? — с жаром спросил хозяин, не обращая ни малейшего внимания на Судзуки-куна.

– Какой ты, право. Всегда во всем сомневаешься. Впрочем, я не знаю точно, какая у него тема: желуди или механика повешения. Ясно лишь одно: коль скоро диссертацию пишет Кангэцу, то обязательно получится нечто такое, что сильно озадачит Нос.

Всякий раз когда Мэйтэй беззастенчиво произносил слово «нос», Судзуки-кун начинал проявлять признаки беспокойства. Но Мэйтэй ничего не замечал и продолжал как ни в чем не бывало:

– Я после нашего разговора опять занимался исследованиями в области носа и недавно открыл, что в «Тристраме Шенди» есть рассуждение о носах. Жаль, что Стерну нельзя показать нос госпожи Канэда, он послужил бы для него прекрасным материалом. Весьма прискорбно, что этот Нос так и погибнет безвестным, хотя у него есть все основания, чтобы сохранить о себе память среди потомков. Когда Нос явится сюда в следующий раз, я постараюсь сделать с него набросок, который будет служить руководством по эстетике, — как обычно, болтал Мэйтэй все, что ему приходило на ум.

– Говорят, что дочь госпожи Ханако хочет выйти замуж за Кангэцу, — сообщил хозяин сведения, только что полученные им от Судзуки-куна. Судзуки-кун сделал недовольную гримасу и принялся изо всех сил подмигивать хозяину. Однако тот упорно не замечал усилий Судзуки-куна.

– Довольно странно, неужели дети даже таких родителей способны на любовь. Скорее всего это несерьезная любовь, как говорится, любовь с кончика носа.

– Ну и что, пусть с кончика носа. Все-таки будет хорошо, если Кангэцу женится на ней.

– Хорошо? Но разве буквально на днях ты не выступал против этого брака? Сегодня, я вижу, ты почему-то размяк.

– Нет, не размяк, со мной этого никогда не бывает, но…

– Но с тобой что-то случилось. Судзуки, ты из тех, кто околачивается на задворках делового мира, так послушай, что я тебе скажу, ну хотя бы о том, что собой представляют эти Канэда. Разве мы, друзья Мидзусима Кангэцу, можем потерпеть, чтобы их дочь величали супругой этого талантливейшего человека, — ведь это все равно что сравнивать бронзовый колокол с бумажным фонариком. Навряд ли даже ты, коммерсант, будешь возражать против этого.

– Ты все такой же энергичный. Это просто замечательно. За десять лет ты нисколько не изменился, молодец! — Судзуки-кун попытался уклониться от прямого ответа.

– Ну, раз ты меня так хвалишь, то я еще разок блесну эрудицией. Древние греки очень высоко ценили гимнастику и всячески поощряли увлечение ею. Победившим в соревнованиях они даже выдавали ценные подарки. Однако, как это ни странно, не сохранилось ни одного документа, свидетельствующего о том, что когда-нибудь присваивались награды ученым за знания. Я до сих пор продолжаю удивляться этому.

– И в самом деле, странно. — Сейчас Судзуки-кун был готов соглашаться с Мэйтэем во всем.

– И вот всего несколько дней назад, занимаясь своими исследованиями в области эстетики, я неожиданно открыл причину этого явления. Как лед растаяли сомнения многих лет, я получил величайшее удовлетворение, когда наконец вырвался из плена заблуждений и почувствовал себя на вершине блаженства.

Мысли Мэйтэя вознеслись столь высоко, что даже на лице такого мастера говорить приятные вещи, каким был Судзуки-кун, появилось выражение растерянности. Хозяин сидел потупившись и постукивал палочками из слоновой кости по краю тарелки, словно желая тем самым сказать: «Ну, опять началось». Только Мэйтэй продолжал распинаться с самодовольным видом:

– Кто же тот человек, который с предельной ясностью объяснил это противоречивое явление и рассеял окутывавший нас веками мрак неизвестности? Это греческий философ, который будет считаться величайшим ученым до тех пор, пока существует наука. Имя ему Аристотель. В его трудах говорится… эй, не стучи по тарелке и слушай внимательно… Призы, которые получали греки на состязаниях, ценились гораздо выше проявленного ими искусства. Поэтому они служили одновременно и премиями и средством поощрения. Ну, а как же обстоят дела со знаниями? Если давать вознаграждение за знания, то это должно быть нечто более ценное, чем знания. Но разве есть на свете сокровище дороже знаний? Нет и не может быть. Если же в качестве вознаграждения избрать какую-нибудь обыкновенную вещь, то это значит оскорбить достоинство знаний. Они рассудили так: даже горы ящиков величиной с Олимп, в каждом из которых содержится по тысяче золотых, даже всех богатств Креза недостаточно для того, чтобы вознаградить за знания, а поэтому было решено никогда не давать ученым призов. Теперь, очевидно, становится вполне понятным, что ни золото, ни серебро, ни медь не могут служить вознаграждением, достойным знаний. Итак, после того как мы усвоили этот принцип, обратимся к волнующей нас проблеме. Что представляет собой некто Канэда? Это же не человек, а банкнота с глазами и носом. Образно выражаясь, он не что иное, как сплошная ходячая банкнота. Дочь ходячей банкноты в таком случае не больше, чем ходячая почтовая марка. С другой стороны, что собой представляет Кангэцу-кун? Страшно сказать, он первым окончил величайший храм науки и, отбросив всякую мысль об усталости, принялся денно и нощно изучать стабильность желудей. Однако он не остановился на желудях и пошел в своих исследованиях дальше. Сейчас он находится накануне опубликования своего удивительного трактата, который затмит славу даже лорда Кельвина[118]. Правда, однажды он совершил неудачную попытку прыгнуть с моста Адзумабаси, но это событие можно объяснить обычной для горячего юноши склонностью к пароксизмам. Оно нисколько не повлияло на его репутацию, и он по-прежнему слывет оптовиком знаний. Если говорить о Кангэцу-куне в выражениях, характерных для меня, то он — ходячая библиотека, двухсотвосьмидесятимиллиметровый снаряд, начиненный знаниями. Если этот снаряд в одно прекрасное время взорвется в ученом мире… что будет, если взорвется… обязательно взорвется… и тогда…

Когда Мэйтэй дошел до этого места, образные выражения, которые он сам считал столь характерными для себя, иссякли, и он не мог подбирать их так быстро, как ему хотелось бы. Он напоминал армию на поле боя, которая настолько истощилась, что того гляди дрогнет и

обратится в бегство, — в общем, как говорят в народе: «Начал за здравие, а кончил за упокой». Однако вскоре ему удалось побороть минутную слабость, и он продолжал:

– Ходячие марки, пусть их будет десятки миллионов, обратятся в прах. Поэтому совершенно недопустимо, чтобы Кангэцу женился на девице, которая ему абсолютно не подходит. Я никогда не примирюсь с этим — ведь это все равно как если бы огромный слон — умнейшее из животных, женился на маленькой свинье — существе самом подлом среди животных. Правда, Кусями-кун?

Хозяин снова принялся молча постукивать по тарелке. Судзуки-кун немного струсил и не нашел ничего лучшего, как сказать:

– Ты не совсем прав…

Он не знал, что может выкинуть мой беспардонный хозяин, если в добавление ко всему, что уже было сказано в адрес Мэйтэя раньше, он скажет еще какую-нибудь чушь. Самым благоразумным было бы сдержать натиск Мэйтэя и постараться благополучно выйти из затруднительного положения. Судзуки-кун — человек хитрый. Он понимает, что в нынешние времена принято избегать ненужных трений, ибо споры — типичный пережиток феодальной эпохи. Ценность человеческой жизни определяется не словами, а делами. Если все идет так, как ты сам этого желаешь, и постепенно приближается к своему успешному завершению, значит цель жизни достигнута. А существует еще «райский» принцип жизни, когда все достигается легко, без всякого труда и беспокойств. Судзуки-кун, следуя этому «райскому» принципу, преуспевает в делах, благодаря тому же «райскому» принципу носит золотые часы. Наконец, если бы не «райский» принцип, он бы никогда не удостоился поручения супругов Канэда и не сумел бы так ловко привлечь на свою сторону Кусями-куна, — что и говорить, все было бы улажено, если бы не явился этот бродяга Мэйтэй, к которому нельзя подходить с обычной человеческой меркой. Весь его вид внушает подозрение, что его психика отличается от психики нормального человека, и это, естественно, приводит Судзуки-куна в некоторое замешательство. «Райский» принцип был введен одним джентльменом в эпоху Мэйдзи, принят на вооружение Судзуки Тодзюро-куном, а сейчас этот самый Судзуки Тодзюро-кун из-за «райского» принципа оказался в затруднительном положении.

– Ты ничего не знаешь, а поэтому так спокойно заявляешь: «Ты не прав». Ты сегодня как никогда краток и по-благородному сдержан, но если бы ты видел, что творилось несколько дней назад, когда здесь неожиданно появилась обладательница «носа», то как бы твоя светлость ни была расположена к коммерсантам, она бы наверняка перетрусила, а, Кусями-кун? Как ты с ней сражался!

– И все-таки она, оказывается, обо мне лучшего мнения, чем о тебе.

Ха-ха-ха, самоуверенный ты человек. То-то ученики и учителя в гимназии не дают тебе покоя, дразнят «диким чаем». Я тоже считаю, что по силе воли не уступлю никому, но таким толстокожим, как ты, быть не могу. Разреши выразить тебе мое восхищение.

– Ну и пусть дразнят, мне-то что. Вон Сент-Бёв[119] — самый выдающийся критик, которого когда-либо знал мир, а когда он читал лекции в Парижском университете, его неоднократно освистывали. Отправляясь на лекцию, он всегда захватывал с собой на всякий случай кинжал. Вот и Брюнетьер[120] тоже, обрушиваясь с нападками на романы Золя…

– Но ведь ты не профессор университета. Подумаешь — какой-то неизвестный учитель чтения, а туда же, приводит в пример таких знаменитостей — да это все равно как если бы мелкая рыбешка попыталась сравниться с китом. За подобные сравнения тебя еще больше дразнить будут.

– Замолчи! Я почти такой же ученый, как Сент-Бёв.

– Какое самомнение! Однако ходить с кинжалом по улицам рискованно, советую этого не делать. Если профессора университета носят кинжалы, то учителю английского языка достаточно и перочинного ножика. Однако следует учесть, что холодное оружие опасно, можно порезаться, ты купи лучше игрушечное ружье и носи его на ремне за спиной. Будешь выглядеть очень мило. Что ты скажешь на это, Судзуки-кун?

Судзуки-кун облегченно вздохнул — наконец-то Мэйтэй оставил Канэда в покое.

– Ты все такой же добродушный и веселый. Вот встретился с вами через десять лет, и у меня такое ощущение, словно из тесных закоулков я неожиданно вышел на широкий простор.

В нашем же кругу нужно быть осторожным, нужно всегда держать ухо востро. Эти вечные опасения просто невыносимы. Как приятно разговаривать откровенно, без всяких подвохов; когда беседуешь с друзьями школьных лет, просто отдыхаешь душой. Как приятно мне было сегодня неожиданно встретиться с Мэйтэй-куном. Ну, извините, у меня дела, пойду.

Как только Судзуки-кун собрался уходить, Мэйтэй тоже поднялся, говоря:

– И я пойду. Мне на Нихонбаси, сегодня состоится заседание «Общества обновления театрального искусства», нам, кажется, по пути.

– Прекрасно придумано, прогуляемся немного после стольких лет разлуки.

И они, взявшись за руки, вышли из дома.

Глава V

Для того чтобы подробно описать события двадцати четырех часов и чтобы прочесть это описание от начала до конца, очевидно, потребуется по меньшей мере двадцать четыре часа. Даже я, будучи ярым сторонником писания с натуры, не могу не признать, что это совершенно не под силу коту. Поэтому я глубоко сожалею о том, что у меня не хватает ни сил, ни настойчивости, чтобы слово за словом рассказать читателям о странных высказываниях и странных поступках моего хозяина, несмотря на то что они достойны того, чтобы быть подробно описанными на протяжении всех суток. Весьма сожалею, но ничего не могу поделать. Мне тоже нужен отдых, хотя я и кот. После ухода Судзуки-куна и Мэйтэй-куна иссушающий деревья ветер вдруг угомонился и стало так тихо, как бывает снежной ночью зимой. Хозяин, как всегда, закрылся в своем кабинете. Дети улеглись спать. А хозяйка лежала за фусума и кормила грудью Манко-сан, которой немногим больше года. По затянутому пеленой облаков небу солнце быстро катилось к горизонту, и в столовую с улицы отчетливо доносился стук гэта редких прохожих. Из пансиона, что в соседнем квартале, то затихая, то оживая вновь, лились звуки флейты. По-видимому, на улице был туман. На ужин мне дали немного даси[121], и живот, в который перешло содержимое раковины, что служит мне миской, потребовал отдыха. Как я слышал краем уха, в обществе существует поэтическое явление, которое называется, кажется, кошачьей любовью, и еще, говорят, бывают такие ночи в начале весны, когда мои соплеменники во всем квартале теряют сон и веселятся до утра; однако моя психика пока не испытывала подобной метаморфозы. Итак, любовь — это космическая жизненная сила. Все сущее, начиная от бога Юпитера на небе и кончая червем, зарывшимся глубоко в землю, — отдается любви без остатка, поэтому нет ничего удивительного, что мы, кошки, переживаем весенними ночами, когда лунный свет едва пробивается через завесу облаков, какую-то радость и первобытное чувство беспокойства. Если оглянуться на прошлое, то ведь я тоже сгорал от любви к Микэко. Ходят слухи, что даже дочь злодея Канэда-куна, выдумавшего принцип треугольника, воспылала любовью к Кангэцу-куну. Поэтому у меня даже в мыслях нет смеяться над тем безумством, которому весенней ночью предаются кошки и коты всей планеты, и презрительно называть его разгулом животных страстей. А у меня самого, как бы меня ни соблазняли, совсем не лежит душа к подобным развлечениям, сейчас мне хочется лишь одного — отдохнуть. Какая может быть любовь, когда меня так и клонит ко сну. Я, потягиваясь, взобрался на край детской постели и сладко заснул…

Вдруг я открыл глаза и вижу: хозяин уже успел перебраться из кабинета в спальню и нырнуть в постель, расстеленную рядом с хозяйкой. У хозяина есть привычка, — ложась спать, обязательно прихватить из кабинета книжонку на каком-то непонятном языке. Однако еще ни разу не случалось, чтобы он прочитал в ней более двух страниц. А иногда просто положит ее в головах и заснет. Очевидно, нет никакой надобности приносить с собой книгу, чтобы потом даже не открыть ее. Но хозяин весь в этом, и сколько жена ни смеется над ним, сколько ни уговаривает его избавиться от этой привычки, он слушать не желает. Таким образом, хозяин берет на себя ненужный труд ежедневно носить книги в спальню. Иногда, пожадничав, он приносит и по три, и по четыре книги сразу. А недавно несколько вечеров подряд он являлся в спальню даже с толстенным словарем Вебстера в руках. Несомненно, это болезнь. Подобно тому как некоторые утонченные натуры не могут заснуть, если не слышат бульканье кипящей воды в чайнике работы великого мастера Рюбундо, напоминающее шум ветра в ветвях сосен, так и хозяин ни за что не уснет, если у его изголовья не лежит книга. Таким образом, книга для хозяина не предмет развлечения, а средство, вызывающее сон. Печатное снотворное.

Сегодня, наверное, тоже не обошлось без этого. И в самом деле, рядом с хозяином, цепляясь страницами за кончики его усов, валяется тонкая красная книжица. Большой палец левой руки хозяина заложен между страницами, из чего можно заключить, что сегодня Кусями-сэнсэй проявил похвальное усердие и прочитал пять или шесть строчек. Рядом с красной книгой, как обычно, поблескивают холодным светом, так не отвечающим стоящей на дворе весенней погоде, его никелированные карманные часы.

Хозяйка отодвинула от себя младенца и громко храпит, широко раскрыв рот. Голова ее скатилась с подушки. Вообще-то я думаю, самое отвратительное, самое безобразное в человеке — спать с открытым ртом. Кошка, например, никогда в жизни так не опозорится.

Рот всегда служил для того, чтобы издавать звуки, а нос, чтобы вдыхать и выдыхать воздух. Впрочем, чем дальше на север, тем ленивее люди, и так как они постоянно экономят силы, стараясь как можно реже открывать рот, появился гнусавый диалект, когда слова произносятся как бы носом; однако еще более неприятно, когда нос заложен и приходится дышать ртом. А главное, опасно: вдруг с потолка упадет мышиный помет.

Я посмотрел на детей, они спят так же безобразно, как родители. Старшая — Тонко, — словно утверждая право старшинства, возложила вытянутую правую руку на ухо младшей сестры. Младшая — Сунко, — в свою очередь, с необыкновенно важным видом задрала ногу на живот старшей сестры. Сохраняя свою неестественную позу, они продолжают сладко спать, не выказывая ни малейшего недовольства.

Даже в свете лампы чувствуется весна. Ее огонек мило поблескивает, освещая эту пышную, но крайне непоэтичную картину. Он словно жалеет, что никто не видит этой чудной весенней ночи. Интересно, который уже час? Я оглянулся по сторонам — вокруг мертвая тишина, нарушаемая лишь тиканьем стенных часов, храпом хозяйки да скрежетом зубов служанки. Эта женщина упорно отрицает, что она по ночам скрипит зубами. Каждый раз, когда ей говорят об этом, она начинает сердиться: «С тех пор как родилась, ни разу зубами не скрипнула». Вместо того чтобы сказать: «Больше не буду» или «Извините, пожалуйста», только и знает что утверждать: «Не припомню такого случая». И в самом деле, как она может припомнить, если все это совершается во сне. Однако вся беда в том, что факты существуют независимо от того, помнят о них или нет. Есть на свете такие люди, которые, совершая дурные поступки, продолжают считать себя во всех отношениях порядочными. Эти люди твердо убеждены, что они непогрешимы, и просто великолепны в своей наивности, но как бы они ни были наивны, нельзя допустить, чтобы от этого страдали другие. Я думаю, эти леди и джентльмены того же происхождения, что и наша служанка… Кажется, уже очень поздно.

На кухне что-то дважды легко стукнуло: «Тук, тук». Кто бы это мог быть, вроде и некому прийти в такой поздний час. Скорее всего мыши. Если мыши, то пусть творят, что им угодно, я решил их не ловить… Снова «тук, тук». Нет, на мышей это не похоже. А если и мыши, то очень осторожные. Мыши в доме хозяина, так же как и ученики той гимназии, где он преподает, и днем и ночью самозабвенно упражняются в озорстве и хулиганстве; эта компания считает своим призванием нарушать сон моего бедного хозяина, так что навряд ли они стали бы так стесняться. Нет, это определенно не мыши. Совсем непохоже на тех мышей, которые недавно ворвались к хозяину в спальню, укусили его за кончик и без того маленького носа и с триумфом ретировались. Тут послышался скрип раздвигаемых сёдзи. Ну, конечно, не мыши. Человек! Ведь не Мэйтэй-сэнсэй и не Судзуки-кун пожаловали к нам глубокой ночью, не спросив даже разрешения войти. Уж не сам ли святой отшельник-вор, чье славное имя я слышал и раньше? Если это действительно святой отшельник, то я хочу побыстрее поклониться его светлому лику. Чувствую, он уже перешагнул своими грязными ножищами через порог черного хода и сделал два шага, но тут же споткнулся, — наверное, о крышку погреба, — и в ночной тиши раздался ужасный грохот. Словно кто-то прошелся по моей спине сапожной щеткой. Шерсть встала дыбом. Некоторое время шагов не было слышно. Я взглянул на хозяйку — она по-прежнему продолжала вдыхать воздух спокойствия широко открытым ртом. А хозяин, наверное, видит во сне свой большой палец, зажатый между страницами красной книги. Немного погодя я услыхал, как на кухне чиркнула спичка. Хотя он и святой отшельник, глаза его, кажется, видят ночью не так хорошо, как мои. Кухня у нас плохая, и ему там, наверное, приходится не легко.

Я сидел весь скорчившись и гадал, появится ли святой отшельник в столовой или завернет налево и пройдет прямо в кабинет. Скрипнули фусума, и шаги донеслись уже с галереи. Святой отшельник определенно вошел в кабинет. В доме снова воцарилась тишина.

За это время я сообразил, что было бы неплохо разбудить хозяина с хозяйкой, но как это сделать? Подобно жерновам водяной мельницы в моем мозгу с бешеной скоростью вертелись разные беспорядочные мысли, но среди них не было ни одной разумной. Может, подергать зубами за край одеяла? Проделываю это несколько раз — ни малейшего эффекта. Может, потереться холодным носом о щеку хозяина? Но как только я приблизил нос к его лицу, он, не открывая глаз, резко вытянул руку и ударом по морде отбросил меня в сторону. Нос у кота — самое чувствительное место. Мне было очень больно. Теперь, чтобы разбудить хозяев, мне не оставалось ничего другого как мяукнуть два раза. Но что такое? — как раз в эту минуту что-то застряло у меня в горле, и, к моему удивлению, я не мог произнести ни звука. Наконец я нерешительно мяукнул, но так тихо, что сам не мог поверить своим ушам. Хозяин, ради

которого я затеял все это, не подавал никаких признаков пробуждения, а тут вдруг снова послышались шаги святого отшельника. Он направлялся сюда по галерее. «Он уже здесь, теперь не к чему стараться», — махнул я рукой и, протиснувшись между фусума и корзинкой, принялся наблюдать за ходом событий.

Звуки шагов святого отшельника приблизились к спальне и тут стихли. Я затаил дыхание и с нетерпением ждал, что будет дальше. Уже впоследствии я пришел к выводу, что если бы во время охоты на мышей у меня было такое же состояние, как теперь, то было бы совсем неплохо. Я испытывал такое напряжение, что, казалось, вот-вот лопну. Я от всего сердца признателен святому отшельнику за то, что благодаря ему мне предоставилась неповторимая возможность прозреть. Вдруг бумага на сёдзи в одном месте потемнела, словно на нее упали капли дождя, потом показался какой-то темно-багровый силуэт. Вот бумага бесшумно прорвалась, а у меня перед глазами промелькнул и снова скрылся во тьме красный язык, Затем показалось что-то блестящее и страшное. Для меня было совершенно ясно, что это глаз святого отшельника. Может быть, мне почудилось, но я отчетливо видел, как этот глаз, скользнув по окружающим предметам, устремился к корзине и остановился на мне. Я решил, что этот злобный взгляд отшельника намного сократил срок моей жизни. Ожидание становилось невыносимым, и я готов был уже выскочить из-за корзинки, как сёдзи спальни бесшумно раздвинулись, и долгожданный святой отшельник наконец предстал перед моими глазами.

При сложившихся обстоятельствах я имею честь в ходе своего повествования познакомить вас с неожиданным и очень редким гостем — святым отшельником-вором, но, прежде чем сделать это, мне хотелось бы изложить некоторые свои взгляды, прошу внимания. Древних богов почитают всезнающими и всемогущими. Особенно бога христианского, который даже в двадцатом веке продолжает оставаться всезнающим и всемогущим. Однако то, что в представлении посредственных людей является знанием и могуществом, зачастую есть не что иное, как невежество и бессилие. Совершенно очевидно, что это парадокс, причем открыл этот парадокс я. Когда я думаю об этом, у меня рождается тщеславная мысль, что я кот не простой; сейчас я хочу изложить свои доводы и во что бы то ни стало вдолбить в ваши головы, высокомерные люди, что с кошками тоже нужно считаться. Говорят, вселенную создал бог. Тогда человек тоже, наверное, творение бога. Говорят, что в так называемой библии об этом ясно сказано. Итак, существует обстоятельство, которому люди страшно удивляются, но в то же время под влиянием этого самого обстоятельства они все больше и больше склоняются к тому, чтобы признать всепоглощающее знание и могущество бога. Заключается это обстоятельство в следующем: на свете существует огромное множество людей, но вы никогда не встретите два лица, похожих друг на друга. А ведь всякое человеческое лицо состоит из определенных элементов, более или менее одинакового размера. Когда я думаю о том, как бог из одного и того же материала сотворил столько всевозможных лиц, я не могу не восхищаться его мастерством. Надо обладать большим творческим воображением, чтобы создать такое разнообразие лиц. Даже величайшие художники мира, работая очень целеустремленно, не смогли создать более двенадцати — тринадцати типов лиц. Поэтому ловкость бога, который один подрядился изготовить людей, не может не вызвать восхищения. Это такое великое мастерство, какого никогда не встретишь в человеческом обществе, и поэтому его с полным основанием можно назвать мастерством всемогущим. Здесь люди просто благоговеют перед богом. Конечно, с человеческой точки зрения это благоговение совершенно резонно. Однако если подходить к данному вопросу с кошачьих позиций, то тот же самый факт может быть признан свидетельством бессилия бога. Я думаю, можно сделать вывод, что если бог не бессилен, то его способности ни в коем случае не выше человеческих. Говорят, что бог создал столько же лиц, сколько и людей, однако совершенно непонятно, явилось ли такое разнообразие результатом предварительного расчета, или, приступая к работе, он замышлял создать и кошку и поварешку на одно лицо, но работа не клеилась и все получалось не так, как он хотел, в результате возникла подобная неразбериха. Разнообразие человеческих лиц можно рассматривать как память об успехе, достигнутом богом; но в то же время это можно воспринимать как результат постигшей его неудачи. Здесь можно, конечно, говорить и о могуществе, но ничто не мешает расценить это как бессилие. Жаль, что глаза людей расположены на одной плоскости и они не могут одновременно смотреть и вправо и влево, а поэтому в их поле зрения попадает только часть предметов. Но обалделые, одураченные богом люди не хотят замечать таких простых фактов, которые можно наблюдать в их обществе каждую минуту в любое время суток. А вот со стороны их видно хорошо. Если при

изготовлении чего-либо трудно создать большое разнообразие, то не менее трудно достичь и полного единообразия. Очевидно, Рафаэля одинаково поставили бы в тупик как заказ написать два одинаковых портрета богоматери, так и требование изобразить двух мадонн, совершенно непохожих друг на друга; нет, все-таки написать две одинаковые вещи, наверное, труднее. Вероятно, для Кобо-дайси[122] было бы значительно труднее написать иероглифы «небо» и «море» точно так же, как он написал их вчера, чем вовсе переменить почерк. Что же касается обучения языку, на котором говорят люди, то оно целиком основано на принципе копирования. Когда дети знакомятся с окружающим миром и с помощью своих матерей и кормилиц узнают новые слова, у них нет никаких честолюбивых побуждений, кроме одного — повторить слово так, как оно было услышано. Изо всех сил они стараются подражать другим. Естественно, в течение десяти — двадцати лет в языке, который складывается подобным образом, на основе подражания, возникают различные фонетические изменения, что свидетельствует об отсутствии у людей способностей к абсолютному копированию. Так что настоящее копирование — штука весьма трудная. Следовательно, бог еще больше доказал бы свое всемогущество, если бы сделал людей настолько одинаковыми, чтобы все они были на одно лицо, как маски, выжженные одним клеймом; с другой стороны, тот факт, что он выпустил на белый свет множество своеобразных, не похожих друг на друга индивидуумов, наталкивает на мысль о его полной беспомощности.

Я совсем забыл, что побудило меня пуститься в такие длинные рассуждения. Но если уж люди забывают, с чего они начали разговор, то коту сам бог велел. Итак, когда я взглянул на святого отшельника-вора, который, раздвинув сёдзи, появился на пороге спальни, все эти чувства, о которых я говорил выше, всколыхнули мне душу. Почему всколыхнули?… Почему, спрашиваете? Постойте, надо еще раз хорошенько подумать. Ага, вот почему. Дело в том, что как только я увидел лицо святого отшельника, который, сохраняя полное самообладание, предстал перед моими глазами, это лицо… Хотя я всегда сомневался в способностях бога, это лицо обладало одной особенностью, которой было вполне достаточно, чтобы вмиг рассеять мои сомнения. Особенность эта заключается в том, что вор как две капли воды был похож на моего любимого красавца Мидзусима Кангэцу-куна. Конечно, я не вожу знакомство с ворами, но по тем ужасным поступкам, которые они совершают, не раз пытался нарисовать в своем воображении лицо вора. Я считал, что нос у него должен быть обязательно маленький и приплюснутый, глаза величиной с медный сэн, а волосы на голове должны торчать, как колючки на кожуре каштана. Однако то, что я увидел, отличалось как небо от земли от созданного моим воображением образа. Никогда нельзя полагаться на воображение. Этот святой отшельник был очень изящным и красивым вором — стройным, с прямыми, как стрела, темными бровями. Лет ему двадцать шесть — двадцать семь, то есть столько же, сколько Кангэцу-куну. Если бог обладает достаточным умением, чтобы создать два столь похожих лица, то его никак нельзя считать бессильным. Говоря откровенно, я даже подумал, что Кангэцу-кун сошел с ума и поэтому прибежал к нам глубокой ночью. И только потому, что под носом у пришельца не чернели усы, я сообразил, что это все-таки другой человек. У Кангэцу-куна красивое мужественное лицо; бог вылепил его достаточно тщательно, чтобы оно могло приковать к себе внимание барышни Канэда Томико, той самой, которую Мэйтэй назвал ходячей маркой. Однако и этот святой отшельник со своей физиономией ничуть не уступит Кангэцу-куну в смысле притягательного воздействия на эту женщину. Если дочка Канэда потеряла голову от одного взгляда Кангэцу-куна, то не влюбиться столь же пылко в этого господина вора с ее стороны было бы несправедливо и уж во всяком случае нелогично. Она такая способная, все схватывает на лету. Таким образом, если вместо Кангэцу-куна ей предложить этого вора, она, несомненно, полюбила бы его всей душой и сделала бы все возможное, чтобы жить с ним в мире и согласии. Пока жив и здоров этот святой отшельник, барышне Канэда не надо беспокоиться, что на Кангэцу-куна, паче чаяния, повлияют страстные проповеди Мэйтэя и других и это необыкновенно удачное замужество расстроится. Предположив, как в этом случае будут развиваться события в будущем, я наконец успокоился за судьбу барышни Томико. До тех пор пока существует господин вор, счастье барышни Томико обеспечено.

Святой отшельник что-то держал под мышкой. Ба, да это то самое старое одеяло, которое хозяин недавно швырнул в кабинет. Из-под короткого хантэна[123] виден щегольски завязанный серебристо-синий пояс; бледные ноги по колено голые. Как только вор перешагнул порог спальни, хозяин, которому снилось, будто бы красная книжка больно кусает его за палец, с шумом повернулся на другой бок и громко сказал: «Кангэцу». Святой отшельник выронил одеяло и быстро отступил назад. Я отчетливо видел, как у него дрожали

ноги. Хозяин, бормоча что-то невнятное, отшвырнул в сторону красную книгу и принялся яростно, как чесоточный, царапать ногтями грязную руку. Но вот его голова скатилась с подушки, и он умолк. По-видимому, он произнес «Кангэцу» в бреду. Некоторое время святой отшельник стоял на галерее и наблюдал за тем, что происходит в комнате, но, удостоверившись, что хозяева продолжают спать безмятежным сном, снова переступил порог спальни. На сей раз хозяин никак не реагировал на появление нежданного гостя, и тот расхрабрился. Через минуту он стоял уже посреди комнаты, и его огромная тень делила освещенную лампой спальню на две половины. Часть стены как раз в том месте, где стояла корзина и сидел я, стала совсем черной. Я вскинул глаза и увидел, что тень от головы отшельника движется как раз на высоте двух третей стены. И красавец, если судить только по тени, выглядит так же странно, как некое чудовище с головой в виде клубня ямса. Святой отшельник глянул на лицо спящей хозяйки и почему-то улыбнулся. К моему удивлению, он улыбался точно так же, как улыбался Кангэцу-кун.

У изголовья хозяйки, точно ларец с драгоценностями, стоял заколоченный гвоздями ящик. Это дикий батат, который привез в подарок хозяевам Татара Сампэй-кун, когда он недавно вернулся из поездки на родину. Конечно, украшать свое изголовье диким бататом довольно странно, но наша хозяйка так плохо разбирается в подобных вещах, что даже ставит на комод поднос с сахаром, предназначенным для приготовления приправ. Поэтому ни у кого не вызовет удивления, если в спальне будет стоять не только батат, но и маринованная репа. Однако святой отшельник не бог и не может знать, что это за женщина. Он рассудил совершенно правильно: раз они поставили ящик поближе к себе, — значит, в нем хранится что-то ценное. Святой отшельник попробовал приподнять ящик с диким бататом. Ящик, кажется, был довольно тяжелый, что подтверждало предположение отшельника, поэтому последний выглядел очень довольным. Неужели он хочет украсть дикий батат? Такой красавец — и крадет батат? Я чуть не расхохотался. Но сдержался — подавать голос без особой нужды было опасно.

Потом святой отшельник принялся бережно заворачивать ящик в одеяло. Покончив с этим, он огляделся по сторонам, ища, чем бы перевязать сверток. И тут, к его счастью, на глаза ему попался ветхий крепдешиновый пояс, который хозяин снял с себя, когда ложился спать. Святой отшельник туго обвязал ящик этим поясом и легко взвалил его на спину. Попадись он в эту минуту на глаза женщинам, они не пришли бы в восторг. Затем он взял две детские рубашонки и затолкал их в трикотажные подштанники хозяина, от чего те сразу раздулись и стали похожими на ужа, проглотившего лягушку… впрочем, еще лучше их было бы сравнить с ужом на сносях. Во всяком случае, выглядели они чудно. Отшельник повесил подштанники на шею. Интересно, что будет дальше. Расстелив хозяйский пиджак на полу, он сложил в него хозяйкин пояс, кимоно, белье хозяина и другие попавшиеся ему на глаза вещи. Сноровка и быстрота, с которой он работал, поразили меня. Потом он связал узел и взял его в руки. Уже собираясь уходить, он еще раз осмотрел комнату и, заметив рядом с хозяином пачку папирос, решил захватить ее с собой. Одну папиросу он взял в рот и прикурил от лампы. Глубоко, со вкусом затянулся и выпустил облачко дыма, которое окутало молочного цвета стекло лампы. Не успел рассеяться дым, как звуки шагов святого отшельника донеслись уже с галереи. Хозяева продолжали крепко спать. Вопреки моим ожиданиям, люди тоже бывают беспечными.

Мне надо еще немного отдохнуть. Я не могу болтать без передышки. Я быстро погрузился в сон, а когда открыл глаза, на безоблачном мартовском небе ярко сияло солнце, а хозяин и хозяйка стояли у черного хода и разговаривали с полицейским.

– Итак, он вошел в дом отсюда и направился в спальню. Вы спали и ничего не заметили.

– Да, — ответил хозяин; кажется, он был сильно взволнован.

– Во сколько же часов произошла кража? — продолжал полицейский задавать нелепые вопросы. Если бы они знали, когда произошла кража, то, очевидно, не допустили бы этого. Но хозяевам было не до логики.

– Во сколько же это было?…

– Да, во сколько, — размышляла хозяйка. Видимо, она полагала, что достаточно подумать, чтобы все стало ясно.

– Вы вчера во сколько легли спать? — спросила она мужа.

– Я лег позже тебя.

– Да, а я раньше вас.

– А проснулась во сколько?

– Кажется, в половине восьмого.

– А во сколько же тогда забрался вор?

– Во всяком случае, ночью, наверное.

– Ясно, что ночью, но я спрашиваю, во сколько часов.

– Чтобы точно сказать, надо хорошенько подумать, — продолжала твердить хозяйка.

Полицейский задавал вопросы исключительно ради формальности, его совершенно не интересовало, когда вор забрался в дом. «Говорите все, что придет вам в голову», — думал он, но хозяева продолжали свой бесполезный диалог, и он, вконец раздосадованный, сказал:

– Значит, время кражи неизвестно.

– Да, конечно, — как всегда, неопределенно ответил хозяин.

Полицейский даже не улыбнулся.

– Тогда подайте жалобу: «Такого-то дня, такого-то месяца тридцать восьмого года Мэйдзи[124] вор там-то и там-то открыл ставни, пробрался туда-то и туда-то и похитил из вещей то-то и то-то, о чем и подаю настоящую жалобу». Не заявление, а жалобу. Адрес можно не указывать.

– Вещи описывать подробно?

– Да. Например: кимоно столько-то, цена — такая-то… Нет, нет, заходить в дом не буду. После кражи мне там нечего делать, — заявил полицейский тоном, не терпящим возражений, и удалился.

Хозяин поставил посреди гостиной письменный прибор, подозвал жену и объявил ей:

– Сейчас я буду писать жалобу об ограблении, перечисляй по порядку украденные вещи. Ну, давай.

– Фу, как нехорошо. Что значит «давай»? Будете так командовать, вам никто ничего не скажет, — проворчала хозяйка, тяжело опускаясь на циновку. Она была одета в кимоно, подвязанное узким пояском.

– Что у тебя за вид? Ты выглядишь, как самая последняя проститутка с постоялого двора. Почему не надела оби?[125]

– Если не нравится, купите новый. Называйте меня как угодно, но я не виновата в том, что у меня украли оби.

– Даже оби украл?! Вот прохвост. Тогда начнем прямо с оби. Который?

– Который? Вы говорите так, словно у меня их несколько. Двойной оби, с одной стороны атласный, с другой крепдешиновый.

– Так… «Двойной оби, с одной стороны атласный, с другой крепдешиновый, один»… Сколько он примерно стоит?

– Йен шесть.

– И ты имеешь нахальство носить такие дорогие оби? Теперь будешь покупать по полторы йены, не дороже.

– Попробуйте найдите за такую цену. Вы просто бесчеловечны. Лишь бы вам было хорошо, а жена пусть ходит как самое последнее чучело.

– Ну, ладно, ладно. Что там дальше?

– Шелковое хаори. Я его получила в память о своей покойной тетушке Коно. Шелковое-то оно шелковое, но только этот шелк не такой, как сейчас.

– Обойдусь и без твоих разъяснений. Цена какая?

– Пятнадцать йен.

– Хаори по пятнадцать йен нам не по карману.

– А вам-то не все ли равно, ведь не вы же покупали.

– Что еще?

– Черные носки, одна пара.

– Твои?

– Ваши. Двадцать семь сэн.

– Дальше.

– Ящик дикого батата.

– Даже батат унес? Что он с ним будет делать, сварит или приготовит суп?

– Не знаю, что будет делать. Сходите к вору и спросите его.

– Сколько он стоит?

– Цены на дикий батат я не знаю.

– Тогда напишем двенадцать с половиной йен.

– Вы с ума сошли. Дикий батат, пусть он даже привезен из Карацу, не может стоить двенадцать с половиной йен.

– Но ты же сама сказала, что не знаешь.

– Не знаю. Правильно, не знаю, но двенадцать йен пятьдесят сэн не может быть.

– Вот и пойми: «Не знаю, но двенадцать йен пятьдесят сэн — не может быть». Никакой логики. Ты самый настоящий Константин Палеолог[126].

– Что, что?

– Константин Палеолог.

– А что это такое — Константин Палеолог?

– Не важно. Что там у нас дальше… Ты еще из моих вещей ничего не назвала.

– Не важно, что дальше. Скажите-ка лучше, что значит Константин Палеолог.

– Ничего не значит.

– Как будто уж нельзя объяснить. Зачем вы морочите мне голову? Знаете ведь, что человек не понимает по-английски, и говорите всякие нехорошие слова.

– Не болтай глупостей. Скорее говори, что дальше. Надо побыстрее написать жалобу, а то не найдут наших вещей.

– Теперь уже все равно не успеем. Лучше объясните, что такое Константин Палеолог.

– Ох и надоедливая ты! Я же сказал, что ничего это не значит.

– Ах так! Ну, тогда и я ничего не скажу вам.

– Дура упрямая! Делай как знаешь. Жалобу об ограблении я тебе писать не буду.

– А я вам не скажу, какие вещи украли. Вы сами взялись составлять жалобу, я вас не заставляла, можете и не писать, не заплачу.

– Ну и не буду. — И, вспылив, хозяин, по обыкновению, закрылся в кабинете. Хозяйка перешла в столовую и села перед шкатулкой с рукоделием. Оба в течение десяти минут сидели молча и метали злобные взгляды на разделявшие их сёдзи.

Вдруг дверь широко распахнулась, и в комнату бодрым шагом вошел Татара Сампэй-кун, подаривший дикий батат. Татара Сампэй-кун когда-то был в этом доме сёсэем, но несколько лет назад окончил юридический факультет и теперь служит в управлении рудниками при какой-то компании. Он тоже был по натуре дельцом, последователем Судзуки Тодзюро-куна. В память о прежних временах он время от времени навещал жалкую лачугу, где когда-то был сёсэем, и проводил здесь воскресные дни; в этой семье он чувствовал себя легко и свободно.

– Хороша сегодня погодка, хозяюшка, — произнес он с акцентом, не то карацуским, не то еще с каким-то и уселся перед хозяйкой.

– О Татара-сан.

– Сэнсэй ушел куда-нибудь?

– Нет, он в кабинете.

– Сэнсэй все занимается, даже по воскресеньям, подумать только! Ведь это же вредно.

– Вы скажите об этом самому сэнсэю.

– Да, да, конечно… — проговорил Сампэй-кун, а потом, оглянувшись по сторонам, произнес, не то обращаясь к хозяйке, не то к самому себе: — Что-то сегодня девочек не видно.

И в ту же минуту из соседней комнаты прибежали Тонко и Сунко.

– Татара-сан, а суси[127] сегодня ты принес? — требовательно спросила старшая дочь учителя, как только увидела Сампэй-куна, вспомнив об обещании, которое он дал им в прошлый раз.

– Вы не забыли еще? А я сегодня не принес, в следующий раз обязательно принесу, — признался Татара-кун, почесывая голову.

– Фу-у, — разочарованно протянула старшая. Глядя на нее, младшая тоже сказала: «Фу-у». Настроение у хозяйки немного улучшилось, и она даже слегка улыбнулась.

– Суси у меня с собой нет, но вот дикий батат я приносил. Вы кушали его?

– Дикий батат? А что это такое? — спросила старшая.

– Дикий батат? А что это такое? — Младшая сестра не отстала от старшей и на этот раз.

– Еще не пробовали? Попросите маму, чтобы она побыстрей сварила. В Карацу дикий батат не такой, как в Токио, — произнес Сампэй-кун с гордостью за свою родину. Хозяйка только теперь сообразила, что надо поблагодарить за гостинец.

– Спасибо вам, Татара-сан, вы очень любезны. Да еще так много привезли.

– Ну, и как? Пробовали? Я специально заказал ящик, чтобы батат не побился. Наверное, хорошо сохранился.

– Вы старались-старались, а его вчера вор украл.

– Вор? Вот дурак! Неужели он так любит дикий батат! — восторженно воскликнул Сампэй-кун.

– Мама, у нас ночью был вор? — спросила Тонко.

– Да, — коротко ответила мать.

– Вор был… а что дальше… Какой он? — принялась допытываться Сунко.

Хозяйка не знала, как отвечать на столь необычный вопрос.

– Страшный, — сказала она и посмотрела на Татара-куна.

Тонко не унималась:

– Страшный? Такой, как Татара-сан? — спросила она с детской непосредственностью.

– Что такое? Как можно быть такой невежливой.

– Ха-ха-ха, неужели я такой страшный? Ну и ну, — воскликнул Татара-кун и почесал затылок. На затылке была лысина диаметром ровно в один сун. Лысина появилась месяц назад, и Татара-кун лечился у врача, но дело шло на поправку, кажется, не очень быстро. Первой лысину заметила Тонко.

– Ой, Татара-сан, у тебя голова блестит, как и у мамы.

– Тебе же было сказано — молчи.

– Мама, у вора голова тоже блестела?

Это спросила младшая. Хозяйка и Татара-кун невольно рассмеялись, однако дети мешали им говорить, а потому мать сказала:

– Пойдите поиграйте во дворе. А я вам сейчас дам что-то вкусное.

Выпроводив детей, хозяйка с серьезным видом продолжала:

– Татара-сан, что с вашей головой?

– Моль съела. Лечусь-лечусь, а ничего не получается. У вас тоже?

– Фу, моль! Что вы! У женщин на том месте, где они делают узел, всегда небольшая лысина.

– Все лысины из-за бактерий.

– У меня не из-за бактерий.

– Это вы, хозяюшка, просто упрямитесь.

– Ну как хотите, но только у меня не из-за бактерий. Кстати, как будет по-английски лысина?

– Лысина будет «боулд».

– Нет, не то. Наверное, есть более длинное название.

– Спросите у сэнсэя, он вам сразу скажет.

– Сэнсэй ни за что не захочет объяснить, вот я и спрашиваю у вас.

– Кроме «боулд» я другого слова не знаю. Более длинное… Что бы это могло быть…

– Константин Палеолог, вот что. Константин — лысая, Палеолог — голова.

– Может быть, может быть. Я сейчас пойду к сэнсэю в кабинет и проверю по Вебстеру. Между прочим, сэнсэй очень странный человек. Такая хорошая погода, а он сидит дома… Хозяюшка, так он никогда не избавится от своего несварения. Посоветуйте ему сходить ну хотя бы в Уэно, полюбоваться цветами.

– Сами посоветуйте. Может быть, он вас послушает.

– Он все еще ест варенье?

– Да, по-старому.

– Недавно сэнсэй жаловался: «Жена, говорит, ругается, что я ем страшно много варенья. А мне кажется мало. Наверное, неправильно подсчитали». Не иначе вы, хозяюшка, вместе с дочками тоже кушаете…

– Татара-сан, противный, как вы можете говорить такое!

– А я по вашему лицу вижу.

– Как можно по лицу угадать.

– А я и не стараюсь угадать. Значит, хозяюшка, совсем не кушаете?

– Ну, ем немного. Разве нельзя? Ведь это наше.

– Ха-ха-ха, я так и думал… А ведь и правда — страшная беда, когда тебя обворуют. Один дикий батат утащили?

– Если бы только батат! Тогда бы мы и не горевали. Всю нашу одежду украли.

– Это, наверное, будет чувствительно. Опять в долги залезать придется? Жаль, что этот кот не собака… жаль. Хозяюшка, обязательно заведите себе здоровенного пса… Кошка никакой пользы не приносит, только и знает что лопать… Мышей-то хотя бы ловит?

– Наш кот пока ни одной не поймал. Такой ленивый, такой бесстыжий.

– Ну, это никуда не годится. Прогоните его побыстрее. Может, я захвачу его с собой, сварю и съем?

– Что вы, Татара-сан, неужели вы кошек едите?

– Ем, конечно. Они очень вкусные.

– Да вы настоящий герой.

Я давно слышал, что среди подлого сброда, именуемого сёсэями, есть дикари, которые едят кошек, но никак не мог предположить, чтобы и Татара-кун, всегда относившийся ко мне благосклонно, принадлежал к этой категории, тем более что он уже не сёсэй, а важный юрист и служит в крупной компании. Кангэцу второй своими действиями доказал правильность поговорки «В каждом зри вора», однако истину «зри в каждом пожирателя кошек» мне

впервые открыл Татара-кун. Пословица гласит: «Живя учись, а научившись — радуйся», — однако каждый день приносит новые опасности и с каждым днем нужно быть все осторожнее. И то, что приходится защищать себя двойным панцирем из коварства и подлости, тоже результат глубокого знакомства с жизнью, а с годами узнаешь жизнь все лучше. «Потому-то так трудно встретить среди стариков хоть одного порядочного человека. Может быть, и для меня в настоящее время было бы самым правильным очутиться вместе с головкой лука в кастрюле Татара-куна», — думал я, забившись в угол, и как раз в эту минуту в столовую явился хозяин, который только что, поссорившись с женой, ушел в кабинет.

– Сэнсэй, говорят, вас обокрали. Надо же было так глупо получиться, — тут же насел на него Татара-кун.

– Глуп тот, кто забрался к нам, — ответил хозяин; себя он считал человеком очень мудрым.

– Конечно, забираться к вам было глупо, но и быть обокраденным тоже не очень умно.

– Люди вроде Татара-сана, у которых нечего украсть, наверное, самые умные, — сказала хозяйка, приняв на этот раз сторону мужа.

– Но самый глупый — кот. И нет ему оправдания. Мышей не ловит, а когда приходит вор, делает вид, что ничего не замечает… Сэнсэй, вы мне его не отдадите? Вам он все равно никакой пользы не приносит.

– Можно и отдать, а зачем он тебе?

– Сварю и съем.

Услыхав эти ужасные слова, хозяин изобразил на лице неприятную усмешку человека, страдающего несварением желудка, но ничего определенного не сказал; поэтому Татара-кун тоже не стал настаивать на том, чтобы съесть меня. Таким образом, я неожиданно был спасен.

Хозяин переменил тему разговора.

– Оставь кота в покое. Этот вор украл всю одежду, и теперь я вынужден мерзнуть.

Вид у хозяина был очень подавленный. Должно быть, он действительно замерз. Если до вчерашнего дня он носил два кимоно на вате, одно поверх другого, то сегодня на нем была лишь рубашка с коротким рукавом, да тонкое авасэ[128]; к тому же он вынужден был все время сидеть дома и даже не выходил на прогулку, отчего вся кровь, которой у него было и так недостаточно, прилила к желудку и совсем не доходила до конечностей.

– Сэнсэй, паршиво быть учителем. Украли немного вещей, и уже приходится туго… может быть, вы теперь передумаете и станете коммерсантом?

– Сэнсэй ненавидит коммерсантов, не говорите ему о них, — последовала реплика со стороны хозяйки. Ей-то, конечно, хотелось, чтобы муж стал коммерсантом.

– Сколько лет тому назад сэнсэй окончил университет?

– В этом году, наверное, восемь исполнится, — ответила хозяйка и взглянула на мужа. Тот не произнес ни «да» ни «нет».

– Уже целых восемь лет, а жалованье все то же. Сколько ни старайся, никто тебя не похвалит. «И сидит добрый молодец в полном одиночестве», — нараспев продекламировал Татара-кун для хозяйки строчку из стихотворения, выученного им еще в школе. Хозяйка не поняла смысла этих стихов, а поэтому промолчала.

– Я, конечно, ненавижу учителей, но коммерсантов ненавижу еще больше, — сказал хозяин и погрузился в раздумье, решая про себя, кого же он все-таки любит.

– Сэнсэй всех ненавидит, а поэтому…

– Единственный, кого вы любите, ваша жена? — с серьезным видом спросил Татара-кун. Последовал предельно ясный ответ:

– Терпеть не могу.

Хозяйка отвела глаза в сторону и обиженно поджала губы, но тут же взметнула на мужа гневный взгляд и сказала с явным намерением осадить его:

– Вы, наверное, даже жизнь ненавидите.

– Согласен, не особенно ее люблю, — ответил хозяин неожиданно беспечным тоном.

Вот и попробуй справься с ним.

– Сэнсэй, вам надо побольше гулять, а то совсем здоровье испортите… И становитесь-ка вы коммерсантом, чтобы зарабатывать деньги, особого труда не требуется.

– То-то ты так много заработал.

– Но я поступил в компанию лишь в прошлом году. И все-таки у меня сбережений больше, чем у вас.

– Сколько же вы накопили? — сразу оживилась хозяйка.

– Уже пятьдесят йен.

– А какое у вас жалованье? — не отступала хозяйка.

– Тридцать йен. Пять из них компания каждый месяц оставляет себе на хранение, но я в любое время могу взять их обратно… Хозяюшка, купите на свои карманные деньги несколько акций столичной окружной дороги. Через три-четыре месяца у вас будет вдвое больше денег. Лишь бы было с чего начать, а там они быстро пойдут в рост.

– Были бы у нас такие деньги, нас бы и вор не испугал.

– Поэтому коммерсантом быть лучше всего. Жаль, что сэнсэй тоже не стал юристом. А то служил бы сейчас в компании или в банке, зарабатывал в месяц триста-четыреста йен… Сэнсэй, вы знаете Судзуки Тодзюро, инженера-технолога?

– Да, он вчера был у меня.

– Вот как! Недавно мы с ним встретились на одном банкете и разговорились о вас. Неужели, говорит, ты был сёсэем у Кусями-куна? Я тоже когда-то ел с Кусями-куном из одного котла, мы тогда жили при храме Коиси-кава. Пойдешь к нему, передавай привет, я тоже на днях забегу.

– Говорят, он недавно перебрался в Токио.

– Да. Раньше он работал на шахтах на Кюсю, а теперь его перевели в Токио. Прекрасный человек. Даже с такими, как я, словно с друзьями разговаривает… Сэнсэй, как вы думаете, сколько он получает?

– А мне-то что.

– Двести пятьдесят йен в месяц, а в конце года, на праздник Бон[129], ему выплачивают дивиденды, и худо-бедно в среднем йен четыреста-пятьсот получается. В то время, когда он огребает такие деньжищи, сэнсэй, знаток английского языка, должен десять лет носить одну и ту же лисью шубу. Ерунда получается.

– И впрямь ерунда.

Даже такой человек, как хозяин, жизненный принцип которого — стоять выше всего, смотрит на деньги так же, как все другие. Нет, наверное он жаждет денег больше, чем кто-либо, поскольку очень нуждается в них. Татара-кун достаточно красноречиво расписал те выгоды, которые сулит положение коммерсанта, и продолжать разговор на эту тему было бесполезно. Поэтому он обратился к хозяйке с таким вопросом:

– Хозяюшка, у вас бывает человек по имени Мидзусима Кангэцу?

– Да, и довольно часто.

– Что он собой представляет?

– Говорят, страшно способный.

– Красавец?

– Хо-хо-хо, примерно такой же, как и Татара-сан.

– Вот как. Неужели такой, как я? — спросил Татара-кун, и, представьте, совершенно серьезно.

– Где ты слышал о Кангэцу? — вступил в разговор хозяин.

– Недавно один человек попросил меня узнать, что он собой представляет. Он действительно стоит того? — Еще не услыхав ничего о Кангэцу, Татара-кун уже считал себя выше его.

– Гораздо умнее тебя.

– Вон оно что. Умнее меня, значит, — сказал Татара-кун таким неопределенным тоном, что было невозможно понять — рассердился он или нет. Смирение было отличительной чертой Татара-куна.

– Он скоро станет доктором?

– Пишет диссертацию, говорят.

– И все-таки он дурак. Подумать только — докторскую диссертацию пишет, а я-то думал, он толковый малый.

– А вы по-прежнему необыкновенно самоуверенны, — смеясь, сказала хозяйка.

– Мне тот человек сказал: «Интересно, если Кангэцу станет доктором, женится он тогда на дочери кое-кого или нет?» — «Где вы еще видели такого дурака: хочет стать доктором для того, чтобы жениться. Гораздо лучше отдать ее за меня, чем за такого человека», — ответил я ему.

– Кому «ему»?

– Тому самому, который просил меня разузнать о Мидзусима.

– Не Судзуки ли?

– Э, нет. Ему я не могу сказать такого. Уж очень крупная он фигура.

– Татара-кун, однако, хвастунишка. Когда к нам приходит, — задирает нос, а перед такими, как Судзуки-кун, наверное, ниже травы, тише воды.

– А вы как думали? С ними рискованно держаться иначе.

Хозяин неожиданно пригласил Татара-куна прогуляться. Ему было холодно в одном авасэ, и он уже несколько минут прикидывал, не пройтись ли немного для того, чтобы согреться; результатом этих раздумий явилось выдвинутое им беспрецедентное предложение. Татара-кун, которому было решительно все равно что делать, разумеется не стал колебаться.

– Пойдемте, пойдемте. Куда, в Уэно? Или сходим поесть лепешек на улицу Имодзака? Сэнсэй, вы когда-нибудь ели там лепешки? Хозяюшка, сходите разок, попробуйте. Такие нежные и дешевые к тому же. Сакэ там тоже подают.

Пока он, как всегда, без умолку тараторил, хозяин успел надеть шапку и выйти в переднюю.

Что делали хозяин и Татара-кун в парке Уэно, сколько порций лепешек съели они на Имодзака — я не знаю, да и не испытывал потребности узнавать, к тому же я не чувствовал себя достаточно храбрым, чтобы устраивать слежку. Поэтому я значительно сокращу свое повествование и использую это время для отдыха. Все живое имеет право на отдых. Все обитатели нашей земли, на которых возложена обязанность жить для того, чтобы выполнить эту обязанность, должны иметь возможность отдыхать. Если бы бог сказал мне: «Ты родился для того, чтобы работать, а не для того, чтобы спать», — я бы возразил ему: «Вы совершенно правы, я родился для того, чтобы работать, я и прошу отдыха, чтобы работать». Ведь даже такие бесчувственные люди, как мой хозяин, которые, кажется, только для того и созданы, чтобы ворчать, иногда устраивают себе отдых в будничные дни. И само собой разумеется, что мне — хотя я всего-навсего простой кот — нужно отдыхать больше, чем хозяину, ибо я все чувствую очень остро и мои нервы круглые сутки напряжены до предела. Вот только меня сильно огорчило, что Татара-кун ругал меня, говорил, что я не приношу никакой пользы и целыми днями только сплю. Нет ничего хуже жалких людишек, которые целиком находятся во власти предметов: они руководствуются исключительно своими чувствами и даже о других судят по внешнему виду. Если у тебя не засучены рукава и ты не обливаешься потом, — значит, по их мнению, ты не работаешь. Говорят, что йог по имени Дхарма так долго сидел в одной позе, что у него начали гнить ноги, но если бы даже в помещение, где он сидел, пробрался плющ и обвил голову этого святого человека, закрыв ему глаза и рот, он не двинулся бы с места. Он находился в состоянии, которое нельзя назвать ни сном, ни смертью. В голове у него все время шла напряженная работа, он был погружен в обдумывание

оригинального утверждения о том, что сокровенные принципы дзэн всеобъемлющи и они в равной мере применимы ко всему — святому и обыденному. Говорят, что конфуцианцы тоже прибегают к так называемому неподвижному сидению. Но не думайте, что они подражают безногому калеке, который целые дни сидит сложа руки дома и никуда не выходит. Их мысль работает в это время гораздо интенсивнее, чем у обыкновенных людей. Внешне же это зрелище — воплощение спокойствия и величия, а поэтому непосвященные люди во всем мире смотрят на этих столпов мудрости как на самых обыкновенных людей, впавших в летаргический сон или обморок, и начинают возводить на них поклеп: дармоеды! бездельники! От рождения все профаны страдают дефектом зрения, который заключается в том, что они видят только форму вещей, но не видят их сущности… люди, подобные Татара Сампэй-куну, из тех, кто не видит содержания, а видит только форму, поэтому этот Сампэй-кун вправе смотреть на меня так же, как он смотрит на скребок с засохшим на нем навозом. Но меня обидело, что даже хозяин — человек, который хотя бы изредка читает книги и до какой-то степени разбирается в истинном положении вещей, сразу согласился с поверхностным суждением Сампэй-куна и не выступил против тушеной кошатины. Однако можно согласиться с тем, что их пренебрежение ко мне не лишено оснований. С давних времен существует поговорка: «Благородные слова не для ушей черни, не всякому дано петь возвышенные гимны». Заставлять человека, который не видит деятельности вне формы, взглянуть на сияние души, — это все равно что принуждать бонз носить длинные волосы, или просить рыбу произнести речь, или требовать от трамвая сойти с рельсов, или советовать хозяину уйти в отставку, или уговаривать Сампэя не думать о деньгах. Это желание просто несбыточно. Однако мы, кошки, животные общественные. А поскольку мы общественные животные, то как бы высоко мы себя ни ставили, должны до некоторой степени прислушиваться к мнению общества. Жаль, конечно, что хозяин и его жена, а также служанка, Сампэй и все остальные не ценят меня соответственно моим достоинствам, но тут уж я ничего не могу поделать, и если они, исходя неизвестно из каких побуждений, задумают содрать с меня шкуру и продать ее, а мясо отдадут на жаркое Татара-куну, для меня это безрассудство будет иметь серьезные последствия. Я единственный в мире кот, которого судьба наделила умом, а поэтому и тело мое имеет особую ценность. Есть пословица: «Береженого и бог бережет», — а поэтому без нужды подвергать себя опасности лишь для того, чтобы доказать свое превосходство, значит не только причинить себе горе, но и нарушить волю небес. Гордый тигр в зоопарке спокойно живет рядом с грязной свиньей, а дикие гуси и лебеди, попав живьем в руки торговцев птицей, умирают на той же кухонной доске, что и обыкновенные цыплята и куры. Если ты оказался среди заурядных людей, то ничего не останется как смириться и стать заурядным котом. А если ты стал заурядным котом, то надо ловить мышей… Итак, я начинаю ловить мышей.

Говорят, что сейчас Япония ведет большую войну с Россией[130]. Я кот японский, а поэтому, конечно, японофил. Если бы мне представилась возможность, то я даже хотел бы сформировать сводную кошачью бригаду и отправиться на фронт царапать русских солдат. Как видите, я чувствую себя бодрым и полным сил, теперь только бы найти в себе достаточно силы воли, чтобы поймать мышь, другую, а там бы я и во сне мог их ловить. Говорят, в старину один человек спросил знаменитого йога: «Что мне надо делать, чтоб прозреть?» — а тот ответил: «Бери пример с кошки, когда она выслеживает мышь». «Бери пример с кошки» означает «поступай как кошка, и все будет в порядке». Существует поговорка: «Баба хитра, а корову продать не смогла». Но ведь пока не говорят: «Кошка хитра, но не поймать ей мышь». Поэтому совершенно исключено, чтобы такой умный кот, как я, не сумел поймать мышь. И вообще что значит «не сумел поймать», должен поймать, и все. А до сих пор я не ловил мышей только потому, что не хотел этого делать.

Солнце село. Время от времени врывавшийся через отверстие в сёдзи ветер приносил с собой тучи лепестков; плавая в ушате с водой, они смутно белели в тусклом свете лампы. Именно этой ночью я решил удивить всех своей храбростью, а для этого мне нужно заранее осмотреть поле боя и изучить рельеф местности. Разумеется, фронт должен быть не слишком широким, достаточно и четырех татами[131]. Половину одного татами занимает умывальник, оставшаяся часть его представляет собой дома[132], стоя на которой торговец вином и зеленщик кричат свое «не желаете ли чего». Очаг, не под стать бедной кухне, у нас прекрасный; с начищенным до блеска котлом из красной меди; позади него небольшое свободное пространство — здесь обычно стоит моя раковина. Ближе к столовой — буфет с подносами, чашками, тарелками, горшками, он занимает довольно много места и загромождает собой почти всю и без того тесную кухню. Внизу стоит ступка, а из нее в мою

сторону посматривает дно небольшой кадочки. Терка для редьки и пестик висят рядышком, а поблизости сиротливо высится гасилка. Оттуда, где перекрещиваются черные от копоти стропила, свешивается крюк, на нем висит большая плоская корзина. Иногда под порывами ветра она начинает послушно покачиваться из стороны в сторону. Спрашиваете, зачем эту корзину подвесили вверх? Когда я пришел в дом, то сам долго пребывал в неведении, но потом узнал, что в такие корзины прячут от кошки еду, и всем сердцем ощутил подлость человеческой натуры.

Теперь предстояло разработать план операции. Сражаться с мышами, безусловно, надо там, где они прячутся. Каким бы ни был удобным рельеф местности, но если ты ждешь противника, а он не появляется, то какая же это война? Поэтому возникает необходимость определить, где находятся мышиные норы. Став на середину кухни, я огляделся по сторонам, стараясь угадать, откуда появятся мыши. У меня было такое ощущение, словно я не кот, а адмирал Того. Служанка ушла в баню и еще не вернулась. Дети спали. Наевшись на Имодзака лепешек, хозяин пришел домой и, как всегда, закрылся в кабинете. Хозяйка… Что делает хозяйка, я не знаю. Дремлет, наверное, и видит во сне дикий батат. Время от времени мимо дома пробегал рикша; когда его шаги замирали вдали, тишина становилась еще ощутимее. И в принятом мною решении, и в моем состоянии духа, и в царящем вокруг безмолвии — во всем мне чудилось что-то трагическое. О себе я не мог думать иначе как о кошачьем адмирале Того. Когда вас по той или иной причине охватывает ужас, вы испытываете какую-то своеобразную радость, но я чувствовал, что за этой радостью скрывается тревога. Я преисполнился решимости воевать с мышами до победного конца, а поэтому не боялся, что их может явиться много, меня беспокоило лишь одно — откуда они нагрянут. Если попытаться обобщить данные тщательно проведенной мною рекогносцировки, то можно наметить три вероятных пути движения мышиной банды. Если это те мыши, которые живут в водосточных канавах, то они, несомненно, пробравшись по трубе, сразу от умывальника направятся к очагу. В таком случае я спрячусь за гасилкой и прегражу им путь к отступлению. А может, они вылезут из дыры, через которую в канаву сливают горячую воду, и, обойдя ванную, внезапно ринутся в кухню. Тогда я расположусь на крышке котла и, когда они будут проходить подо мной, прыгну на них и всех до одной изловлю. Я снова огляделся по сторонам и увидел, что в правом нижнем углу дверцы буфета прогрызена дыра в форме полумесяца. У меня тут же возникло подозрение, что она может служить им удобным входом и выходом. Я приблизил к ней нос и почувствовал запах мышей. Если они появятся отсюда, то, стоя за столбом, я пропущу их мимо себя, а потом нападу с фланга. «А вдруг они свалятся с потолка», — подумал я и взглянул вверх: потолок был черным от копоти, и при всей своей ловкости я не смог бы ни забраться туда, ни слезть оттуда. «Навряд ли они станут прыгать с такой высоты», — успокоил я себя и решил не сосредоточивать внимание на этом направлении. Но все равно оставалась опасность нападения еще с трех сторон. Появись они только с одной стороны, мне бы было достаточно взглянуть на них, чтобы они обратились в бегство. Если они появятся с двух сторон, то все равно я уверен, что мне так или иначе удастся рассеять их колонны. Но если они нагрянут сразу с трех сторон, то даже я могу оказаться бессильным, хотя считается, что кошки ловят мышей машинально. Тем не менее мой престиж не позволяет мне просить помощи у типов, подобных Куро. Как же быть?! Когда думаешь, как быть, и ничего не можешь придумать, самый верный способ успокоиться — решить, что того, чего ты опасаешься, не случится. И мне захотелось думать, что ничего из ряда вон выходящего не произойдет. Оглянитесь вокруг себя. Разве исключена возможность, что твоя молодая жена, с которой вы только вчера поженились, сегодня умрет? И все-таки молодой муж не проявляет никаких признаков беспокойства, а только радостно напевает: «Как прекрасны цветы камелии, мы будем жить с тобой тысячу лет и еще восемь раз столько». А не волнуется он не потому, что из-за этого не стоит волноваться. Просто сколько ни волнуйся, все равно делу не поможешь. В моем положении тоже нет достаточных оснований утверждать, что нападение с трех сторон ни за что не состоится, но такое предположение помогает обрести душевное спокойствие. Спокойствие необходимо всем. Я тоже хочу спокойствия. Поэтому я и решил, что нападения с трех сторон не произойдет.

И все-таки мне не удавалось избавиться от тревоги. Я принялся размышлять, в чем тут дело, и наконец понял. Мои мучения объяснялись тем, что я никак не мог решить, на каком из трех планов лучше всего остановиться. Я принял необходимые меры на тот случай, если мыши появятся из шкафа; у меня будет чем их встретить, когда они выйдут из ванной; возле умывальника их тоже ждет хороший сюрприз, но необходимость сосредоточить внимание на

каком-то одном плане ставила меня в тупик. Говорят, адмирал Того очень беспокоился, не зная, каким путем двинется балтийская эскадра — то ли через Цусимский пролив, то ли через пролив Цугару, то ли предпочтет далекий обход через пролив Соя. Теперь я легко могу представить, в каком он тогда находился положении. Я не только вообще похожу на его превосходительство Того, но в данной конкретной обстановке страдаю и от неизвестности точно так же, как страдал он.

Не видя никакого выхода, я призывал на помощь всю свою изобретательность. В это время дырявое сёдзи распахнулось, и показалось лицо служанки. Я говорю «лицо» совсем не потому, что у нее нет рук и ног. Остальные части ее тела в темноте не были видны, а необычно сверкающее лицо я увидел совершенно отчетливо. Щеки служанки, и без того достаточно красные, теперь, когда она вернулась из бани, стали еще краснее. Наученная горьким опытом прошлой ночи, она поспешила запереть черный ход. Из кабинета послышался голос хозяина: «Положи мою трость рядом с подушкой». Мне было непонятно, для чего он вздумал украшать свое изголовье тростью. Вряд ли хозяин способен на такой экстравагантный поступок, чтобы корчить из себя наемного убийцу с берегов реки И-Шуй[133]. Вчера дикий батат, сегодня трость, а что же будет завтра?

Ночь только началась, и мыши пока не появлялись. Перед битвой мне необходимо немного отдохнуть.

В нашей кухне нет вытяжного окна. Вот в гостиной имеется отверстие шириной в одно сяку, и зимой и летом оно служит для проветривания. Испуганный налетевшим порывом ветра, принесшим с собой лепестки вишни, я открыл глаза. Наверное, в окно проникал лунный свет, потому что тень очага косо легла на крышку погреба. «Уж не проспал ли, чего доброго», — подумал я и, несколько раз дернув ушами, осмотрелся. Было тихо, и, как всегда, слышалось лишь тиканье стенных часов. Пора бы мышам выходить из укрытий. Вот только откуда они появятся?

Из буфета послышался какой-то шум. Похоже, мыши пожирают что-то, опершись лапами на край блюдца. «Отсюда они и вылезут», — подумал я и застыл в ожидании. Но мыши и не думали вылезать. Шум вскоре прекратился. Время от времени раздавался тяжелый стук. Все это происходило прямо тут, за дверцей, на расстоянии меньше трех сунов от моей морды. Иногда их дробные шаги приближались к самой дыре, но тут же удалялись снова, и ни одна мышь не высовывалась наружу. Довольно длинная история: пока мои враги бесчинствуют вовсю под защитой дверцы, я должен притаиться у дыры и ждать. Мыши устроили настоящий бал. Какая все-таки тупица наша служанка: не могла немного приоткрыть дверцу буфета, чтобы я смог пролезть в него.

Теперь за очагом загремела моя раковина. И там были враги! Я подкрался ближе, но увидел только мелькнувший между кадушками хвост — мышь мгновенно шмыгнула под умывальник. Через некоторое время я услыхал, как в ванной о медный таз ударилась полоскательница. Теперь они зашли с тыла. Я оглянулся и увидел, как здоровенная мышь, уронив мешочек с зубной щеткой, юркнула под галерею. «Ой, убежит», — пронеслось в моем сознании, и я кинулся за ней, но ее уже нигде не было видно. Оказывается, ловить мышей труднее, чем я думал. Может, я от рождения такой неспособный.

Иду в ванную — враги выбегают из буфета, сижу возле буфета — выпрыгивают из-под умывальника, стою, готовый к броску, посреди кухни — они начинают понемногу появляться со всех трех сторон. Я выбился из сил, но, тяжело дыша, продолжал носиться по кухне. Однако сколько я ни носился, мои старания не увенчались успехом. Очень жаль, но когда имеешь дело с такими ничтожествами, то будь хоть самим адмиралом Того, все равно ничего не сможешь добиться. Вначале я испытывал жгучую ненависть к врагу и прекрасное благородное чувство трагического, но потом понял всю нелепость своего положения и, будучи не в силах побороть усталость, неподвижно уселся посреди кухни. Если даже не двигаться, а только напустить на себя грозный вид и сердито посматривать по сторонам, враг не осмелится предпринять какой-либо серьезный шаг, ибо он ничтожество. Мыши, о которых я думал, как о достойном противнике, неожиданно оказались какими-то жалкими негодяями; надежда на то, что битва с ними принесет мне славу, развеялась прахом, и теперь я не испытывал к ним ничего, кроме отвращения. А поэтому они утратили для меня всякий интерес. Теперь делайте что хотите, все равно у вас ничего не получится. Мне захотелось спать. Это желание явилось лучшим выражением моего презрения. Буду спать, решил я. Отдых необходим даже в стане врага.

В открытое окно снова ворвалось облако лепестков и, рассыпавшись, метелью закружилось по кухне. В эту самую минуту из буфета выскочила мышь и, прежде чем я успел увернуться, со свистом прорезав воздух, вцепилась в мое левое ухо. Вслед за этим какая-то черная тень незаметно подобралась ко мне сзади и повисла у меня на хвосте. Все это произошло в мгновение ока. Сам не зная зачем, совершенно непроизвольно я метнулся вверх. Собрав все силы, я попытался стряхнуть с себя этих чудовищ. Та, что вцепилась в ухо, покачивалась сбоку моей морды. Кончик ее мягкого, как резиновая трубка, хвоста неожиданно для меня самого оказался у меня во рту: «Тут я тебя съем», — подумал я и, не выпуская хвоста из зубов, замотал головой; в зубах у меня остался только хвост, сама мышь ударилась о стену, оклеенную старыми газетами, и отскочила от нее на крышку погреба. Когда она хотела подняться, я не растерялся и навалился на нее всем телом, но она отскочила от меня, как мяч от ноги, отлетела, слегка задев мой нос, на край полки и остановилась там, поджав лапы. Она смотрела на меня с высоты полки, я смотрел на нее с крышки погреба. Нас разделяло расстояние в пять сяку, а также полоса лунного света, похожая на натянутый в воздухе широкий оби. Собрав все силы, я оттолкнулся от пола и попробовал вспрыгнуть на полку. Однако я смог ухватиться за край полки только передними лапами, задние повисли в воздухе. Черная мышь, уцепившаяся за мой хвост, кажется, была готова скорее умереть, чем расстаться с ним. Я очутился в тяжелом положении и решил покрепче уцепиться передними лапами за полку. Но мышь, висевшая у меня на хвосте, тянула вниз, и я в любую минуту мог упасть на пол. Я изо всех сил впивался когтями в полку. «Так больше нельзя», — подумал я и оторвал от полки левую лапу, чтобы ухватиться ею покрепче, но моя попытка провалилась, и я повис на одном-единственном коготке правой лапы. Тяжесть моего собственного тела и тяжесть прицепившейся к хвосту мыши заставляли меня все больше и больше сползать вниз. Чудовище, которое доселе неподвижно сидело на полке и только внимательно следило за мной, улучило момент и камнем ринулось мне на лоб. Коготок соскользнул с полки. Слившиеся воедино три тела прошли через полосу лунного света и рухнули на пол. Стоявшая на полке ступка, находившаяся в ней кадочка и пустая банка из-под варенья, захватив по пути гасилку, тоже одной сплошной грудой полетели вниз, причем часть этой утвари попала в бак с водой, а другая часть рассыпалась по полу. Все это сопровождалось страшным грохотом, особенно отчетливо прозвучавшим в ночной тиши. У меня даже мороз пробежал по коже. Я был в полном отчаянии.

С истошным криком «воры!» хозяин выскочил из спальни. В одной руке у него была лампа, в другой трость, глаза его метали молнии. Я как ни в чем не бывало сидел возле своей раковины. Оба чудовища спрятались в буфете. Хозяину стало неловко, и он грозно крикнул: «Что здесь происходит? Кто поднял такой шум?» Луна склонилась к западу, и полоса белого света стала совсем узкой.

Глава VI

Такая жара нестерпима даже для кота. Рассказывают, как один англичанин, по имени, кажется, Сидней Смит жаловался: «Хочу снять кожу, содрать до самых костей мясо и насладиться прохладой». До самых костей можно было бы и не обнажаться, но мне хотелось бы выстирать, а потом прогладить свою бледно-серую в пятнах меховую шубку или хотя бы заложить ее на время в ломбард. Люди, наверное, думают, что лица у кошек не меняются круглый год, что они живут очень спокойной и благополучной жизнью и им не нужны деньги, но это далеко не так, даже кошки прекрасно чувствуют жару и холод. И мне иной раз очень хочется облиться водой, но я знаю, что сушить шубку дело не легкое, а поэтому терплю запах пота и еще ни разу не ходил в баню. Время от времени у меня возникает желание обмахнуться веером, но что поделаешь, если я не могу удержать его в лапах. В свете этих размышлений человек представляется мне существом весьма прихотливым. То, что вполне можно съесть сырым, люди зачем-то варят, жарят, поливают уксусом, мисо[134] — словом, занимаются ненужной работой и еще радуются этому. То же самое можно сказать и об одежде. Люди от природы несовершенны и не могут подобно кошкам весь год ходить в одной и той же одежде, а ведь можно прекрасно прожить свой век и не напяливая на себя такое множество тряпок. Они живут на иждивении овец, о них заботятся шелковичные черви, они даже пользуются добротой хлопковых полей, и вполне ясно, что все эти излишества есть результат человеческой бесталанности. Можно даже смотреть сквозь пальцы на их одежду и пищу и простить им эти слабости, но я никак не возьму в толк, почему они упорно гнут свою линию даже в том, что не имеет непосредственного отношения к их существованию. Взять хотя бы волосы на голове. Они растут сами собой, и мне кажется, было бы самым правильным не обращать на них внимания. Но не тут-то было! Люди всякими способами осложняют себе жизнь, придают волосам самые разнообразные формы и находят в таком занятии удовольствие. У тех, кто называет себя монахами, головы всегда отливают синевой. В жаркую погоду они раскрывают над собой зонты. В холодную обматывают головы платками. Для чего же тогда они выбривают их до синевы? Какой в этом смысл? А есть и такие, которые неизвестно для чего разделяют свои волосы при помощи похожего на пилу инструмента, называемого гребнем, на две равные части и потом страшно радуются. А если не пополам, то в очень любопытном соотношении семь к трем. Есть люди, у которых этот пробор идет через всю макушку до самого затылка. Как искусственные листья банана. Встречаются и такие, которые состригают волосы на темени прямо, как по линейке, а на висках срезают совсем. Создается такое впечатление, будто круглое лицо заключено в четырехугольную рамку, и при виде этого зрелища на ум приходит этюд, на котором изображен садовник в ограде из криптомерии. Кроме того, говорят, что существуют разные виды стрижки; стрижка номер пять, номер три и даже номер один. Кто знает — может быть, со временем начнут стричь волосы даже внутри головы и появятся стрижки номер минус один, минус три и так далее. Почему люди воспылали страстью к этому занятию?… И вообще что это за блажь — ходить на двух ногах, когда их четыре. Если бы люди ходили на всех четырех ногах, то передвигались бы гораздо быстрее, и очень глупо, что они всегда пользуются только двумя, а другие две праздно болтаются вдоль тела, словно повешенная на шею сушеная треска. В результате многих наблюдений у меня складывается впечатление, что у людей гораздо больше свободного времени, чем у кошек, им скучно, и, чтобы развлечься, они придумывают подобные штуки. Однако, как ни странно, эти бездельники постоянно вопят, что страшно заняты, и, судя по их лицам, это действительно так. Когда видишь, как они суетятся, поневоле начинаешь беспокоиться, как бы дела не заели их до смерти. Некоторые из них, глядя на меня, говорят: «Хорошо бы иногда пожить вот так спокойно, без хлопот». Если вам нравится жить спокойно, живите. Ведь вас никто не просил так суетиться. Выдумывать для самого себя разные дела, которые тебе не под силу, а потом говорить: «Ах, ах, тяжело» — все равно что развести сильный костер и кричать: «Жарко, жарко». Даже кошки, выдумай они целых двадцать способов стрижки головы, не могли бы жить спокойно. Если хотите жить спокойно, то единственное, чему вам следует научиться, — это и летом носить, подобно мне, меховые одежды… Но в меховой шубке все-таки слишком жарко.

Поэтому я не могу воспользоваться единственным, на что имею монопольное право, — дневным сном. Хоть бы случилось что-нибудь интересное, а то мне давно не приходилось наблюдать за человеческим обществом, и после долгого перерыва мне хотелось посмотреть, как люди по собственной воле суетятся, но, к сожалению, темперамент хозяина такой же, как

у меня. Днем он спит не меньше меня; особенно с тех пор как начались летние каникулы, он ничем не занимается, поэтому сколько за ним ни наблюдай — никакого удовольствия не получишь. Если в такие минуты к нам заходит хотя бы Мэйтэй, то бледное лицо хозяина оживляется и он на короткое время становится меньше похожим на кота. «Сейчас бы в самый раз прийти Мэйтэю», — подумал я и тут же услыхал, как кто-то шумно полощется в ванной. Когда звук льющейся воды затихал, раздавались громкие крики: «Здорово!», «Ах, как приятно», «Еще полей». Только один человек мог позволить себе кричать в чужом доме и вести себя столь бесцеремонно. Этот человек — Мэйтэй.

Наконец-то пришел, значит полдня сегодня можно будет не скучать. Вытирая капельки пота и натягивая на плечи кимоно, Мэйтэй-сэнсэй, как всегда, без разрешения уже входил в гостиную. «Хозяюшка, а где Кусями-кун?» — завопил он и бросил свою шляпу на циновку. Хозяйка сладко спала над рукоделием в соседней комнате. От поднятого Мэйтэем шума у нее зазвенело в ушах. Она испуганно вскочила и, выпучив заспанные глаза, вышла в гостиную. Мэйтэй, на котором сегодня было кимоно из тонкого полотна, уже расположился там, где ему казалось удобнее всего, и обмахивался веером.

– О, это вы, — произнесла хозяйка, потом растерянно добавила: — А я и не знала, что вы у нас, — и поклонилась гостю.

– Я только что пришел и принял ванну. Как будто заново родился… Ну и жара сегодня.

– Да, несколько дней стоит страшная жара — хоть и сидишь неподвижно, а все равно потом обливаешься… У вас все по-старому?

Нос хозяйки блестел от пота.

– Да, спасибо. Какие могут быть перемены в такую жару. Но эта жара какая-то особенная. От нее весь раскисаешь.

– Я раньше никогда не спала днем, но сегодня из-за жары…

– Спите? Это хорошо. Что может быть лучше, когда человек и днем может спать и ночью, — как всегда беззаботно болтал Мэйтэй, но этого ему показалось недостаточно, и он добавил: — Мне, например, совсем не хочется спать, уж такая у меня натура. Когда я вижу таких, как Кусями-кун, который, когда к нему ни придешь, всегда спит, мне становится завидно. Не иначе, жара плохо влияет на его больной желудок. Здоровому человеку — и то в такой день, как сегодня, тяжело держать голову на плечах. Тем не менее раз она уже там, оторвать ее невозможно.

Мэйтэй-кун не знал, как ему распорядиться с головой, это на него непохоже.

– А таким, хозяюшка, как вы, у которых на голове еще такая тяжесть, — должно быть, совсем невозможно сидеть. Тут от одной прически хочется лечь.

Хозяйка подумала, что гость догадался о том, что она сейчас спала, по тому беспорядку, который царил у нее на голове, и, смущенно проговорив: «Ох, и злой у вас язык», — принялась оправлять прическу.

Не обратив на ее слова никакого внимания, Мэйтэй продолжал:

– Вчера я, хозяюшка, попробовал изжарить у себя на крыше яичницу.

– Как же вы ее жарили?

– Черепица на крыше страшно раскалилась, и я подумал, что грешно не воспользоваться этим. Я растопил на ней масло, а потом разбил яйца.

– Ну и ну.

– Однако солнце все-таки было не настолько жарким, как мне хотелось. Яйца никак не поджаривались, поэтому я спустился вниз и принялся читать газету. Потом ко мне пришли гости, и я совсем забыл о своей затее. Утром снова вспомнил и полез на крышу — наверное, думаю, уже все в порядке?

– И что же?

– Не только поджарилась, а все расплылось.

– Ой, ой, ой, — сокрушенно воскликнула хозяйка, нахмурив брови.

– Странная вещь: в разгар лета было так прохладно, а вот сейчас жарко.

– Верно. Недавно в летнем кимоно даже прохладно было, а дня два назад резко потеплело.

– Крабы ползают боком, а погода в этом году пятится назад. Как будто говорит: «Вместо того чтобы идти вперед, не лучше ли повернуть назад?»

– Что вы сказали?

– Да так, ничего. Просто движение погоды вспять очень напоминает Гераклова быка. — Мэйтэй сел на своего конька и понес околесицу.

Хозяйка, разумеется, ничего не поняла. Но, наученная горьким опытом, она воздержалась от расспросов и лишь протянула: «А-а». А раз она не переспросила, выходит, что старания Мэйтэя оказались напрасными.

– Хозяюшка, вы слышали что-нибудь о Геракловом быке?

– Нет, такого быка я не знаю.

– Не знаете? Давайте-ка я вам расскажу.

Хозяйка не сумела отказаться.

– Как-то в глубокой древности Геракл вел быка.

– Этот Геракл был пастухом?

– Нет, пастухом он не был, как не был владельцем «Ироха». В те далекие времена в Греции еще не было ни одной мясной лавки.

– Ах, вы о Греции. Так бы и сказали. — Из всего сказанного хозяйке было знакомо только название страны: Греция.

– Но ведь я же сказал: Геракл.

– А раз Геракл, то значит Греция?

– Ну да, Геракл — это греческий герой.

– Ах, вот почему я его не знаю. Так что же сделал этот человек?…

– Этот человек, как и вы, хозяюшка, захотел спать и крепко уснул…

– Ах, что вы…

– Пока он спал, к нему подошел сын Вулкана.

– Что такое Вулкан?

– Вулкан — это кузнец. Сын кузнеца украл того быка. Но как? Он тащил его за хвост. Поэтому, когда Геракл проснулся, то сколько он ни ходил вокруг, сколько ни кричал, найти быка так и не смог. Да и невозможно было его найти. Ведь сын Вулкана вел быка с таким расчетом, чтобы заставить Геракла, если тот вздумает пойти по следам, двигаться вперед, а сам тащил быка назад. Сын кузнеца — а придумал здорово, — закончил Мэйтэй-сэнсэй свой рассказ, уже совсем позабыв о том, что разговор идет о погоде.

– Кстати, что поделывает хозяин? Спит, как всегда? Дневной сон, воспетый в китайских стихах, благороден, но когда у таких, как Кусями-кун, он становится привычкой, то приобретает какой-то налет пошлости. Короче говоря, спать днем все равно что умирать каждый день на несколько часов. Хозяюшка, простите, что я вас беспокою, но разбудите его, пожалуйста, — попросил Мэйтэй.

Хозяйка охотно согласилась.

– Я просто не знаю, что с ним делать. Это же вредно для здоровья. Ведь он только что поел. — И она собралась было подняться, как Мэйтэй с невинным видом возвестил:

– Хозяюшка, вы сказали о еде, и я сразу вспомнил, что еще не обедал.

– Ох, как же это я не догадалась, ведь самое время обеда… вот только ничего я вам предложить не могу, разве что рис с чаем.

– Нет, риса с чаем мне не надо.

– Ну, знаете, у нас никогда нет ничего, что пришлось бы вам по вкусу, — довольно неприветливо ответила хозяйка.

Мэйтэй, для которого подобный ответ не был неожиданностью, сказал:

– И от риса с чаем, и от риса в кипятке позвольте мне отказаться. По дороге сюда я заказал кое-что, вот сейчас принесут, тогда буду обедать.

– О, — только и воскликнула хозяйка, но в этом «о» прозвучало и удивление, и обида, и благодарность за то, что ее избавили от хлопот.

В этот момент из кабинета неуверенной походкой вышел хозяин. Он был не в духе, потому что едва уснул, как этот необыкновенный шум разбудил его.

– Вечно шумишь, поспать человеку не дал, — сказал он, мрачно зевая.

– Ах, вы изволили проснуться. Извините покорнейше нас за то, что мы пробудили вас от сна. Но ничего, изредка, можно. Садись давай. — Даже не поймешь, кто здесь гость, а кто хозяин.

Хозяин молча сел, достал из деревянного с инкрустацией портсигара папиросу и закурил. Вдруг его взгляд остановился на валявшейся в углу шляпе Мэйтэя.

– Шляпу себе купил?

Мэйтэй вскочил с места и с гордым видом продемонстрировал ее хозяину и хозяйке.

– Как она вам?

– О, красивая! Очень мелкое плетение и такая мягкая, — ответила хозяйка, поглаживая шляпу.

– Шляпа эта, хозяюшка, очень удобная. Что ей ни скажи, она тотчас же выполняет. — Мэйтэй ткнул панаму кулаком. И действительно, на ней образовалась вмятина величиной с кулак. Хозяйка испуганно вскрикнула, но Мэйтэй уже сунул кулак вовнутрь шляпы и сильно надавил на нее, и тотчас же похожая на котелок тулья шляпы сделалась острой. Мэйтэй взял шляпу за поля и сдавил ее с двух сторон. Шляпа стала плоской, как ком теста под скалкой. Затем Мэйтэй свернул ее трубкой, как обычно свертывают циновку, и сунул за пазуху. «Вот видите».

– Удивительно! — воскликнула хозяйка, которая с восторгом следила за Мэйтэем, словно перед ней был великий фокусник Китэнсай Сэйти. Мэйтэй тоже почувствовал себя фокусником и вытащил из левого рукава шляпу, которую только что положил за пазуху. С возгласом: «А ей хоть бы что!» — расправил ее и, надев на указательный палец, принялся вертеть. Я думал, что на этом фокус кончается, но он бросил шляпу на пол и шлепнулся на нее задом.

– Послушай, а так ей ничего не сделается? — Похоже, что даже хозяин забеспокоился, не говоря уже о хозяйке.

– Жаль, если вы нарочно испортите такую прекрасную вещь, образумьтесь, достаточно, — предостерегла она Мэйтэя. Только владелец шляпы был спокоен.

– Что за шляпа, а? Все ей нипочем! — вскричал он и, вытащив измятую шляпу из-под себя, не расправляя, надел на голову. Удивительная вещь — шляпа моментально приняла форму головы.

– До чего же прочная шляпа! Почему она такая? — не переставала восторгаться хозяйка. Мэйтэй, который так и сидел, не снимая шляпы, ответил:

– Кто знает, почему. Такую купил.

– Послушайте, — хозяйка обратилась к мужу, — купите себе такую шляпу, очень хорошая вещь.

– Но ведь у Кусями-куна есть прекрасная соломенная шляпа.

– Вы представляете, недавно дети раздавили ее.

– Жаль, жаль.

– Мне кажется, что теперь нужно купить такую же прочную и красивую шляпу, как у вас.

Она не знала, сколько стоит панама, а поэтому усиленно советовала мужу купить точно такую, как у Мэйтэя.

На этот раз Мэйтэй-кун достал из правого рукава ножницы в красном футляре и стал показывать их хозяйке.

– Хватит о шляпе, хозяюшка, посмотрите-ка лучше на эти ножницы. Они тоже очень удобные. Ими можно выполнять четырнадцать разных операций.

Хозяйка приставала к мужу с панамой до тех пор, пока ножницы не были извлечены из футляра; его спасло лишь любопытство хозяйки, которое было у нее, как и у всех женщин, в крови. Не успела хозяйка спросить: «Как можно этими ножницами выполнять четырнадцать операций?» — как Мэйтэй-кун самодовольно заговорил:

– Сейчас объясню все по порядку, слушайте. Вот здесь вырез в виде серпа молодой луны, в него просовываете сигару, раз! — и кончик сигары отрезан. Внизу имеется небольшое приспособление для резания проволоки. Ножницы плоские, поэтому ими можно пользоваться как линейкой. На обратной стороне лезвий имеются деления, поэтому ножницы можно использовать для измерений. Вот тут снаружи — пилочка, ею подпиливают ногти. Смотрите хорошенько. Этот конец можно использовать в качестве отвертки. Этими ножницами без особого труда открываются любые ящики, как бы крепко они ни были заколочены. Дальше, кончик этого лезвия сделан в виде буравчика, а вот этим можно стереть неправильно написанный иероглиф, а если разделить половинки ножниц, получатся ножи. И последнее… о хозяюшка, последнее самое интересное. Вот здесь — шарик, величиной с глаз мухи, посмотрите.

– Не хочу, ведь снова обманываете.

– Почему вы мне не верите? Если думаете, что я вас обманываю, взгляните сами. Ну? Неужели не хотите? А ведь интересно, — и с этими словами Мэйтэй протянул ножницы хозяйке. Та неуверенно взяла их, поднесла к глазам и стала тщательно рассматривать.

– Ну, что?

– Сплошная тьма.

– Там не должно быть никакой тьмы. Повернитесь еще чуть-чуть к свету, не наклоняйте ножницы так сильно… вот-вот, теперь видно?

– Ого, фотография. Как сумели туда вклеить такую маленькую фотографию?

– Очень интересно, правда? — оживленно болтал Мэйтэй. Хозяину, который с самого начала сидел молча, тоже вдруг захотелось взглянуть на фотографию.

– Эй, мне тоже покажите, — потребовал он. Хозяйка все ближе подносила ножницы к лицу, приговаривая при этом: «Ой, как красиво, голая женщина».

– Эй, тебе же сказано, покажи.

– Ах, подождите немного. Какие у нее красивые волосы. До пояса. Смотрит вверх, до ужаса высокая, но все-таки красивая.

– Говорят тебе, покажи, значит показывай, — прерывающимся от гнева голосом закричал хозяин.

– Ах, извините, что заставила ждать. Нате, смотрите сколько угодно.

В тот момент, когда хозяйка передавала мужу ножницы, служанка доложила: «Прибыл заказ гостя», — и внесла в гостиную две корзинки гречневой лапши.

– Хозяюшка, это угощение за мой счет. Извините, давайте покушаем. — И Мэйтэй вежливо поклонился.

Хозяйка не могла понять, то ли это делается всерьез, то ли в шутку, а поэтому не знала, как себя вести. Она лишь коротко ответила: «Пожалуйста», — и продолжала вопросительно смотреть на Мэйтэя. Хозяин наконец оторвался от фотографии:

– Послушай, в такую жару вредно есть лапшу.

– Ничего, все будет в порядке. Ведь от любимых кушаний редко бывает плохо, — сказал Мэйтэй и снял с корзинок крышки. — О, свеженькая, хорошо! От лапши, которая слипается, как и от человека, у которого не все дома, хорошего ждать не приходится, — сказал Мэйтэй и, добавив в соус разные приправы, принялся его размешивать.

– Не клади так много хрену, а то горько будет, — забеспокоился хозяин.

– Гречневую лапшу едят с соусом и хреном. Ты, наверное, не любишь ее.

– Я люблю пшеничную.

– Пшеничную едят конюхи. Мне жаль людей, не понимающих толка в лапше. — И, не переставая болтать, Мэйтэй погрузил свои хаси в корзину и, стараясь ухватить как можно больше лапши, приподнялся на два суна.

– Хозяюшка, лапшу можно есть по-разному. Тот, кто ест лапшу впервые, поливает ее большим количеством соуса, а потом мучается. Так и не поймешь вкуса лапши. Лапшу нужно брать вот как.

Он поднял хаси, и множество длинных полосок лапши повисло в воздухе. Мэйтэй-сэнсэй уже намеревался открыть рот, но глянул вниз и увидел, что дело осложнилось тем, что около двенадцати — тринадцати лапшин завязли в корзинке.

– А длинные они, однако. Взгляните, хозяюшка, какие они длинные, — снова обратился он к хозяйке, ища поддержки.

– Да, очень длинные, — ответила хозяйка. Ей очень нравилось наблюдать эту сцену.

– Так вот, эту длинную лапшу на одну треть погружают в соус и потом единым духом проглатывают. Жевать ее не принято. Весь вкус пропадет… Самое приятное, когда лапша легко проскальзывает в горло, — сказал Мэйтэй и решительно поднял хаси; лапша наконец отделилась от корзинки. Держа хаси в руке над чашкой с соусом, он стал медленно погружать лапшу в соус. В полном соответствии с законом Архимеда уровень соуса повышался по мере того, как в него погружалась лапша. Однако соус в чашке был налит почти до краев, и не успела лапша, свисавшая с хаси Мэйтэя, погрузиться в нее, как чашка оказалась полной. Когда хаси отделяло от чашки всего пять сун, они вдруг замерли в воздухе. Да это и понятно. Стоило им опуститься еще немного, и соус полился бы через край. Мэйтэй, кажется, тоже пребывал в нерешительности, но вдруг проворно наклонился к хаси, и в то же мгновенье послышалось чмоканье, кадык сэнсэя раз-другой судорожно дернулся, и лапши не стало. Я увидел, как в уголках глаз Мэйтэй-куна выступили две капли, очень похожие на слезы, и скатились по щекам. Я до сих пор не знаю, что было причиной слез — хрен или то усердие, с которым он заглатывал лапшу.

Хозяин восторженно крикнул:

– Здорово. Как это ты сумел проглотить!

– Чудесно. — Хозяйка тоже вознесла похвалу искусству Мэйтэя.

Мэйтэй, не сказав ни слова на их восторженные выкрики, положил хаси и несколько раз стукнул себя по груди.

– Хозяюшка, обычно такую длинную лапшу проглатывают за три с половиной — четыре глотка. Если есть медленнее, то пропадет всякая прелесть. — Он вытер рот платком и перевел дух.

И тут пришел Кангэцу-кун. На голове у него была зимняя шапка, ноги покрыты пылью — непонятно, зачем он заставлял себя страдать в такую жару.

– А вот и наш красавец пожаловал. Ты не против, чтобы мы продолжали трапезу? — сказал Мэйтэй-кун и без зазрения совести доел оставшуюся лапшу. На этот раз его манеры не были столь великолепны, он ел торопливо и, не переводя дыхания, быстро расправился с двумя порциями лапши.

– Кангэцу-кун, ты скоро кончишь свою диссертацию? — спросил хозяин.

Мэйтэй тут же подхватил:

– Кончай скорее, а то барышня Канэда заждалась.

Кангэцу-кун ответил со своей обычной усмешкой:

– Постараюсь кончить побыстрее, чтобы искупить свою вину и успокоить ее. Но тема у меня, что ни говори, трудная и требует кропотливого труда. — Он говорил серьезно о вещах, которые никто не считал серьезными.

– А раз тема трудная, то ты не сможешь закончить работу так быстро, как хочет Нос. Впрочем, этот Нос вполне стоит того, чтобы к нему подлизывались, — вторил Мэйтэй в тон

Кангэцу. И лишь хозяин оставался серьезным.

– А на какую тему у тебя диссертация?

– Влияние ультрафиолетовых лучей на электрические процессы, происходящие в глазном яблоке лягушки.

– Странная тема. От Кангэцу-сэнсэя как раз можно было ожидать, что он займется такой замечательной темой, как глазное яблоко лягушки. Послушай, Кусями-кун, а было бы неплохо, если бы он, перед тем как закончить свою диссертацию, сообщил Канэда хотя бы ее тему.

Хозяин не обратил на слова Мэйтэя никакого внимания и спросил у Кангэцу.

– Неужели такая тема требует глубоких исследований?

– Конечно. Это очень сложная тема. Хотя бы потому, что линза в глазном яблоке лягушки устроена не так уж просто. Придется проводить всевозможные опыты, я думаю приступить к ним после того, как изготовлю стеклянный шарик.

– Но ведь такую вещь, как стеклянный шарик, можно купить у стекольщика.

Кангэцу-сэнсэй резким движением выпрямил спину.

– Ничего подобного, — воскликнул он. — И круг и прямая линия суть тригонометрические фигуры, и невозможно найти идеальных кругов и прямых линий, которые бы соответствовали геометрическому определению.

– А раз нет, то брось возиться с ними, — посоветовал Мэйтэй.

– Сначала я собирался сделать шар, который бы мог служить мне для опытов. Я занимаюсь этим уже несколько дней.

– Получился? — спросил хозяин; можно подумать, что это так легко.

– Как же, получится, — сказал Кангэцу-кун, но тут же заметил в своем ответе небольшое противоречие и поспешил добавить: — Это очень трудно. Я постепенно шлифовал его, но вдруг мне показалось, что в одном месте его радиус великоват, и я решил немного подточить, когда же подточил с одной стороны, оказалось, что выпирает другая. Я снова принялся точить и доточил до такой степени, что он вообще перестал быть круглым. Я был страшно раздосадован и попытался устранить неровности, но тут в диаметрах снова началась неразбериха. Большой шар величиной с яблоко становился все меньше и меньше, пока не достиг размеров вишни. Но я продолжал неустанно трудиться и довел шарик до размеров горошины. Но и тогда не получилось правильной сферы. Точил, точил… С января сточил шесть стеклянных шариков, — распространялся Кангэцу-кун, — и было невозможно понять: то ли он правду говорит, то ли врет?

– Где ты их обтачиваешь?

– В университетской лаборатории. Приступаю к работе с утра, потом делаю перерыв на обед и снова точу, пока не стемнеет. Занятие не из веселых.

– Значит, из-за этих шариков ты сейчас страшно занят и каждый день, даже по воскресеньям, ходишь в университет?

– Да, пока я только тем и занимаюсь, что с утра до вечера обтачиваю шарики.

– Заделался я доктором по производству шариков и пробрался в… И, услышав о твоем усердии, даже Нос, каким бы спесивым он ни был, почувствует благодарность. Недавно я был в библиотеке, а когда уходил домой, неожиданно встретился с Робай-куном. Я очень удивился, что он даже после окончания университета продолжает ходить в библиотеку, и сказал: «Вы молодец, здорово занимаетесь». Сэнсэй сделал недоуменное лицо и ответил: «Что вы, я сюда не книжки читать пришел, а в уборную, малая нужда меня одолела». Мы от души посмеялись. Как о примере редкого трудолюбия я хочу написать о тебе в новом издании книги «Мэнцю»[135]. И показать, какая глубокая пропасть лежит между тобой и Робай-куном.

Комментарии Мэйтэй-куна, как всегда, были слишком многословны. Хозяин снова принял серьезный вид и спросил:

– Хорошо, ты каждый день обтачиваешь шарики, но когда же ты намерен заняться самим исследованием?

– Если работать, как сейчас, то и десяти лет не хватит, — ответил Кангэцу-кун. По-видимому, он обладал более беззаботным характером, чем хозяин.

– Десять лет!… Ты уж точи немного побыстрее.

– Десять лет — это еще быстро, я боюсь, как бы не понадобилось двадцать.

– О ужас!… Оказывается, совсем не легко стать доктором.

– Я и сам хочу закончить как можно быстрее, чтобы вы наконец успокоились, но вот никак не могу выточить шарик, а без него не поставишь ни одного опыта…

Кангэцу-кун минуту помолчал, потом заговорил снова:

– Да вы не беспокойтесь. Канэда тоже прекрасно знает, что я сейчас все время вожусь с шариками. Несколько дней назад я был у них и рассказал, как у меня обстоят дела, — закончил он с победоносным видом.

Хозяйка, которая внимательно прислушивалась к разговору мужчин, хотя ровным счетом ничего не понимала, подозрительно спросила:

– А разве Канэда не уехали всей семьей еще в прошлом месяце к морю? Кангэцу-кун смутился.

– Странно. Как же так? — растерянно проговорил он.

В такие минуты Мэйтэй-кун незаменим — как только в разговоре наступает заминка, кто-нибудь окажется в затруднительном положении или захочет спать — он тут как тут.

– Это же замечательно, почти мистика: в прошлом месяце они уехали к морю, а несколько дней назад ты встречался с ними в Токио. Как говорят, спиритическая встреча. Такое случается, когда двое людей много думают друг о друге. С первого взгляда это кажется сном, но иногда сны бывают реальнее действительности. Нет ничего удивительного, что вы, хозяюшка, начали сомневаться — ведь вы поженились с Кусями-куном, совсем не думая друг о друге, и за всю жизнь не узнали, что такое любовь…

– На каком основании вы так говорите? Это просто оскорбительно. — Хозяйка прервала Мэйтэя на полуслове.

– Но ведь и ты, кажется, никогда не испытывал мук любви, — хозяин ответил ударом на удар, придя на помощь супруге.

– Слухи о моих любовных похождениях никогда не живут больше семидесяти пяти дней[136], а поэтому вы их, наверное, просто не помните… собственно говоря, то, что я прожил всю жизнь холостяком, тоже результат несчастной любви, — ответил Мэйтэй и обвел присутствующих взглядом.

– Хо-хо, интересно, — сказала хозяйка.

– Опять морочишь людям головы, — пробурчал хозяин и отвернулся.

И лишь Кангэцу-кун проговорил:

– Расскажите, я хочу извлечь урок из этой истории, — и улыбнулся, как всегда ехидно.

– В ней тоже очень много мистики, и если бы я рассказал ее покойному Коидзуми Якумо-сэнсэю. он, наверное, был бы в восторге, но, к сожалению, сэнсэй сейчас спит вечным сном и, по правде говоря, мне об этом не хотелось бы вспоминать. Однако если вы просите, то так уж и быть — откроюсь. А вы, в свою очередь, обещайте внимательно выслушать меня до конца, — предупредил Мэйтэй и наконец приступил к рассказу:

– Как сейчас помню, это случилось… э-э… сколько же лет уже прошло?., ну, да ладно, предположим, что это случилось приблизительно пятнадцать-шестнадцать лет тому назад.

– Чушь, — ухмыльнулся хозяин.

– Ах, какая у вас плохая память, — насмешливо проговорила хозяйка. Один Кангэцу-кун, выполняя обещание, не проронил ни слова и всем своим видом желал выказать готовность слушать дальше.

– Во всяком случае, это было зимой. Я тогда путешествовал по Этиго, — прошел долину Бамбукового побега в уезде Камбара и поднялся на перевал Кувшина Осьминога, откуда собирался спуститься в Айдзу. Тут его снова перебил хозяин:

– Где ты нашел такие места?

– Не прерывайте, пожалуйста, это так интересно, — остановила его хозяйка.

– Солнце село, дорога незнакомая, хотелось есть, поэтому мне ничего не оставалось как постучаться в одинокий дом, стоявший на самом перевале, объяснить в чем дело и попроситься на ночлег. «Пожалуйста, пожалуйста, заходите», — последовал ответ. При свете поднесенной к моему лицу свечи я увидел девушку и обомлел. Вот когда я познал колдовскую силу злодейки, именуемой любовью.

– Вот так так. Неужели в диких лесах есть красавицы?

– И в горах, и на море, везде… Хозяюшка, вот бы вам хоть одним глазком взглянуть на нее, ах, какая девушка. У нее была прическа бункин-но такасимада.

– Да ну! — воскликнула хозяйка.

– Я вошел в дом. Посреди комнаты в восемь циновок горел большой очаг. Вокруг него мы и уселись вчетвером: девушка, ее дедушка, бабушка и я. «Вы, вероятно, проголодались?» — спросила меня девушка. «Накормите меня чем угодно, но только поскорее», — попросил я. «У нас сегодня дорогой гость, давай угостим его по крайней мере змеями», — сказал старик. Слушайте внимательно, сейчас я перейду к истории несчастной любви.

– Сэнсэй, мы слушаем вас очень внимательно, но, наверное, даже в Этиго зимой не бывает змей.

– Гм, вполне законный вопрос. Однако, когда рассказывают такую поэтическую историю, придирки совершенно неуместны. Разве в романе Кёка крабы не вылезают из-под снега.

– Вот как, — только и сказал Кангэцу-кун и приготовился слушать дальше.

– В то время я больше, чем кто-либо другой, любил есть всякую нечисть, но саранча, слизняки, красные лягушки мне уже порядочно надоели, а поэтому змеи показались мне блюдом очень тонким. «Поскорее подавайте их сюда», — ответил я старику. Тот насыпал в кастрюлю рису, поставил на огонь и стал варить. Я взглянул на крышку кастрюли и удивился — в ней было проделано около десяти отверстий и из всех струйками вырывался пар. «Ловко придумано, для деревни совсем не плохо», — решил я. Старик вдруг поднялся и вышел, но скоро вернулся, держа под мышкой большую корзину. Как ни в чем не бывало он поставил ее рядом с очагом. Я заглянул в нее… О, ужас! Она была полна змей. Защищаясь от холода, они переплелись между собой и образовали один сплошной клубок.

– Хватит о таких вещах. Противно слушать, — сказала хозяйка, сдвинув брови.

– Что значит «хватит», — это же главная причина несчастной любви, так что придется выслушать. Через некоторое время старик поднял левой рукой крышку кастрюли, а правой схватил весь этот клубок, бросил его в кастрюлю и накрыл крышкой. В эту минуту у меня даже дух захватило.

– Да перестаньте вы в конце концов, — пугливо воскликнула хозяйка.

– Скоро дойду до несчастной любви, потерпите немного. Не прошло и минуты, как из одной дыры в крышке кастрюли высунулась голова змеи. Я испуганно вздрогнул. «Ты смотри, думаю, вылезла все-таки». Но в эту минуту из другой дыры показалась еще одна голова. Змеиные головы стали появляться отовсюду, постепенно вся кастрюля оказалась унизанной ими.

– С чего бы это они стали вылезать? — подозрительно спросил Кусями-сэнсэй.

– В кастрюле им было горячо, и, естественно, все они старались спастись бегством. Вскоре старик сказал: «Уже готово, вытаскивай» — или что-то в этом роде. «Ага», — ответила старуха. «Сейчас», — произнесла девушка, и они вместе принялись хватать змей за головы. Хребет, аккуратно отделяясь от мяса, вытаскивался вместе с головой. В кастрюле оставалось одно мясо. Здорово получалось.

– Это называется вытаскиванием змеиных хребтов? — посмеиваясь, сказал Кангэцу-кун.

– Оно самое. Ловко это у них получалось, правда? Потом она сняла крышку, перемешала рис с мясом и подала мне: «Кушайте».

– И ты ел? — холодно спросил хозяин; хозяйка же с гримасой отвращения на лице проворчала:

– Ну, хватит, меня и так уже мутит, теперь есть ничего не смогу.

– Хозяюшка, вам никогда не приходилось есть змеиного мяса, потому и возражаете. Советую попробовать, оно такое вкусное, что всю жизнь помнить будете.

– Очень мне нужно есть такую погань!

– «Наслаждаться обильной едой, забыть про холод, смотреть сколько душе угодно на девушку — что мне еще нужно», — подумал я, и тут девушка мне сказала: «Может, вы ляжете спать?» Усталость давала о себе знать, и я охотно согласился, растянулся во весь рост и, позабыв обо всем на свете, крепко уснул.

– А что же с вами было потом? — Теперь уже хозяйке не терпелось дослушать рассказ до конца.

– А потом… Я проснулся утром, и тут приключилась несчастная любовь.

– Что-нибудь случилось?

– Да нет, ничего особенного. Проснувшись, я закурил папиросу, выглянул из окошка во двор и увидел, что у ручья напротив умывается какая-то «лысина».

– Старик? Или старуха? — спросил хозяин.

– Я тоже никак не мог понять, кто это был, и долго рассматривал «лысину». Но вот она повернулась в мою сторону, и, о ужас! Я даже отшатнулся от окна. Это была моя первая любовь — вчерашняя девушка.

– Но вы же с самого начала сказали, что у нее была прическа.

– Да, накануне была, причем великолепная.

– Не мели чепуху, — сказал хозяин, устремив взор в потолок.

– Я тоже был очень удивлен, мне даже стало немного страшно, и я стал внимательно смотреть, что будет дальше. Наконец «лысина» кончила умываться, взяла парик в виде такасимада, который лежал на камне рядом, и как ни в чем не бывало надела его на голову и спокойно вошла в дом. «Ну и дела», — подумал я и с этой минуты возроптал на свою горькую судьбу, которая послала мне несчастную любовь.

– Ерунда у тебя какая-то получилась, а не несчастная любовь. Кто этому поверит? Вон ты какой веселый и бодрый, а, Кангэцу-кун? — обрушился хозяин на несчастную любовь Мэйтэй-куна.

– Однако, — возразил Кангэцу-кун, — если бы эта девушка не была лысой и сэнсэй смог бы благополучно привезти ее с собой в Токио, то он, наверное, выглядел бы еще бодрее. Ведь, что ни говори, такое горькое разочарование надолго оставляет в сердце след. Но все-таки почему такая молодая девушка осталась без волос?

– Я тоже много об этом думал и пришел к выводу, что это от змеиного мяса. Змеиное мясо заставляет кровь приливать к голове.

– Однако у вас, я смотрю, все в порядке.

– Мне удалось избежать облысения, но зато с тех пор я стал близоруким, — ответил Мэйтэй и принялся тщательно протирать платочком свои очки в золотой оправе. Вдруг хозяин как будто вспомнил о чем-то.

– А где же тут мистика? — спросил он.

– Я до сих пор, сколько ни думаю, не могу понять, то ли она где купила свой парик, то ли нашла. Вот в этом и заключается мистика, — сказал Мэйтэй и снова нацепил очки на нос.

– Как будто послушала настоящего рассказчика, — высказала хозяйка свое мнение.

Я думал, что болтовня Мэйтэя на этом закончится, да не тут-то было: он, наверное, замолчит только тогда, когда ему заткнут рот кляпом. Он продолжал:

– Конечно, я испытал горькое разочарование, если бы я тогда женился на ней, не зная о лысине, она бы потом всю жизнь мозолила мне глаза. Поэтому, прежде чем предпринять какой-нибудь серьезный шаг, надо все хорошенько продумать и взвесить. Ведь бывает и так,

что в самый последний момент неожиданно обнаруживаются доселе скрытые недостатки. Ты, Кангэцу-кун, тоже не тоскуй так, не падай духом, не мучайся в одиночестве, лучше возьми себя в руки и точи свои шарики, — посоветовал Мэйтэй.

Кангэцу-кун смущенно проговорил:

– Я не знаю, что мне делать, — только соберусь точить шарики, а они не позволяют.

– Да, да, это ужасно. Но бывают курьезы и почище. Вот, скажем, Робай-кун, который в библиотеку мочиться бегает. Ох, и история с ним произошла.

– А что такое? — сразу оживился хозяин.

– Дело было так. Сэнсэй как-то остановился в Сидзуока в гостинице «Восток — Запад»… Не надолго, всего на одну ночь… ив тот же вечер предложил горничной выйти за него замуж. Я тоже весьма легкомысленный человек, но до такого не дошел. Впрочем, в то время в этой гостинице горничной была известная красавица Онацу-сан, и именно за этой Онацу-сан была закреплена комната Робай-куна, так что в этом нет ничего удивительного.

– Что значит «нет ничего удивительного», ведь это примерно то же, что произошло с тобой на перевале, как его бишь…

– Немного похоже. Говоря по правде, между мной и Робай-куном не такая уж большая разница. Как бы там ни было, он предложил Онацу-сан стать его женой, но, не дождавшись ответа, попросил арбуза.

– Что, что? — удивленно воскликнул хозяин. Да не один хозяин был озадачен. Хозяйка и Кангэцу-кун тоже, как бы сговорившись, почесали затылки и глубоко задумались. Мэйтэй не обратил на это внимания и продолжал:

– Он позвал Онацу-сан и спросил: «В Сидзуока есть арбузы?» — «Даже в Сидзуока есть арбузы», — ответила та и принесла арбуз. Робай-кун, слопав арбуз до последнего кусочка, принялся ждать ответа Онацу-сан, а ответа все нет и нет. Тут у него заболел живот, и сколько он ни стонал, легче не становилось. Тогда он снова позвал Онацу-сан и на этот раз спросил: «В Сидзуока есть врачи?» — «Даже в Сидзуока есть врачи», — ответила красавица и привела доктора по имени Тэнти Гэнко — можно подумать, что этот доктор похитил свое имя из «Книги тысячи иероглифов». На следующее утро боль в животе утихла, перед самым отъездом он снова позвал Онацу-сан и спросил, согласна ли та принять его вчерашнее предложение. Онацу-сан, смеясь, ответила: «В Сидзуока есть и арбузы, есть и врачи, но невест, которых можно найти за одну ночь, нет», — повернулась и ушла. Больше Робай-кун ее, кажется, не видел. После этого он так же, как и я, разочаровался в любви и стал ходить в библиотеку только затем, чтобы помочиться. Если подумать хорошенько, то станет ясно, что это женщины во всем виноваты.

Хозяин вдохновился и заговорил, что с ним случалось весьма редко.

– Истинная правда. Недавно я читал пьесу Мюссе. Ее герой, цитируя римских поэтов, говорит: «Что легче пера? — пыль. Что легче пыли? — ветер. Что легче ветра? — женщина. Что легче женщины? — ничто». Хорошо сказано. С женщиной никакого сладу нет.

Хозяйка не согласилась с мужем.

– Вам не нравится легковесность женщины, но и в тяжеловесности мужчин хорошего тоже мало.

– Тяжеловесность? Что это значит?

– Тяжеловесность есть тяжеловесность. Такая, как у вас.

– Почему же я тяжеловесен?

– А как же, конечно тяжеловесен, — начался забавный спор. Мэйтэй с любопытством следил за супругами и наконец раскрыл рот:

– Наверное, это и есть настоящая семейная жизнь: нападки, оправдания, споры, красные лица. Несомненно, в старину супружеская жизнь была лишена такой прелести.

Из его слов невозможно было понять, то ли он смеется, то ли хвалит моих хозяев. Но он этим не ограничился, а, по обыкновению, стал многословно пояснять свою мысль:

– Говорят, что в старину не было женщины, которая бы осмелилась перечить мужу, и я не вижу в этом ничего хорошего — это же все равно что жениться на немой. Мне бы очень хотелось, чтобы мне говорили, как сейчас сказала хозяйка: «Конечно, тяжеловесен», — или еще что-нибудь в этом роде. Ведь этак от тоски умрешь, если, имея жену, не поругаешься с ней иной раз. Моя матушка только и говорила отцу «да» и «слушаюсь». За те двадцать лет, которые они прожили вместе, никуда не ходила, кроме храма. Это же ужасно! Зато она знает на память все посмертные имена наших предков. В отношениях между мужчиной и женщиной было то же самое. Во времена моей юности было совершенно недопустимо играть с предметом своей мечты в одном оркестре, как это делает сейчас Кангэцу-кун, и так далее.

– Очень жаль, — понурил голову Кангэцу-кун.

– Конечно, жаль. К тому же это вовсе не значит, что тогда поведение женщин было лучше, чем теперь. Хозяюшка вот сейчас шумит, что гимназистки распустились. А в старину еще похуже случалось.

– Неужели? — серьезно спросила хозяйка.

– Конечно. Я не просто так болтаю — у меня есть факты, а против фактов не пойдешь. Кусями-кун, не знаю, помнишь ли ты, еще в те времена, когда нам было по пять-шесть лет, девочек, как тыквы, носили в корзинах на коромыслах и продавали. Помнишь?

– Я этого не помню.

– Не знаю, как у тебя на родине, а в Сидзуока такое было.

– Да быть этого не могло, — тихо проговорила хозяйка.

– Правда? — недоверчиво спросил Кангэцу-кун.

– Правда, правда! Мой отец сам приценивался. Мне тогда было лет шесть. Мы пошли погулять в Торитэ и вдруг слышим громкий крик: «Хорошие девочки, хорошие девочки!» Когда мы прошли два квартала, перед лавкой «Исэгэн» повстречали самого продавца. «Исэгэн» — самая большая в Сидзуока лавка, где продается мануфактура. Поедете туда — посмотрите. Наверняка она до сих пор сохранилась. Красивый дом. Приказчика там звали Дзинбээ. Он всегда сидел перед кассой с таким видом, словно у него три дня назад умерла мать. Рядом с Дзинбээ-куном сидел молодой, лет двадцати пяти парень. Его звали Хацу-сан. Этот Хацу-сан был совсем зеленый, как будто он дал обет Унсё-рисси и двадцать один день питался только отваром лапши. Соседом Хацу-сана был Тёдон, тот с печальным видом сидел, опершись на счеты, словно вчера в его доме случился пожар. Возле Тёдона…

– Ты рассказываешь о лавке мануфактуры или о торговле девочками?

– Да, да, о торговле девочками, конечно. Собственно, про этот «Исэгэн» я тоже знаю весьма занимательную историю. Ладно, оставим ее до следующего раза, сегодня поговорим о торговле девочками.

– Кстати, о торговле девочками давай тоже не говорить.

– Почему же? Это послужит хорошим справочным материалом при сравнении характера женщин нашего двадцатого века и первых годов эпохи Мэйдзи, неужели мы так легко с этим покончим… Значит, когда мы с отцом проходили мимо «Исэгэна», торговец девочками увидел отца и обратился к нему: «Барин, у меня тут остались девочки, может купите? Купите, дешево отдам». Он поставил корзины на пол и отер с лица пот. Я заглянул в корзины и увидел двух маленьких девочек, не старше двух дет. Отец сказал: «Если дешево, почему бы не купить. У тебя только эти?» — «К сожалению, сегодня всех уже продал, остались только эти. Выбирайте любую», — сказал продавец и, подбросив девочек, как будто это были не живые существа, а тыквы или что-нибудь в этом роде, поднес их к самому лицу отца. Отец постучал по головкам девочек и сказал: «О, звук хороший». После этого начались переговоры, шла отчаянная торговля, но в конце концов отец сказал: «Неплохо бы, конечно, купить, а ты за товар ручаешься?» — «За той, что сидит в передней корзинке, я все время наблюдаю и могу поручиться, у другой, кто знает, может и есть какой изъян — сзади-то у меня глаз нет. За нее не могу поручиться, а поэтому и отдаю дешевле». Я до сих пор помню этот диалог. Именно тогда в моем детском сознании мелькнула мысль о том, что женщин нужно опасаться… Однако сейчас в тридцать восьмом году эры Мэйдзи уже нет людей, которые бы ходили по городу и продавали девочек, а поэтому и не слышно жалоб на девочек, которые сидели в

корзинке, болтавшейся за спиной торговца. Я делаю вывод, что под влиянием европейской цивилизации в повадках женщин тоже наблюдается прогресс, как ты думаешь, Кангэцу-кун?

Прежде чем ответить, Кангэцу-кун громко кашлянул и нарочито спокойным низким голосом изложил результаты своих наблюдений:

– Сейчас женщины ходят в школы, устраивают концерты, благотворительные вечера, пикники и сами предлагают себя: «Эй, не купите ли?» Поэтому нет никакой необходимости заниматься подлой торговлей, прибегая к посредничеству зеленщиков, которые ходят по городу и кричат: «Хорошие девочки, хорошие девочки!» По мере того как развивается стремление человека к самостоятельности, естественно, складывается такое положение вещей. Старики, проявляя излишнее беспокойство, негодуют по поводу такой самостоятельности, но в действительности это результат влияния цивилизации, и я всячески приветствую его. Сейчас не найдется ни одного такого дикаря, который бы, даже совершая покупку, постукивал по голове ребенка и спрашивал, хорош ли товар. А это уже хорошо. В наше суетное время некогда постукивать по голове, а то, чего доброго, останешься холостяком или засидишься в девках.

Недаром Кангэцу-кун — молодой человек двадцатого века. Он изложил вполне современную точку зрения и, глубоко затянувшись папиросой, выдохнул дым прямо в лицо Мэйтэй-сэнсэю. Мэйтэй был не из тех, кого можно сбить с толку папиросным дымом.

– Как вы правильно заметили, современные барышни самоуверенны и честолюбивы до мозга костей, я не перестаю восхищаться тем, что они ни в чем не уступают мужчинам. Воспитанницы женской гимназии, что находится недалеко от моего дома, просто восхитительны. Мне доставляет огромное удовольствие смотреть, как они в своих кимоно с узкими рукавами вертятся на турнике. Каждый раз, когда они занимаются гимнастикой, я вспоминаю женщин древней Греции.

– Опять Греция? — язвительно спросил хозяин.

– Что же делать, если все, вызывающее чувство прекрасного, берет начало в Греции. Ученый-эстет и Греция неразделимы… Когда я смотрю, как эти девушки в черном проделывают гимнастические упражнения, отдаваясь этому занятию всем сердцем, я вспоминаю миф об Агнодис, — с видом эрудита произнес Мэйтэй.

– Опять вы со своими непонятными именами, — ухмыльнулся Кангэцу-кун.

– Агнодис — великая женщина, я от нее просто в восторге. В те времена в Афинах закон запрещал женщинам заниматься акушерством. Чертовски нелепый закон. И Агнодис прекрасно понимала всю его нелепость.

– А, что это?… Как ты назвал?…

– Да я же сказал — женщина! Имя-то женское. И как-то раз она задумалась: до чего же нелепо, бессердечно запрещать женщинам заниматься акушерством. «Как стать акушеркой, что для этого сделать?» — думала она три дня и три ночи. А когда третья ночь близилась к рассвету, из соседнего дома послышалось громкое «уа» новорожденного. Тут на Агнодис снизошло великое просветление. Она схватила ножницы, обрезала свои длинные волосы, переоделась в мужское платье и отправилась на лекцию Герофила. Благополучно прослушав курс и уверовав в свои силы, Агнодис занялась акушерством. И, представьте себе, хозяюшка, она снискала широкую популярность! И тут «уа» и там «уа» — все дети появились на свет при помощи Агнодис. Она стала не только известной, но и богатой. Однако тайное всегда становится явным, пока на ноги станешь — не раз спотыкнешься; а в каждом деле есть столько же доброжелателей, сколько и ненавистников. Так обнаружилась тайна Агнодис, и она должна была подвергнуться страшной казни за нарушение закона государства…

– О, Мэйтэй-сан, да вы настоящий сказитель.

– Здорово, а? Однако женщины Афин подали петицию, и судьи не смогли, как обычно, заткнуть уши и не внять их мольбам. Агнодис признали невиновной и освободили. В конце концов, ко всеобщей радости, был издан указ, разрешавший женщинам заниматься акушерством.

– Просто изумительно! Вы все знаете.

– Да, почти все. Не знаю только того, что я сам глуп. Но догадываюсь.

– Хо-хо-хо, ну и шутник вы…

Лицо хозяйки расплылось в улыбке, и в эту минуту прозвенел колокольчик.

– Опять гости, — проворчала хозяйка и вышла из столовой. Кто бы это? На смену хозяйке в комнату уже входил известный вам Оти Тофу-кун.

Не скажешь, конечно, что с приходом Тофу-куна собрались все чудаки, друзья хозяина, но их количество было вполне достаточным, чтобы рассеять мою скуку. И чего же мне еще нужно! Ведь попади я в другой дом — умер бы, так и не узнав, что на свете существуют подобные люди. Судьба благосклонна ко мне. Я сделался придворным котом Кусями-сэнсэя и теперь денно и нощно служу этому благороднейшему из людей. Я считаю, что мне выпала честь, свернувшись клубком, смотреть на деяния не только моего повелителя, но и Мэйтэя, Кангэцу, Тофу — плеяды славных богатырей, каких даже в Токио нелегко найти. Благодаря им я даже в такую жару забываю, что на мне теплая шубка, и очень интересно провожу время, за что приношу им глубокую признательность. Всякий раз, когда они собираются вместе, происходит что-то совершенно необыкновенное. Тогда я прячусь за фусума и начинаю следить за ними, соблюдая, конечно, все приличия.

– Здравствуйте, простите, что долго не давал о себе знать, — кланяется Тофу-кун, его напомаженная, тщательно причесанная голова, как всегда, блестит. О человеке нельзя судить, как о балаганном актере, только по его волосам, но в своих белых, туго накрахмаленных хакама[137] Тофу-кун действительно очень походил на подручного знаменитого учителя фехтования Сакакибара Кэнкити. Поэтому он казался нормальным человеком лишь от плеч до пояса.

– И как это ты надумал прийти в такую жару! Ну, что ты стоишь? Проходи, — сказал Мэйтэй-сэнсэй, словно он был здесь хозяином.

– А, сэнсэй! Как давно мы не виделись!

– Да, давненько, с самой весны, с того самого дня, когда ты присутствовал на занятии кружка декламаторов. Между прочим, ваш кружок еще существует? — И, не дожидаясь ответа, Мэйтэй продолжал: — Ну как, ты больше не выступал в роли Омии? Тогда у тебя здорово получилось, я аплодировал изо всех сил, помнишь?

– Как же, ваши аплодисменты меня вдохновили, и я сумел доиграть до конца.

– Когда вы теперь думаете собраться? — спросил хозяин.

– Вот отдохнем июль и август, а в сентябре думаем устроить грандиозный вечер. Нет ли у вас какой-нибудь интересной идеи для нас?

– Да как тебе сказать, — без особого энтузиазма ответил хозяин.

– Тофу-кун, а не возьмете ли вы мое сочинение, — предложил Кангэцу-кун.

– А что ты написал? Верно, что-нибудь интересное…

– Пьесу, — гордо ответил Кангэцу-кун. Все трое, пораженные, уставились на Кангэцу-куна, даже позабыв съехидничать.

– Пьеса — это здорово. Комедия или трагедия? — оправившись от изумления, промолвил Тофу-кун. А господин Кангэцу с еще большим апломбом продолжал:

– И не комедия и не трагедия. Сейчас много кричат о театре, новом и старом. Я решил создать новое направление в театральном искусстве и сочинил хай-пьесу.

– Позволь, позволь. Какую пьесу?

– Я сказал: хай-пьесу, что значит пьесу в стиле поэзии хайку. После такого заявления и хозяин и даже Мэйтэй-кун буквально опешили, и лишь Тофу-кун не унимался:

– Что она собой представляет?

– Пьеса моя в стиле хайку, поэтому я старался избегать длиннот и ограничился одним актом.

– О!

– Начну с декораций, они тоже должны быть предельно простыми. На середину сцены ставим огромную иву. От ствола в правую сторону отходит ветка, на ветку сажаем птицу.

– Хорошо, если твоя птица будет сидеть смирно, — забеспокоился хозяин.

– Ничего страшного, привязать ее за ногу к ветке — и вся недолга. Под деревом — лохань с водой. В ней, сидя к зрителям вполоборота, купается красавица.

– Это типичный декаданс. Главное, кто согласится играть роль женщины? — спросил Мэйтэй.

– За этим дело не станет. Наймем натурщицу из художественной школы.

– А что скажет департамент полиции? — снова забеспокоился хозяин.

– Но мы ведь не будем показывать пьесу широкой публике. Если так рассуждать, то студентам художественной школы тоже нельзя разрешать писать с натуры.

– Они учатся, а не просто разглядывают натуру.

– Сэнсэй, пока вы будете придерживаться таких взглядов, Япония не достигнет прогресса. Театр такое же искусство, как и живопись, — горячо защищал свои позиции Кангэцу-кун.

– Прекрати спор. Скажи лучше, что у тебя там дальше, — Тофу-кун очень заинтересовался сюжетом пьесы, очевидно со временем он собирался поставить ее.

– На сцену по ханамити[138] выходит с тростью поэт Такахама Кёси. На голове у него тропический шлем, на плечах шелковое хаори, подол полотняного кимоно заткнут за пояс, на ногах полуботинки. Хотя он и одет, как армейский подрядчик, но держаться должен как поэт. Когда он по ханамити сходит на сцену, то поднимает голову, устремляет вперед вдохновенный взгляд и видит огромную иву, под сенью ивы купается светлокожая женщина. Пораженный Кёси смотрит вверх. На длинной ветке ивы сидит ворон и неотрывно следит, как купается женщина. В течение пятидесяти секунд продолжается восторженное созерцание этого зрелища. Затем он громко читает: «И ворон влюбился в прекрасную купальщицу». В это время раздается стук колотушек и дают занавес… Как вы находите? Что, не понравилось? Ну, знаешь, гораздо лучше играть роль Кёси, чем Омии.

Тофу-кун почувствовал неудовлетворенность.

– Очень уж сухо. Хотелось бы поставить более проникновенную пьесу.

До сих пор Мэйтэй сидел спокойно, но он не такой человек, чтобы долго молчать.

– Только и всего? Смешно! И это ты называешь хай-пьесой.

– По мнению Уэда Бин-куна, стихи в стиле хайку и юмор — явления отрицательные, это признаки гибнущей страны. Хорошо сказано, достойные Бин-куна слова. Попробуй поставить свою нелепую вещь. Только подвергнешься насмешкам Уэда-куна. Главное, так мало действия, что не поймешь, пьеса это или фарс. Извини, Кангэцу-кун, но ты лучше точи шарики в своей лаборатории. Сколько бы сот хай-пьес ты ни сочинил, они останутся признаком гибнущей страны, и только.

Кангэцу-кун вспылил и пустился в ненужные объяснения:

– Вы считаете мою пьесу нединамичной? А я думал, что она как раз очень динамична. Вот когда Кёси-сэнсэй заставляет ворона влюбиться в женщину, — «И ворон влюбился в прекрасную купальщицу», — это место я считаю очень динамичным.

– Оригинальная теория. Очень бы хотелось услышать ваши объяснения.

– С точки зрения физика нелогично, когда ворон влюбляется в женщину.

– Совершенно верно.

– Но когда эту нелогичность выражают столь непосредственно, она звучит вполне естественно.

– Разве? — усомнился хозяин, но Кангэцу-кун не обратил на эту реплику никакого внимания.

– Почему естественно? Психологически это объясняется очень просто. По правде говоря, любовь живет в самом поэте и к ворону никакого отношения не имеет. Поэт сам влюблен, и ему кажется, что ворон тоже влюблен, а ворон тут ни при чем. Несомненно, сам Кёси, едва увидев прекрасную купальщицу, тотчас же в нее влюбился. Кёси подумал, что ворон, который неподвижно сидел на ветке и смотрел на красавицу, так же влюблен в нее, как и он сам. Несомненно, он ошибался, но в литературе подобный домысел вполне оправдан. И разве

это не авторская находка, когда птица наделяется человеческими качествами? Ну, что вы теперь скажете, сэнсэй?

– Великолепное обоснование. Кёси был бы очень удивлен. Во всяком случае, объяснение очень динамичное, а вот в сердцах зрителя пьеса наверняка не найдет отклика. Она их не взволнует. А, Тофу-кун, как вы считаете?

Тофу-кун серьезно ответил:

– Да, слишком пассивная пьеса. Хозяин, видимо, решил попытаться вывести разговор из тупика.

– Тофу-кун, вы за последнее время что-нибудь сочинили? — спросил он.

– Ничего достойного вашего внимания, но в ближайшее время я предполагаю издать сборник стихов… Как хорошо, что я захватил рукопись с собой, мне бы очень хотелось услышать ваше мнение.

Он достал из-за пазухи фиолетовый сверток, извлек из него рукопись, листов в пятьдесят — шестьдесят, и положил ее перед хозяином. Хозяин с видом знатока поднес к глазам заглавный листок и прочитал:

ПОСВЯЩАЕТСЯ БАРЫШНЕ ТОМИКО, АЭКА, РАВНЫХ КОТОРОЙ НЕТ ВО ВСЕМ МИРЕ.

Хозяин с таинственным видом молча разглядывал эту страницу до тех пор, пока не вмешался Мэйтэй.

– Что, синтайси? — сказал он, заглянув в рукопись. — С посвящением даже. Молодец, Тофу-кун, что решился посвятить их барышне Томико.

Хозяин, все еще ни о чем не догадываясь, спросил:

– Скажите, пожалуйста, Тофу-сан, дама, которую вы называете. Томико, реально существующая личность или нет?

Тофу с серьезным видом ответил:

– Да, одна из тех дам, которых я недавно приглашал вместе с Мэйтэй-сэнсэем на собрание кружка декламации. Она живет недалеко отсюда. Я только что заходил к ней, хотел показать этот сборник стихов, но ее не оказалось дома, она еще в прошлом месяце уехала на курорт в Оисо.

– Слушай, Кусями-кун, не делай такой мины, ведь сейчас двадцатый век. Лучше прочитай-ка нам эти шедевры. А посвящение у тебя, Тофу-кун, неудачное. Что ты подразумеваешь под этим изящным словом «аэка»?

– Я думаю, что оно означает рафинированную утонченность или болезненную утонченность.

– Конечно, с таким толкованием согласиться можно, но истинное значение этого слова: «опасный». Поэтому я бы так не написал.

– В самом деле, как бы все это сделать попоэтичнее?

– Я бы написал так: «Посвящаю под нос барышне Томико, опасной, равных которой нет во всем мире». Добавлено только два слова «под нос», а звучит совершенно по-другому.

– Да, — согласился Тофу-кун, хотя никак не мог понять, зачем делать такое добавление.

Наконец хозяин перевернул первую страницу и принялся читать:

В клубящихся струях благовоний
Дух ли твой, или мечта дымится,
О я! Я насладился горячим лобзаньем
В этом горьком мире.

– Я не совсем это понимаю, — сказал хозяин, глубоко вздохнув и передавая рукопись Мэйтэю.

– Тут он немного перехватил, — сказал Мэйтэй и передал, в свою очередь, стихи Кангэцу.

– Ого, смотри-ка, — сказал Кангэцу и вернул рукопись Тофу.

– Вполне естественно, сэнсэй, что вы не понимаете. За десять лет поэзия так далеко ушла вперед, что теперь ее не узнать. Нынешние стихи ни за что не поймете, если будете читать их в постели или где-нибудь на станции, — бывает, даже сам автор затрудняется ответить на вопросы читателей. Теперь стихи пишутся только по вдохновению, и поэт ни перед кем не обязан отчитываться. Толковать и искать в них мораль — это не наше дело, а дело ученых. Недавно мой приятель Сосэки написал такой туманный рассказ «Ночь», что ни один человек его не понял. Я встретился с автором и попросил его растолковать мне наиболее туманные места, так он со мной и разговаривать не захотел, лишь сказал: «Откуда мне знать». Думаю, в этом и заключается особенность поэта.

– Возможно, конечно, он и поэт, но человек, должно быть, весьма странный, — сказал хозяин.

А Мэйтэй расправился с Сосэки-куном очень просто, назвал дураком, да и только. Тофу-кун никак не мог угомониться:

– Правда, мы не чета Сосэки, но я просил бы вас относиться к моим стихам так же, как и к его. Прошу обратить внимание на «в этом горьком мире» и «насладился лобзаньем», я много потрудился над ними.

– Следы ваших упорных трудов заметны.

– Интересно противопоставление сладкого и горького, это в стиле приправ и специй. Здесь выражено самобытное мастерство Тофу-куна, я преклоняюсь перед ним, — восхищался Мэйтэй, посмеиваясь над честным человеком.

Хозяин неожиданно ушел в кабинет и вскоре вернулся оттуда с исписанным листком и, будучи в здравом рассудке, произнес:

– Мы имели удовольствие ознакомиться с творчеством Тофу-куна, а теперь я вас прошу высказать свое мнение о небольшом рассказе, который я вам сейчас прочту.

– Если это эпитафия Тэннэн Кодзи, то мы уже утроили свое внимание.

– Будь добр, помолчи. Тофу-сан, я сам далеко не в восторге от этой вещицы, послушайте хотя бы ради потехи.

– С огромным удовольствием!

– Кангэцу-кун, ты тоже заодно послушай.

– Можно послушать и не заодно. Не слишком длинно, надеюсь.

– Около шестидесяти знаков.

И Кусями-сэнсэй приступил к чтению собственного шедевра. «Дух Ямато! — воскликнул японец и закашлялся, словно чахоточный».

– Ошеломляющее начало! — похвалил Кангэцу-кун.

– «Дух Ямато! — кричит газетчик. — Дух Ямато! — кричит карманщик. — Дух Ямато одним прыжком перемахнул через море. В Англии читают лекции о духе Ямато! В Германии ставят пьесы

о духе Ямато».

– Да, это почище «Дитя Природы» будет, — многозначительно произнес Мэйтэй.

– «Адмирал Того обладает духом Ямато. И рыботорговец Гин-сан обладает духом Ямато. И аферист, и шулер, и убийца обладают духом Ямато».

– Сэнсэй, добавьте, пожалуйста, что Кангэцу тоже обладает.

– «Спросили: „Что есть дух Ямато“. Ответили: „Дух Ямато есть дух Ямато“, — и прошли, а через пять-шесть кэнов[139] внушительно прокашлялись».

– Великолепная фраза. У тебя литературный талант. Дальше.

– «Дух Ямато треугольный? Дух Ямато квадратный? Дух Ямато, как указано в названии, дух. А раз он дух — вечно колышется».

– Сэнсэй, все это очень интересно, но вам не кажется, что слишком часто повторяются слова «дух Ямато»? — заметил Тофу-кун.

– Согласен, — вставил Мэйтэй.

– «Все о нем говорят, но никто его не видел. Все о нем слышали, но никто не встречал. Возможно, дух Ямато одной породы с тэнгу».

Хозяин одним духом выпалил заключительную фразу и умолк.

Но шедевр оказался слишком коротким; слушатели не успели уловить основную его идею и ждали продолжения. Но сколько они ни ждали, хозяин не издал больше ни единого звука, и в конце концов Кангэцу-кун спросил:

– Это все?

– Гм, — коротко ответил хозяин. Ответ был весьма выразительным.

Как ни странно, этот шедевр не вызвал у Мэйтэя потока обычной болтовни. Мэйтэй лишь промолвил:

– Ты бы тоже собрал свои произведения в одну книгу, а потом посвятил бы ее кому-нибудь.

Хозяин согласился:

– Хочешь, тебе посвящу?

– Нет, благодарю покорно, — ответил Мэйтэй и молча принялся стричь ногти ножницами, которыми только что хвастался перед хозяйкой.

Кангэцу-кун спросил у Тофу:

– Ты что, знаком с барышней Канэда?

– Этой весной я пригласил ее на собрание нашего кружка, после чего мы подружились и теперь все время поддерживаем знакомство. При встрече с ней меня охватывает какое-то своеобразное чувство, под воздействием которого я с легкостью и удовольствием пишу стихи и песни. Вся любовная лирика в этом сборнике — а ее здесь много — обязана вдохновению, которое я черпаю из дружбы с прекрасным полом. Поэтому я должен от всей души поблагодарить эту девушку и, пользуясь случаем, решил посвятить ей этот сборник. Известно, что с древних времен не было поэта, который написал бы прекрасные стихи, не будучи связанным узами дружбы с женщиной.

– Да что ты, — ответил Кангэцу-кун, в его глазах заискрилась лукавая усмешка. И собранию пустомель бывает конец; огонь беседы постепенно угасал. Да и я не обязан целыми днями слушать их монотонную болтовню, поэтому я извинился и пошел во двор ловить богомолов. Солнце клонилось к западу, его лучи пробивались сквозь густую листву павлоний и ложились на землю яркими бликами, а на стволах самозабвенно стрекотали цикады. Возможно, к вечеру соберется дождь.

Глава VII

С недавнего времени я стал заниматься спортом. Людям, которые посмеются надо мной и скажут, что коту не пристало заниматься спортом, я напомню: «А давно ли вы сами понятия не имели о том, что такое спорт, и считали, что высшее призвание в жизни — есть и спать?» Таким людям следовало бы помнить, что в свое время они видели идеал в блаженном ничегонеделанье и проводили дни на манер важных господ, сидели сложа руки, боясь оторвать зад от дзабутона. Сейчас они осыпают друг друга разными дурацкими требованиями: занимайтесь спортом, пейте молоко, обливайтесь холодной водой, купайтесь в море, летом выезжайте в горы и глотайте там туман. Но все эти увлечения можно рассматривать как модную болезнь, завезенную в нашу благословенную страну с Запада, как род чумы, чахотки, неврастении. Впрочем, я родился лишь в прошлом году. Сейчас мне всего год, и пока еще я не знаю случая, чтобы кто-либо из людей заболел одной из этих болезней. Несомненно, подобные случаи должны то и дело происходить в этом бренном мире, но ведь можно сказать, что одному году жизни кошки соответствуют десять лет жизни человека. Продолжительность кошачьей жизни вдвое, а то и втрое короче человеческой, но кошачьей особи и такого короткого срока достаточно для полного развития. Было бы большой ошибкой измерять возраст человека и кошки одной и той же меркой. Взять хотя бы меня. Мне едва исполнился год, но я, как вы, вероятно, уже заметили, обладаю известным опытом и знаниями. Теперь возьмем младшую дочь моего хозяина. Говорят, ей исполнилось уже три года, но, боже, как она тупа! Только и умеет что реветь, мочиться в постели и сосать соску. Это совершенно слабоумное существо, ее даже нельзя сравнивать со мной. Ведь я постоянно размышляю о бренности земного мира. И не следует удивляться тому, что в моем крошечном кошачьем мозгу уложилась вся история возникновения спорта, морских купаний и поездок на воды. Единственные существа на свете, способные усомниться в моих возможностях, — это так называемые люди — болваны, у которых не хватает пары передних ног. Люди испокон веков были болванами. Вот почему они только теперь принялись рекламировать занятия спортом и расхваливать пользу морских купаний, воображая при этом, что они сделали великое открытие. А я отлично знал все это еще до рождения. Возьмем, к примеру, вопрос: почему морская вода действует как лекарство? На этот вопрос вам ответит любой дурак, побывавший на взморье. Не знаю, сколько обитает рыб в обширных морских просторах, но я знаю точно, что не было еще случая, чтобы рыба заболела и обратилась к врачу. Все они пребывают в добром здоровье. Если рыбы заболевают, их тело выходит из повиновения. Мертвые рыбы непременно всплывают на поверхность животом вверх. Вот почему об ушедшей в иной мир рыбе говорят, что она поднялась, в то время как умершую птицу называют павшей, а издохшего человека — почившим. Вот попробуйте спросить какого-нибудь путешественника, которому доводилось пересекать Индийский океан: «Слушай, приятель, тебе не приходилось видеть место, где умирают рыбы?» И он вам обязательно скажет «нет». Иного ответа и быть не может. Сколько бы вы ни бороздили океаны вдоль и поперек, вы не увидите рыбы, которая испустила бы дух… Собственно, даже не дух. Поскольку речь идет о рыбах, следует сказать «испустила соленую воду». Итак, вы не увидите ни одной рыбы, которая испустила соленую воду. Если учесть, что люди во все времена шарили по необъятным океанским просторам и еще ни разу не встретили поднявшейся рыбы, хотя сожгли для этого в топках судов тонны угля, то приходится сделать вывод, что рыбы являются весьма здоровыми существами. Возникает вопрос: почему рыбы такие здоровые существа? Людям это, конечно, невдомек; на то они и люди, хотя все объясняется просто: рыбы здоровы потому, что все время пьют морскую воду и постоянно принимают морские ванны. Польза морских купаний для рыб бесспорна. А если она бесспорна для рыб, то для людей и подавно. В 1750 году доктор Ричард Рассел на весь свет раструбил, что морские купания в Брайтоне мигом исцеляют от всех болезней. Над этим запоздалым открытием можно только посмеяться. Пройдет некоторое время, и мы, кошки, тоже будем ездить на курорты, — например, в Камакура. Сейчас это пока невозможно. Всему свое время. Подобно тому как до Реставрации японцы не имели возможности вкусить от пользы морских купаний, так и кошкам нашего времени обстоятельства не позволяют пока кинуться нагишом в морские волны. Поспешишь — людей насмешишь. Однако это не единственная причина. Мы не можем позволить себе морские купания до тех пор, пока не вернутся благополучно к своим домашним очагам все кошки, утопленные в Цукидзи. До тех пор пока процесс эволюции не выработает в нас, кошках, умение сопротивляться бушующим

волнам — иными словами, до тех пор пока вместо «кошка издохла» не станут повсеместно говорить «кошка преставилась», — будет очень трудно ввести в наш обиход морские купания.

Но если морским купаниям суждено войти в наш быт лишь спустя некоторое время, то вот спортом можно начать заниматься немедленно. Того, кто в наши дни не занимается каким-либо видом спорта, считают бедняком, не имеющим своих доходов. О нем говорят: он не занимается спортом, нет, не то что не хочет, он просто не может заниматься спортом, он все время гнет спину, зарабатывая на кусок хлеба. В старину спортсмена насмешливо называли «орискэ»[140], а в наше время того, кто не занимается спортом, считают существом низшего порядка. Ваши мнения, господа люди, меняются в зависимости от времени и обстоятельств с такой же легкостью, с какой расширяются или сужаются зрачки моих глаз. Единственная разница заключается в том, что зрачки не меняют своей природы, принимая лишь разные размеры в зависимости от обстановки, а мнения людей подчас становятся прямо противоположными. И людям хоть бы что. Ни для кого не секрет, что каждая вещь имеет две стороны, два конца, однако только люди умеют так манипулировать этими особенностями вещей, что один и тот же предмет можно считать то белым, то черным. Если поменять местами иероглифы слова «хосун», что означает «мнение», то получится слово «сумпо», что означает «мерка, размер». В этом есть что-то милое. Нагнитесь и поглядите на Ама-но Хасидатэ[141] через собственные ноги. У вас возникнет совсем особое ощущение. Даже Шекспир, если он всегда остается одним и тем же Шекспиром, может наскучить. И если бы не было людей, которые, поглядев на Гамлета через собственные ноги, сказали бы: «Ну и ерунда!» — то, вероятно, литературный прогресс был бы невозможен. Поэтому нет ничего удивительного в том, что люди, еще вчера ругательски ругавшие спорт, сегодня желают поскорее приобщиться к нему, сейчас даже женщины расхаживают с ракетками в руках. Правда, было бы еще лучше, если бы перестали издеваться над котами, начавшими заниматься спортом. Короче говоря, возможно, кого-нибудь заинтересует, каким видом спорта я занимаюсь, поэтому я постараюсь дать соответствующие разъяснения. Как вам известно, мои лапы, к сожалению, не приспособлены к тому, чтобы в них что-нибудь держать. Пользоваться мячом и бейсбольными перчатками я не в состоянии. Да и денег на их покупку у меня нет. По этим двум причинам мне пришлось заняться такими видами спорта, которые могут быть отнесены к безденежным и безорудным. Могут подумать, что в таком случае мне не останется ничего другого, как расхаживать вразвалку или стремглав выскакивать из кухни с ломтиком рыбы в зубах, то есть механически переставлять ноги, подчиняясь законам земного тяготения. Это слишком просто и совсем не интересно. А то, чем время от времени занимается мой хозяин, хотя некоторые называют это спортом, на мой взгляд является профанацией идеи. Не исключено, конечно, что при наличии достаточно сильного стимула и такие упражнения могут стать модными. Таким стимулом может служить, например, соревнование из-за кусочка сушеного бонита[142] или ломтика кеты. Но это может оказаться эффективным лишь при наличии стимулирующего объекта, а если стимулирующий объект отсутствует, то соревнование становится беспредметным. Я же хочу выполнять упражнения, требующие умения и искусства, которые в то же время лишены стимула материальной заинтересованности. Я много размышлял над этим вопросом. С навеса кухни вскочить на крышу, суметь удержаться всеми четырьмя лапами на фигурной черепице у конька крыши, пройти по шесту для сушки белья — но из этого ничего не получилось. Бамбук оказался необыкновенно скользким, на нем невозможно удержаться. Или вот еще одно интересное упражнение — прыгать сзади на ребенка. Однако при малейшей оплошности можно попасть в скверную историю, поэтому я делаю это не чаще трех раз в месяц. Напяливать на голову бумажный пакет — но это трудно и вдобавок недостаточно интересно. Без участия человека тут не обойдешься, а поэтому не стоит этим заниматься. Можно еще рвать обложки книг когтями — но если хозяин заметит, неизбежно последует трепка. Кроме того, в этом упражнении участвуют только кончики лап, а мышцы всего тела бездействуют. Все перечисленные упражнения я отношу к упражнениям старого образца. А вот среди новых упражнений имеется немало интересных. Во-первых, охота на богомолов. Охота на богомолов не является таким масштабным видом спорта, как охота на мышей, но зато она и не таит в себе серьезной опасности. Это интереснейшее развлечение, продолжающееся с середины лета до начала осени. Заключается оно в следующем. Прежде всего вы выходите во двор и отыскиваете где-нибудь богомола. В разгар сезона отыскать одного и даже двух богомолов не составляет никакого труда. Отыскав господина богомола, вы одним мощным прыжком оказываетесь возле него. Богомол как ошпаренный немедленно переходит к

обороне и задирает голову. Богомол хоть и насекомое, но храбр необычайно, поэтому, до той поры, пока ему неизвестна сила противника, он готов сопротивляться. В этом и состоит интерес игры. Правой передней лапой вы слегка ударяете его по голове. Шея у него слабая и сразу же оказывается свернутой набок. Теперь наружность господина богомола имеет чрезвычайно любопытный вид. Он как будто озадачен чем-то. Но вы, не теряя ни минуты, подступаете к нему сзади и осторожно проводите когтями по его крыльям. Обычно крылья у богомола плотно прижаты к туловищу; если вы дотронетесь до них недостаточно осторожно, они сомкнутся и станут дырявыми, и из-под них выглянет мягкое, как папиросная бумага, нежного оттенка белье. Богомол даже летом зачем-то облачается в двойные одежды и щеголяет в них. Тем временем длинная шея господина богомола возвращается в прежнее положение. Бывают случаи, что он даже отваживается броситься на вас, но чаще всего он просто задирает голову и таращит на вас глаза. Он словно с нетерпением ждет очередного выпада с вашей стороны. Он способен оставаться в таком положении сколько угодно, но ведь это уже не спорт, а поэтому вы, повременив немного, снова слегка ударяете его лапой. Если богомол способен разобраться в обстановке, то после этого он непременно пускается наутек. Только какой-нибудь неотесанный богомол-дикарь может отважиться броситься на вас. В этом случае вы как следует поддаете ему. Как правило, он отлетает от вас на два-три фута. Но если противник скромно показывает вам спину, вы невольно испытываете к нему жалость и, чтобы рассеяться, описываете несколько кругов по двору. За это время господин богомол успевает проползти каких-нибудь пять-шесть вершков. Он уже изведал мою силу и не решается больше оказывать сопротивление. Он только растерянно мечется из стороны в сторону, стараясь избежать встречи со мной. Но я следую за ним по пятам, поэтому иногда он со страху распускает крылья и пытается взлететь. Собственно, крылья богомола, под стать его голове и шее, узкие и длинные. Насколько мне известно, они служат только украшением. Точно так же как английский, французский и немецкий языки у людей, они не имеют никакого практического значения. И когда он начинает размахивать ими, это, разумеется, нимало меня не беспокоит. Это только так говорится — размахивать, на самом же деле он просто волочит их по земле, да и только. Мне становится даже немного жаль богомола, но, поскольку мне необходимо заниматься спортом, ничего не поделаешь. Извинившись, я мгновенно забегаю вперед и останавливаюсь перед ним. Он не в состоянии быстро свернуть в сторону и по инерции бежит прямо на меня. Тут я ударяю его по носу. На этот раз господин богомол падает, обязательно растопырив крылья. Вы слегка прижимаете его передней лапой и делаете небольшую передышку. Затем на минуту отпускаете и снова прижимаете. Вы нападаете на него по всем правилам древней стратегии. Так, последовательно прижимая и отпуская его, вы продолжаете игру в течение тридцати минут, а затем, удостоверившись, что он больше не двигается, осторожно берете его в зубы, трясете и выплевываете. Теперь он неподвижно лежит на земле, словно спит. Вы толкаете его лапой. От толчка он подскакивает, и вы снова прижимаете его. Когда вам это надоедает, вы в качестве последней меры съедаете его. Тем, кто никогда не ел богомолов, я скажу, что они не особенно вкусны. К тому же в них мало питательных веществ.

Помимо охоты на богомола, я практикую еще упражнение, именуемое ловлей цикады. Цикады бывают различных видов. Подобно тому как среди людей бывают жирные свиньи — «абура», болтуны — «мин-мин» и певуны — «осий цуку-цуку» — так и среди цикад бывают цикады «абура», цикады «мин-мин» и цикады «осий цуку-цуку». Цикады «абура» упрямы и для занятий спортом не пригодны. «Мин-мин» весьма надменны, с ними лучше не связываться. Интереснее всего охотиться за цикадами «осий цуку-цуку». Ловить их можно только в конце лета. В дни, когда осенний ветер бесцеремонно врывается в отверстия в одежде и гладит голую кожу, вызывая простуду и все сопутствующие ей прелести, эти существа распевают, задрав хвосты. Славно распевают они. и мне даже кажется, что они только затем и существуют, чтобы петь и быть изловленными котом. И в начале осени я их ловлю. Это упражнение называется ловлей цикад. Сейчас я вам кое-что расскажу об этом, но сначала заметьте, что существо, именуемое цикадой, никогда не ползает по земле. Если цикада валяется на земле, то по ней непременно ползают муравьи. И цикады, за которыми я охочусь, совершенно непохожи на тех, что валяются где-нибудь во владениях муравьев. Нет, я ловлю этих господ в тот самый момент, когда они восседают на ветвях высокого дерева и поют свою любимую песенку «осий цуку-цуку». Вот, кстати, вопрос, по которому мне хотелось бы услышать мнение людей-специалистов: что поют цикады, «осий цуку-цуку» или «цуку-цуку осий»? Мне думается, в зависимости от того, как будет истолкован этот факт, наука о цикадах может пополниться многими интересными выводами. В чем люди действительно превосходят нас, кошек, так именно в подобных делах, и это составляет

предмет их гордости. Если вам трудно сразу ответить на этот вопрос, то можете хорошенько подумать. Впрочем, для ловли Цикад порядок слов в их песне никакого значения не имеет. Нужно всего-навсего забраться на дерево, откуда доносится голос самозабвенно распевающей цикады. На первый взгляд это очень простое упражнение, но на самом деле оно таит в себе большие трудности. У меня четыре лапы, и я смею думать, что при ходьбе по земле ни в чем не уступлю любому другому животному. И уж во всяком случае не уступлю человеку, ибо даже простой арифметический расчет свидетельствует о том, что четыре больше двух. Но вот когда дело доходит до лазания по деревьям, оказывается, что существуют животные гораздо более искусные, чем я. Не говоря уже о таком мастере лазания, как обезьяна, непревзойденные искусники имеются и среди потомков обезьян — людей. Я не могу тягаться с ними и не вижу в том ничего зазорного, потому что бессмысленно противиться силе земного притяжения, но при всем том эта сила создает для упражнения в ловле цикад немалые трудности. К счастью, я наделен удобными орудиями, именуемыми когтями, которые помогают мне карабкаться на дерево, хотя это не так легко, как кажется со стороны. К тому же не следует забывать, что цикады могут летать. В отличие от господина богомола, они при приближении опасности моментально взлетают и скрываются из виду, поэтому нередко случается и так, что вы с большим трудом вскарабкались на дерево, а цикада глядь и улетела. При этом есть еще опасность, что цикада вас обгадит. Причем, как правило, она норовит попасть вам в глаза. То, что цикады улетают, еще полбеды, но когда они гадят на вас… Неизвестно, какой психологический механизм действует на их физиологический аппарат, но цикада гадит на вас как раз перед тем, как улететь. Возможно, она прибегает к этому способу для того, чтобы ошеломить противника и обеспечить себе некоторый выигрыш во времени. Так каракатица выбрасывает сепию, дикобраз выставляет иглы, мой хозяин принимается цитировать латынь — все это явления одного порядка и должны быть занесены в одну графу. И это тоже одна из проблем, которыми не должна пренебрегать цикадология. Тщательное исследование такой проблемы достойно докторской диссертации. Однако это не имеет прямого отношения к делу, а поэтому я возвращаюсь к основной теме. Чаще всего цикады скапливаются — если не нравится слово «скапливаются», можно употребить слово «собираются», но оно слишком банально, и я беру слово «скапливаются» — итак, чаще всего цикады скапливаются на платанах. Кажется, платан по-китайски называется «утун». Листьев на этих платанах необычайно много, причем каждый лист величиной примерно с опахало, и за ними совершенно не видно ветвей. Это обстоятельство сильно затрудняет выполнение упражнения по ловле цикад. Я даже задумался, не в мою ли честь сложена вульгарная песенка: «Слышу голос, но тебя не вижу я». Делать нечего, и я ориентируюсь по голосам. Примерно на высоте двух метров ствол платана, как по заказу, раздваивается. Здесь я останавливаюсь передохнуть и, скрываясь за листьями, высматриваю, где сидят цикады. Впрочем, иногда, пока я добираюсь до развилки, несколько цикад торопливо снимаются с места и улетают, шурша крыльями. Тогда все пропало. В смысле стремления к подражательству цикады такие же идиотки, как и люди. Стоит взлететь одной, как тотчас же поднимаются все остальные. А бывает и так, что цикады продолжают петь даже тогда, когда я достигаю развилки. Но сколько я ни оглядываюсь, сколько ни трясу ушами, мне не удается увидеть ни одной. Поскольку уходить и снова возвращаться канительно, я располагаюсь на отдых. Заняв в развилке удобную позицию, я дожидаюсь удобного случая и тут незаметно для себя погружаюсь в сон. Пробуждение от благостного сна на развилке бывает неприятным — я падаю вниз, прямо на каменные плиты, которыми вымощен двор. Но в большинстве случаев мне все-таки удается поймать цикаду. Правда, все удовольствие портит то обстоятельство, что выпустить ее из зубов на дереве нельзя ни на минуту, а когда добираешься до земли и наконец выплевываешь ее, она уже мертва. И сколько с ней ни играй, сколько ее ни царапай, она не шевелится. Между тем главная прелесть в ловле цикад состоит в том, чтобы молниеносно прижать ее передней лапой в тот самый момент, когда она, мужественно пройдя через все испытания, оживает и начинает энергично двигать брюшком. При этом госпожа цикада тоскливо пищит и бестолково размахивает тонкими прозрачными крылышками. В стремительности и красоте ее движений есть нечто, совершенно не поддающееся описанию. Это самое превосходное зрелище, какое только можно себе представить. Каждый раз, прижимая лапой госпожу цикаду, я требую, чтобы она показала этот спектакль. А когда спектакль мне надоедает, я извиняюсь и отправляю ее в рот. Иногда она продолжает спектакль даже во рту.

После ловли цикад следует упражнение в скольжении по сосне. Долго говорить об этом упражнении нет никакой необходимости, поэтому опишу его коротко. Судя по названию, может, вероятно, сложиться впечатление, что я действительно скольжу по сосне. Но это не

так. Это просто особый стиль лазания по деревьям. При ловле цикад я карабкаюсь на дерево за цикадами, а при скольжении по сосне карабкаюсь, чтобы просто карабкаться. В этом и состоит разница между двумя этими видами спорта. Сосна — вечнозеленое дерево и с древних времен до наших дней имеет до отвращения шершавый ствол. Следовательно, нет ничего на свете менее скользкого, чем сосновый ствол, и ничего более удобного для того, чтобы цепляться руками. И цепляться лапами. Другими словами, нет ничего более удобного для того, чтобы цепляться когтями. Одним духом взбираюсь я вверх. А взобравшись, мчусь вниз. Мчаться вниз можно двумя способами; хвостом вверх, головой к земле, и хвостом вниз, головой вверх, то есть так же, как и подниматься. Я спрашиваю вас, люди, знаете ли вы, каким способом спускаться труднее? Вероятно, по вашему поверхностному мнению, поскольку, мол, речь идет о спуске, спускаться вниз головой — одно удовольствие. Ничего подобного. Вам известно о том, как Ёсицунэ[143] захватил перевал Хёдори, и вы, верно, считаете, что раз уж Ёсицунэ спускался вниз головой, то кошкам это и подавно подобает. Но это не так. Посмотрите, как растут у кошки когти. Они загнуты назад. Они способны, подобно клюву коршуна, подцепить и тащить предмет, но у них нет силы вытолкнуть предмет в обратном направлении. Пусть сейчас я легко и быстро вскарабкался вверх по сосне. Естественно, я — животное наземное, и по самой природе вещей не могу себе позволить надолго задержаться на верхушке. Если я задержусь, то непременно упаду. Но если просто отпустить лапы и падать — то это будет для меня слишком быстро. Поэтому я должен что-то предпринять, чтобы несколько изменить эту природу вещей. Для этого надо лишь спуститься вниз. Казалось бы, между падением и спуском существует огромная разница, но эта разница не так уж велика, как кажется на первый взгляд. Медленное падение означает спуск, а быстрый спуск означает падение. Разница между падением и спуском лишь в написании. Поскольку падать с сосны мне не нравится, я должен смягчить падение и спуститься. То есть я должен каким-то способом воспротивиться скорости падения. Мои когти, как уже говорилось, загнуты вовнутрь, а потому, если я, располагаясь головой вверх, выпущу когти, они будут удерживать мое тело от падения. В этом случае падение превращается в спуск. Правильность этого принципа очевидна. Но попробуем совершить спуск с сосны по методу Ёсицунэ, вниз головой. Когти здесь уже не играют никакой роли. Лапы скользят, удержать вес собственного тела невозможно, и тот, кто намеревался спускаться, начинает падать. Повторить таким способом захват перевала Хёдори трудно. Из всех кошек искусством скольжения владею, вероятно, один только я. А потому и название этому виду спорта дал именно я.

Наконец, несколько слов об «обходе ограды». Двор моего хозяина с четырех сторон обнесен бамбуковой оградой. Стороны, параллельные веранде, имеют в длину шестнадцать-восемнадцать метров. Длина правой и левой сторон не превышает вместе восьми метров. Так вот, спортивное упражнение, именуемое обходом ограды, о котором я сейчас говорю, состоит в том, чтобы пройти по верху ограды, не свалившись на землю. Это мне не всегда удается, но уж если удается, я получаю истинное наслаждение. Например, в изгороди местами встречаются бревна с обожженным комлем. На них очень удобно отдыхать. Сегодня мне повезло, и я с утра до полудня совершил три обхода. С каждым разом получалось все лучше. А поскольку получалось все лучше, то я все больше и больше входил в азарт и даже решил пройти по ограде еще раз. Но едва я сделал половину четвертого круга, как с соседней крыши прилетели три вороны и уселись в ряд на ограде в двух метрах от меня. Бесстыдные твари. Мешают заниматься спортом. Какие-то не прописанные здесь вороны без роду и племени осмелились рассесться на чужом заборе, подумал я и крикнул: «Эй, вы, посторонитесь, дайте пройти!» Ближайшая ко мне ворона поглядела на меня и нагло засмеялась. Ворона, сидевшая позади нее, смотрела во двор хозяина. Третья чистила клюв о бамбук ограды. Не иначе как только что наелась чего-то. Я решил дать им три минуты на размышление и дожидался ответа, стоя на ограде. Говорят, что ворон называют Кандзаэмонами[144], и в самом деле, это настоящие Кандзаэмоны. Сколько я ни ждал, они не соизволили ни поздороваться, ни улететь. Мне ничего не оставалось как потихоньку двинуться вперед. И в ту же минуту ближайший ко мне Кандзаэмон расправил крылья. «Ага, — подумал я, — испугался моей силы и собирается удирать». Но он только повернулся на месте справа налево. Вот скотина! Будь это на земле, я бы ему не спустил такой дерзости, но здесь, на верхушке ограды, мне только и не хватало вдобавок к своему и без того шаткому положению еще такого противника, как Кандзаэмон. И все же остановиться и терпеливо ждать, пока эта троица уберется восвояси, было неприятно. Прежде всего не выдержат ноги. А мои антагонисты, существа крылатые, хорошо приспособлены к сидению на заборах. Следовательно, если они захотят, то могут просидеть здесь сколько угодно. Я же ко всему прочему ужасно устал, так

как, если вы помните, делал четвертый круг. Тем более что я совершал превосходное спортивное упражнение, которое по сложности не уступает хождению по канату. Нельзя дать гарантию, что не свалишься даже при отсутствии каких бы то ни было препятствий, а тут еще дорогу преградили три черных чучела. Нелегкое положение. В конце концов я решил прервать упражнение и спуститься с ограды. И чем скорее, тем лучше. Во-первых, у противников было численное превосходство, во-вторых, они выглядели слишком непривычно для меня. У них были ужасные острые клювы, а сами они походили на маленьких тэнгу. Отвратительные типы, решил я. Самое разумное — отступить. Если бы я зашел слишком далеко и, не дай бог, свалился, это было бы гораздо позорнее. Едва я подумал об этом, как первая ворона сказала: «Дурак». Вторая повторила: «Дурак». Последняя тварь в порядке учтивости проорала дважды: «Дурак! Дурак!»

При всей своей доброте я не мог пройти мимо такой наглости. Быть оскорбленным шайкой ворон в собственной резиденции — это уже затрагивало честь моего доброго имени. Если вы скажете, что имени моего это касаться не могло, поскольку его у меня до сих пор нет, то скажем — касалось моего достоинства. Теперь уж я ни за что не мог бы отступить. Возможно, эта троица не так уж и сильна: ведь скопище ворон называют сворой. Наступать, только наступать! И я храбро двинулся вперед. Вороны как будто о чем-то переговаривались между собой, делая вид, что не замечают меня. Это меня окончательно вывело из равновесия. Будь ограда на пять-шесть вершков шире, я бы им показал, но, к сожалению, как я ни был разгневан, двигаться мне приходилось медленно и осторожно. Наконец до авангарда противника осталось несколько вершков. Ну, надо сделать последний рывок, подумал я, как вдруг Кандзаэмон захлопал крыльями и взлетел на фут или два. Ветер, поднятый им, ударил мне в лицо, я ахнул от неожиданности, оступился и тут же полетел вниз. «Ну и дал же я маху», — подумал я и поглядел вверх на ограду. Вся троица сидела на прежнем месте и, выставив клювы, глядела на меня сверху вниз. Мерзкие скоты! У меня от злости в глазах потемнело. Я даже выгнул спину и взвыл, но тотчас же взял себя в руки. Как невежественному человеку непонятны полные тайны символические стихи, так и внешние признаки гнева, которые я демонстрировал воронам, не оказали на них никакого воздействия. Впрочем, это совершенно резонно. До сих пор я относился к ним как к котам. Теперь я вижу, что заблуждался. Будь моим противником кот, он бы немедленно ответил на мою демонстрацию. Но, к сожалению, моим противником была ворона. И тут я ровным счетом ничего не мог сделать, как ничего не может сделать Канэда, который с нетерпением ждет удобного случая насолить моему хозяину, учителю Кусями; как не знал Сайге, что делать с моим изображением, отлитым из серебра, которое он получил в подарок; как бессилен что-либо предпринять бронзовый памятник Сайго Такамори, когда мерзкие вороны осыпают его своим пометом. Я умею выждать удобный момент, поэтому, видя, что оставаться под оградой нет никакого смысла, я чинно отправился на веранду.

Было уже время ужина. Спорт — хорошее дело, но злоупотреблять им нельзя. Все тело мое размякло, я испытывал вялость во всех членах. Мало того, ведь сейчас лишь начало осени, и моя меховая шуба, прогревшаяся во время упражнений и вдоволь напитавшаяся лучами закатного солнца, немилосердно горела. Пот, который выделяется из пор, не стекает, а застывает, как сало, у корней волос. Спина чешется. Кстати, всегда легко отличить, когда тело чешется от пота и когда оттого, что по нему ползают блохи. Если я в состоянии дотянуться до того места, где чешется, ртом, то я могу вытаскать блох зубами. Знаю я также, как почесать место, до которого можно достать лапой. Но если зачешется самая середина спины, тут уж я сам ничего не смогу поделать. В таких случаях следует либо отыскать человека и как следует об него потереться, либо показать свое искусство тереться о шершавый ствол какой-нибудь сосны. Если нельзя прибегнуть ни к тому, ни к другому способу, тогда дело плохо — покоя себе не найдешь. Люди — существа глупые. Стоит только, ласково мурлыкая… Нет, ласковое мурлыкание — это тон, которым люди разговаривают со мной. Я должен был сказать не «ласково мурлыкая», а «ласково мяукая»… Итак, поскольку люди — существа глупые, то стоит мне только приблизиться, ласково мяукая, к их коленям, как они, сочтя это за проявление моей любви, тотчас же начинают чесать мне спину, а иногда даже гладить по голове. Но с недавних пор в моей шерсти завелись какие-то паразиты, которых называют блохами, поэтому теперь, когда я неосторожно приближаюсь к людям, меня сразу хватают — почему-то обязательно за шиворот — и выбрасывают за дверь. Я лишился благосклонности людей из-за этих насекомых, которых и глазом не увидишь. Вот некогда говорили: «Махнет рукой — и дождь польет, ладонь повернет — и тучи соберутся». Конечно, легко было творить

такие штучки в прежние времена богачу, у которого были тысяча или даже две тысячи блох[145].

Первая заповедь, действовавшая среди людей, гласит: «Люби ближнего до тех пор, пока это тебе выгодно». Поскольку отношение людей ко мне так внезапно переменилось, я не могу прибегать к их помощи, как бы у меня ни чесалась кожа. И мне ничего не остается, как пользоваться вторым способом — чесаться о корявый ствол сосны. Поэтому, чтобы немного почесаться, я снова сбежал с веранды. Но тут мне пришло в голову, что этот способ тоже не вполне себя оправдывает. Да это и понятно! Ведь на соснах есть смола. Свойство этой смолы приставать к предметам общеизвестно. Стоит шерсти прилипнуть к ней, и тогда хоть гром греми, хоть вся балтийская эскадра взорвись у Цусимы — оторваться от нее невозможно. Более того, если прилипнут пять волосков, смола сразу же притягивает еще десять; а где прилипнет десять, там и все тридцать. Я — кот с оригинальным вкусом, я во всем люблю ясность и простоту. Я ненавижу эту упрямую, липкую, неотвязную дрянь. Я не пожелаю ее и в том случае, если в придачу к ней дадут всю красоту Поднебесной[146]. Вот ведь подлая дрянь! Ничем не отличается от гадости, которая течет при северном ветре из глаз соседского кота Куро, а смеет портить мне мою пушистую серую шубку. Хоть тысячу раз скажи ей: «Думай, что делаешь!» Она и не подумает думать. Стоит мне прислониться к сосне, как смола тотчас же пристает к моей шерсти. С такой непроходимой дурой можно потерять не только честь, но и шерсть. Вот и приходится терпеть, как ни чешется. Но, лишенный возможности воспользоваться хотя бы одним из этих способов, я оказываюсь в совершенно беспомощном положении. Если я сейчас же чего-нибудь не придумаю, то наверняка заболею от нестерпимого зуда. Присев на задние лапы, я уныло размышлял над своим печальным положением и вдруг вспомнил.

Время от времени мой хозяин внезапно берет полотенце и мыло и куда-то уходит. Когда он возвращается минут через тридцать, его тусклая физиономия кажется немного порозовевшей и посвежевшей. Если нечто действует на такого унылого типа, как мой хозяин, то на меня и подавно должно подействовать. Я достаточно красив, и мне нет необходимости стремиться стать еще более интересным мужчиной, но было бы непростительной виной перед мировым творческим началом, если бы я не дай бог заболел и погиб, едва достигнув одного года. Я навел справки и узнал, что хозяин ходит в заведение, именуемое баней, которое люди тоже выдумали только для того, чтобы убивать время. Коль скоро баню выдумали люди, то, естественно, ничего хорошего ждать от нее не приходится, но поскольку у меня безвыходное положение, то придется попробовать. Я попробую и, если найду, что пользы она не приносит, немедленно откажусь от нее. Только вот достанет ли у людей великодушия впустить в баню, построенную для них самих, существо другого вида — кота? Сомнительно. Конечно, там, где принимают даже хозяина, отказывать в гостеприимстве мне нет никаких оснований, и все-таки не исключена возможность, что мне придется получить от ворот поворот. Лучше всего сначала пойти и поглядеть. Если я увижу, что можно, тогда схвачу в зубы полотенце и отправлюсь туда снова. Приняв такое решение, я поплелся к бане.

Свернув из переулка налево, я увидел в конце улицы на холме сооружение, похожее на сложенные друг на друга бамбуковые обручи. Из верхней части этого сооружения курился легкий дым. Это и была баня. Я прокрался с черного хода. Говорят, что прокрадываться с черного хода непристойно и стыдно, но так говорят из зависти те, кто нигде не может появляться иначе, как с парадного хода. Издавна известно, что умные люди всегда внезапно нападали именно с черного хода. Кажется, так написано на пятой странице первой главы второго тома «Джентльменского воспитания». А на следующей странице даже написано, что черный ход является вратами, через которые джентльмен обогащается благородством. Поскольку я кот двадцатого века, то уж такими-то знаниями обладаю. И нечего меня презирать. Итак, я прокрался с черного хода. Слева возвышалась гора сосновых поленьев по восемь вершков в длину. Рядом, словно холм, была навалена куча угля. Возможно, найдутся люди, которые спросят: почему груда дров имела форму горы, а куча угля имела вид холма. Глубокого смысла здесь искать не следует, Просто я употребил разные слова — сначала слово «гора», затем слово «холм». Жаль, однако, что люди, которые и так питались всякой гадостью — рисом, птицей, рыбой, зверями, — теперь опустились до того, что стали есть уголь. Прямо перед собой я увидел открытую дверь шириной примерно в два метра и заглянул в нее. Там царила звенящая тишина. Я прошел чуть подальше и услышал глухой рокот человеческих голосов. Я решил, что так называемая баня находится именно там, откуда доносятся голоса, пробрался через ущелье между дровами и углем, свернул влево и пустился вперед. Справа я заметил застекленное окно, а за ним громоздились треугольной пирамидой сложенные друг

на друга деревянные кадки. В душе я посочувствовал кадкам. Им, круглым, должно быть очень неудобно складываться в форму треугольника. Кадки лежали на скамье шириной в несколько футов, и рядом с ними было свободное пространство, словно нарочно оставленное для меня. Скамья возвышалась над полом на метр, как будто специально для того, чтобы я мог легко вспрыгнуть на нее. Отлично, сказал я себе и прыгнул. И что же? Так называемая баня оказалась у кончика моего носа, под самыми глазами, перед самым лицом. Что самое интересное на свете? Попробовать то, чего никогда раньше не ел, увидеть то, чего никогда прежде не видел. Большего счастья быть не может. Если вы, подобно моему хозяину, проводите в заведении, именуемом баней, по тридцать-сорок минут три раза в неделю, то это еще ничего. Но если вам, как мне, никогда прежде не доводилось видеть бани, то немедленно сходите и посмотрите. Вы можете не присутствовать у смертного одра своих родителей, но баню посмотрите обязательно. Разнообразен мир, гласит поговорка, но другое такое причудливое зрелище в нем вряд ли найдется.

Причудливое? Настолько причудливое, что я даже стесняюсь рассказывать о нем. Все люди, которые, не переставая галдеть, копошились под этим окном, все до единого были совершенно нагие. Настоящие тайваньские дикари! Адамы двадцатого века! Рассмотрим историю одежды — впрочем, она так обширна, что уступим честь ее составления господину Тойфельсдрёку — и мы увидим, что человечество держится только на одежде. После того как в восемнадцатом веке в Великобритании на горячих источниках Бата были установлены строгие правила в отношении одежды, мужчины и женщины стали появляться в купальных костюмах, скрывавших не только плечи, но и пятки. Примерно шестьдесят лет назад, тоже в Англии, в одном из городов была учреждена школа живописи. В качестве учебных пособий школа закупила картины, изображающие обнаженные тела, и скульптуры, которые были развешаны и расставлены повсюду в классных комнатах. Но когда наступил день торжественного открытия школы, администрация и преподаватели оказались в крайне неловком положении. На церемонию открытия необходимо было пригласить городских дам. Но дамы того времени считали, что человек — это одетое животное. Они не желали рассматривать человека, как младшего брата обезьяны, одетого в собственную кожу. «Неодетый человек подобен слону без хобота, школе без учеников, солдату без доспехов. Он теряет свою сущность. А потеряв сущность, он перестает считаться человеком. Он становится животным. Пусть даже это учебные пособия — коль скоро они низводят человека до положения животного, это оскорбляет высокие чувства благородных дам. Поэтому мы отказываемся присутствовать на церемонии». «Вот дуры-то», — думали преподаватели, но ведь и на Востоке и на Западе женщина считается своего рода украшением. Она не может стать ни мельником, ни волонтером, зато она является совершенно необходимой деталью оформления церемонии открытия новой школы. Делать нечего, преподаватели отправились в магазин тканей, купили тридцать пять кусков черного полотна и прикрыли на картинах и скульптурах все то, что свидетельствует о звероподобии людей. Опасаясь нареканий, они прикрыли даже лица обнаженных фигур. Рассказывают, что церемония прошла гладко. Вот какое важное значение имеет для человека одежда. В последнее время появились господа, которые постоянно твердят об обнаженных натурах и настаивают на необходимости изображать нагое тело. Но они ошибаются. Они, несомненно, ошибаются, потому что я, например, с самого своего рождения ни разу не раздевался донага. Нагое тело вошло в моду в эпоху Возрождения, которая славилась распутством, унаследованным от древних греков и римлян. Греки и римляне постоянно видели голое тело, поэтому им никогда даже в голову не приходило, что это наносит ущерб нравам. Но ведь северная Европа — место прохладное. Даже в Японии говорят: «Голым на дорогу не выйдешь»[147]. А попробуйте выйти голым в Германии или Англии — сразу погибнете. Погибать никому не хочется, поэтому все одеваются. А одевшись, все сразу становятся одетыми животными. И тогда, увидев животное голым, человек уже не признает в нем человека. Естественно поэтому, что европейцы, особенно европейцы в северной части Европы, видят в обнаженных натурах только зверей. Можно еще добавить: зверей, которые по всем своим качествам уступают нам, кошкам. Вы считаете, что эти натуры красивы? Что ж, пусть красивы, тогда их следует рассматривать как красивых зверей. Тут меня могут спросить, видел ли я когда-либо вечерний туалет европейской женщины. Я — кот, и видеть европейский вечерний туалет мне не приходилось, но как я слышал, дамы в Европе обнажают грудь, плечи и руки, и это у них называется вечерним платьем. Бесстыдство. До четырнадцатого века их одежда не была столь смехотворной, тогда они одевались, как все нормальные люди. Почему они стали одеваться, как цирковые жонглеры, я рассказывать не буду, это слишком утомительно. Знающие да знают, а незнающие и так обойдутся. Оставим историю в покое, но вообще-то упомянутые

дамы позволяют себе показываться в таких странных нарядах только по ночам, и есть в них, видимо, что-то человеческое, раз после восхода солнца они немедленно закутывают плечи, прячут грудь и прикрывают руки и не только скрывают от чужих глаз все тело, но за стыд почитают высунуть наружу хотя бы ноготок на ноге. Отсюда видно, что вечерний туалет возник как результат какой-то путаницы и сговора дураков. Вы обижаетесь? Тогда попробуйте оголить ваши плечи, грудь и руки среди бела дня. То же самое я скажу и нудистам. Раз вы так ратуете за наготу, разденьте догола свою дочь, разденьтесь сами и прогуляйтесь вместе по парку Уэно. Не можете? Неправда. Можете, только раз европейцы этого не делают, то и вы не делаете. А ведь входите же вы с гордым видом, облаченные в нелепейшую одежду, в гостиницу «Тэйкоку»! Почему? Да просто так. Европейцы так ходят, вот и мы так ходим. Европейцы сильны, вот вы и не можете не подражать им, даже если это бессмысленно и глупо. Силе покоряйся, под тяжестью сгибайся — так? Но ведь это никуда не годится. Вас можно простить, господа японцы, если вы скажете, что поступаете так по недомыслию, но уж тогда не считайте себя слишком способными и умелыми. Вот и в науке то же самое. Впрочем, вопросов одежды это уже не касается.

Итак, мы узнали, как важна для человека одежда. В этой связи возникает вопрос, что является определяющим фактором: человек или одежда? Хочется даже сказать, что история человечества — это не история мяса, не история костей, не история крови, а всего-навсего история одежды. Когда видишь человека без одежды, он не кажется человеком. Впечатление такое, будто перед тобой оборотень. Но ведь если все сговорятся и станут оборотнями, то понятие оборотня исчезнет. Правда, тогда очень скверно придется людям, как таковым, то есть людям одетым. Когда-то в древности природа создала людей и выпустила их в мир равными. С тех пор так уж повелось, что люди рождаются голыми. Если бы человеческая натура могла удовлетвориться идеей равенства, люди и сейчас еще рождались бы, жили и умирали голыми. Но вот кто-то из голых сказал: «Трудиться вот так, всем одинаково, право, не стоит. Никто не увидит результатов моего труда. А я — это я, и я желаю, чтобы всякий, увидевший меня, сразу понял бы, что это — я. Для этого нужно нацепить на себя что-нибудь такое, чтобы другие при виде меня ахнули». Он размышлял десять лет, затем изобрел панталоны, тут же напялил их на себя и стал гордо расхаживать среди остальных, словно вопрошая: «Что, видали, какой я есть?» Это был предок нынешних рикш. Может показаться странным, что для изобретения такой простой вещи, как панталоны, понадобилось десять лет. Но так может подумать только человек нашего невежественного времени. Для тех времен не было изобретения более великого. Я слыхал, что Декарт потратил более десяти лет, чтобы додуматься до такой простой, понятной трехлетнему ребенку истины: «Я мыслю, следовательно, я существую». Вообще придумать что-нибудь новое очень трудно. И то обстоятельство, что на изобретение панталон ушло десять лет, не должно вызывать удивления. Для рикши это даже слишком короткий срок. Так вот, как только были изобретены панталоны, владыками мира стали рикши. Тогда один хитроумный оборотень, возмущенный тем, что одетые в панталоны рикши расхаживают по Поднебесной с видом хозяев, после шести лет размышлений изобрел совершенно ненужную вещь — рубашку. Господству панталон сразу пришел конец, наступила эпоха владычества рубашек. Зеленщики, аптекари, галантерейщики — все они являются потомками этого великого изобретателя. После эпохи панталон и эпохи рубашек наступила эпоха шаровар. Шаровары изобрел оборотень в припадке истерической ненависти к рубашкам. От него пошли древние самураи и современные чиновники. Так, обгоняя друг друга, оборотни выдумывали все новые одежды, пока наконец не появился уродец фрак с ласточкиным хвостом. И если проследить происхождение всех видов одежды, то можно убедиться в том, что они появлялись на свет не в результате необходимости, не от нечего делать, не случайно, не по рассеянности, а из чувства соперничества, из оголтелого стремления перещеголять других, из желания доказать, что «я — это совсем не ты». Такие же психологические мотивы явились причиной и всех других великих изобретений. Как природа не терпит пустоты, так и человек ненавидит равенство. Из ненависти к равенству человек привык к одежде, как к мясу и костям своим, одежда стала частью его сущности, а поэтому предложение вернуться сейчас к прежней эпохе справедливости и равенства воспринимается как бред сумасшедшего. То есть вы можете смириться со званием сумасшедшего, но вернуть прежнюю эпоху вам не удастся. По мнению цивилизованного человека, те, кто вернется к наготе, станут оборотнями. Ничего не получится даже в том случае, если бесчисленные миллионы людей попадут под влияние оборотней, разденутся и объявят, что им не стыдно, потому что-де теперь все — оборотни. Ибо на следующий же день после возникновения мира оборотней между ними начнется борьба. Нельзя больше бороться одетыми — будут бороться голыми. Голые все равно будут

до бесконечности утверждать неравенство между собой. Даже только с этой точки зрения не стоит снимать одежду.

Тем не менее люди, которые находились сейчас перед моими глазами, сняли и сложили на полки свои панталоны, рубашки и шаровары. Бесстыдно выставив на всеобщее обозрение свою безобразную сущность, они как ни в чем не бывало беседуют друг с другом и даже смеются. Именно это я и назвал причудливым зрелищем. Об этом я и собираюсь поведать со всей учтивостью вам, господа члены цивилизованного общества.

Все было там настолько перепутано, что я, право, не знаю, с чего начать. В том, что делают оборотни, нет никакой логики, поэтому дать последовательное описание трудно. Ну, начнем с бассейна. Не знаю только, бассейн ли это, но думаю, что бассейн. Ширина его около метра, длина — около трех метров. Бассейн разделен перегородкой на две части. В одну часть налита какая-то беловатая жидкость. Кажется, ее называют целебной водой. Эта вода такая мутная, словно в ней растворена известь, и не обычная известь, а какая-то жирная и очень тяжелая. Не удивительно, что она кажется протухшей. Как я узнал, эта целебная вода меняется в бассейне всего раз в неделю. В соседнюю половину бассейна налита обычная горячая вода. Но я бы не мог показать под присягой, что она чиста и прозрачна. Цвет у нее примерно такой, как у затхлой воды в старой пожарной бочке, если ее как следует взбаламутить. Теперь я расскажу об оборотнях. Это очень трудно. Вот у бассейна с затхлой водой стоят двое юнцов. Они поливают свои животы горячей водой. Отменная забава! Оба черны до крайности. Глядя на них, я подумал: «Крепкие ребята, эти оборотни!» И что же? Один из них, растирая полотенцем грудь, вдруг заявил: «Что-то у меня вот тут побаливает, Кин-сан. С чего бы это?» Кин-сан с живейшим участием объяснил: «Желудок, конечно. От желудка можно, знаешь ли, и помереть, так что гляди». — «Так у меня же здесь болит, слева», — возразил первый парень и указал на левую сторону груди. «Вот-вот, там как раз и находится желудок. Слева желудок, а справа легкие». — «Ишь ты, — сказал первый парень. — А я думал, желудок здесь». И он похлопал себя по пояснице. «Там бывает прострел», — сказал Кин-сан.

Тут в бассейн с шумом плюхнулся человек лет двадцати пяти, украшенный реденькими усиками. Грязное мыло, приставшее к его телу, сейчас же всплыло и радужно заблестело на поверхности, как нефтяная пленка. Рядом, ухватившись за остриженного наголо типа, разглагольствовал о чем-то лысый старик. Из воды торчали только их головы. «Я такой старенький, что просто беда. Как человек состарится, ему больше с молодыми не сравняться. А вот воду и теперь еще люблю только самую горячую». — «Вы, барин, еще хоть куда. Здоровый и бодрый, что еще нужно». — «И бодрости у меня уж нет. Только что вот не болею. Ведь человек, если он ничего дурного в жизни не делал, до ста двадцати лет живет». — «Да неужели?» — «Живет, живет. За сто двадцать лет ручаюсь. А вот перед Реставрацией при одном вассале бакуфу[148] Магарибути состоял слуга, так он до ста тридцати лет дожил». — «Вот это пожил человек». — «Ну да, он так долго жил, что даже забыл, сколько ему лет. Говорил, что до ста лет помнил, а потом забыл. Это когда я его знал, ему было уже сто тридцать, но он тогда еще не умер. Что с ним дальше было — не знаю. Может, до сих пор еще жив». И старик стал вылезать из бассейна. Человек с редкими усиками ухмылялся про себя, разбрасывая вокруг клочья мыльной пены, похожие на кусочки слюды. Вместо старика в бассейн погрузился необычный оборотень с целой картиной, вытатуированной на спине. Картина, видимо, должна была изображать Дзютаро Ивами[149] в тот самый момент, когда он одержал победу над гигантской змеей. К сожалению, для змеи места не хватило, и вид у Дзютаро, воздевшего меч к небу, был довольно глупый. Влезая в воду, оборотень с картиной на спине сказал: «Вот безобразие, остыла!» Следом за ним в бассейн забрался другой оборотень. Судя по его лицу, ему было так горячо, что он едва терпел. Но и он сказал: «Ну что же это… Надо бы хоть немного погорячее». Затем он разглядел лицо господина Дзютаро и приветствовал его словами: «А, хозяин!» В ответ Дзютаро сказал «а!» и осведомился: «Что с Тами-саном?» — «А что с ним может быть? Он же любит дзян-дзян». — «Хорошо, кабы только дзян-дзян…» — «Вот как? Да, темный он человек, и не любит его никто. Почему — непонятно, только не верят ему люди. Нельзя быть мастеру таким». — «Вот то-то. О Тами-сане не скажешь, что он услужливый. Слишком уж нос задирает. Потому ему и не верят». — «Справедливо, хозяин. Он считает себя лучше всех, а это ему только вредит». — «Старый-то мастер на улице Сираганэ умер, только и осталось подрядчиков, что бондарь Гэн-сан да хозяин кирпичной. Я хоть местный уроженец, а Тами-сан неизвестно откуда здесь взялся». — «Конечно. А все-таки он тоже кое-чего достиг». — «Достичь-то достиг, а вот не нравится он людям. Никто с ним водиться не хочет». Так перемывали косточки Тами-сану.

Об отделении с чистой водой достаточно. Соседнее отделение с беловатой водой было набито битком. О нем правильнее было бы сказать, что не люди вошли в воду, а вода вошла в людей. Впрочем, все они казались довольными и спокойными, хотя за все время, пока я смотрел, в «целебное» отделение только входили, но никто из него не выходил. Я подумал, что если «целебной» водой пользуются столько людей и если при этом ее меняют так редко, она должна быть невероятно грязной. Чтобы проверить это предположение, я еще раз внимательно оглядел бассейн и тут заметил, что в левом его углу зажат совершенно багровый Кусями-сэнсэй. «Бедняга, — подумал я. — Дайте ему дорогу, пусть он выйдет!» Но никто даже не подумал посторониться. Впрочем, хозяин, по-видимому, и не собирался выходить. Он только становился все краснее. Тяжки труды твои, хозяин. Видимо, ты решил краснеть на все две с половиной сэны, которые уплатил за вход в баню. Сидя на скамье у окна, я испытывал страшное беспокойство. Мне, как заботливому коту, казалось, что, если хозяин не вылезет немедленно, его хватит удар. В этот момент человек, расположившийся неподалеку от хозяина, трагически сдвинул брови и громко воззвал к сочувствию остальных оборотней. «По-моему, они перестарались, — провозгласил он. — Спине невыносимо горячо. Вода словно кипит». Гордые голоса возразили ему: «Да что вы! Вода в самый раз. Если целебная вода холодная, то от нее и пользы нет никакой. В наших краях воду делают вдвое горячее!» — «А от чего эта вода помогает?» — спросил мужчина с полотенцем на шишковатой голове. «От разных хворей, — отозвался обладатель худого лица, формой и цветом похожего на огурец. — От всех скорбей. Хорошо, правда?» Если эта вода действительно так полезна, он мог бы иметь более цветущий вид. Кто-то заявил с видом знатока: «Самое лучшее принимать ванну на третий или четвертый день, после того как в воду запустят лекарство. Сегодня как раз такой день». Тело говорившего казалось разбухшим. Видно, разжирел от грязи. Откуда-то донесся слабенький голосок: «А пить тоже можно?» Лица того, кто ответил, я не разглядел. «Если сильно застынешь, выпей чашку и ложись в постель. Даже на двор не захочешь вставать. Выпей, не пожалеешь».

Теперь оставим бассейн и обратимся к полкам. Повсюду и там и сям расположились в самых невероятных позах Адамы, непригодные для живописи. Наиболее достойными удивления показались мне два Адама, один из которых лежал на спине и глазел в окошко в потолке, а другой, распластавшись на животе, заглядывал в сток. Видимо, это были редкие экземпляры Адамов с избытком свободного времени. За спиной у взрослого бонзы, сидевшего лицом к каменной стене, стоял бонза-мальчик и колотил его по плечам. Видимо, он был учеником взрослого бонзы и заменял ему банщика. Здесь же находился и настоящий банщик. Наверное, он простудился, потому что, несмотря на жару, ходил в ватной жилетке. Он обливал плечи какого-то барина из продолговатой кадушки. Большими пальцами правой ноги он зажимал мочалку. Ближе ко мне мылся сразу в трех кадушках (видимо, из жадности) человек, который настойчиво предлагал соседу пользоваться его мылом и что-то длинно рассказывал. Я прислушался и узнал следующее: «Ружья пришли к нам из-за границы. В старину у нас, бывало, все только резались. А иностранцы хитрые, вот и выдумали такую штуку. Кажется, не в Китае. Я же говорю, за границей. Во времена Хэ Тан-нэя[150] еще не было ружей. Он пользовался тем же оружием, что и древние герои. Говорят, когда Ёсицунэ отправился из Хоккайдо в Маньчжурию, к нему пристал один очень ученый хоккайдосец. И вот сын этого самого Ёсицунэ напал на великий Мин[151]. Ну, Мину, конечно, пришлось скверно, и они отправили к третьему сегуну[152] посла с просьбой прислать три тысячи солдат, а сёгун взял да и задержал этого посла… Как бишь его звали?… Ну, в общем, не важно. И вот он держал этого посла у себя два года, а потом повел в один публичный дом в Нагасаки. Потом одна из тамошних девок и родила Хэ Тан-нэя. А когда посол вернулся к себе, великий Мин уже погиб, преданный изменниками…»

В этом рассказе было совершенно невозможно понять, что к чему. Позади некий мрачный человек лет двадцати пяти рассеянно прикладывал к ляжке компресс с лекарственной водой. Вероятно, у него был нарыв. Рядом с ним развязно болтал нахальный мальчишка, наверное слуга из какого-нибудь дома неподалеку. А из-за мальчишки выглядывала странная спина. На этой спине отчетливо выделялся каждый позвонок, словно ее обладателю вбили в задницу ствол бамбука. На спине аккуратно, по четыре в ряд, расположились пятна, словно фишки[153] в игре «то-року-мусаси». Некоторые пятна были красные, другие по краям загноились. Было бы слишком утомительно описывать все эти пятна по порядку; у меня не хватило бы способностей описать должным образом хотя бы одно пятно. Пока я рассматривал эти пятна, у входа вдруг появился семидесятилетний бонза, одетый в кимоно из желтого ситца. Бонза почтительно поклонился всем голым оборотням

сразу и проговорил без передышки: «Благодарю вас, господа, за каждодневное посещение. Сегодня на дворе холодновато, так что прошу вас не спешить. Пожалуйста, пользуйтесь целебной водой сколько угодно. Отогревайтесь как следует. Эй, человек! Погляди-ка, хороша ли вода!» — «Слушаюсь», — отозвался человек, а Хэ Тан-нэй растроганно сказал: «Какой гостеприимный! Вот как нужно вести торговлю!» Этот странный старик несколько удивил меня, и я стал наблюдать за ним. Увидев мальчика лет четырех, только что вылезшего из бассейна, старик протянул к нему руки и сказал: «Поди-ка сюда, малыш». Мальчик поглядел на старика, похожего на раздавленного бога счастья, решил, что все пропало, и завопил во весь голос. Дед немного смутился и с чувством произнес: «Ай-яй-яй, что же ты плачешь? Разве ты боишься дедушку? Ну, знаешь…» Больше он сделать ничего не мог и немедленно направил острие своей вежливости на отца мальчика: «А, Гэн-сан, это ты! Холодновато сегодня. А что за дурак все-таки этот вор, что забрался вчера в лавку Омия! Вырезал уже дыру в двери, и знаешь, что было потом? Ушел ни с чем. Видно, полицейский проходил где-то поблизости». Похихикав над глупостью вора, дед вцепился в другого человека: «Холодно сегодня, вам, молодому, это не так заметно, а вот каково мне!» Видимо, старец действительно страдал от холода.

Занятый дедом, я не только забыл об остальных оборотнях, но и совершенно упустил из виду своего зажатого в угол хозяина. Внезапно на полках кто-то дико заорал. Я поглядел — так и есть, это был Кусями-сэнсэй. Я не впервые слышал пронзительный и гнусавый голос хозяина, но на сей раз дело происходило в необычной для меня обстановке, и я изрядно перепугался. Я определил, что вопль этот хозяин исторг в результате некоторого умопомрачения, вызванного долгим и упорным пребыванием в горячей воде. Тем не менее если бы все объяснялось только болезненным состоянием хозяина, его нельзя было бы упрекнуть.

Дело в том, что, несмотря на умопомрачение, хозяин все же был в своем уме, и вы сразу поверите в это, как только я расскажу, почему он издал такой отвратительный вульгарный вой. Он затеял неподобающую взрослому мужчине ссору с вонючим мальчишкой-слугой. «Отодвинься от меня! В мою кадушку летят брызги’» — это, разумеется, орал мой хозяин. Всякое явление можно рассматривать с различных точек зрения, и потому нет никакой необходимости относить эту ругань за счет одного только умопомрачения. Возможно, кто-нибудь и найдет, что эта сцена напоминает момент, когда знаменитый герой Хикокуро Такаяма задерживает разбойника. Возможно, хозяин считал себя одним из персонажей одноименной пьесы, но его партнер отнюдь не считал себя разбойником, а поэтому игра не дала ожидаемых результатов. Слуга обернулся и вежливо ответил: «Я уже давно моюсь на этом месте». Тон ответа был сдержанный, но вместе с тем было ясно, что слуга не собирается уступать место. Но даже хозяину, впавшему в умопомрачение, следовало сообразить, что это еще не причина для того, чтобы выходить из себя и обращаться с человеком, как с разбойником. Правда, гневные крики хозяина были, видимо, вызваны раздражением не столько по поводу занятого места, сколько развязностью слуг-мальчишек, не по возрасту горделиво и свободно болтавших о разных вещах. Они, конечно, чувствовали это, и противник хозяина, хотя и разговаривал с ним вежливо, отступать не собирался. «Идиоты! — ругал их хозяин. — Не брызгайте своей грязной водой в чужие кадки!» Мне эти сопляки тоже были несимпатичны, поэтому разгневанный хозяин вызывал во мне некоторое сочувствие. И все же, думал я, такое поведение и такие слова недостойны наставника юношества. Вообще, мой хозяин слишком упрям. Он напоминает каменноугольный шлак, да еще и очень затвердевший. В древности, когда Ганнибал переходил через Альпы, дорогу его войскам преградила огромная каменная скала. Ганнибал облил эту скалу уксусом, обложил кострами и с помощью огня размягчил ее, а затем разрезал ее пилами на мелкие куски и таким образом открыл проход. Мне кажется, на таких людей, как мой хозяин, целебная вода, сколько бы они в ней ни сидели, никакого действия не оказывает. Их следует по методу Ганнибала обливать уксусом и подпаливать. Иначе даже сотня мальчишек-слуг через много десятков лет не сможет совладать с упрямством хозяина. Правда, нужно принять во внимание, что все эти люди, сбросившие свои одежды, непременную принадлежность цивилизации, и теперь потеющие в бассейне и валяющиеся на полках, представляют собой сборище оборотней, и с обычной меркой к ним подходить нельзя. Им дозволено все. Желудок у них может оказаться на месте легких. Хэ Тан-нэй может превратиться в родственника Ёсицунэ, а Тами-сан может стать человеком, не заслуживающим доверия. Но ведь стоит им выйти из купальни, как они перестают быть оборотнями. Этого им не следует забывать. Они выходят в мир, где дышит обыкновенное человечество. Где носят необходимые с точки зрения цивилизации одежды.

Они должны поступать так, как подобает человеку. А в настоящий момент хозяин стоит на пороге купальни, то есть он находится на границе, за которой начинается мир радости и свободы. Если он так упрям даже в такой момент, значит его упрямство является для него тюрьмой, болезнью, от которой необходимо лечиться. Но лечиться от нее не так-то просто. Существует один-единственный способ исцеления от этой болезни. Состоит он в том, чтобы попросить директора гимназии освободить хозяина от занимаемой должности. Поскольку хозяин ничего больше делать не умеет, он останется без работы. В результате — неизбежная смерть от голода. Другими словами, освобождение от должности явится причиной смерти. Болеет мой хозяин всегда с удовольствием, но умирать вовсе не намерен. Он желает пользоваться такой роскошью, как болезнь, которая не доводит до смерти. И если его припугнуть: «Будешь болеть — убью!» — он, конечно, по своей трусости страшно испугается. А стоит ему испугаться, болезнь как рукой снимет. Ну, а если не исцелится, то пусть останется как было.

Но как бы хозяин ни был глуп и болен, он все же остается хозяином. Был даже поэт, который заявил: «Век буду благодарен за то, что кормили меня». Коту, разумеется, тоже свойственно заботиться о хозяине. Грудь мою переполняла жалость к нему, поэтому я на некоторое время отвлекся от наблюдения за купальней. Вдруг среди тех, кто сидел в беловатой целебной воде, возникла ссора. Я обернулся, решив, что там уже дерутся. В бассейне, словно зерна в гранатовом плоде, кишели оборотни, толкая друг друга волосатыми руками и безволосыми ляжками. Осенний день клонился к закату, купальня до самого потолка была заполнена клубящимся паром, и сквозь этот пар виднелись смутные фигуры оборотней. Крики «горячо! горячо!» неслись на меня со всех сторон, пронзали мой слух, проникали в мозг и разбегались в разные стороны. В моем воображении голоса обретали цвет: вот желтые голоса — тонкие и писклявые, зеленые — срывающиеся на петушиный крик, красные — грубые, черные — сиплые. Они могли выражать только смятение и растерянность. Они переплетались, наполняя баню невыразимым шумом. Я был ошеломлен, я стоял и смотрел как завороженный. Когда шум достиг наивысшего предела, из кучи копошащихся тел внезапно высунулся огромный дядя. Он был на три вершка выше всех остальных. У него было бородатое красное лицо, и было очень трудно понять, то ли у него борода росла из лица, то ли лицо росло из бороды. Он заорал надтреснутым, как разбитый колокол, голосом: «Холодной воды! Горячо! Горячо!» Этот голос и это лицо столь значительно выделялись в шумной разболтанной толпе, что мне на мгновение даже показалось, что вся купальня занята одним этим человеком. Сверхчеловек. Тот самый сверхчеловек, о котором писал Ницше. Властелин демонов. Главарь оборотней. Пока я разглядывал его с ужасом и восхищением, из мрака позади бассейна послышался ответный возглас: «Сейчас!» И я увидел того самого банщика в ватной жилетке. Схватив огромную глыбу угля, он с размаху швырнул ее в топку. Уголь затрещал и вспыхнул, и лицо банщика осветилось. Одновременно осветилась и кирпичная стена рядом с банщиком, она словно выплыла из мрака. Мне стало немного не по себе, я выпрыгнул наружу и отправился домой. По дороге я размышлял: «Кое-кто пытается достигнуть равенства, сбросив панталоны, рубашки, шаровары. Но оказывается, и среди голых может появиться герой-сверхчеловек, который высится над остальной массой. Нет, сколько вы ни раздевайтесь, а равенства не достигнете».

Когда я вернулся из бани, в Поднебесной царил мир и хозяин пожирал ужин. Лицо его лоснилось после бани. Заметив, как я поднимаюсь на веранду, он сказал что-то насчет беспечных котов, которые где-то бродят в такое время. Я взглянул на столик[154]. Денег у хозяина нет, а вот закусок всегда несколько сортов. И печеная рыба есть. Не знаю, как она называется, эта рыба, но ее, несомненно, выловили вчера у старых укреплений Готайба. Я уже говорил как-то, что у рыб отменное здоровье, но никакое здоровье не поможет, если тебя вот так запекут или сварят. Лучше уж быть болезненным, но иметь какую-то возможность дышать. Размышляя таким образом, я уселся возле столика и стал дожидаться удобного момента, чтобы чем-нибудь полакомиться. При этом я сделал вид, что стоящие на столике закуски меня совершенно не интересуют. Тому, кто не умеет делать такой вид, лучше оставить надежду попробовать когда-либо вкусной рыбки. Хозяин поковырялся в рыбе и с недовольным лицом отложил палочки. Сидевшая напротив жена весьма добросовестно следила за движениями палочек и за движением челюстей супруга.

– А ну, дай-ка этому коту по башке, — потребовал вдруг хозяин.

– Это зачем же?

– Не важно, зачем. Стукни его.

Жена слегка шлепнула меня ладонью по голове. Совсем не больно.

– Не мяукнул?

– Нет.

– Попробуй еще раз.

– Сколько ни пробуй, все одно и то же будет.

Она еще раз шлепнула меня, но я продолжал сидеть спокойно. При всей своей проницательности я никак не мог понять, для чего это нужно. Конечно, можно было бы как-то отреагировать, если бы только знать, чего хозяин добивается. Но он просто сказал: «Дай по башке», — и тем самым поставил в тупик как жену, которая меня шлепнула, так и меня, которого шлепали. Поскольку опыт дважды не принес желаемых результатов, хозяин начал терять терпение и сказал:

– Дай ему так, чтобы он мяукнул.

– Ну и что будет? — растерянно спросила жена и опять шлепнула меня по голове. Вот теперь другое дело. Поняв, чего хочет хозяин, я получил возможность удовлетворить его желание. Вот почему из-за своей глупости он иногда так противен мне. Ему следовало сразу сказать, что он хочет, чтобы я мяукнул. Тогда его жене не пришлось бы шлепать меня несколько раз, а мне не пришлось бы терпеть эти шлепки. Простой приказ «ударь!» отдается в том случае, если целью является именно удар. Ударять — это их дело, а мяукать — это мое дело. И совершенно непростительно, добиваясь от меня мяукания, приказывать бить меня, словно в приказе об избиении предусмотрено и мяукание, которое все-таки зависит от меня. Это неуважение к личности. Он считает котов дураками. Понятно было бы, если бы на месте хозяина был Канэда-кун, которого хозяин ненавидит как змею. Но со стороны хозяина, который так гордится своей наготой, это неблагородно. Впрочем, сказать по правде, хозяин вовсе не такой уж плохой человек. Этот его приказ объясняется отнюдь не его коварством, а скорее всего глупостью. Он является результатом слабости интеллекта. Известно, что если ешь, то наполняется желудок. Известно, что если порежешься, то идет кровь. Известно, что если человека убить, то он умирает. Отсюда следует, что если кота ударить, он мяукнет. Вот каков был, вероятно, ход мыслей хозяина. Но ведь это же нелогично. В противном случае можно было бы сделать вывод, что если упадешь в реку, обязательно утонешь. Если поешь гречневой лапши, получишь понос. Если получаешь зарплату, обязательно ходишь на службу. Если читаешь книги, обязательно поумнеешь. Такое положение устроило бы далеко не всех. Меня лично не устраивает тезис: если кота ударить, он обязательно мяукнет. Какой смысл родиться котом, если тебя превращают в храмовый колокол? Разгромив мысленно хозяина, я, как было заказано, мяукнул.

– А теперь скажи, — обратился хозяин к жене, — вот это самое «мяу» — это что, междометие или наречие?

Вопрос был совершенно неожиданным и поставил хозяйку в тупик. Я, грешным делом, даже подумал, что у хозяина еще не прошло банное умопомрачение. Вообще в округе за хозяином прочно укрепилась репутация странного человека. Некоторые даже утверждают, что он душевнобольной. Но хозяин был необычайно самоуверен. Он упорно повторял, что душевнобольной не он, а все остальные. Когда соседи называли хозяина собакой, он — вероятно, из чувства справедливости — в свою очередь называл их свиньями. Хозяин всегда старался быть справедливым. Беда с ним, да и только. Конечно, будучи таким странным человеком, он не находил в своем вопросе ничего странного, но на посторонний взгляд могло бы показаться, что он находится на грани помешательства. Вот почему жена только остолбенело глядела на него и не проронила ни слова. А мне тем более нечем было ответить. Внезапно хозяин заорал:

– Эй!

– Да, да? — испуганно отозвалась жена.

– Вот это твое «да-да» — междометие или наречие? Как ты полагаешь?

– Что за глупый вопрос? Не все ли равно?

– Нет, не все равно. Это величайший вопрос, занимающий сейчас умы наших филологов.

– Что такое? Это мяукание кошки-то? Глупости. Разве кошки мяукают по-японски?

– В том-то и дело. В этом вся трудность. Это называется сравнительным языкознанием.

– Ну что ж, — хозяйка была умна и не интересовалась такими глупостями. — Ну, и разобрались?

– В таком важном вопросе быстро не разберешься, — ответил хозяин, пережевывая печеную рыбу. Затем он принялся за тушеную свинину с картофелем. — Это что, свинина?

– Да, свинина.

– Хм… — произнес хозяин с величайшим презрением, проглотил кусок и протянул жене чашечку: — Выпью-ка еще одну.

– Что-то вы сегодня много пьете. Глядите, как покраснели.

– Ну и буду пить. Да, ты знаешь, какое слово самое длинное в мире?

– Знаю. Саки-но-кампаку-дадзё-дайдзин.

– Это имя. А я спрашиваю о самом длинном слове.

– Длинное, когда пишется по-европейски?

– Да.

– Не знаю. Хватит вам пить. Принимайтесь за еду.

– А вот буду пить. Хочешь, скажу самое длинное слово?

– Скажите. И кушайте, пожалуйста.

– Вот оно: архаиомелесидонофруникерата[155].

– Белиберда какая-то.

– Не белиберда, а греческий язык.

– И что же это значит по-японски?

– Значения не знаю. Знаю только, как пишется, Если писать размашисто, можно растянуть на три с половиной вершка.

Странно, то, что люди обычно говорят только спьяна, он говорит в трезвом состоянии. Впрочем, сегодня он много выпил. Уже четыре рюмки вместо обычных двух. У него и после двух рюмок сильно краснеет физиономия, а сегодня она пламенела, как раскаленная кочерга, и ему, видимо, было нехорошо. Но он, очевидно, не собирался на этом остановиться и снова взялся за рюмку:

– Еще одну!

– Хватит с вас, — сердито сказала хозяйка. — Вам будет дурно.

– Пусть будет дурно. Надо привыкать. Омати Кэйгэцу сказал: «Пей!»

– Подумаешь — Кэйгэцу! — по мнению жены, знаменитый Кэйгэцу не стоил ни гроша.

– Кэйгэцу — это первый критик нашего времени. Он говорит «пей!» — значит, нужно пить.

– Ерунда все это. Пусть он не лезет не в свое дело, этот Кэйгэцу или Байгэцу, как его там… Что за чушь, пить, чтобы потом мучаться?

– Не только пить. Он говорил еще: «Общайтесь, гуляйте, путешествуйте».

– Ужас! А еще первый критик называется. Семейному человеку предлагает гулять…

– Гулять — это хорошо. Я и без Кэйгэцу гулял бы, если бы были деньги.

– Хорошо, что их нет. Вот был бы ужас, если бы вы начали теперь гулять.

– Ну, если ты говоришь, что ужас — не буду. Но зато заботься о муже как следует и угощай получше.

– Лучше того, что я подаю, у нас нет.

– Так уж и нет? Ладно, обязательно стану гулять, как только заведутся деньги. Ну, на сегодня хватит, — сказал хозяин и попросил рису. Кажется, он съел три чашки риса. Мне же

достались три кусочка свинины и голова печеной рыбы.

Глава VIII

Кажется, я уже упоминал о бамбуковой изгороди, окружающей двор хозяина, когда объяснял спортивное упражнение «обход ограды». Но если вы думаете, что дом соседа Дзиро-тяна находится сразу за этой изгородью, вы глубоко ошибаетесь. Правда, арендная плата за наш дом не велика, но ведь в нем живет Кусями-сэнсэй! И от соседей — всяких там «тянов» — Ёт-тяна и Дзиро-тяна его отделяет не только тощая ограда, так что он не допускает с ними никакого панибратства. Нет, за нашей оградой с юга раскинулся пустырь шириной метров в десять, на окраине которого растут густые криптомерии. С веранды эти криптомерии кажутся лесом. Хозяин выглядит отшельником, отказавшимся от мирской славы, живущим в уединении с безвестным котом, своим единственным другом. Впрочем, криптомерии не такие уж густые, как я их расписываю, и между ними бесстыдно выставила свою крышу дешевая гостиница с превосходным и гордым названием «Гункакукан» — «Дом журавлиной стаи». И представлять себе хозяина таким, каким я его только что изобразил, тоже, конечно, дело нелегкое. Но уж если дешевая гостиница называется «Домом журавлиной стаи», то обиталище сэнсэя достойно названия «Гарюкуцу» — «Логово отдыхающего дракона». Названия налогами не облагаются, так будем же выдумывать гордые и красивые названия. Пустырь, шириной метров в десять, тянется на запад и на восток метров на двадцать, там вдруг загибается двумя крючьями и охватывает «Логово отдыхающего дракона» с севера. Этот участок пустыря на северной стороне и является яблоком раздора. Пройдешь один пустырь, и начинается другой — казалось бы, следует гордиться, что дом отгорожен от мира с двух сторон. Да не тут-то было, не только хозяин «Логова отдыхающего дракона», но и я, Святой Кот, обитающий в этом логове, — мы оба страдаем из-за этого пустыря. Подобно тому как на краю южного пустыря горделиво высятся криптомерии, с северной стороны выстроились семь или восемь павлоний. Это большие павлонии, с диаметром ствола в целый фут, и мастер, изготовляющий гэта, дал бы за них хорошую цену. Но как это ни печально, мы только арендуем этот участок. Никакие деловые планы осуществить здесь невозможно. Жаль хозяина. Недавно курьер из гимназии срезал ветку и в следующий раз явился к нам в новых павлониевых гэта. Ему бы промолчать, а он рассказал, прохвост, что изготовил их из срезанной у нас ветки. Так что павлоний у нас есть, а проку от них никакого. Кажется, есть старинное изречение: «У кого жемчуг, на том и вина». О нас следовало бы сказать: «У кого павлоний, тот без гроша». Поистине, дурак помрет и на мешке с золотом. Дурак, конечно, — это не хозяин и не я, а владелец нашего дома Дэмбээ. Павлоний сами так и просятся в руки к мастеру, изготовляющему гэта, а Дэмбээ делает вид, что не замечает этого, и приходит к нам только за квартирной платой. Впрочем, к Дэмбээ у меня особых претензий нет, поэтому я не стану его поносить. Перейду лучше к главному — к удивительной истории о том, как пустырь стал яблоком раздора. Только прошу вас, никогда и ни при каких обстоятельствах не напоминайте об этой истории хозяину. Это мое единственное условие. Итак, первый недостаток этого пустыря состоял в том, что он не был огорожен. По пустырю гулял ветер, ходил кто хотел, над ним носились облака пыли. Я веду рассказ в прошедшем времени, чтобы вы не подумали, будто я лгу, потому что сейчас положение изменилось. Но если не рассказать сначала о том, что было, вы не поймете, в чем причина раздоров. Даже врачу трудно найти правильный метод лечения, если он не знает причину болезни. Именно поэтому я начинаю рассказ с самого начала, с того дня, когда мы переехали в этот дом. Когда летом по пустырю гуляет ветер, то даже приятно. И поскольку там, где нет денег, не бывает воровства, дому хозяина совершенно не нужны были какие-либо заборы, ограды и засовы. Тем не менее, я думаю, сначала было необходимо выяснить, каковы нравы людей или животных, живущих по ту сторону пустыря. Что за господа поселились на той стороне? Правда, пока неизвестно, о ком идет речь — о людях или о животных, но все же будет лучше называть их на всякий случай господами. Заподозрить их в преступных намерениях значило бы оскорбить их. И действительно, господа по ту сторону пустыря были не из тех, кто пользуется вниманием полиции. Но хотя они и не из тех, кто пользуется вниманием полиции, беда в том, что их оказалось слишком много. Они прямо кишмя кишели. Частная гимназия «Ракуункан», насчитывающая восемьсот учеников, воспитывает господ независимо от их желания, плата за обучение две йены в месяц. Судя по названию «Ракуункан» — «Дом падающего облака», можно подумать, что там обучаются только элегантные господа, но этому не следует верить, как не следует верить тому, что в дешевой гостинице «Гункакукан» живут журавли или что кот обитает в «Логове отдыхающего

дракона». Тем, кто знает, что среди преподавателей и профессоров встречаются такие полоумные, как мой хозяин Кусями-кун, должно быть понятно, что в «Ракуункане» учатся не только элегантные господа. А если вы этого не знаете, попробуйте дня три погостить у моего хозяина.

Я уже говорил, что вначале, когда мы только что сюда переехали, пустырь еще не был огорожен. Господа из «Ракуункана», словно соседский кот Куро, то и дело располагались под павлониями, болтали друг с другом, уплетая свои завтраки, валялись в траве — словом, занимались всем, что взбредет в голову. После каждого их нашествия пустырь покрывался всевозможным мусором, старыми газетами и камышовыми обертками, старыми дзори[156], старыми гэта, всем, к чему применимо прилагательное «старый». Не знаю почему, но хозяин относился к этому безобразию вполне терпимо и не заявлял никаких претензий. Возможно, он просто не замечал всего этого, а если и замечал, то не удостаивал внимания. Но с течением времени господа из «Ракуункана» становились все больше похожими на настоящих господ и начали постепенно вторгаться в южную часть пустыря. Если вы находите, что слово «вторгаться» для господ не подходит, я могу не употреблять его, но другого подходящего слова я не могу подобрать. Словно жители пустыни, кочующие в поисках воды и растительности, они продвигались от павлоний к криптомериям. Криптомерии росли как раз напротив гостиной, и сначала лишь самые смелые из господ могли решиться на такую дерзость. Через два дня они еще больше осмелели, и теперь их смелость стала великой смелостью. Что может быть страшнее плодов просвещения! Эти господа уже не только маячили перед окнами гостиной, но и принялись распевать песни. Я не помню сейчас, что это были за песни, но могу с полной уверенностью сказать, что это были не стансы, а разухабистые вульгарные куплеты. Поражен был не только хозяин. Даже я ловил каждое слово, восхищаясь гениальностью господ гимназистов. Впрочем, как вам, вероятно, известно, очень часто зло и наслаждение неразрывно связаны. Я до сих пор жалею, что в данном случае мы как раз имели дело с таким сочетанием. Хозяин, как это ему ни было неприятно, вынужден был выскочить из своего кабинета и предупредить певцов, чтобы они больше не смели здесь появляться. Кажется, он изгонял их дважды или трижды. Но так как это были воспитанные господа, то слушаться они не желали, да это им и не подобало. Только прогонят их, глядь, они снова здесь. И снова принимаются весело распевать свои песни. Впрочем, они не только пели, но и громко рассуждали на всевозможные темы. Это были беседы воспитанных господ, и потому носили своеобразный отпечаток. Например, они употребляли выражения: «Ты, задрыга» или «А мне-то что?» Говорят, такие выражения были до Реставрации в обиходе носильщиков и банщиков. В двадцатом веке этими выражениями пользуются воспитанные господа. Кто-то объяснил, что здесь имеет место то же явление, что и в спорте, которым прежде пренебрегали, а теперь увлекаются. Хозяин опять выскочил из кабинета, схватил наиболее изощренного в господском жаргоне ученика и строго осведомился, зачем они сюда ходят. Схваченный мгновенно перешел с жаргона господ на самый вульгарный язык и объяснил: «Мы полагали, что здесь опытный сад нашей гимназии». Хозяин предложил впредь не наведываться сюда и выпустил из рук схваченного им ученика. Выражение «выпустил из рук» может показаться смешным, словно речь идет о черепахе. Но хозяин в самом деле вел переговоры, держа господина за рукав. После строгого внушения, которое он сделал господам, хозяин решил было, что теперь его оставят впокое. Но известно, что со времен богини Нюйва[157] действительность всегда расходится с предположениями. Хозяин опять потерпел поражение. Теперь молодые господа стали являться на южную часть пустыря прямо через наш дом и при этом с грохотом распахивали парадный вход. Хозяин не успевал подумать, что к нему явился какой-нибудь посетитель, как под павлониями начинался громкий смех. Положение с каждым днем становилось все хуже. Плоды просвещения сказывались все сильнее. Тогда отчаявшийся хозяин закрылся в кабинете и написал директору «Ракуункана» письмо, в котором почтительно просил немного унять господ учеников. Вскоре пришел ответ, в котором директор почтительно просил хозяина потерпеть до тех пор, пока построят ограду. Прошло некоторое время, и появились плотники. За один день на границе между владениями хозяина и «Ракуунканом» выросла изгородь высотой примерно в метр. Хозяин обрадовался, полагая, что теперь он обретет долгожданный покой. Но мой хозяин — глупец. Разве можно таким путем изменить поведение юных господ!

Вообще дразнить людей — дело интересное. Даже такой кот, как я, и то порой развлекается, подшучивая над дочками хозяина. Вполне естественно, что господа из «Ракуункана» получали удовольствие от того, что дразнили придурковатого Кусями-сэнсэя. Недовольным может быть только объект насмешек. Если проанализировать психологию

шутки, то обнаружатся два основных фактора. Первый: объект шутки должен возмущаться. Второй: те, кто подшучивает, должны превосходить объект в силе и численности. Как-то раз, вернувшись из зоосада, хозяин с восторгом рассказывал о том, что он там видел. Я прислушался. Хозяин описывал столкновение между собачонкой и верблюдом. Собачонка словно ветер носилась вокруг верблюда, захлебываясь от лая, а верблюд равнодушно и величественно топорщил свои горбы, даже не замечая ее. Собачонка бесилась и лаяла, а на нее не обращали никакого внимания. Хозяин смеялся над верблюдом, называя его толстокожим. Эта картина как нельзя лучше напоминала то, что происходило у нас дома. Как бы ни был искусен шутник, никакой шутки не получится, если объект ее — верблюд. С другой стороны, непригодны для шутки чрезмерно свирепые объекты, например лев или тигр. Не успеешь пошутить, как тебя разорвут на куски. Величайшее наслаждение шутник получает тогда, когда объект злится, показывает клыки, но вреда причинить не может, и шутник чувствует себя в безопасности. Почему подшучивание доставляет удовольствие? Тут могут быть разные причины. Во-первых, это помогает убить время. Ведь иногда от скуки начинают считать волоски в собственной бороде. Рассказывают, что в древности какой-то заключенный только тем и жил, что изо дня в день рисовал на стене своей камеры треугольники. Нет на свете ничего более нестерпимого, чем скука. Если не происходят события, требующие затраты энергии, наша жизнь становится ужасной. И шутка над кем-нибудь является своеобразным развлечением, которое требует таких затрат. С другой стороны, возбудить энергию может лишь реакция объекта — его злоба, раздражение, уныние. Поэтому с давних времен таким развлечениям предавались те, кто не понимал чужой психологии, — скучающие дураки-князья и мальчишки с примитивным интеллектом, которого хватает только на то, чтобы доставить себе удовольствие. Во-вторых, подшучивание является простейшим способом доказать на практике свое превосходство над другими. Конечно, превосходство можно доказать и убив другого, поранив или оклеветав. Но к подобным мерам прибегают только тогда, когда перед вами стоит ясная цель — убить, поранить или оклеветать, а чувство превосходства возникает уже как естественное следствие этих действий. Подшучивание хорошо в тех случаях, когда оно достаточно, чтобы доказать свое превосходство, и вместе с тем не приносит объекту особого вреда. Но некоторый вред принести все-таки необходимо — без этого доказать свое величие практически невозможно. Если ты знаешь, что сильнее других, но доказать этого не можешь, ты не испытываешь никакого удовольствия. Человек — существо самонадеянное. При всех обстоятельствах он верит в свои возможности. И он не может успокоиться до тех пор, пока не, докажет это другим. Даже те, кто сомневается в своих возможностях, а также вульгарные и распущенные люди пользуются любым случаем, чтобы поднять свои акции. У них такая же психология, как у мастера дзюдзицу[158], которому порой хочется ни с того ни с сего швырнуть человека на землю. И вот по улицам расхаживают довольно неумелые мастера дзюдзицу. У них одно желание — встретить кого-нибудь слабее себя, пусть даже понятия о дзюдзицу не имеющего, и бросить его на землю.

Есть и другие причины, объясняющие, почему подшучивание доставляет удовольствие, но за неимением времени я излагать их не буду. Если же вы хотите продолжить разговор, приходите с коробочкой сушеных бонитов, и я вам объясню все до мельчайших подробностей.

На основании вышеизложенного можно, по моему мнению, сделать вывод, что наиболее подходящими объектами для шуток являются обезьяны в зоопарке и преподаватели гимназий. Причем преподаватели даже более подходящие объекты, чем обезьяны. Впрочем, ничего не поделаешь, они похожи друг на друга. Как известно, обезьяну в зоопарке держат на цепи. И сколько она ни прыгает, сколько ни скалится, стараясь вас оцарапать, вы можете чувствовать себя в полной безопасности. А преподавателей держат не на цепи, а на жалованье. Можете измываться над ним сколько угодно — он не подаст в отставку и не побьет своих мучителей. Если бы у них хватило храбрости подать в отставку, они бы не стали преподавателями и не состояли бы нянькаами при учениках. Мой хозяин — преподаватель. Правда, он не преподаватель «Ракуункана», но все же преподаватель. Он является наиболее подходящим, наиболее спокойным, наиболее безопасным объектом для подшучивания. Ученики «Ракуункана» — мальчишки. Для них подшучивание — способ возвыситься в собственных глазах. Они даже считают, что подшучивать и дразнить — их право, приобретенное в процессе обучения и воспитания. К тому же они переполнены энергией и не знают, как можно употребить эту энергию за десятиминутный перерыв. Логическим следствием из вышесказанного является то, что хозяин — естественный объект для подшучивания, а

ученики — шутники. Поэтому крайне глупо со стороны хозяина сердиться на них. А теперь я расскажу, как господа из «Ракуункана» дразнили хозяина и как до крайности дико реагировал на это хозяин.

Вам, вероятно, известно, господа, что такое плетеная изгородь. Это обыкновенная изгородь, не задерживающая ветер. Я совершенно свободно прохожу через любое отверстие в ней. Для меня изгороди словно вовсе не существует. Но плотники по приказу директора «Ракуункана» сооружали изгородь не для того, чтобы преградить путь мне, а для того, чтобы господа воспитанники не лазили во двор к хозяину. Хоть изгородь и плетеная, но человеку сквозь нее не пройти. Через ее квадратные щели было бы трудно протиснуться даже знаменитому в древности фокуснику Цян Шицзуню. Несомненно, изгородь прекрасно оправдывала свое назначение. И нет ничего удивительного в том, что хозяин обрадовался, когда наконец она была сооружена. Но в логике хозяина имеется огромная дыра. Куда больше, чем щели в изгороди. Такая огромная, что через нее прошла бы рыба, глотающая корабли. Хозяин исходил из предположения, что никто не догадается перепрыгнуть через изгородь. Он считал, что ученикам гимназии не пристало нарушать его покой, а для этого им достаточно уяснить границы своей территории, обозначенные пусть даже самым примитивным забором. Затем он отбросил это предположение и решил, что ничего особенного не произойдет, если кто-нибудь даже нарушит установленную границу. Другими словами, он сделал поспешное заключение, что опасности нарушения его покоя просто не существует, поскольку даже самый маленький мальчишка не смог бы пролезть через щели в изгороди. Да, если мальчишка не кот, он при всем своем желании не сможет пролезть через щели, но перескочить через изгородь ему ничего не стоит. Это даже может рассматриваться как спортивное упражнение.

На следующий же день после того, как была установлена изгородь, мальчишки снова появились на обычном месте. Правда, теперь они старались не появляться возле гостиной. Они учли, что теперь для спасения бегством им потребуется больше времени, и выбирали для своих развлечений такие места, где им не грозила опасность быть схваченными. Хозяину, сидевшему в своей комнате, они были, разумеется, не видны. Теперь их можно было увидеть только из гостиной или через окошко уборной. Но из окон можно было сколько угодно любоваться врагами, схватить их было невозможно. Через окно можно было сколько угодно осыпать их бранью, но нечего было и пытаться приблизиться к ним через боковую дверь — заслышав шаги, они всегда могли перемахнуть через ограду. Совсем как когда браконьерское судно подходит к лежбищу котиков. Конечно, хозяин не сторожил в уборной, да и не было у него сноровки быстро распахивать дверь и бросаться в погоню. В дни, когда ему вздумалось бы заниматься охотой на мальчишек, он должен был бы отказаться от преподавательской деятельности и проводить соответствующую тренировку. Невыгодность позиций хозяина состояла в том, что из кабинета враги были не видны, а только слышны, из северной же комнаты их можно было видеть, но нельзя схватить. Враги быстро оценили обстановку и применили новую тактику. Когда их разведка докладывала, что хозяин находится в кабинете, они принимались шуметь изо всех сил. Особенно громко они старались выкрикивать слова, относящиеся к хозяину. Причем они умудрялись делать это так, что было невозможно понять, где они находятся — по эту или по ту сторону ограды. Но стоило появиться хозяину, как они немедленно исчезали. Если они находились на своей территории, то принимали независимый вид. Когда хозяин сидел в уборной — конечно, нехорошо, что я так часто употребляю это слово, мне лично оно претит, но ничего не поделаешь, без него наш рассказ был бы неполон, — итак, когда хозяин сидел в уборной, они принимались резвиться у павлонии, стараясь попасться ему на глаза. Если же хозяин начинал орать во весь голос из уборной, враги без всякого замешательства спокойно отступали на свои позиции. Такая тактика ставила хозяина в тупик. Стоило ему уверовать, что враги на его территории, и, схватив трость, выбежать на улицу, как возле дома воцарялась тишина и вокруг не было ни души. Он возвращался в дом, выглядывал в окно, и что же? — один или двое обязательно были тут как тут. Хозяин то бежал на улицу, то смотрел в окно, то смотрел в окно, то бежал на улицу. И так повторялось без конца. То есть хозяин повторял все одно и то же. Вот это и называется изнемогать от рвения. В конце концов помрачение ума у хозяина достигло такой степени, что было уже невозможно понять, кто он: преподаватель или военачальник. А когда помрачение достигло наивысшей точки, произошло такое событие.

Кстати, все события происходят от помрачения ума. Иероглифы, выражающие понятие «умопомрачение», означают «подниматься против течения». Противных доказательств такому толкованию не выдвинул еще никто, даже Гален и Парацельс. Вопрос только в том,

куда направляться против течения. И еще спор идет вокруг вопроса: что именно поднимается против течения. Согласно древнеевропейской легенде, в наших телах некогда обращались четыре разных жидкости. Первая — жидкость гнева. Когда она начинает подниматься против течения, человек сердится. Вторая — жидкость тупости. Когда она поднимается против течения, человеческий мозг становится невосприимчивым. Следующая — жидкость печали. При ее движении вспять человек становится мрачным. Последняя жидкость — кровь. Она укрепляет конечности. По мере того как развивалась человеческая культура, жидкость гнева, жидкость тупости и жидкость печали исчезали. В настоящее время в нас обращается, как и в старину, одна только кровь. Следовательно, помрачение ума может быть вызвано только кровью. Но количество крови у человека строго определено. Незначительные отклонения могут объясняться особенностями конституции человека. В организме человека содержится около десяти литров крови. Когда эти десять литров начинают быстро двигаться в обратном направлении, место, к которому они поднимаются, начинает энергично функционировать. Остальные же органы начинают остывать от недостатка крови. Происходит точно такое же явление, как при погромах полицейских будок: в городе не осталось ни одного полицейского, все собрались в управлении полиции. С медицинской точки зрения этот случай надо рассматривать как полицейское умопомрачение. Чтобы вылечить от помрачения ума, необходимо распределить кровь строго пропорционально по всем органам тела, то есть привести организм в такое состояние, в каком он был до умопомрачения. Для этого требуется повернуть поднявшуюся кровь назад, чего можно достигнуть различными способами. Говорят, что некий господин, ныне покойный, клал в таких случаях себе на голову мокрое полотенце и грелся у котацу. В древней китайской книге по медицине «Шан-хань-лунь» — «Рассуждение о тифе» — сказано, Что холод в голове и жар в ногах являются признаками близкой смерти. Именно поэтому возложение мокрого полотенца на голову есть великолепный способ продления жизни. Если этот способ вам не нравится, прибегните к способу, которым пользуются бонзы. Бесприютный монах, одетый в рубище, блуждающий подобно облаку по воле ветра, непременно избирает местом ночлега камень под деревом. Это он делает отнюдь не с целью умерщвления плоти. Данный способ выдуман монахом Рокусо специально для предотвращения умственного помрачения, которое чуть было у него не наступило после продолжительного рушения риса. Попробуйте присядьте на камень. Естественно, ваш зад немедленно застынет. Зад остывает, умопомрачение проходит. Это естественный процесс, и никаким сомнениям на этот счет не может быть места. Мы видим, что для лечения умопомрачения изобретены различные способы. Но очень жаль, что никто до сих пор не придумал способ вызывать умопомрачение. На первый взгляд может показаться, что умопомрачение приносит только вред и никакой пользы, но это далеко не так. Для некоторых профессий умопомрачение является крайне важным и совершенно необходимым фактором. Важнее всего умопомрачение для поэтов. Для них оно необходимо, как уголь для парохода. При отсутствии умопомрачения у поэта он превращается в посредственность, способную лишь поглощать пищу. Вообще умопомрачение еще называют сумасшествием. Поскольку поэтам неудобно называться сумасшедшими, они применяют для обозначения умопомрачения другой термин. Сговорившись между собой, они гордо называют умопомрачение «инспирэйшн», то есть вдохновением. Они выдумали это слово только для того, чтобы вводить простых смертных в заблуждение. На самом деле «инспирэйшн» — это то же умопомрачение. Поддерживая их, Платон назвал этот вид умопомрачения «святым безумием». Но люди сторонятся безумия, будь оно хоть трижды святым. Поэтому лучше все же называть его вдохновением — кстати, это слово напоминает название какого-то нового лекарства. И так же, как основой камабоко[159] является батат, основой статуи Каннон — дерево, основой камонамбан[160] — птица, а основой говядины в дешевых харчевнях — конина, так и основой вдохновения является умопомрачение. Умопомрачение — сумасшествие временное, и только поэтому поэты обходятся без лечебницы Сугамо. Но стимулировать такое временное сумасшествие — дело нелегкое. Весьма просто свести человека с ума на всю жизнь, но даже самые искусные боги становятся в тупик, когда требуется лишить человека разума лишь на то время, пока он держит в руках перо. Боги отказываются от такой затеи. А если боги отказываются, приходится обходиться без них. С древних времен и до наших дней ученые пытаются разработать способы как воспроизводства, так и исцеления умопомрачения. Некто, чтобы вызвать вдохновение, ежедневно сжирал по дюжине терпких фруктов. Идея была простая: от терпких фруктов бывает запор, а запор приводит к помрачению ума. Другой человек забирался в ванну с графином сакэ. Он считал, что злоупотребление сакэ в горячей ванне должно непременно кончиться умопомрачением. Он полагал также, что если не поможет такой способ, нужно

попробовать принять ванну из виноградного вина. Жаль, что он не смог проверить последнего предположения. У него не было денег, и вскоре он умер. Наконец нашелся человек, который объявил, что вдохновение находит моментально, если начать подражать древним. Он руководствовался теорией, согласно которой подражание действиям другого человека влечет за собой и психологическое сходство с этим человеком. Например, если начать буянить, как буянят пьяные, то вскоре действительно почувствуешь себя пьяным. А если вы просидите неподвижно столько времени, сколько требуется для сгорания одной курительной свечи, то ваше умонастроение уподобится умонастроению бонзы. Таким образом, подражая повадкам древних знаменитостей, переживавших моменты вдохновения, вы непременно добьетесь умопомрачения. Как я слыхал, Гюго размышлял над фразой, валяясь на палубе яхты. Можно ручаться, что ваш ум тоже помрачится, если вы заберетесь на корабль и будете долго глазеть на голубое небо. Известно, что Стивенсон писал свои романы, лежа на животе. Ложитесь ничком, возьмите в руку перо, и ваша кровь непременно начнет двигаться в обратном направлении. Да, многие ломали голову над всевозможными способами, но пока еще никто не добился видимых результатов. Во всяком случае, на сегодняшний день считается невозможным Достичь умопомрачения искусственным путем. Прискорбно, но что поделаешь? Впрочем, нет сомнения, что такое время придет. И в интересах человеческого прогресса я бы хотел, чтобы это время наступило скорее.

Полагаю, про умопомрачение было сказано достаточно. Перехожу к «событию». Однако большим событиям обязательно предшествуют малые. Говорить о больших событиях, не упоминая о малых, — ошибка, свойственная всем историкам с древнейших времен. Помрачение ума у хозяина с каждым малым событием становилось все более ярко выраженным и в конечном счете привело к большому событию. Поэтому, если я не расскажу сначала о самом процессе возникновения умопомрачения, вам трудно будет понять, до какой степени свихнулся мой хозяин. А если вы не поймете, то решите, что степень умопомрачения была не так уж велика и что оно характеризовалось чисто внешними проявлениями. И если умопомрачение хозяина не будет должным образом воспето обществом, ему, хозяину, будет обидно. Все события, описанные ниже, и большие и малые, не делают чести хозяину, и я намерен особо подчеркнуть тот факт, что хотя события сами по себе и не делают хозяину чести, зато его умопомрачение было настоящим, ни в чем не уступающим умопомрачению поэтов. Хозяину нечем похвастаться перед другими, так восхвалим хотя бы его умопомрачение.

В последние дни неприятельская армия, окопавшаяся в «Ракуункане», разработала своего рода снаряды «дум-дум» и в течение десятиминутных перерывов, а также после занятий обстреливает нас с северной окраины пустыря. В просторечье снаряды «дум-дум» называются бейсбольными мячами. Они величиной с кулак, и противник стреляет ими по любой цели. Правда, стреляет он с гимнастической площадки, и потому попасть в хозяина, закрывшегося в своем кабинете, не может. Даже противнику понятно, что расстояние слишком велико, и тем не менее в его действиях имеется определенный расчет. Вспомним, что при осаде Порт-Артура флот сумел добиться успеха только благодаря обстрелу города. И мяч, с треском ударяющийся о землю на пустыре, не может не оказать определенного воздействия. При этом следует учесть, что каждый выстрел противник сопровождает устрашающими воинственными криками. У хозяина от страха сжимаются кровеносные сосуды конечностей, и кровь в них, не имея возможности следовать своим путем, начинает подниматься в обратном направлении. Ничего не скажешь, замысел у врагов хитрый.

В древней Греции жил писатель Эсхил. Говорят, что голова этого человека была приспособлена и для науки и для литературы. В моем понимании голова, приспособленная для науки и для литературы, это лысая голова. Почему голова лысеет? Ответ может быть только один: в результате недостаточного питания в нее не поступают жизненные соки, необходимые для роста волос. Ученые и писатели больше всех утруждают свои головы, а поскольку они, как правило, бедны, то очень скоро лысеют на почве недоедания. Итак, поскольку Эсхил тоже был писателем, он непременно должен был быть лысым. И действительно, у него была гладкая, как яблоко, голова. И вот однажды Эсхил с этой самой головой — разумеется, с этой самой, ибо головы не бывают будничными и парадными, — шел по улице. Эсхил шел с непокрытой головой, и в этом была его ошибка. Как известно, лысая голова сильно блестит на солнце, а коль скоро даже на деревья налетает ветер, то что-нибудь должно налетать и на сверкающие лысины. Как раз в это время над головой Эсхила пролетал орел. Он сжимал в когтях где-то пойманную черепаху. Черепахи, конечно, очень вкусны, но уже в древние времена они были защищены прочным панцирем, из которого их

при всем желании не вытащишь. Иногда запекают омаров целиком, но вот о запеченных целиком черепахах не услышишь даже в наше время. А о далеких временах и говорить не приходится. И вот в тот момент, когда орел уже начал терять терпение, внизу что-то блеснуло. Орел сразу возликовал. Он решил, что надо сбросить черепаху на этот блестящий предмет, разбить панцирь, а тогда уже можно будет полакомиться. Тщательно прицелившись, орел без всякого предупреждения бросил черепаху на голову Эсхилу. К сожалению, голова писателя оказалась менее прочной, чем черепаший панцирь. Она разбилась вдребезги, и знаменитому Эсхилу пришел трагический конец. В этом деле нам непонятна психология орла. Знал ли он, что бросает черепаху на голову писателя, или думал, что под ним скала? Ответ на заданный вопрос позволит нам разрешить еще одно сомнение: можно ли сравнивать в данном случае орла с злодеями из «Ракуункана». Правда, голова хозяина не сверкает, как голова Эсхила и других мудрецов древности. Тем не менее хозяина надлежит рассматривать как особь, родственную ученым и писателям, ибо у него есть кабинет, хотя и тесный, где он хотя и дремлет, но над трудными книгами. Итак, если мой хозяин еще не лыс, то только потому, что не пришло время. Не может быть сомнения в том, что судьба в самое ближайшее время украсит его голову лысиной. В свете сказанного выше следует признать, что обстрел его головы учениками «Ракуункана» есть действие весьма своевременное. Если бомбардировка будет продолжаться в течение двух недель, голова хозяина от постоянного раздражения начнет испытывать истощение и превратится в чайник, яблоко или медный чан. Если продолжать обстрел еще две недели, то яблоко расплющится, чайник сомнется, а медный чан лопнет. В этом не может быть никакого сомнения, только Кусями-сэнсэй не способен понять такую простую вещь и продолжает упорную и безнадежную борьбу с врагом.

Однажды после полудня я, как всегда, дремал на веранде и видел во сне, что превратился в тигра. Я приказал хозяину принести мне курятины. Хозяин, дрожа от страха, выполнил мое приказание. Тем временем явился Мэйтэй. Я объявил ему, что хочу гусятины, и приказал повиноваться моей воле. Мэйтэй, по обыкновению иронически и уклончиво, ответил, что если я поем соленого печенья с маринованной репой, то у меня будет как раз такое ощущение, будто я отведал гусятины. Тогда я раскрыл пасть и рявкнул на него. Мэйтэй позеленел от ужаса и сказал: «Как же мне быть? Ведь ресторан в Ямасита уже закрыт». — «Ладно, — сказал я. — В таком случае обойдусь говядиной. Живо беги в Нисикава и тащи сюда полкило филе. Да живо, а то проглочу тебя!» И что же? Мэйтэй подобрал полы кимоно и бросился бежать со всех ног. Мое тело казалось большим-пребольшим, я растянулся во всю длину веранды и ожидал возвращения Мэйтэя.

Тут в доме послышался громкий крик. Я проснулся, так и не успев отведать говядины. Хозяин, которого я только что видел во сне ползающим передо мной на коленях, пулей вылетел из уборной, поддал мне пинком в живот и, кое-как нацепив на ноги гэта, помчался через пустырь в сторону «Ракуункана». Я даже не успел сообразить, в чем дело. Мне было смешно и досадно оттого, что я так быстро превратился из тигра в кота, но я тотчас же забыл о своей досаде. Я был удивлен выходкой хозяина. Тут я сообразил, что настало время жестокого сражения и что хозяин решил наконец встретиться с противником лицом к лицу. Превозмогая боль в животе, охваченный любопытством, я отправился за ним следом. Я услышал, как хозяин заорал: «Воры!» — и увидел у изгороди парня лет восемнадцати в форменной фуражке. «Успеет или не успеет?» — подумал я, но форменная фуражка в мгновение ока перемахнула через изгородь и оказалась в полной безопасности на своей территории. Она удирала с молниеносной быстротой — видимо, крик «воры!» произвел на нее должное впечатление. Тут хозяин снова заорал «воры!» и начал преследование. Но теперь, чтобы настигнуть противника, ему требовалось тоже перепрыгнуть через изгородь. Однако если, осуществляя преследование, он углубится в расположение противника, то сам рискует оказаться в роли вора. Как я уже говорил, мой хозяин — великий умопомраченец. Видимо, он решил преследовать вора даже в том случае, если ему самому придется превратиться в вора. Он мчался к изгороди без оглядки. И вот, когда до вражеской территории остался всего какой-нибудь шаг, из стана противника навстречу хозяину тяжеловесной поступью выдвинулся полководец с жиденькими бесцветными усиками. Стороны начали переговоры. Стоя друг против друга по обе стороны изгороди, они несли несусветную чушь.

– Это ученик нашей гимназии.

– Если он ваш ученик, то почему он забирается на чужой двор?

– Видите ли, сюда случайно залетел мяч.

– А почему он не попросил разрешения взять этот мяч?

– Я непременно дам ему соответствующее наставление.

– Ну, если так, то ладно.

Я-то предполагал, что буду свидетелем величественного зрелища — схватки тигра с драконом, но переговоры закончились быстро и благополучно. Хозяин горазд только говорить, а когда нужно действовать, он оказывается тихоня тихоней. Эта сцена напомнила мне мое собственное превращение из тигра в кошку. То, о чем я сейчас рассказал, и есть маленькое событие. А теперь, когда я рассказал о маленьком событии, порядок требует, чтобы я рассказал о большом событии.

Отворив дверь на веранду, хозяин лежал ничком в комнате и о чем-то размышлял. Видимо, он разрабатывал план обороны. В «Ракуункане» шли занятия, и на гимнастической площадке царила необычайная тишина. В одной из аудиторий учащиеся слушали лекцию по этике. Через окно отчетливо доносилось каждое слово. Я прислушался и по голосу великолепного лектора узнал полководца, который вчера явился из стана врагов для ведения переговоров:

– …и общественная польза — дело очень важное. Поезжайте туда, и вы не найдете там ни одной страны, где бы не уделяли особого внимания общественной пользе. И во Франции, и в Германии, и в Англии — всюду, куда бы вы ни отправились, каждый человек, как бы низко он ни стоял на общественной лестнице, блюдет это правило. Увы, как это ни печально, у нас, в Японии, мы не можем тягаться в этой области с заграницей. Из моих слов некоторые господа могут сделать вывод, будто идея общественной пользы является для нас чем-то новым, импортированным с Запада. Но это было бы ошибкой. Один древний мудрец сказал, что благородный муж непременно добивается поставленной цели. А цель благородного мужа — верность государю и стране. Я, например, не лишен человеческих слабостей, и иногда у меня возникает желание петь. Но у меня такой характер, что если в соседней комнате кто-нибудь поет, в то время как я занимаюсь науками, мне это мешает. А поэтому даже в тех случаях, когда я знаю, что громкая декламация какого-либо стихотворения из «Антологии Танской поэзии» весьма благотворно повлияет на мое настроение, я все же воздержусь от этого соблазна из опасения нарушить покой моего соседа. Вы тоже, господа, должны блюсти общественный порядок, должны избегать поступков, способных причинить вред другому человеку или послужить для него помехой…

Когда лектор произнес эти слова, хозяин, внимательно слушавший его, ухмыльнулся. Я должен объяснить значение этой ухмылки. Прочитав эти строки, циник, вероятно, сочтет эту ухмылку скептической. Но хозяин никогда не был настолько плохим человеком, чтобы относиться к подобным вещам скептически. Хозяина скорее можно определить, как человека с недоразвитым интеллектом. А ухмылялся он в данном случае только от радости. Ему казалось, что поскольку сам преподаватель этики дает ученикам такие благородные наставления, он, хозяин, отныне будет на вечные времена избавлен от яростного обстрела снарядами «дум-дум». Он полагал, что облысение его откладывается на неопределенное время, что умопомрачение его, пусть не сразу, но понемногу пройдет само собой. Ему не придется класть на голову мокрое полотенце и греться у котацу, ему не придется спать на камне под деревом. Вот какие соображения вызвали у хозяина ухмылку, и нет ничего удивительного в том, что он отнесся к этой лекции всерьез, ибо он твердо верил, что в двадцатом веке, как и в прежние времена, сполна выплачивают долги.

Наконец раздался звонок, лекция окончилась. Окончились занятия и в других классах. И тогда рассованная по многочисленным классам толпа в восемьсот человек с восторженными воплями ринулась на улицу. Она напоминала пчел, покидающих разоренный улей. Ученики с шумом и гамом выскакивали из дверей и из окон. Это было началом большого события.

Начну с диспозиции в стане противника. Ошибается тот, кто думает, будто в такой войне не бывает диспозиции. Люди обычно считают серьезными сражениями лишь сражения, разыгравшиеся на реке Шахэ под Мукдэном и у Порт-Артура. А дикари романтического склада вообще признают только битвы героев-исполинов: Ахиллеса, который карабкался на стены Трои, размахивая трупом Гектора, или Чжан-фэя[161], который с секирой в руках выстоял у Чанбаньцяо против миллионной армии Цао Цао. Каждому вольно выдумывать что заблагорассудится, но было бы неправильно полагать, что все сражения подобны этим. Такие дурацкие войны могли происходить разве только в древности, во времена гуннов. А теперь, в мирное время, подобные варварские побоища, да еще в центре столицы Великой Японской Империи, могли бы иметь место только во сне. При самых крупных беспорядках дело не идет

дальше разгрома полицейских будок. Поэтому войну между хозяином «Логова отдыхающего дракона» и восемьюстами отважными мальчишками из «Дома падающего облака» можно рассматривать как одно из величайших сражений в истории Токио. В «Цзо-чжуане»[162] описание битвы при Яньлине начинается с описания диспозиции противника. С древних времен все знаменитые летописцы следуют этому примеру. И нет ничего удивительного в том, что я тоже начинаю свой рассказ с описания диспозиции врага. Итак, о диспозиции пчел. Один отряд расположился рядами перпендикулярно изгороди. По-видимому, он имел задание заманить хозяина во фронтовую полосу. «Сдается?» — «Нет, нет, что ты!» — «Так никуда не годится!» — «Эй, выходи!» — «Не сдается?» — «Должен сдаться!» — «А ну, полай!» — «Гав-гав-гав! Гав-гав! Гав-гав-гав-гав!» Затем весь отряд дружным хором испустил боевой клич. Справа, на некотором расстоянии от отряда, на гимнастической площадке, укрепилась артиллерия. Она заняла выгодные позиции. Один из офицеров целится мячом в «Логово дракона». В один ряд с ним, на расстоянии в десять метров друг от друга, расположились другие артиллеристы. Кто-то объяснял, что это — игра в бейсбол, и никакого отношения к готовящемуся сражению не имеет. Я всего лишь невежественный кот, и я не знаю, что такое бейсбол. Однако я слыхал, что игра эта импортирована к нам из Америки и является сейчас самым популярным развлечением в гимназии и высших школах. В Америке всегда придумывают всякие глупости, поэтому мы должны быть благодарны американцам за то, что они познакомили нас с игрой, которую можно спутать с артиллерийской стрельбой и которая причиняет много неприятностей соседям. Я, правда, не вполне уверен, что сами американцы рассматривают бейсбол как спортивную игру. Но даже в чистом виде игра, представляющая опасность для окрестного населения, может быть при желании использована в военных целях. Я своими глазами видел, как игроки с помощью этой игры достигали эффекта артиллерийского обстрела. Все зависит от того, какой придерживаться точки зрения. Если одни люди из нежных чувств к ближнему занимаются аферами, а другие радуются умопомрачению, называя его вдохновением, то почему нельзя вести войну, делая вид, что это игра в бейсбол? Тот, кто объяснял, что это всего лишь игра в бейсбол, имел в виду, наверное, бейсбол обыкновенный. Но бейсбол, о котором пишу я, — особенный, к нему прибегают лишь в тех случаях, когда требуется артиллерия. Посмотрим, как осуществляется стрельба снарядами «дум-дум». Один из стоящих в ряд артиллеристов берет снаряд в правую руку и швыряет его обладателю лапты. Непосвященным неизвестно, из чего делаются эти снаряды. Это круглый и твердый, как камень, предмет, гладко обтянутый кожей. Как я уже говорил, снаряд, отделившись от руки артиллериста, летит, рассекая воздух, а тот, к кому он направляется, поднимает лапту и отбивает его. Бывает, что обладатель лапты промахивается, и снаряд пролетает мимо. Но обычно снаряд ударяется о лапту, издавая при этом громкий звук, и отскакивает в обратном направлении. Сила удара поистине чудовищна. Снаряд легко мог бы разбить голову хозяину с его слабыми нервами и слабым желудком. Число артиллеристов строго ограничено, но вокруг них всегда толпится множество зевак и запасных игроков. Стоит лапте ударить по снаряду, как все они принимаются хлопать в ладоши и вопить: «Давай, давай!», «Ага, попал!», «Что, хватит с вас или еще хотите?», «Испугались?», «Сдаетесь?» Если бы дело только этим и ограничилось, было бы еще полбеды. Но один раз из трех лапта направляет снаряд в «Логово отдыхающего дракона». Без этого успех наступления был бы неполным. В настоящее время снаряды «дум-дум» производятся повсеместно, но стоят они довольно дорого. Поэтому при ведении боевых операций рассчитывать на достаточное снабжение ими не приходится. На один отряд артиллеристов приходится всего один, в лучшем случае — два снаряда. Артиллеристы не могут расходовать по одному драгоценному снаряду на каждый удар лаптой. Снаряды подбираются специальным отрядом, именуемым «подбирателями». Легко подобрать снаряд, если он попадет в нейтральную зону, но не так-то просто вернуть его, когда он залетает в чужой дом или на засеянное травой поле. Чтобы избежать лишних затрат энергии, артиллеристы обычно стараются бросить снаряд туда, где его легко подобрать. Но в данном случае все было наоборот. Целью была не игра, а война, и снаряды нарочно направлялись в дом хозяина. А поскольку они направлялись в дом хозяина, то подбирателям тоже приходилось вторгаться в запретную зону. Проще всего было перепрыгнуть через изгородь. Но если при этом произвести шум, то хозяин непременно рассердится. В результате он потеряет боевой шлем и вынужден будет поднять руки. И от избытка переживаний голова его должна будет полысеть.

Снаряд, только что пущенный противником, пронесся над изгородью, прорвался через листву павлоний и обрушился на вторую оборонительную позицию нашего замка, сиречь на веранду. Раздался страшный треск. Первый закон Ньютона гласит: «Раз приведенное в движение тело будет двигаться по прямой и с постоянной скоростью, если к нему не будет

приложена посторонняя сила»[163]. Если бы движение снаряда подчинялось только этому закону, голову хозяина постигла бы участь головы Эсхила. Но, к счастью, Ньютон одновременно с первым законом создал и второй. Голова хозяина избегла опасности, и жизнь его была спасена. Второй закон гласит: «Изменение движения пропорционально приложенной силе и направлено по прямой в сторону приложения силы». Не знаю точно, что хотел этим сказать Ньютон, но как бы то ни было, только благодаря ему снаряд не прорвал бамбуковую штору веранды, не разорвал сёдзи и не разбил голову хозяина. Вслед за этим, как я и ожидал, враги вторглись на нашу территорию. Слышно было, как они шуршат палками в траве и переговариваются: «Здесь». — «Нет, левее». Проникая в поисках снаряда к нам во двор, враги всегда разговаривают особенно громко. Если они проберутся тихо и молча подберут свой снаряд, их главная цель не будет достигнута. Конечно, снаряд представляет для них большую ценность, но им гораздо важнее подразнить хозяина. Так было и на сей раз. Несомненно, они еще издали определили, куда упал снаряд. Они слышали, как снаряд ударился о штору на веранде. Им было известно, куда он упал. И если бы их единственной целью было подобрать снаряд, они могли бы потихоньку сделать это без всякого труда. По Лейбницу, пространство есть порядок сосуществования событий. Буквы в алфавите расположены по порядку. Под ивами всегда водятся миноги. Луна всегда сопровождает летучих мышей. Не знаю, в одном ли ряду стоят бейсбольные мячи и веранды, но тем, кто ежедневно забрасывает мяч в чужие дворы, такой порядок сосуществования должен представляться вполне естественным. Следовательно, они должны бы находить свой мяч немедленно. Тем не менее они делают так: они шумят. Это их тактика, имеющая целью спровоцировать хозяина на драку.

Теперь при всей своей пассивности хозяин не мог не принять вызова. Только недавно он ухмылялся в своей комнате, слушая лекцию по этике, а теперь он в бешенстве выскочил из дома. Он взял в плен одного из противников. Для хозяина это была крупная победа, хотя пленный оказался всего-навсего мальчишкой лет четырнадцати. Он как-то не годился в противники усатому хозяину. Но хозяин, видимо, решил, что с него достаточно и этого. Он потащил жалобно кричавшего пленника к веранде. Здесь необходимо сказать несколько слов о тактике противника. После вчерашнего малого события он предвидел, что хозяин выйдет на поле боя и сегодня и что дело может принять нежелательный оборот, если хозяин сумеет изловить какого-нибудь не успевшего увернуться верзилу. Отсюда явствует, что лучший способ избежать опасности — это послать подбирать мячи мальчишек из первого или второго класса. Противник полагал, что честь «Ракуункана» не будет запятнана, если даже хозяин поймает мальчишку и примется читать ему нудные нотации. Напротив, опозорится хозяин, связавшийся с мальчишкой. Ход мыслей противника был вполне правильным, так и должен рассуждать любой нормальный человек. Но противник забыл принять во внимание, что ему приходится иметь дело с человеком не совсем обычного склада. Если бы хозяин обладал здравым смыслом, он не выскочил бы из дома и вчера. Но умопомрачение поднимает обыкновенных людей до уровня необыкновенных, а людей, обладающих здравым смыслом, превращает в полоумных. Не приходится гордиться умопомрачением, при котором еще можно отличить женщину от ребенка и рикшу от конюха. Нечего претендовать на звание умопомраченца, если не уподобиться хозяину, который захватил в качестве военнопленного мальчишку — ученика первого класса гимназии. Кого было жаль — так это пленника. Он был рядовым и выполнял распоряжения своих начальников. Преследуемый полоумным неприятельским генералом, гением помраченного ума, он не успел перескочить через изгородь, был схвачен и притащен к веранде. Но враги не могли спокойно смотреть на позор своего товарища. Они беспорядочной гурьбой ринулись к нам во двор и через изгородь и через калитку. Их было около дюжины, и все они выстроились в ряд перед хозяином. Одеты они были по-разному. Большинство были без курток. Одни в белых рубашках с засученными рукавами — они стояли, скрестив на груди руки. Другие — в застиранных бумазеевых блузах. Однако были среди них и щеголи в полотняных рубашках с черной окантовкой и с черными иероглифами, вышитыми на груди. Видно, все они были отличными воинами, достойными стать во главе тысячного войска. Под смуглой кожей выпирали сильные мускулы, которые, казалось, говорили за своих владельцев: «Мы только что из Сасаяма, что в Тамба»[164]. Жаль, что таких парней отдают в гимназии. Я подумал, что гораздо больше пользы они могли бы принести государству, если бы стали рыбаками или матросами. Все как один они были босиком, в брюках с закатанными до колен штанинами, словно приготовились тушить пожар. Итак, они выстроились перед хозяином и молча глядели на него. Хозяин тоже не произнес ни слова. Стороны изучали друг друга. В этой тишине было что-то зловещее.

– Вы что, воры? — осведомился наконец хозяин.

Он был ужасно зол. Раздавленный им кансякудама[165] превратился в пламя, и это пламя полыхало у него из ноздрей. Его маленький нос казался воплощением гнева. Вероятно, нос на маске дракона является копией носа рассерженного человека, иначе эта маска не получилась бы такой страшной.

– Мы не воры. Мы ученики гимназии «Ракуункан».

– Врете! Ученики гимназии не вторгаются без разрешения в чужие дворы.

– Но ведь вы видите, на нас форменные фуражки.

– Подделка. А если вы ученики, то почему ворвались ко мне?

– Сюда залетел наш мяч.

– А зачем вы его сюда забросили?

– Это получилось нечаянно.

– Вы негодяи!

– Простите нас, мы впредь будем осторожнее.

– Почему это я должен прощать каких-то неизвестных типов, которые ворвались ко мне во двор без разрешения?

– Но мы же действительно ученики «Ракуункана»…

– Из какого класса?

– Из третьего.

– Это точно?

– Да.

Хозяин обернулся и крикнул: «Поди сюда!» Фусума раздвинулись, и из дома выглянула наша служанка О-Сан.

– Слушаю вас, — сказала она.

– Поди в «Ракуункан» и позови сюда кого-нибудь.

– Кого?

– Все равно кого. Позови немедленно.

«Хорошо», — ответила служанка. Но поскольку открывшееся ей зрелище было странным, поручение неясным, а весь ход событий дурацким, она стояла в нерешительности и посмеивалась. Хозяин полагал, что он ведет великую битву. Ему казалось, что здесь он сумеет найти достойное применение своим феноменальным способностям. Но служанка, которая должна была всячески поддерживать его, не только отнеслась к происходящему без должной серьезности, но еще и посмеивалась, выслушивая его приказания. Хозяину ничего не оставалось как ополоуметь еще больше.

– Не понимаешь, что ли? Все равно кого! Директора, инспектора, старшего наставника…

– Господина директора?

Служанка знала только слово «директор». Остальные слова ей были непонятны.

– Хоть директора, хоть инспектора, хоть старшего наставника… Понятно тебе?

– А если никого не будет, можно привести курьера?

– Дура! Что понимает курьер?

Видимо, прислуга решила, что делать нечего. Она сказала «слушаюсь» и направилась к гимназии. Она, видимо, так и не поняла, чего от нее хотели. Я уже начал беспокоиться, не приведет ли она и вправду курьера, когда у парадного входа появился наш знакомый преподаватель этики. Хозяин выждал, пока гость подойдет поближе, и сразу приступил к переговорам.

– Только что вот этими людьми был совершен налет на мой дом, — начал он на манер декламаторов в старинных операх. Затем он перешел на слегка иронический тон: — Это

действительно ученики вашей гимназии?

Преподаватель этики, не выказывая особого удивления, спокойно оглядел выстроившихся перед домом героев, затем перевел взор на хозяина и заявил следующее:

– Да, это все ученики нашей гимназии. Я буду впредь постоянно наставлять их, чтобы подобные поступки не повторялись… Это очень неприятно… Почему вы перелезаете через изгородь?

Как бы то ни было, ученики есть ученики. Никто из них не посмел сказать преподавателю этики ни слова. Они стояли молча, как стадо овец, захваченных в пути снегопадом.

– Я не имею ничего против, когда ко мне залетают мячи, — заявил хозяин. — Поскольку я живу рядом с гимназией, мне следует с этим мириться. Однако… Слишком они у вас разболтанные. Ведь и через изгородь можно перелезть тихо и незаметно подобрать, что нужно… Будь это так, я не имел бы претензий.

– Вы совершенно правы, — подхватил преподаватель. — Я сделаю им основательное внушение. Но вы понимаете, их так много… Вы слышите? Будьте впредь осторожны! Если ваш мяч снова упадет в этот двор, ступайте через парадный ход, испросите разрешения и тогда ищите. Понятно?… Да, что ни говорите, школа наша очень велика. Бывают разные неприятные случайности. Но спорт является элементом воспитания, и мы никак не можем его запретить. Конечно, для вас это очень хлопотно. Я со своей стороны прошу у вас за них прощения. Но зато впредь ни один из них не появится у вас во дворе без вашего на то разрешения.

– Отлично, будем считать дело улаженным, — сказал хозяин. — Теперь можете забрасывать ко мне сколько угодно мячей. Но прошу каждый раз входить через парадное и сообщать мне об этом. Итак, возвращаю вам ваших учеников. Можете вести их обратно в гимназию. Простите, что обеспокоил вас.

Как всегда, хозяин попрощался самым нелепым образом. Преподаватель этики забрал своих «жителей Сасаяма» и отступил в «Ракуункан» через парадную дверь. Этим и закончилось большое событие, о котором я говорил. Если кто-нибудь из вас засмеется и скажет: «Помилуйте, да какое же это большое событие?» — пусть смеется на здоровье. Это просто означает, что для него это событие не представляется большим. Я поведал вам большое событие из жизни моего хозяина, а не из жизни этого насмешника. Может быть, кто-нибудь с презрением сравнит моего хозяина со стрелой, выпущенной из лука на дальнее расстояние, — сначала она мчится с огромной скоростью, а под конец беспомощно шлепается на землю. Но я прошу учесть, что именно в этом состоит особенность моего хозяина. И прошу запомнить, что именно благодаря этой особенности хозяин служит героем юмористического произведения. Может быть, мне скажут, что дурак тот, кто воюет с четырнадцатилетним мальчишкой. Вполне согласен. Дурак! Именно поэтому Омати Кэйгэцу говорил, что мой хозяин еще не вышел из младенческого возраста.

Я уже рассказал о малом событии и закончил повествование о большом событии. Я собираюсь закончить книгу, описав происшествия, последовавшие за большим событием. Возможно, некоторые читатели подумают, что я пишу все, что мне взбредет в голову. Но я не какой-нибудь легкомысленный кот. Не говоря уже о том, что в каждой моей фразе, в каждой букве содержится частица великой космической истины, все фразы и буквы располагаются в определенном порядке, они объясняют и дополняют все предыдущие. Разумеется, если вы с самого начала подойдете к этой книге как к набору слов, вы не увидите в ней популярного изложения величайших истин. Вот почему нельзя обращаться с моей книгой непочтительно — например, читать ее лежа или через строчку. Говорят, что перед чтением творений великих литераторов Танской эпохи люди мыли руки розовой водой. Я же прошу каждого, кто желает ознакомиться с моим произведением, купить номер журнала, где оно публикуется, на свои деньги, а не одалживать у приятеля. Далее я собираюсь излагать то, что сам называю отголосками событий. Но вы ошибетесь, если решите, что про отголоски читать не стоит, поскольку они, как правило, неинтересны. Постарайтесь же непременно прочесть мое творение до конца.

На следующий день я решил прогуляться и покинул дом. Вдруг я увидел, что на углу стоят и о чем-то оживленно беседуют господин Канэда и Судзуки То-сан. Они встретились, когда Канэда-кун возвращался на рикше домой, а Судзуки-кун шел от Канэда, не застав его

дома. В последнее время в доме Канэда не совершалось ничего интересного, и я заходил туда редко, но тем не менее было приятно снова увидеть Канэда. Судзуки я тоже давно не видел и с удовольствием воспользовался выпавшей мне честью лицезреть его. Я не торопясь приблизился к ним и, естественно, услыхал, о чем они говорят. Это не моя вина. Они сами виноваты, что разговаривали. А если Канэда-кун такой совестливый, что окружил хозяина своими сыщиками, то пусть не сердится на меня за то, что я подслушал его беседу с Судзуки. Впрочем, если он рассердится, это будет свидетельствовать о том, что он не постиг значения слова «справедливость». Одним словом, я слышал их беседу. И слышал не потому, что хотел слышать. Более того, я как раз не хотел слушать, но их беседа сама влезла в мои уши.

– Я только что был у вас дома, — сказал То-сан, почтительно кланяясь. — Очень рад, что мы встретились хотя бы здесь.

– Хм. Да. По правде говоря, мне тоже надо было повидать тебя.

– Вот как? Это очень приятно. У вас есть какое-нибудь дело ко мне?

– Да так, ничего особенного. Ничего важного, конечно, но только ты можешь это сделать.

– Пожалуйте, все, что в моих силах. Я готов.

– Так, — сказал Канэда задумчиво.

– Может быть, мне лучше зайти к вам в удобное для вас время? Когда прикажете?

– Нет, это не настолько важно… Впрочем, раз уж у нас зашел разговор об этом, выполника одну мою просьбу.

– Какую угодно.

– Этот странный тип, ну, твой старый друг. Кусями или как там его…

– Ну-ну, что же натворил Кусями?

– Ничего он не натворил. Но я ему не могу забыть того случая.

– Совершенно справедливо. Этот Кусями ужасно высокомерен… Ему бы следовало знать свое место. А он как будто один живет во всей Поднебесной!

– То-то и оно. Наглец этакий, болтает, что-де перед деньгами кланяться не будет, что-де дельцы то, дельцы се… Ну, я покажу ему, что такое дельцы. Я уж давно ему палки в колеса сую, да пока он еще не сдается. В жизни не видел такого упрямого типа.

– Голоштанник, и никакого понятия о выгоде. Да он ведь всегда был таким. Главное, ничего с ним не поделаешь, потому что он не понимает, что ему выгодно.

Канэда засмеялся.

– Это правда, ничем его не проймешь. Я уж, кажется, все перепробовал. Теперь вот натравил на него гимназистов.

– Отличная мысль! Получилось что-нибудь?

– На этот раз, кажется, проняло. Скоро он у меня поднимет лапки.

– Превосходно! Как бы он там ни пыжился, а одному против всех ему не выстоять.

– Вот-вот. Один в поле не воин. И вот, понимаешь, я хотел бы, чтобы ты к нему сходил и поглядел, как он себя чувствует.

– Так вот в чем дело! Ну, это ничего не стоит. Отправлюсь прямо сейчас, а на обратном пути зайду к вам доложить о положении дел. Вот это, наверное, занятно! Это, знаете ли, любопытное зрелище — поглядеть, как этот упрямец скиснет!

– Ну, давай. На обратном пути зайди, буду ждать.

– Счастливо оставаться.

Опять заговор. До чего же сильны богачи! В их руках все. Они могут сделать голову хозяина гладкой и такой скользкой, что даже мухам на ней не за что будет уцепиться, по их воле эту голову может постигнуть судьба головы Эсхила, в их власти довести инертного, как булыжник, хозяина до умопомрачения. Не знаю, какие силы вращают земной шар, но правит миром, несомненно, золото. Никто, кроме господ дельцов, не владеет этим золотом, никто,

кроме них, не озаряет его сиянием все, что заблагорассудится. Именно дельцам мы обязаны тем, что солнце без помех восходит на востоке и благополучно садится на западе. Я вырос в доме нищего дурака учителя, но даже мне непростительно не понимать, какую пользу приносят деловые люди. На этот раз, кажется, все это поймет и мой тупой незадачливый хозяин. Не советовал бы я ему опять прикрываться собственной тупостью. Ведь дело идет о его жизни, которой он так дорожит. Любопытно, что он скажет в разговоре с Судзуки-куном. Из его слов станет ясно, понял ли он хоть что-нибудь. Не буду же мешкать. Я хоть и кот, но меня обуревает беспокойство за хозяина. И я поспешно, в обгон Судзуки, помчался обратно домой.

Судзуки-кун — человек весьма ловкий. Про Канэда он и словом не обмолвился. С легкостью и непринужденностью он повел интересный светский разговор.

– Ты что-то плохо выглядишь. Что-нибудь случилось?

– Ничего не случилось. Я здоров.

– Бледный ты очень. Тебе следует заботиться о здоровье. Погода сейчас плохая. А по ночам ты спишь хорошо?

– Угу, — ответил хозяин.

– Может быть, ты чем-нибудь озабочен? Расскажи без стеснения, — может быть, я смогу тебе помочь.

– Озабочен? Чем это я могу быть озабочен?

– Ну, если все в порядке, тогда хорошо. Забота, знаешь ли, самая вредная вещь на свете. В этом мире нужно жить легко, с улыбкой. А ты какой-то мрачный.

– Смеяться тоже вредно, — объявил хозяин. — Известны случаи, когда люди умирали от безрассудного смеха.

– Шутишь ты. Ведь сказано, что в ворота смеющегося входит счастье.

– А вот в древней Греции жил философ по имени Хрисипп. Ты его, наверное, не знаешь.

– Не знаю. Так что же с ним было?

– Он умер от чрезмерного смеха.

– Невероятно. И притом, ведь это случилось в древности…

– В древности ли, теперь ли — какая разница? Он увидел, что осел жрет фиги из серебряной чаши, и ему стало смешно. Он захохотал и не смог остановиться. Так и умер от смеха.

Судзуки-кун хихикнул и сказал:

– Да ведь не обязательно же так без конца смеяться. Немного посмеялся, отвел душу, и будет. И настроение сразу поправится.

Пока Судзуки прощупывал таким образом настроение хозяина, парадная дверь вдруг с шумом распахнулась. Я подумал, что это гость, но ошибся.

– Позвольте подобрать мяч у вас во дворе.

Служанка ответила из кухни: «Пожалуйста». Гимназист пробежал на задний двор. Судзуки с недоуменным лицом осведомился, что случилось.

– Соседи-гимназисты забросили во двор мяч.

– Соседи-гимназисты? У тебя по соседству живут гимназисты?

– Гимназия «Ракуункан».

– Гимназия? Вон в чем дело… Шумят, наверное?

– Шумят… Шумят — это не то слово. Я даже заниматься толком не могу. Будь я министром просвещения, я бы моментально прикрыл эту гимназию.

Судзуки захохотал.

– Ага, ты сердишься! Так они тебя допекают?

– И еще как. Допекают с утра до вечера.

– А почему бы тебе не переехать на другую квартиру, если тебя здесь допекают?

– Это чтобы я переехал? Как бы не так.

– Ты уж хоть на меня-то не сердись. И вообще не обращай внимания. Это же дети. Не замечай их, и все будет хорошо.

– Тебе, может быть, и будет хорошо, а мне нет. Вчера я вызвал к себе их преподавателя и говорил с ним.

– Интересно. То-то он, наверное, испугался!

– Угу.

Снова открылась парадная дверь.

– Позвольте подобрать мяч, он залетел к вам во двор.

– Смотри, как часто ходят, — удивился Судзуки. — Опять за мячом.

– Да. Я потребовал, чтобы они каждый раз приходили через парадный ход.

– Так вот в чем дело… Теперь понятно.

– Что тебе понятно?

– Ну… Почему они приходят за мячом.

– Это уже шестнадцатый раз за сегодня.

– Ведь это тебе мешает. Может быть, лучше сделать так, чтобы они не приходили?

– Как это «чтобы не приходили»? Все равно будут приходить, здесь уж ничего не поделаешь.

– Ну, тебе, конечно, виднее. Не будем больше говорить об этом. Но только стоит ли быть таким упрямым? В этом мире человеку лучше быть ровным, без уголков. Круглый предмет катится благополучно, а вот угловатый только ломает себе бока и на каждом шагу нарывается на неприятности. Углы стираются, и это причиняет боль. Не один же я живу на свете. Не будут же все приноравливаться ко мне. Да что там говорить! Не следует противоречить тем, у кого есть деньги, это же глупо. Только нервы портишь, и здоровье становится хуже. Никто тебя за это не похвалит. Ведь никому до тебя дела нет. Богачу на тебя наплевать. Он сидит себе и приказывает — сделай то, сделай это. Всем известно, что один в поле не воин. Конечно, и упрямство вещь нужная, но твое упрямство не только помешает тебе заниматься, оно повредит на службе, и в конечном счете ты ничего не добьешься, кроме неприятностей.

– Простите, пожалуйста. К вам во двор залетел мяч. Разрешите подобрать его.

– Опять пришли, — сказал Судзуки и засмеялся.

– Безобразие, — сказал хозяин, покраснев как рак. Судзуки-кун решил, что цель визита достигнута, попрощался и отправился восвояси.

Едва он ушел, как явился Амаки-сэнсэй. С давних времен мы знаем немало примеров тому, как человек с помраченным умом признавал себя помраченным. Стоило ему заметить, что у него с головой что-то не в порядке, и умопомрачение начинало проходить. Умопомрачение хозяина достигло апогея во время вчерашнего большого события. Его переговоры с противником носили невиданно идиотский характер, хотя и закончились к обоюдному согласию. Но затем хозяин закрылся в своем кабинете, поразмыслил немного и пришел к выводу, что творится что-то неладное. Правда, он не мог определенно сказать, с кем творится неладное — с гимназистами из «Ракуункана» или с ним самим. Ему было ясно одно: творится что-то неладное. Хозяин обнаружил, что, живя по соседству с гимназией, он круглый год портит себе нервы. Это показалось ему странным. Необходимо было что-то предпринять. Но что? Выход один: ликвидировать источник раздражения с помощью взяток в виде лекарства, прописанного врачом. Придя к такому выводу, хозяин возымел желание показаться своему постоянному врачу Амаки-сэнсэю. Оставив в стороне вопрос о том, насколько умным было это желание, мы должны констатировать факт, что хозяин поступил очень мудро, заметив собственное умопомрачение.

Как всегда, спокойно улыбаясь, Амаки-сэнсэй осведомился: «Ну, как самочувствие?» Почти всегда врачи начинают разговор с этого вопроса. Я бы ни за что не доверился врачу, который не спросил бы меня: «Ну, как самочувствие?».

– Очень плохо, сэнсэй, — сказал Кусями.

– Неужели так уж плохо?

– Скажите, ваши лекарства когда-нибудь помогают?

Амаки-сэнсэй удивился, но он был добродушным человеком, а поэтому спокойно ответил без всяких признаков раздражения:

– Очень часто помогают.

– А что же мой желудок? Сколько я ни пью ваши лекарства, никакого улучшения не чувствую.

– Не может быть.

– Не может быть? Значит, вы думаете, мне стало лучше?

– Ну, так быстро улучшение наступить не может. Выздоровеете постепенно. Но сейчас уже лучше, чем было раньше.

– Да что вы говорите!

– Скажите, вы все продолжаете нервничать?

– Конечно, даже во сне.

– Вам следует заняться спортом.

– Если я займусь спортом, то буду нервничать еще больше.

Такой ответ поставил в тупик даже Амаки-сэнсэя. Он сказал: «Давайте я вас осмотрю», — и начал осмотр. Когда осмотр был закончен, хозяин вдруг разразился следующей тирадой:

– Вот недавно, сэнсэй, я прочитал книжку про гипноз. Там говорится, что при помощи гипноза можно исцелить нечистых на руку и всякие другие болезни. Это что, правда?

– Да, есть такой метод лечения.

– И его сейчас применяют?

– Да.

– И это трудно — гипнотизировать?

– Пустяки. Я часто пользуюсь гипнозом.

– Что? Вы тоже умеете?

– Да. Хотите, попробуем? Логически рассуждая, каждый человек подвержен гипнозу. Если вы желаете, я попробую загипнотизировать вас.

– Это интересно. Попробуйте, пожалуйста. Я, знаете ли, давно мечтал попробовать загипнотизироваться. А что я буду делать, если не смогу очнуться?

– Не беспокойтесь. Давайте приступим.

Согласие достигнуто, и хозяин решился подвернуть себя гипнозу. Я еще ни разу не видел, как гипнотизируют, и потому с живейшим интересом стал наблюдать из-за угла за ходом событий. Доктор принялся осторожно поглаживать веки хозяина сверху вниз. Он продолжал делать это даже тогда, когда хозяин закрыл глаза. Через некоторое время он спросил: «Вы ощущаете сонливость, когда я глажу ваши веки?» — «Да, — ответил хозяин. — Ощущаю». Доктор продолжал поглаживать веки хозяина, приговаривая: «Вам все больше и больше хочется спать, не правда ли?» Хозяин молчал. Видимо, он готов был испытывать то, что говорил ему доктор. Так прошло несколько минут. Наконец Амаки-сэнсэй произнес: «Ну вот, больше ваши глаза не откроются». Итак, мой бедный хозяин ослеп! «Неужели никогда больше не откроются?» — «Да, больше не откроются». Некоторое время хозяин молча сидел с закрытыми глазами. Я было окончательно поверил в то, что он ослеп. Затем доктор сказал: «Теперь попробуйте открыть глаза. Но вам ни за что это не удастся». — «Вот как?» — сказал хозяин, и в ту же секунду глаза его открылись как ни в чем не бывало. «Не получилось, а?» — сказал он, ухмыляясь. Амаки-сэнсэй тоже усмехнулся и ответил: «Да, не получилось». Сеанс гипноза не удался. После этого Амаки-сэнсэй отправился домой.

А затем явился… Никогда еще у хозяина не было столько посетителей. Хозяин так мало связан с внешним миром, что такой наплыв гостей может показаться неправдоподобным. Но

тем не менее это правда. Итак, явился еще один гость. Причем это был редкий гость. Но я рассказываю о нем не потому, что он редкий. Ведь я излагаю последствия большого события, а этот гость совершенно необходим для моего изложения. Я не знаю, как его зовут. Достаточно сказать, что это мужчина лет сорока, с длинным лицом и козлиной бородкой. Подобно тому как Мэйтэя называют просто искусствоведом или художником, этого человека я буду звать философом. Почему именно философом? Не потому, что, подобно Мэйтэю, который всегда представляется художником, он сам так назвал себя, а потому, что этот человек во время беседы с хозяином произвел на меня такое впечатление. Видимо, он был однокашником хозяина, потому что в их отношении друг к другу чувствовалась какая-то теплота.

– Что, Мэйтэй? Суматошный тип… Болтается где попало, как раскисший хлеб на воде. С ним недавно был такой случай. Шел он с приятелем мимо дома какого-то аристократа, совершенно ему незнакомого, и вдруг говорит приятелю: «Зайдем выпьем по чашке чаю». И что ты думаешь — зашел и приятеля с собой затащил. Такой нахал…

– А что же дальше было?

– Об этом и я не пытался спрашивать. Совершенно блаженный тип. Очень одаренный. Но зато и впрямь как раскисший хлеб. Ни одной здоровой мысли в голове. Что, Судзуки? Он бывает у тебя? Вот как! Ну, этот глуп-глуп, а устроиться умеет. Что же касается Золотых Часов, то характер у него покладистый, но он не особенно умен, да к тому же и неуравновешенный какой-то. Все болтает о юморе, а сам даже значения этого слова не понимает. Если Мэйтэй — раскисший хлеб, то этот, пожалуй, как студень. И все его добродушие ни к чему, весь он какой-то зыбкий и трясучий…

Выслушав эти язвительные характеристики своих знакомых, хозяин пришел в восхищение и впервые за долгое время громко расхохотался.

– А ты, ты сам кто?

– Я? Что же я? Я вроде морковки. Сижу, закопавшись по уши в землю.

– Завидую я тебе. Ничто тебя не берет. Тебе, должно быть, легко живется на свете.

– Мне-то? Я живу, как все. Завидовать особенно нечему. Может быть, у меня есть одно хорошее качество, которого нет у других; я никогда никому не завидую.

– А как у тебя с финансами?

– Да все так же. Иногда и не хватает на жизнь, но в общем-то не голодаю, а поэтому проблема финансов меня не волнует;

– А у меня вот все очень скверно. Нервы издерганы. Кругом одни неприятности.

– Неприятности — это тоже хорошо. Всякой неприятности приходит конец, и тогда наступает хорошее настроение. Люди бывают разные, и, сколько ни старайся, на свой манер их не переделаешь. Правда, палочки для еды все держат одинаково, иначе было бы неудобно есть, но все же пусть уж каждый ест свой хлеб по-своему. Так будет лучше всего. Костюм, сшитый хорошим портным, сидит на тебе хорошо с самого начала. Но если ты шил у плохого портного, надо немного потерпеть, пока не привыкнешь к костюму. А ты обязательно привыкнешь, потому что даже костюм, сшитый плохим портным, постепенно, в процессе носки, становится лучше. Так уж устроено в этом мире. Если у тебя высокосортные родители, которые породили тебя так, чтобы ты соответствовал требованиям времени, — твое счастье. Ну, а если тебя немного недоделали, остается либо терпеть, либо стараться подогнать себя до этих требований. Иного пути нет.

– В этом отношении я, кажется, безнадежен. Мне никогда не приспособиться.

– Попробуй натянуть слишком тесную одежду, и она расползется по швам. В жизни можно найти аналогию этим явлениям. Это драки и самоубийства. Ты не так уж неприспособлен — ты только сетуешь на мир. Ведь ясно, что ты не пытался совершить самоубийство. Ты ведь даже, наверное, и не дрался никогда. Так что тебе еще не так уж плохо.

– Да я целыми днями только и делаю что дерусь. Пусть у меня нет противника — раз я злюсь, это все равно что драка.

– А ведь и верно, драка с самим собой! Это забавно. Ну что же, валяй вовсю!

– А мне надоело!

– Тогда перестань.

– Ты сам отлично знаешь, что справиться с самим собой не так легко.

– Погоди-ка, чем ты, собственно, недоволен?

Тут хозяин изложил философу все свои неприятности, начиная с инцидента с «Ракуункаком» и кончая продавцом имадояки[166] Барсуком, Пинскэ и Кисяго. Господин философ молча выслушал хозяина, затем раскрыл рот и изложил следующую теорию:

– На то, что говорят всякие там Пинскэ и Кисяго, не обращай внимания. Это же чепуха. И гимназисты не стоят того, чтобы ими заниматься. Ах, они тебе мешают. Но они и впредь будут тебе мешать, сколько ты их ни уговаривай, сколько ни дерись с ними. В вопросах такого рода, я думаю, древние японцы были намного умнее европейцев. Сейчас активность европейцев все превозносят, она в моде. Но у активности есть существенный недостаток. Активность не знает пределов. Как бы активно ты ни действовал, ты не получишь удовлетворения и не достигнешь совершенства. Видишь, вон криптомерия. Она мешает тебе видеть окрестности, и ты ее срубил. И что же? Теперь мешает гостиница, что находится за нею. Ты сносишь гостиницу, и тогда тебе начинает досаждать расположенный за ней дом. И так до бесконечности. Вот это и есть метод европейцев. Ни Наполеон, ни Александр не получали никакого удовлетворения от своих побед. Человек тебе не понравился — ты с ним подрался. Он не поддается — ты его тащишь в суд. На суде дело выиграл — и что же? На этом успокоился? Ничего подобного. Нет, таким путем душевного спокойствия не достигнуть, сколько ни бейся. Вот, например, не понравился абсолютизм. Ладно, перешли к демократическому строю. Следует ли удивляться, если демократический строй тоже не понравится и на смену ему придет еще что-нибудь? И так всюду. Река нос задирает, а мы ее мостом! Гора не слушается, а мы ее туннелем! Сообщение скверное — давайте железные дороги! Так будет продолжаться до бесконечности, и ничто не сможет принести нам полного удовлетворения. Вы что, голубчики, полагаете, что всегда сможете добиваться осуществления своих стремлений? Как бы не так. Ведь человек ограничен в своих действиях. Конечно, нельзя не признать, что европейская культура достигла прогресса. Но это культура людей, никогда в жизни не испытавших удовлетворения, культура людей, которые ищут удовлетворение не в самих себе, а в изменении окружающей среды. А японская культура в этом не нуждается. Она развивается в условиях, совершенно отличных от европейских. Европейцы находят удовлетворение в совершенствовании отношений между отцами и детьми. А мы даже не пытаемся этого делать. Наоборот, мы исходим из того, что существующие отношения вполне хороши, и почием во блаженстве. Сказанное выше распространяется и на отношения между супругами, и на отношения между государем и подданными, и между самураями и горожанами. Да и к природе мы подходим с той же меркой. Мы не ищем способов разрушить гору, чтобы добраться до соседней страны. Мы изыскиваем способ обойтись без соседней страны. Таким образом, мы воспитываем в себе умение находить удовлетворение в таком способе жизни, который не требует разрушения горы. Заметь, между прочим, что и конфуцианцы и последователи йогов ставят этот принцип во главу угла. Как бы ты ни был велик, тебе не переделать мир по своему образу и подобию, не остановить солнце, не повернуть вспять воды Камогава. И только с собой ты волен делать все, что заблагорассудится. Научись управлять собой, и тебя перестанет волновать галдеж мальчишек из «Ракуункана». Даже на Барсука ты перестанешь обращать внимание, а если такое ничтожество, как Пинскэ, начнет говорить тебе всякие глупости, тебе будет достаточно для душевного спокойствия обозвать его набитым дураком. Говорят, что в древности бонзы, над которыми заносили меч, чтобы отсечь голову, острили: «Это весенний ветер прорезает молнию…» — или что-то в этом роде. Вот до какой степени поднимает духовные силы человека совершенствование духа! Совершенство духа — в пассивности! Вообще на мой взгляд европейская активность далеко не всегда достойна похвального слова, хотя я и не очень в этом разбираюсь. Но уж тебе наверняка не поможет никакая активность. Гимназисты все равно будут изводить тебя, и каким бы активным ты ни был, положение не изменится, если только ты не сможешь своей властью закрыть эту гимназию или если они не донесут на тебя в полицию. Чтобы выступить активно, необходимы деньги. Это все та же проблема одиночки, который в поле не воин. Другими словами, выходит, что тебе придется склонить голову перед богачами. Выходит, что тебе придется просить прощения у мальчишек, потому что их большинство. Одним словом, вся беда в том, что ты, бедняк и одиночка, выходишь драться против богатых и против толпы. Ну, теперь ты понял?

Хозяин выслушал молча и не ответил, понял он или не понял, что хотел сказать гость. Когда же редкий гость ушел, хозяин проследовал в свой кабинет и погрузился в размышления.

Судзуки-сан учил хозяина подчиниться толпе и деньгам. Амаки-сэнсэй пытался успокоить нервы хозяина гипнозом. А редкий гость рекомендовал хозяину достигнуть спокойствия путем совершенствования духа в пассивности.

Хозяин был волен избрать любой из этих путей. Ясно лишь одно: так, как было, продолжаться больше не может.

Глава IX

Мой хозяин рябой. Говорят, что до Реставрации рябые были в моде, но сейчас, когда заключен Японо-английский союз, рябые лица представляются несколько старомодными. Количество рябых в наше время изменяется обратно пропорционально росту народонаселения, и в ближайшем будущем рябые вовсе исчезнут. Этот вывод сделан на основании медицинской статистики, против которой даже я, кот, ничего не могу возразить. Не знаю, сколько рябых проживает сейчас на земном шаре. В пределах, доступных моему наблюдению, среди кошек и котов нет ни одного, а среди людей — один-единственный. И как это ни печально, этот один-единственный рябой — мой хозяин.

Каждый раз, когда я гляжу на лицо хозяина, я думаю: и как он еще может с такой невероятной наружностью свободно дышать воздухом двадцатого века? Не знаю, в прежние времена он, возможно, был бы даже популярен, но теперь, когда всем рябинам было приказано переместиться на руки[167], его рябинам должно быть стыдно упрямо удерживать позиции на носу и на щеках. Полагаю, было бы хорошо убирать их с лица насильно, если это только возможно. Наверное, рябым это тоже неприятно. Впрочем, не исключено, что в наше время политических кризисов рябины поклялись во что бы то ни стало держаться на лицах до тех пор, пока не остановится солнце. А если это так, то относиться к ним с пренебрежением непозволительно. Более того, рябины, пожалуй, достойны всяческого уважения, как сообщество дырок, непримиримых по отношению к моде. И их единственным недостатком является то, что они нечистоплотно выглядят.

Когда хозяин был маленьким, на улице Ямабуси в районе Усигомэ жил знаменитый доктор, знаток китайской медицины, Сохаку Асада. Он всегда пользовался паланкином, но после смерти доктора его приемный сын и наследник сменил паланкин на рикшу. Возможно, когда умрет этот приемный сын, его наследник заменит китайское лекарство гогэнтан аспирином. Ведь даже во времена старца Сохаку считалось неприличным разъезжать по Токио в паланкине. В паланкине разъезжают консервативные слепцы, свиньи, которых доставляют на станцию, чтобы погрузить в вагоны, и доктор Сохаку. Рябины на физиономии хозяина устарели так же, как и паланкин. И прискорбно видеть, как хозяин, упрямство которого не уступает упрямству старого доктора — знатока китайской медицины, ежедневно отправляется преподавать английский язык, выставив напоказ всему свету свои рябины, ожидающие остановки солнца.

Взобравшись на кафедру со своей физиономией, усыпанной памятниками прошлого века, он, таким образом, не просто преподает, но вдобавок еще дает своим ученикам великое наставление. Без всяких усилий, не тратя ни единого слова, он растолковывает ученикам великую проблему «Влияние рябин на физиономию», вместо того чтобы опровергать тезис «Обезьяна имеет руки»[168]. С того дня, когда среди преподавателей исчезнут люди, подобные моему хозяину, ученикам придется для разрешения проблемы отношения рябин к физиономии бегать по библиотекам и музеям, тратя на это столько же времени и энергии, сколько тратится в наши дни на изучение быта древних египтян. С этой точки зрения рябины хозяина исполняют свой долг молча и незаметно.

Впрочем, хозяин вовсе не имел это в виду, когда усеял свою физиономию оспенными болячками. Он действительно делал прививку оспы. К несчастью, болячки, образовавшиеся после прививки на руке, вдруг перекинулись на лицо. В те времена он был невинным младенцем и, естественно, чесал где чесалось. В результате физиономия у него приобрела такой вид, словно по ней разлилась вулканическая лава. Он совершенно испортил то, что получил в наследство от родителей. Хозяин иногда рассказывает жене, каким красивым мальчиком, прекрасным, как жемчужина, был он до прививки. Он хвастается, что был таким красавчиком, что у храма Каннон в Асакуса на него заглядывались даже европейцы. Возможно, что так оно и было. Жалко только, что не осталось ни одного свидетеля этому.

Итак, какую бы пользу ни приносили рябины, уродство остается уродством, и хозяин, повзрослев, ощутил это в полной мере. Он попытался избавиться от уродства, применяя для этого всевозможные средства. Но рябины — не паланкин старца Сохаку, и от них не избавишься с такой же легкостью. Они до сих пор отчетливо выделяются на лице хозяина. Хозяин настолько озабочен этим обстоятельством, что каждый раз на прогулке считает рябые лица. В его дневнике подробно записано, сколько рябых он встретил за день, были это

мужчины или женщины, где это было — у фабрики на Когавамати или в парке Уэно. Он убежден, что Лучше других знает все, что касается рябых. Однажды его посетил приятель, вернувшийся из Европы, и хозяин задал вопрос: «Послушай, а среди европейцев есть рябые?» Приятель довольно долго размышлял, склонив голову, и наконец ответил: «Да почти что нет». — «Как так почти? — настаивал хозяин. — Ну хотя немного-то есть?» Приятель зевнул и сказал: «Бывают, конечно, но только среди бродяг и нищих. Среди образованных людей я что-то не встречал рябых». Тогда,хозяин произнес: «Угу… Вот оно что! Значит, совсем не то, что у нас в Японии».

По предложению философа хозяин отказался от драки с «Ракуунканом», закрылся в кабинете и предался размышлениям. Возможно, он внял рекомендации философа совершенствоваться в пассивности и добивается, сидя в позе созерцания, успокоения духа. Но заметных результатов это не приносит — человек он малодушный и сидит очень уж мрачно, заложив руки за пазуху. На мой взгляд было бы лучше, если бы он продал свои английские книги и поучился у гейш веселым песенкам. Но разве этот дурак послушается совета кота? Пусть же делает что хочет, а я покидаю его и не зайду к нему несколько дней.

Сегодня как раз седьмой день. Некоторые йоги утверждают, что для достижения совершенства им достаточно семи дней. Они поджимают под себя ноги и с огромной энергией принимаются за дело. Зная это, я потихоньку побрел с веранды к дверям кабинета, чтобы поглядеть, жив ли еще мой хозяин.

Кабинет хозяина находится в южной части дома. На солнечной стороне установлен громадный стол. Нет, сказать просто «громадный стол» недостаточно. Он действительно громаден — два метра в длину и метр в ширину при соответствующей высоте. Сделан он, конечно, на заказ. Это уникальный предмет, который может служить и столом и кроватью, изготовленный после длительных переговоров в ближайшей мебельной мастерской. Зачем хозяину такой большой стол, почему он решил на нем спать, я не спрашивал и не знаю. Возможно, он завел у себя этот неудобный предмет, поддавшись мимолетному желанию, а может быть, в данном случае имело место явление, которое наблюдается у некоторых психически неуравновешенных людей, — объединение в одну идею двух совершенно несовместимых понятий, в данном случае — объединение в одном предмете стола и кровати. Как бы то ни было, идея эта весьма эксцентрична. Но при всей своей эксцентричности стол обладает существенным недостатком — он совершенно бесполезен. Я как-то видел, как хозяин, пытаясь перевернуться на этом столе с бока на бок, скатился на веранду. Насколько мне известно, после этого случая стол уже больше не служил кроватью.

Перед столом лежит сплющенный дзабутон из муслина. В муслине зияют дыры, прожженные папиросой. Вата, торчащая из дыр, почернела. А человек, который, почтительно согнувшись, сидит на этом дзабутоне спиной ко мне, — это мой хозяин. Концы его серого от грязи оби ниспадают ему на пятки. Недавно я попробовал поиграть с этими концами оби и получил оплеуху. Дотрагиваться до оби нельзя ни под каким видом.

Что, он все еще размышляет? Я вспомнил поговорку об индюке, подкрался сзади и взглянул на стол. На столе что-то ослепительно блестело. Я заморгал, изумился и взглянул еще раз. Тут я понял, что блеск исходил от зеркала, которое двигалось по столу. Но что делает хозяин с зеркалом в своем кабинете? Обычно зеркало находится в ванной. Только сегодня утром я видел это зеркало в ванной. Я говорю «это зеркало», потому что другого в доме нет. По утрам после умывания хозяин причесывается перед ним. Может показаться странным, что такой человек, как хозяин, причесывается. Но при всей своей неряшливости со своей головой он обращается весьма бережно. За все время моего пребывания в этом доме он даже в самую страшную жару не стригся под машинку. Волосы у него всегда длиной не менее двух вершков. И он не только делает аккуратный пробор с левой стороны, но еще взбивает кок справа. Не исключено, что и это один из признаков начинающегося психического расстройства. На мой вкус такая щегольская прическа не идет к этому столу, но вреда она никому не приносит, а потому никто против нее не возражает. Сам же хозяин необычайно гордится своей прической. Однако оставим прическу в стороне. Что же касается вопроса, почему он носит длинные волосы, то на это есть особая причина. Дело в том, что рябины не только усеяли его физиономию, но уже давным-давно изъели и его черепную коробку. И если он острижется под машинку, как это делают все люди, дюжины рябин окажутся на поверхности. И никакими средствами не удастся их разгладить. Правда, такой вид может считаться даже элегантным — как будто светлячки мелькают среди высохших веток, но это не по вкусу хозяйке. Да и то правда, не стоит обнаруживать свои недостатки, если их можно

скрыть под длинными волосами. Если бы было можно, хозяин, несомненно, тем же самым способом скрыл бы рябины и на лице. Следовательно, нет никакой необходимости тратиться на стрижку волос, которые растут совершенно даром, и оповещать на весь мир, что у тебя рябая голова. Вот почему хозяин отпустил длинные волосы. А при длинных волосах возникает необходимость в проборе. А это обстоятельство, в свою очередь, влечет за собой необходимость глядеться в зеркало. Вот почему у нас в ванной висит зеркало. Причем, повторяю, оно у нас единственное.

Но если зеркало, которое должно находиться в ванной, очутилось в кабинете, то это можно объяснить либо тем, что оно заболело раздвоением личности, либо тем, что в кабинет его принес хозяин. Если предположить последнее, то напрашивается вопрос: с какой целью он это сделал? Возможно, зеркало необходимо для совершенствования в пассивности. В древности один ученый посетил знаменитого мудреца йога и увидел, что тот усердно полирует кусок черепицы. «Что это вы делаете?» — осведомился ученый. «Да вот пыхчу изо всех сил, — ответил мудрец. — Хочу сделать зеркало!» Ученый изумился и сказал, что при всей святости и мудрости йога ему все же не изготовить зеркало из черепицы. «Вот как? — воскликнул мудрец и захохотал. — Ну что же, тогда бросим это дело. — Затем он заявил ученому: — А ты вот сколько книг ни читай, святым мудрецом все равно не сделаешься». Возможно, хозяин краем уха слыхал об этом происшествии, взял из ванной зеркало и вертит его теперь перед своим лицом. «Дело принимает опасный оборот», — подумал я и стал смотреть, что будет дальше.

Хозяин, ничего не подозревая, продолжал с необыкновенным вниманием разглядывать это единственное в доме зеркало. Вообще, предмет, именуемый зеркалом, — весьма коварная штука. Я слыхал, что для того, чтобы смотреться в зеркало глубокой ночью при свете единственной свечи одному в обширной комнате, требуется большая храбрость. Как-то раз дочь хозяина поднесла зеркало к моему носу, так я настолько перепугался, что трижды обежал вокруг дома. Даже днем страшно так упорно глядеться в зеркало, как это делает мой хозяин. Собственное лицо может показаться ужасным. А ведь хозяин и так не из красивых. Прошло немного времени, и хозяин пробормотал себе под нос: «Действительно, физиономия безобразная». То, что он признал собственное уродство, достойно всяческой похвалы. Вел он себя, однако, как сумасшедший. Еще немного, и собственное безобразие устрашит его. Я надеялся, что он вот-вот скажет: «Ох, как жутко!» Но он не сказал. Человек, который не понял того, что он явился жертвой злодеяния, не может быть назван человеком, испытавшим много горя. А человек, которому не довелось пройти через такие испытания, не способен избавиться от мирской суеты. Сказав: «Действительно, физиономия безобразная», — хозяин вдруг ни с того ни с сего надул щеки и хлопнул несколько раз по ним кулаком. Возможно, это было какое-то заклинание. Тут я вспомнил, что где-то уже видал такое лицо с раздутыми щеками. Основательно поразмыслив, я понял, что это было лицо нашей служанки О-Сан. Поскольку уж пришлось к слову, рекомендую вашему вниманию физиономию О-Сан. До чего же она раздута. Недавно кто-то принес хозяину в подарок из храма Анамори-Инари фонарь, сделанный из рыбы-пузыря; так вот, лицо О-Сан такое же раздутое, как этот фонарь. На нем Даже не видно глаз. Правда, рыба-пузырь кругла, а физиономию О-Сан распирают угловатые кости, вследствие чего она напоминает шестиугольные часы, страдающие водянкой. Представляю себе, как бы рассердилась О-Сан, если бы услыхала это! Ну, будет об О-Сан. Вернемся к хозяину. Как я сказал, он похлопал себя по надутым щекам и пробормотал опять вслух: «Если растянуть кожу таким образом, рябины не будут видны». Затем он повернулся щекой к свету и опять поглядел в зеркало. «А так они прямо в глаза бросаются. Анфас как будто меньше заметно. Странно». Он, по-видимому, был очень удивлен этим обстоятельством. Он отставил зеркало от себя на расстояние вытянутой руки. «А вот на таком расстоянии совсем незаметно. А когда расстояние слишком близкое — никуда не годится… Впрочем, не только с лицом так бывает, — сказал он, просияв, — но и с любыми вещами». Потом он вдруг поставил зеркало набок и состроил чудовищную рожу, стянув всю физиономию, — глаза, подбородок, брови — к кончику носа. Зрелище было пренеприятное, и он, видимо, сам понял это, потому что пробормотал: «Ну что за ядовитая харя!» — и поспешно принял нормальный вид. «Нет-нет, это никуда не годится». Он поднес зеркало вплотную к лицу и стал подозрительно вглядываться в свое изображение. Он погладил указательным пальцем свой крошечный нос, затем с силой надавил пальцем на промокашку, лежавшую на столе. На промокашке появилось сальное пятно. Он устроил настоящее представление. Очищенным от сала пальцем он вывернул нижнее веко правого глаза и с большим мастерством скорчил рожу, именуемую в просторечье «бэкканко». Я не совсем

понимал, для чего все это делается — то ли в целях исследования рябин, то ли он играет с зеркалом в гляделки. Хозяин — человек крайне неуравновешенный, и настроение его меняется прямо на глазах. Впрочем, при достаточно доброжелательном и глубоком толковании можно наверное утверждать, что он выкидывает перед зеркалом все эти хитроумные коленца с целью познания самого себя и совершенствования духа. Ведь что бы человек ни изучал, изучает он в конечном итоге самого себя. Слова «небо и земля», «горы и реки», «дни и месяцы», «звезды и планеты» — все это лишь иные названия человека, его «я». Только собственное «я» является достойным объектом изучения. Если бы человек смог вырваться из собственного «я», оно бы в тот же момент исчезло. А кроме «я», никто изучать это «я» не станет. Да это и невозможно, даже если бы нашелся охотник изучать чужие «я» или предоставить свое «я» для изучения другим. Потому-то герои древности все становились героями только благодаря собственным стараниям. И если бы можно было познавать свое «я» при помощи других людей, то можно было бы насыщаться говядиной, которую ест другой человек. Корпеть над законами, изучать пути справедливости, не выпускать из рук книги — все это не больше чем средства утверждения, а вовсе не познания своего «я». Моего «я» не может быть в законах, изданных другими, в путях справедливости, открытых другими, в целых кипах первосортной исписанной бумаги. А если и может, то это будет всего лишь призрак моего «я». Впрочем, в некоторых случаях призрак, вероятно, лучше, чем ничего. Нельзя отрицать, что иногда можно за тенью прийти к сущности. Чаще всего тень неотделима от сущности. И если хозяин возится с зеркалом из этих соображений, — значит, он человек понимающий. Так-то лучше, нежели корчить из себя ученого, зазубрив изречения античных философов.

Являясь закваской для самодовольства, зеркало в то же время является ядом для гордости. С одной стороны — нет другого такого инструмента, который бы так распалял в дураках тщеславие и страсть к роскоши. В двух третях случаев, когда из мании величия губили себя и других, виновато зеркало. И как некоему врачу, который во времена французской революции изобрел усовершенствованную машинку для отделения голов, так и человеку, который впервые изготовил зеркало, было, вероятно, неприятно вспоминать о своем изобретении, просыпаясь по утрам. С другой стороны — тот, кто утратил к себе любовь, у кого сломлена воля, никогда не решится взглянуть в зеркало. Слишком страшно. Он с ужасом задает себе вопрос: как он мог с такой физиономией гордо прожить до сегодняшнего дня, да еще называть себя человеком? Тот момент, когда человек обнаруживает собственное безобразие, есть самый благодатный момент в его жизни. Никто не заслуживает большего уважения, чем дурак, осознавший, что он глуп. Перед ним должны склонить головы все великие люди. Он сам будет презирать себя и смеяться над собой, в то время как остальные станут оказывать ему почести. Мой хозяин не такой мудрец, чтобы обнаружить свою глупость, взглянув на себя в зеркало. Но он достаточно справедлив, чтобы понять, что делают рябины с его физиономией. Осознание физического уродства явится ступенью к осознанию нищеты духовной. В этом можно не сомневаться. А впрочем, возможно, на этот путь его натолкнул философ.

Так размышляя, я продолжал наблюдать за хозяином, который, не замечая меня, высунул язык во всю длину, сказал: «Глаза налились кровью, катаракта, наверное», — и принялся тереть указательными пальцами воспаленные веки. Вероятно, веки сильно чесались, но нельзя же тереть их так грубо, если они и без того красные! Пройдет немного времени, и глаза у него загниют, как у соленого леща. Ну вот, так я и знал. Когда хозяин раскрыл глаза, они у него были затянуты туманом, словно зимнее небо на севере. Правда, глаза у хозяина никогда не были особенно ясными. Они всегда настолько мутны, что трудно отличить роговицу от белков. И как постоянно бродит в тумане его дух, так и глаза его беспомощно болтаются в глубине орбит. Говорят, что это следствие каких-то ненормальностей в утробном развитии, а может быть, осложнений после прививки. В младенческом возрасте его часто пользовали ивовыми червями и красными лягушками, но все усилия матери пропали даром, его глаза и по сей день остаются такими же мутными, какими были при рождении. Я же считаю, что дело здесь не в утробном развитии и не в прививке. То обстоятельство, что глаза его пребывают в печальном мире гнойной мути, следует отнести за счет сумеречного состояния его мозга. По той же причине пребывает во мраке его душа, а это не может не оказать влияния на весь его облик. Мать даже не подозревала, сколько хлопот доставит ей дитя. Как не бывает дыма без огня, так не бывает глупого человека без мутных глаз. Глаза являются зеркалом души. Ну, а душа у хозяина дырява, как тэмпосэн[169]: и глаза его тоже как тэмпосэн: при всей своей величине ничего не стоят.

Теперь хозяин принялся щипать усы. Его усы никогда не умели себя вести. Каждый волос рос по-своему, как ему заблагорассудится. Хотя мы превозносим индивидуализм, а все же обладателю усов неприятно, если волоски в усах капризничают и не желают слушаться. Вот и хозяин в последнее время всеми силами тщится привести в порядок свои усы, как следует вымуштровать их. Усердие его не пропало впустую, так как с недавних пор волоски начали как будто приноравливаться друг к другу, причем дело дошло до того, что если раньше усы у хозяина просто росли, то теперь он может гордо сказать, что усы он отпускает. Усердие хозяина растет с каждым днем, а коль скоро в отношении усов он питает честолюбивые замыслы, то утром и вечером, каждую свободную минуту занимается их муштровкой. Его сокровенная мечта — отрастить усы, гордые и воинственные, а-ля кайзер. Поэтому для него не имеет значения, как растет каждый отдельный волосок. Он захватывает их в пучок и беспощадно закручивает кверху. Усам, вероятно, приходится нелегко. Ведь иногда бывает больно даже их обладателю. Но на это и существует муштра. Хотят того волоски или нет, хозяин знай крутит их кверху. Со стороны такое занятие может показаться пустой прихотью, но сам хозяин считает его важнейшим делом своей жизни. Так наставник старается всеми силами развить таланты своих учеников, чтобы потом иметь право гордиться плодами своего труда. Поэтому не стоит упрекать хозяина за его заботы об усах.

Едва хозяин усердно и прилежно занялся муштрой усов, как из кухни явилась многоугольная О-Сан. Она объявила, что прибыла почта, и просунула в кабинет свою всегда красную руку. Хозяин, ухватившись правой рукой за ус, а левой сжимая зеркало, повернулся к двери. Узрев усы, имевшие такой вид, словно им приказали встать вверх ногами, служанка немедленно умчалась на кухню и, навалившись животом на кастрюли, принялась хохотать. Хозяин, однако, даже глазом не моргнул. Отложив зеркало, он неторопливо распечатал первое письмо. Оно было изготовлено в типографии и гласило:

«Привет. От души поздравляю вас с последними счастливыми событиями. Наши доблестные воины, одерживая победу за победой, добились мира в японо-русской войне. К настоящему времени большая часть воинов уже вернулась под приветственные крики „бандзай“ на родину. С этой радостью не может сравниться никакая другая радость. Когда был объявлен высочайший манифест о войне, наши доблестные воины на долгие месяцы отправились за десятки тысяч ри[170] на чужбину, где терпели холод и зной, преодолевали невыносимые трудности и отдавали все свои силы на благо отечества. Деяния их незабвенны и будут прославлены в веках. В нынешнем месяце возвращение армии на родину заканчивается. Наше общество, представляя население нашего района, устраивает сего двадцать пятого числа банкет в честь победителей господ офицеров и солдат нашего района, общим числом более тысячи человек, а также в утешение родных погибших на поле брани. Этим мы желаем хотя бы в какой-то мере выразить нашу благодарность воинам. Полагаю, настоящий банкет сделает честь нашему обществу. Просим вашего согласия. Примите и прочее. Привет».

Отправитель был аристократом и титулованной особой. Хозяин сунул письмо обратно в конверт и отложил в сторону. Кажется, жертвовать на банкет он не собирается. Не так давно он пожертвовал несколько йен в пользу голодающих Тохоку и теперь перед каждым встречным распространяется о том, что с него взяли пожертвование. Однако известно, что пожертвования не берут, их вносят. Ведь не воры же на него напали! Нет, на мой взгляд, хозяин не такой человек, чтобы дать деньги на основании какого-то письма. Пусть даже его просит об этом титулованная особа. И пусть даже деньги нужны для того, чтобы приветствовать армию. Не знаю, впрочем, как бы он поступил, если бы ему приставили нож к горлу. С точки зрения хозяина, прежде чем приветствовать армию, следует приветствовать самого себя. А уж поприветствовав самого себя, можно приветствовать других. Видимо, хозяин, пока у него бывают неприятности с завтраками и ужинами, собирается оставить честь приветствий на долю титулованных особ. Хозяин взял второе письмо и сказал: «Ого, это тоже отпечатано в типографии!»

«Поздравляю вас с процветанием в эти осенние холода. Как вам известно, в течение нескольких последних лет наша школа из-за помех, чинимых кучкой карьеристов, пребывала в плачевном состоянии. Но мы осознали, что причины бедствия заключаются в нас самих, обсудили наши ошибки и, словно рожденные заново, принялись бороться за честь школы. Теперь мы наконец смогли своими силами изыскать достаточные средства для постройки нового школьного здания, о котором давно мечтали. Средства эти заключены в книге, изданной нашим иждивением под названием „Секреты портняжного мастерства“. Мы,

недостойные, написали эту книгу с безграничным старанием на основе многолетнего изучения основных законов и правил указанного мастерства. Мы намерены распространить эту книгу по невысокой цене, с тем чтобы получить прибыль, долженствующую пойти на постройку нового здания. Примите мои извинения, но нам всегда казалось, что вы собирались сделать пожертвования в фонд постройки. Прошу вас приобрести эту книгу хотя бы для того, чтобы подарить вашей прислуге. Просим вашего согласия. Самая высшая женская школа кройки и шитья в великой Японии. Директор школы Синсаку Нуида. Припадаю к вашим стопам и молю».

Пробежав глазами это почтительное письмо, хозяин с холодным выражением лица швырнул его в мусорную корзину. Жаль, что припадания к стопам и моления г-на Синсаку не возымели никакого влияния на хозяина. Теперь третье письмо. Третье письмо заключено в необычайно яркий красно-белый конверт. Посредине конверта размашистым почерком начертано: «Тигру Тинно Кусями-сэнсэю, лично». Не могу поручиться, что из этого конверта сейчас вылезет Отафуку[171], но на вид он просто великолепен. Посмотрим, что в нем.

«Если я создал небо и землю, то я одним духом могу выпить воду из Сихэ. Если небо и земля создали меня, то я всего лишь пылинка. Но как бы то ни было, и в том и в другом случае я прочно связан с небом и землей… Человек, впервые употребивший в пищу трепанга, достоин восхваления за смелость. Человека, впервые отведавшего рыбу-пузырь, надо уважать за храбрость. В съевшего трепанга войдет дух Синрана, в отведавшего рыбу-пузырь войдет дух Нитирэна[172]. А такой тип, как Кусями-сэнсэй, ничего не желает знать, кроме протухшего уксуса и мисо. Я еще не видел человека, который бы стал героем вселенной, пожирая протухший уксус и мисо. Да предаст тебя ближайший друг. Да возненавидят тебя родители. Да бросит тебя любовница. Да не будешь ты никогда богатым. Да лишишься ты в один миг всех титулов и поместий. Да покроются плесенью знания, что ты хранишь в своей голове. На что ты надеешься? На что рассчитываешь в небе и на земле? На бога? Бог — это глиняный истукан, вылепленный измученным человеком. Это окаменевший навоз человеческого отчаяния. Спокойствием называется состояние, когда надеются на невозможное. Сквернословя и болтая всякую чушь, бредет к могиле пьяница. Кончается масло, и гаснет светильник. Что ты сможешь оставить после себя? Сиди же над своей кормушкой, Кусями-сэнсэй, ты недостоин моих поучений… Ничто не страшно, если не считать человека человеком. Но как смеет ополчаться на мир тот, кто не считает человека человеком и не считает себя собой? Кажется, мужи, достигшие вершин власти и величия, не считали людей людьми. Но почему тогда ты меняешься в лице от злости, когда другие не признают в тебе человека? Меняйся в лице сколько угодно, дурак!… Считая себя человеком и не признавая людей в других, недовольный выходит из себя и мечется в судорогах. Эти судороги называются революцией. Но революцию делают не недовольные. Ее в великой радости творят великие мужи. В Корее много женьшеня. Почему ты не пьешь женьшень? Обитающий в Сугамо Страж Небесной Справедливости. Кланяюсь повторно».

Г-н Синсаку припадал к стопам и молил, а этот тип только кланяется, да и то повторно. В общем, пользуется тем, что это письмо — не просьба о пожертвованиях. Зато оно совершенно непонятное. Оно достойно того, чтобы его отвергли в любом журнале. Я уж было подумал, что хозяин, известный сумеречным состоянием своего мозга, изорвет этот листок в клочья, но нет, он перечитывал его вновь и вновь. Кажется, он считает, что в этом письме есть какой-то скрытый смысл, и решил во что бы то ни стало доискаться до него. В мире существует много непонятных вещей, но нет ничего, в чем нельзя было бы найти какой-то смысл. Пусть фраза будет необычайно трудна — сделайте вид, что вы ее поняли, и она легко поддастся толкованию. Назовите человека дураком или умным, и все моментально станет на свои места. Мало того, скажите, что человек — это свинья или что человек — это собака, и такие утверждения не вызовут никаких трудностей для толкования. Можете сказать, что гора низкая. Ничего не произойдет особенного, если вы скажете, что вселенная тесна. Сойдут даже утверждения, что ворона бела, Комати[173] — безобразна, мой хозяин — благородный муж. И потому можно найти смысл даже в таком бессмысленном письме, если захотеть истолковать его соответствующим образом. Особенно если за дело берется такой человек, как мой хозяин. Ведь он без зазрения совести толкует выражения на совершенно незнакомом ему английском языке. Как-то один из учеников спросил его, почему «гуд монинг» говорят даже в плохую погоду, и хозяину пришлось размышлять над ответом семь дней. А когда его спросили, как будет по-японски «Колумб», он погрузился в раздумье на трое суток. Такие люди из каждой фразы могут извлечь любой смысл, для них вполне закономерны выражения типа «протухший уксус и мисо являются героями вселенной» и «выпив корейского

женьшеня, надо устроить революцию». Спустя некоторое время хозяин разобрался — видимо, по методу «гуд монинг» — в этом труднейшем наборе слов и начал восторгаться. «Какой глубочайший смысл! Сразу видно, что человек много занимался философией! Блестящая эрудиция!» Из этих его слов сразу явствует, что он глуп, но если поразмыслить, то станет ясно — кое в чем он все-таки прав. Хозяин всегда восторгается непонятным. И не только хозяин. Считается, что в непонятном скрыто то, что недоступно дураку, и что неясное пробуждает в человеке возвышенные чувства. Поэтому простые смертные говорят о непонятном с таким видом, будто все понимают, а ученые преподают понятное по возможности непонятно. Судите сами, профессора, читающие в университетах непонятные лекции, пользуются почетом и славой, а тех, кто все объясняет понятно, не уважает никто. Итак, хозяин проникся почтением к автору письма, потому что письмо непонятно, потому что основную идею письма ухватить невозможно, потому что в нем беспорядочно перемешались трепанги и навоз отчаяния. Хозяин отнесся к письму с благоговением по той же причине, по которой последователь Лао Цзе почитает «Книгу этики», конфуцианец — «Книгу предвидения», йоги — «Книгу прошедших путь». Но все-таки люди не успокаиваются, если им что-то совершенно непонятно, поэтому они принимаются за произвольное толкование непонятного и делают вид, что все понимают. С древних времен принято делать вид, что понимаешь непонятное. Хозяин аккуратно свернул письмо, написанное великолепным почерком, положил его на стол, сунул руки за пазуху и погрузился в размышления.

В этот момент из передней донесся громкий голос: кто-то просил разрешения войти. Судя по голосу, это был Мэйтэй, но с каких пор Мэйтэй просит разрешения? Хозяин слышал голос, однако не двинулся с места и продолжал сидеть, засунув руки за пазуху. Видимо, он считает ниже своего достоинства выходить в переднюю, ибо я еще ни разу не видел, чтобы он поднялся навстречу гостю. Между тем служанка только что ушла в лавку за мылом, а хозяйка сидела в уборной. Что же, мне, что ли, выходить встречать гостя? Не желаю. Тогда гость потерял терпение, влетел в коридор и принялся одно за другим раздвигать в комнатах сёдзи. Уж на что хозяин хорош, а гость еще лучше. Было слышно, как скрипнули фусума в гостиной, и наконец гость появился в кабинете.

– Что за шутки? Чем ты занимаешься? Ведь к тебе же гость!

– А, это ты? — спокойно сказал хозяин.

– Что значит «а, это ты»? Неужели трудно было откликнуться? Дом словно вымер.

– Гм… Я здесь думал кое о чем.

– О чем бы ты ни думал, а откликнуться мог!

– Пожалуй, что и мог бы.

– Как всегда непробиваем.

– Видишь ли, с недавних пор я занимаюсь совершенствованием духа…

– Ну и чудак! Каково же будет гостям, если ты до того усовершенствуешь свой дух, что перестанешь откликаться? Прямо в дрожь бросает от твоей невозмутимости! Я же не один к тебе пришел. Я к тебе такого гостя привел! Вставай, пойдем, я вас познакомлю!

– Кого это ты привел?

– Увидишь, пойдем. Он очень хочет тебя видеть.

– Кто?

– Да не все ли тебе равно — кто? Идем!

Хозяин проворчал: «Опять, наверное, дурака валяешь», — поднялся, не вынимая рук из-за пазухи, вышел в коридор и направился в гостиную. В гостиной лицом к токонома[174] величественно восседал на циновке какой-то старичок. Хозяин немедленно извлек руки из-за пазухи и опустился на циновку возле самого входа. Но старик сидел лицом к токонома, а хозяин — за его спиной, глядя ему в затылок. Естественно, в таком положении было очень неудобно обмениваться приветствиями. Между тем известно, что люди старого поколения всегда очень щепетильны, когда дело касается церемоний.

Старичок указал на токонома и сказал, обращаясь к хозяину: «Пожалуйте сюда». Еще три года назад хозяин считал, что в комнате можно садиться где заблагорассудится. Но потом кто-то прочитал ему лекцию о токонома, из которой выяснилось, что некогда токонома была

тронным местом. Отсюда хозяин сделал вывод, что токонома предназначены исключительно для посланцев императорского двора, и больше никогда не приближался к этому месту. Тем более ему не хотелось подойти к токонома теперь, когда прямо перед ней восседал незнакомый старец.

Хозяин в замешательстве не мог выговорить ни единого слова приветствия. Он склонил голову и повторил слова гостя:

– Пожалуйте сюда.

– Нет, — ответствовал старик. — Тогда я буду лишен возможности приветствовать вас подобающим образом. Уж пожалуйте, прошу вас.

– Нет, тогда я не… э-э… Пожалуйте, прошу вас, — сказал хозяин.

– Вы своей скромностью повергаете меня в ужасное затруднение. Я оказываюсь в неловком положении. Пожалуйста, без стеснения, прошу вас.

– Своей скромностью… Повержен в ужас… Как-нибудь… — хозяин, побагровев, принялся мямлить, словно рот у него был набит картошкой. Видимо, совершенствование духа не пошло ему на пользу. Мэйтэй-кун с улыбкой наблюдал за всем происходящим из-за фусума. Затем это ему надоело, и он сказал:

– Да ладно, иди уж. Ты так прилип к порогу, что мне и сесть некуда. Давай, не робей!

Он толкнул хозяина вперед. Делать нечего, хозяин приблизился к токонома.

– Кусями-кун, это мой дядя из Сидзуока, о котором я тебе часто рассказывал. Дядя, это Кусями-кун.

– Наконец-то я имею честь лицезреть вас, — сказал старик. — Мэйтэй пользуется вашей благосклонностью, и я тоже, недостойный, давно мечтал побеседовать с вами. К счастью, сегодня мы проходили неподалеку от вашего дома, и я решился навестить вас, чтобы принести свою благодарность за ваше благостное внимание к Мэйтэю. Прошу вас, не откажите в любезности побеседовать со мной и не лишайте меня своих милостей в будущем.

Старик произнес этот монолог в старинном стиле без единой запинки. Кажется, никогда раньше мой необщительный и угрюмый хозяин не сталкивался с такими благовоспитанными старцами. И если уж он с самого начала пришел в замешательство, то теперь, когда его обдали потоком таких приветствий, он позабыл и про корейский женьшень, и про разукрашенный конверт. С большим трудом он выдавил из себя весьма странный ответ:

– Я тоже… Я тоже… Собирался посетить… Прошу благосклонности…

Тут он приподнял голову и украдкой взглянул на гостя. Но старичок по-прежнему склонялся в низком поклоне, а посему хозяин тоже поспешил уткнуться лбом в циновку.

Выдержав паузу, старик поднял голову:

– В прежние времена у меня здесь был дом, и я долго жил в столице у ног сегуна. Но в дни Переворота[175] я надолго уехал отсюда, а когда вернулся, то обнаружил, что совершенно не узнаю столицу. Если бы не Мэйтэй, не знаю, что бы я стал делать. Хоть и говорят, что все в мире меняется, но все же род сегуна триста лет…

Видимо, Мэйтэй счел, что старик несет чепуху, и перебил его:

– Род сегуна, дядя, несомненно, хорош, но и эпоха Мэйдзи тоже превосходна. Наверное, в те времена не было Красного Креста?

– Не было. Ничего похожего на Красный Крест не было. И такая штука, как лицезрение великого князя — это тоже возможно только теперь. В наше время великим князьям не поклонялись… Вот и я по долголетию своему сподобился посетить сегодняшнее собрание да еще услышать голос его высочества великого князя. Так что теперь можно было бы и умирать.

– Уж и то хорошо, что увидели Токио после такого перерыва. Знаешь, Кусями-кун, ведь дядя специально приехал из Сидзуока на конференцию Красного Креста. Мы только что были в парке Уэно на этой конференции, а на обратном пути зашли к тебе. Видишь, он в сюртуке, который недавно заказал себе у Сиракия.

Действительно, дядя был в сюртуке. Но сюртук был совершенно не по мерке. Рукава слишком длинны, борта отстают, спина вся в складках. И он явно жмет дяде под мышками. Я думаю, что даже нарочно сшить такой скверный сюртук очень трудно. Вдобавок белый воротничок отстегнулся от рубашки, и каждый раз, когда дядя поднимает голову, кадык просовывается между воротничком и рубашкой. При этом трудно разобрать, рубашке или сюртуку принадлежат черные шелковые отвороты. Но сюртук еще куда ни шло, терпеть можно. А вот полюбуйтесь на эту старинную самурайскую прическу! Я стал искать глазами железный веер, о котором часто рассказывал Мэйтэй. Аккуратно сложенный веер лежал возле старика. Между тем хозяин пришел наконец в себя и обратил свое усовершенствованное внимание на одежду старика. Он был немало удивлен, потому что никак не ожидал, что Мэйтэй способен говорить правду. А то, что он увидел, было значительно красочнее рассказов Мэйтэя. Если рябины хозяина могут служить наглядным пособием для изучения истории, то самурайская прическа и железный веер старца имели в этом смысле гораздо большую ценность. Хозяину очень хотелось побольше узнать о железном веере, но прерывать беседу было неучтиво. Поэтому хозяин задал обычный вопрос:

– Народу, вероятно, было много?

– Страшно много. И все таращили на меня глаза. В нынешние времена люди стали не в меру любопытны. В старину этого не было.

– Да, конечно, в старину ничего подобного не было, — ответил хозяин, будто сам был стариком. Не подумайте только, что хозяин притворяется всеведущим. Просто эта реплика неожиданно возникла в его охваченном вечными сумерками мозге.

– И знаете, — продолжал старик, — все глазеют на мой «шлемокол».

– Наверное, он очень тяжел, этот ваш веер.

– Попробуй возьми в руки, — предложил Мэйтэй. — Он тяжелый. Дядя, разрешите ему попробовать.

Старик сказал: «Сделайте одолжение», — с натугой поднял веер и передал его хозяину. Кусями-сэнсэй некоторое время держал веер так, как паломники в храме Куроданэ в Киото держат меч Рэнсёбо, а затем сказал: «Действительно», — и вернул веер гостю.

– Все почему-то называют этот предмет железным веером. Но он ничего общего с веером не имеет. Это же шлемокол.

– Гм… А к чему он, позволительно будет спросить?

– Колоть шлемы. А когда враг от удара валился без памяти на землю, его добивали. Шлемоколами пользовались со времен Кусуноки Масасигэ…[176]

– А что, дядя, этот шлемокол принадлежал Масасигэ?

– Нет. Не знаю, кому он принадлежал. Знаю только, что он очень старинный. Очень возможно, что он сделан во времена Кэмму.

– Не знаю, как насчет Кэмму, — объявил Мэйтэй, — но он доставил немало хлопот Кангэцу-куну. Знаешь, Кусями-кун, сегодня мы по дороге зашли в университет и осмотрели физическую лабораторию. И знаешь, все магнитные приборы там с ума посходили, потому что шлемокол железный. Вот шуму там было!

– Шлемокол здесь ни при чем, — сказал старик. — Это железо времен Кэмму, у него добрый характер, вреда оно не приносит.

– Железо есть железо, характер тут ни при чем. Вы же слыхали, Кангэцу-кун сам об этом сказал.

– А, Кангэцу… Это тот, что полировал стеклянный шар? Жаль, мог бы заниматься каким-нибудь более серьезным делом.

– Да, конечно, но ведь это и называется исследованием. Как только он отшлифует свой шар, сразу станет большим ученым.

«Отшлифует шар и станет ученым? Да ведь это каждый дурак может. И я тоже так бы мог, — подумал я. — И даже такой дурак, как хозяин». В Китае тех, кто занимался подобным делом, называли ювелирами, и это не считалось почетной профессией. Мне очень хотелось, чтобы хозяин согласился с моим мнением.

– Да, да, — согласился хозяин.

– Все эти нынешние науки, — сказал старик, — эмпирические, и на первый взгляд они могут показаться полезными. Но когда доходит до дела, они ни на что не пригодны. В старину было не так. Профессия самурая состояла в том, чтобы рисковать жизнью, поэтому он должен был беспрестанно совершенствовать свой дух, дабы не растеряться в опасный момент. А это потруднее, нежели шлифовать какой-то там шар или тянуть какую-то проволоку.

– Да, да, — почтительно согласился хозяин.

– Ну, — сказал Мэйтэй, — то, что вы называете совершенствованием духа и противопоставляете шлифованию шариков, — всего-навсего праздное ничегонеделание с руками за пазухой.

– Вовсе нет. Не такое это простое дело. Мэн-цзы называл его необходимым освобождением духа. А Шао Кан-цзе учил, что сие есть духа необходимое освобождение. А буддист монах Тюхо предлагал добиваться неизменности и неотступности духа. Все это не так-то просто постигнуть.

– Я никогда не постигну этого. Прежде всего я так и не понимаю, что вообще нужно делать.

– А читал ли ты книгу монаха-йога Такуана «Дух недвижный и богоподобный»?

– Нет. Даже не слыхал никогда.

– Где место духа? Если дух обращен на дела врага, то попадает он в сети дел врага. Если на меч врага, то в сети меча врага. Если на истребление врага, то в сети истребления врага. А если на свой меч, то в сети своего меча. А если на защиту от гибели, то в сети защиты от гибели. А если на позу человека, то в сети позы человека. Короче говоря, сказано: нет места духу.

– Как вы все хорошо помните, дядя. Замечательная память. Это ведь очень длинный отрывок. Кусями-кун, ты что-нибудь понял?

– Да, да.

– Не правда ли? — обрадовался старец. — Где место духа? Если дух обращен на дело врага, то попадает он в сети дел врага. Если на меч врага…

– Кусями-кун все это отлично знает, дядя. В последнее время он основательно занимается у себя в кабинете совершенствованием духа. Он уже так отделал свой дух, что не замечает, когда к нему приходят гости.

– О, это достойно всяческого уважения. Тебе бы тоже следовало попробовать вместе с ним.

Мэйтэй хихикнул.

– У меня нет времени на такие штучки. Вы, дядя, полагаете, что раз вы сами ничем не заняты, то и другие бездельничают.

– Но ты же действительно бездельничаешь…

– В том-то и дело, что безделье заключает в себе много дел.

– Да, но ты слишком рассеян, тебе надо совершенствоваться. Кстати, есть еще поговорка: среди дел найдутся свободные минуты. А твою поговорку… Безделье заключает в себе много дел… Нет, впервые слышу. Как вы считаете, Кусями-сан?

– Да, я тоже, кажется, никогда не слышал.

– Ха-ха-ха! Ну, если вы двое против меня одного, то я сдаюсь. Да, кстати, дядя, не желаете ли полакомиться токийским угрем? Я могу свести вас в «Тикуё». На трамвае доедем быстро.

– Угря бы хорошо попробовать, но… Нет, я обещал, что буду сегодня у Суихара. Так что я должен попросить у хозяина извинения и откланяться.

– А, Сугихара? Крепкий этот дед, правда?

– Не Сугихара, а Суихара. Ты всегда так. Нельзя уродовать имена людей. Нужно быть внимательным.

– Но пишется же Сугихара?

– Пишется Сугихара, а произносится Суихара.

– Вот странно!

– Ничего странного. В Японии издавна существует у иероглифов чтение мёмоку. Вот, например, иероглифы «червяк» читают «мимидзу». Почему? А потому, что слово «мимидзу» означает «не имеющий глаз». То же самое с лягушкой. Иероглифы «лягушка» читают «каэру»…

– Ну и ну…

– Если убить лягушку, она переворачивается на спину. Потому и читают «каэру», что значит «перевернуться». Только провинциал прочитает иероглифы «Суихара» как «Сугихара». Скоро над тобой будут смеяться.

– Так вы сейчас к этому самому Суихара поедете? А я что буду делать?

– Если хочешь, оставайся здесь. Я отправлюсь один.

– А вы доберетесь?

– Пешком, конечно, было бы трудно. Но я возьму рикшу прямо отсюда.

Хозяин немедленно послал О-Сан за рикшей. Церемонно попрощавшись, старик удалился, нахлобучив котелок на свою самурайскую прическу. Мэйтэй остался.

– Это твой дядя? — спросил хозяин.

– Это мой дядя.

– Да, да, — произнес хозяин и задумался, сидя на дзабутоне, засунув руки за пазуху.

– Ну, чем не герой? Иметь такого дядю — одно удовольствие. Куда его ни приведи — он везде вот так. А ты, наверное, удивился?

– Нет, не очень.

– Ну, если ты и теперь не удивился, — значит, тебя ничем не проймешь.

– В твоем дяде есть нечто величественное. И всяческого уважения достойны его настояния на совершенствовании духа.

– Хм… Достойны уважения? Смотри, отстанешь ты от времени, как и мой дядя, годам к шестидесяти. Лучше воздержись, ничего хорошего в этих проповедях старины нет.

– Ты все боишься отстать от времени. А знаешь, бывают обстоятельства, при которых старое предпочтительнее нового. Во-первых, современная наука движется все дальше вперед, и конца этому не видно. От такого движения мы никогда не получим удовлетворения. А вот восточные науки пассивны, и в этом есть глубокий смысл. Ведь они учат совершенствовать сам дух! — И хозяин принялся излагать взгляды философа, словно свои собственные.

– Ого, вон как ты заговорил! Это уже пахнет Яги Докусэном!

Хозяин спохватился, услыхав это имя. Дело в том, что философ, который недавно посетил «Логово дракона» и, дав хозяину наставления, спокойно удалился восвояси, был как раз Яги Докусэн-куном. И реплика Мэйтэя подействовала на хозяина, как щелчок по носу.

– А ты когда-нибудь слыхал о теориях Докусэна? — осторожно, чтобы не попасть впросак, осведомился хозяин.

– Еще бы! Его теории известны вот уже десять лет, с тех пор как он учился в университете, и они нисколько не изменились за это время.

– Теории меняются не так-то просто. Возможно, как раз хорошо, что его взгляды неизменны.

– Докусэн-то и существует благодаря поддержке таких, как ты. И фамилия у него — Яги — очень удачна. Яги значит козел, и борода у Докусэна совершенно козлиная. Она у него тоже сохранилась с университетской поры. Произошел с ним такой случай. Однажды он явился ко мне и остался ночевать. Тут он принялся распространяться об этой своей теории

пассивности. Долбит и долбит одно и то же. Я говорю ему: «Давай спать». Нет, он отвечает, что спать не хочет, и продолжает свое. Я уж не знал, что делать. Наконец говорю: «Если ты не хочешь спать, то я хочу». Насилу его уложил. Но не тут-то было. Ночью откуда-то появилась крыса и укусила Докусэна за кончик носа. Такой шум поднялся! Разглагольствовать о философии Докусэн умеет, но сам относится к жизни совсем не по-философски. Шумит, кричит, пристал ко мне, чтобы я что-нибудь предпринял. Объявил, что крысиный яд может распространяться на все тело. Чтобы как-нибудь отделаться от него, я решил прибегнуть к обману и наклеил ему на нос бумажку с комочками риса.

– Как?

– Я ему сказал, что это лучший заграничный пластырь, что его недавно изобрел знаменитый немецкий врач, что индусы пользуются им при укусах змеи и говорят, что он хорошо помогает, и так далее. В общем, сказал ему, что теперь все пройдет.

– Ага, ты уже тогда умел искусно обманывать?

– Ты ведь знаешь, какой Докусэн простак. Он поверил, совершенно успокоился и захрапел. И смешно же было на следующее утро смотреть, как у него из-под пластыря на козлиную бороду свисает нитка! Ты когда его видел в последний раз?

– Неделю назад он был у меня. Мы долго беседовали, потом он ушел.

– Так вот почему ты болтаешь об этой самой теории пассивности!

– Сказать правду, я был восхищен этой теорией и решил со всем усердием заняться усовершенствованием духа.

– Усердие — это, конечно, хорошо. Только если все, что тебе говорят, будешь принимать за чистую монету, быть тебе дураком. Никуда не годится, что ты все принимаешь на веру. Докусэн-то ведь только на словах великолепен, а на деле он не лучше других. Помнишь землетрясение девять лет назад? Ведь тогда Докусэн настолько перепугался, что прыгнул со второго этажа общежития и сломал ногу.

– Да, но он говорил, что в его действиях был глубокий смысл!

– Ну, еще бы! По его словам выходит, что он проявил образец находчивости. Вот что он говорит: «Множество вершин есть в учении йогов. Постигнув их, ты обретаешь способность необыкновенно быстро ориентироваться в так называемых случаях „камня и огня“. Лишь мне было дано выпрыгнуть из окна второго этажа, ибо я совершенен, а остальные только метались в растерянности и не знали, что им делать». И, рассказывая эту вот чепуху, он гордо ковылял на сломанной ноге. Знаешь, это все равно что спросить человека, упавшего в пруд: «Ты что, упал?» А он тебе ответит: «Что ты! Я за рыбой полез!» Нет уж, избавь меня от тех, кто много шумит насчет йогов и будд.

– Ты как думаешь? — Кусями-сэксэй начал понемногу сдаваться.

– Когда он был у тебя, не болтал ли он тут что-нибудь о монахах, которых казнили?

– Да, я запомнил фразу: «Молния прорезает весенний ветер».

– Вот-вот, эта самая молния. Ведь он уже десять лет носится с ней. Не было у нас в общежитии ни одного человека, который бы не знал о молнии йога Мукаку — так мы звали Докусэна. Самое забавное в том, что, разгорячившись, он начинал всё путать и говорил: «Весенний ветер прорезает молнию». Попробуй возразить ему как-нибудь, когда он будет, как обычно, болтать с важным видом всякую чепуху. Тогда он такое понесет, что все вверх ногами перевернется.

– Ну, перед таким шутником, как ты, никто не устоит.

– Не знаю, кого ты называешь шутником. А я терпеть не могу всех этих монахов-йогов и так называемых прозревших. Недалеко от моего дома есть храм Нандзоин, в котором живет один старый-престарый монах, ушедший на покой. Недавно была гроза, молния ударила во двор храма и рядом с монахом расколола сосну, а он даже не вздрогнул. Позже я выяснил, что он просто-напросто абсолютно глух. Вот откуда его спокойствие. Что же касается Докусэна — так уж пусть бы сидел один со своим прозрением и совершенствованием, но нет, он еще соблазняет других и тащит за собой. Уже двое из-за него помешались.

– Кто?

– Кто! Один — Рино Тодзэн. По милости Докусэна свихнулся на учении йогов и отправился на поклонение в Камакура. А там уже помешался окончательно. Знаешь, перед храмом Энкакудзи проходит железнодорожная линия. Так вот, он уселся там на рельсы в позе созерцания, поклявшись, что остановит поезд. Поезд действительно остановился, и только благодаря машинисту жизнь его была спасена. Он же объявил, что теперь плоть его неуязвима, ни в огне не горит, ни в воде не тонет. И чтобы доказать это, забрался по шею в пруд и принялся расхаживать по дну.

– Утонул?

– Нет. К счастью, мимо проходил бонза и спас его. Но когда он вернулся в Токио, у него получилось воспаление брюшины, и он умер. Оказывается, он ради искуса питался ячменной кашей и протухшими маринадами. Вот и выходит, что виновником его гибели был Докусэн.

По лицу хозяина было заметно, что рассказ произвел на него глубокое впечатление.

– Да, в таком поведении есть свои и хорошие и дурные стороны.

– Вот именно. Докусэн загубил еще одного моего приятеля.

– Что ты говоришь? Кто же это?

– Татимати Робай-кун. Этого беднягу тоже опутал Докусэн. Сначала он стал нести чудовищные нелепицы, бормотал об угре, вознесенном на небеса, а потом он стал настоящим.

– Что это значит — стал настоящим?

– Угорь вознесся на небо, а свинья стала отшельником.

– Ничего не понимаю.

– Яги зовут Докусэном, что значит Одинокий отшельник. Ну, а Татимати оказался Бутасэном, а это означает Свинья-отшельник. Он ведь невероятно прожорлив. И представь себе, что получилось, когда эта природная прожорливость соединилась с отвратительным изуверством монаха-йога. Сначала мы не обратили внимания, а потом вспомнили, что у него с самого начала все пошло как-то странно. Приходит он, например, ко мне и говорит: «У тебя под окнами не садятся на сосны котлеты? А вот у нас в провинции плавают по реке на дощечках рыбные лепешки!» Но и это еще ничего, а вот когда он принялся уговаривать меня пойти с ним и откопать в канавах на заднем дворе сладкое желе, тут уж я только руками развел. Еще через несколько дней он стал настоящим Бутасэном — Свиньей-отшельником, и его отправили в лечебницу в Сугамо. Вообще говоря, с чего бы, казалось, свинье сходить с ума? Он стал таким благодаря Докусэну. Докусэн обладает огромным влиянием.

– Он и сейчас в Сугамо?

– Да. И он там не последнее лицо. У Татимати мания величия, и он шумит там вовсю. Он решил, что имя Татимати Робай никуда не годится, и назвал себя Стражем Небесной Справедливости. Он считает себя воплощением справедливости. Ужас, что с ним творится. Навести его, посмотришь.

– Страж Небесной Справедливости?

– Да, Страж Небесной Справедливости. Сумасшедший, но как ловко имя придумал, правда? А иногда он подписывается «Конфуцианское Равенство». Он беспрерывно рассылает письма всем Друзьям и знакомым, сообщая им, что мир в заблуждении и что он хочет спасти его. Я уже получил от него несколько таких писем. Среди них были письма настолько объемистые, что мне пришлось дважды доплатить за доставку.

– Значит, письмо, которое я сегодня получил, тоже от Робая?

– А, ты тоже получил? Любопытно. Конверт красный?

– Да, красный, и по краям белые полосы. Очень оригинальный конверт.

– Ты знаешь, эти конверты он специально выписывал из Китая. Расцветка символизирует смысл его поучений: путь неба белый, путь земли белый, а человек красный.

– До чего глубокомысленно!

– С тех пор как он рехнулся, он все время тщательно обдумывает такие вещи. Но при всей своей ненормальности он по-прежнему прожорлив. В каждом письме пишет что-нибудь

о еде. Тебе он тоже писал?

– Да, про трепангов.

– А, Робай любит трепангов. А еще про что?

– Еще про рыбу-пузырь и про женьшень.

– Ловко это придумано — сочетать рыбу-пузырь и женьшень. Он, верно, хотел сказать, что обожравшемуся рыбой-пузырем следует лечиться корейским женьшенем.

– Мне кажется, это не совсем так.

– Да пусть хоть как. Он же сумасшедший. Ну, а еще что было написано?

– Там еще была фраза: «Кусями-сэнсэй, сиди над своей кормушкой».

Мэйтэй расхохотался.

– Как он строго с тобой, а! И, конечно, считает, что подковырнул тебя здорово. Нет, это великолепно! Да здравствует Страж Небесной Справедливости!

Итак, отправитель письма, которое хозяин с таким великим почтением перечитывал, оказался первосортным помешанным. Хозяин ощутил некоторую досаду за свои старания, некоторый стыд за трату времени на изучение упражнений графомана, а затем ему вдруг пришло в голову: в порядке ли его собственная психика, если он так восхищался бредом безумца? Лицо хозяина приняло озабоченный вид, оно одновременно выражало досаду, стыд, беспокойство.

В эту минуту парадная дверь с шумом отворилась, и послышался тяжелый топот ботинок. «Могу ли я попросить вас на минутку?» — раздался чей-то громкий голос. Не в пример тяжелозадому хозяину, Мэйтэй всегда был легок на подъем. Не дожидаясь, пока к посетителю выйдет О-Сан, он вскочил на ноги и в два прыжка оказался в прихожей. Мэйтэй обычно вламывается в чужой дом без спроса, но хорошо уже и то, что в том же доме он охотно выполняет обязанности прислуги. Однако, как бы там ни было, Мэйтэй все-таки гость, а раз гость вышел к посетителю, то хозяину и подавно следовало бы сделать это. Другой человек, конечно, последовал бы за Мэйтэем в прихожую. Но не таков Кусями-сэнсэй. Он продолжал покоить свой зад на дзабутоне. Кстати, на первый взгляд понятия «покоить свой зад» и «быть спокойным» означают одно и то же, в действительности же между этими двумя понятиями существует огромное различие.

Было слышно, как Мэйтэй что-то оживленно говорил в прихожей, затем крикнул: «Эй, хозяин, выйди-ка сюда! Без тебя не обойтись!» Что оставалось делать хозяину? Он встал и, держа руки за пазухой, направился в прихожую. Здесь его взору открылась следующая картина: Мэйтэй разговаривает с посетителями, сидя на корточках и держа в руке визитную карточку. Поза его не вызывает никакого почтения. На визитной карточке значится: «Агент сыскного отделения полицейского управления Торадзо Иосида». Агент Торадзо-кун стоит перед Мэйтэем, а рядом с агентом стоит изящный высокий мужчина лет двадцати пяти — двадцати шести в красивом кимоно из заграничного материала… Странно, этот мужчина стоит молча, засунув, как и хозяин, руки за пазуху. Лицо его кажется мне знакомым. Постойте, постойте, ну конечно же! Это тот самый господин грабитель, который не так давно забрался ночью к нам в дом и украл коробку с дикими бататами! Сегодня, однако, он явился днем, открыто, с парадного хода.

– Слушай, — сказал Мэйтэй. — Это агент из сыскного отделения. Поймали вора, и он пожелал, чтобы тебя пригласили в полицию.

Видимо, хозяин наконец понял, кто его гости, и почтительно поклонился, повернувшись к вору. Вор выглядел весьма почтенно. Он, конечно, удивился, но даже глазом не моргнул. Не мог же он в самом деле сказать: «Я вор». Руки он по-прежнему держал за пазухой и если бы даже захотел их вытащить, то не смог бы, потому что был в наручниках. Любому человеку с первого взгляда стало бы ясно, кто здесь вор и кто — сыщик, но хозяин — это не любой человек. Он благоговел перед чиновниками и полицейскими. Власти в его восприятии были чем-то страшным и грозным. Теоретически он отлично понимал, что полицейский — это всего-навсего сторож, которого нанимают за его, хозяина, Деньги. Но на практике хозяин всегда терялся при виде полицейского. Отец хозяина был старостой какого-то окраинного квартала столицы, привык непрерывно кланяться начальству, и эта привычка, вероятно, легла проклятием на сына. Прискорбно, но что поделаешь?

Видимо, полицейскому стало смешно, и он улыбнулся.

– Прошу вас завтра к девяти часам явиться в полицейское управление Нихондзуцуми… Какие предметы были у вас похищены?

– Похищены… — начал хозяин и вдруг замолчал. Он уже все забыл. Он помнил только о диких бататах — подарке Сампэй Татара. Но необходимо было говорить, иначе он будет похож на уличного фигляра. Украли-то все-таки у него, а не у кого-нибудь другого. Еще подумают, что он полоумный… И хозяин в отчаянии закончил: — Похищены… одна коробка диких бататов.

Вор, вероятно, едва удерживался от смеха, и спрятал подбородок в воротник кимоно. Мэйтэй расхохотался:

– До чего же тебе, видно, жаль эти несчастные бататы!

Только агент оставался необычайно серьезным.

– Дикие бататы, кажется, не нашлись. Но все остальное найдено — приходите, там выясним. Кстати, при возвращении вещей с вас возьмут расписку, не забудьте захватить личную печать. Явиться до девяти. Управление Нихондзуцуми… Управление Нихондзуцуми округа Асакуса… До свидания.

Произнеся этот монолог, агент удалился. За ним последовал и господин вор. Он не мог вытащить руки из-за пазухи, чтобы закрыть дверь, и оставил ее открытой. Хозяин благоговел перед полицией, но, кажется, рассердился. Он резким движением захлопнул дверь.

– Вот не знал, что ты так уважаешь сыщиков! — хохотал Мэйтэй. — Со всеми бы так… А то ты учтив только с полицейскими!

– Ведь он специально посетил меня, чтобы пригласить…

– Посетил, чтобы пригласить… Это же его профессия! И ты бы вполне мог держаться с ним как с обычным посетителем.

– Но это не простая профессия!

– Конечно, не простая. Гнусная профессия быть сыщиком. Намного хуже всех остальных.

– Если ты будешь так говорить, тебе когда-нибудь попадет.

– Ха-ха-ха! Ну ладно, не будем ругать полицию. Только знаешь, уважать и быть учтивым с сыщиком — это еще туда-сюда. Но я был поражен, когда увидел, как ты учтив с вором!

– Кто учтив с вором?

– Ты.

– У меня нет знакомых воров.

– Нет? А кто только что кланялся вору?

– Когда?

– Вот только что. Прямо извивался от учтивости.

– Не говори глупостей. Я кланялся агенту.

– Да разве агенты так одеваются?

– Он так и одет, потому что агент.

– Экий ты упрямец…

– Сам ты упрямец.

– Ну скажи на милость, какой агент, явившись в дом, будет держать руки за пазухой?

– А почему бы агенту и не держать руки за пазухой?

– Ну, с тобой говорить бесполезно. Я больше не могу. А ты заметил, что он даже не пошевелился, когда ты ему кланялся?

– Все агенты так себя ведут.

– До чего самоуверен! Что тебе ни толкуй, ты ни за что не согласишься.

– И не соглашусь. Вот ты говоришь: «Вор, вор». А ты разве видел, как он воровал? Ты как вобьешь себе что-нибудь в голову, так и будешь твердить без конца одно и то же.

Тут уж даже Мэйтэй, несмотря на весь свой апломб, замолчал. Видимо, он решил, что с хозяином не столкуешься. А хозяин решил, что Мэйтэй сдался, и очень обрадовался. В глазах Мэйтэя хозяин пал из-за своего упрямства, а хозяин думал, что с помощью упрямства возвысился над Мэйтэем. В жизни часто повторяется такая дурацкая ситуация. Какой-нибудь человек считает себя победителем, а в действительности его акции все больше и больше падают. Упрямец до самой смерти своей считает, что совершил подвиг, и даже не подозревает, что все окружающие презирают его за упрямство. Невероятно, но факт. Упрямец счастлив. Такое счастье называется счастьем свиньи.

– Итак, — сказал Мэйтэй — завтра ты пойдешь?

– Обязательно пойду. Он сказал — до девяти, так что часов в восемь я отправлюсь.

– А твои уроки?

– Пропущу, — объявил хозяин с бешеной отвагой. — Подумаешь, уроки!

– Ого, как ты расхрабрился! А за это ничего не будет?

– Ничего. Я же на окладе. У меня не вычтут. Все будет в порядке.

Да, хитер хозяин, хитер. Но зато и наивен.

– Ну, ладно. Пойдешь, значит. А дорогу знаешь?

– Откуда мне знать? — раздраженно сказал хозяин. — Рикша довезет.

– Ну, знаешь… Просто поражаюсь. Ты в Токио совсем как мой дядя.

– Поражайся сколько угодно.

– А известно ли тебе, в каком необыкновенном месте расположено управление Нихондзуцуми? В Иосивара!

– Что?

– В Иосивара!

– Это где публичные дома?

– Вот именно. В Токио только один район Иосивара. Так что ты будешь делать?

Хозяин было приуныл, но тут же воскликнул с совершенно неуместным пылом:

– Пусть Иосивара, пусть публичные дома! Раз я сказал, что пойду, значит пойду!

Упрямство глупцов общеизвестно.

Мэйтэй-кун сказал только: «Ну сходи, сходи, тебе будет интересно». Эпизод с взволновавшим хозяина появлением сыскного агента на этом закончился. Мэйтэй поболтал еще немного в обычной своей манере, а потом сказал: «Надо идти, а то дядя рассердится», — и отправился домой.

После ухода Мэйтэя хозяин наскоро поужинал, затем снова закрылся в кабинете и, сложив руки на груди, стал размышлять:

«Докусэн-кун, которым я восхищался и которому собирался подражать, оказался человеком недостойным. Во всяком случае, так говорит Мэйтэй-кун. Более того. Провозглашаемое им учение оказывается лишенным здравого смысла и, опять-таки по словам Мэйтэя, принадлежит к числу учений идиотских. Среди учеников Докусэна уже есть двое сумасшедших. Если я не проявлю должной осторожности, то тоже могу пойти по их пути. Человек, которого я принял за великого эрудита, оказался самым обыкновенным сумасшедшим. И звать его вовсе не Страж Небесной Справедливости, а Татимати Робай, и проживает он в психиатрической больнице в Сугамо. Даже если допустить, что Мэйтэй и на сей раз сделал из мухи слона, совершенно очевиден тот факт, что Татимати пользуется большим авторитетом в палате маньяков и считает себя князем справедливости. А может быть, и я немножко того?… Ведь говорят же, что рыбак рыбака видит издалека. И если меня восхищают теории сумасшедших… во всяком случае, я выражаю сочувствие их словам и письмам… то не являюсь ли и я таким же сумасшедшим? Ведь вполне возможно, что, живя по соседству с таким вот сумасшедшим, я мог бы пробить отверстие в стене и весело

беседовать с ним, сидя колено к колену. Дело принимает страшный оборот. С недавних пор меня самого поражают невероятные взлеты и странные метаморфозы моей мысли. Оставим в стороне функции моего мозга и возьмем только его волевые движения — сколько непонятного получается, когда они претворяются у меня в слова! Язык мой не ощущает вкуса воды, тело нечувствительно к дуновению ветра, зубы мои воняют, а макушка зудит. Значит, со мной творится что-то неладное. Не исключено, что я уже полноценный пациент для Сугамо. Хорошо еще, что я пока никого не поранил и не натворил ничего такого, что могло бы нанести вред обществу. Только поэтому меня еще терпят в городе и пока не выкинули из Токио. Нет, тут уже не до пассивности или активности, тут в первую очередь надо проверить пульс. Кажется, пульс нормальный. Может быть, жар? Нет, кажется, помрачение ума еще не наступило. И все-таки мне страшно.

Если искать в себе только черты сходства с безумцами, то выбраться из круга безумия невозможно. Нет, так не годится. Ведь я взял за образец сумасшедшего и пытаюсь истолковать свое состояние путем сравнения с сумасшедшим. Не удивительно, что я пришел к таким печальным выводам. Может быть, результат получится другой, если я возьму за образец здорового, нормального человека? Начнем с самых близких мне людей. Прежде всего — дядя Мэйтэя в сюртуке. Где место духа?… Нет, нет, здесь что-то подозрительное. А Кангэцу? С утра до вечера шлифует свои стеклянные шарики. Он тоже из той же породы… Третий… Мэйтэй? У него бзик — высмеивать всех и каждого. Несомненно, он просто веселый сумасшедший. Четвертый… Жена Канэда? Характер у нее зловредный и не укладывается в рамки здравого смысла. Сумасшедшая в натуральном виде. Пятый… Канэда-кун. Правда, я никогда его не видел. Но он, вероятно, тоже ненормальный, если живет в добром согласии с такой женой. Ненормальный — то же, что и сумасшедший, значит он из их числа. Дальше… Да всех не перечесть. Господа из „Ракуункана“ молоды по возрасту, но они достаточно умалишенные, чтобы послужить причиной гибели мира. В общем, оказывается, все люди одинаковы. Вот и стало спокойнее. Очень возможно, что общество — это сборище сумасшедших. Сумасшедшие, собравшись вместе, цепляются один за другого, схватываются между собой, ругаются и грабят друг друга, объединяются и разъединяются, а в целом это и есть общество! Если среди них появляются более или менее разумные люди и начинают им мешать, они строят сумасшедший дом и упрятывают этих бедняг так, что те уже не могут оттуда выбраться. Не так ли это? Значит, те, кто томится в сумасшедших домах, нормальные люди, а те, что бесчинствуют на свободе, — сумасшедшие. Бывают случаи, когда и сумасшедшего объявляют сумасшедшим, если он действует обособленно, но, когда сумасшедшие объединяются и представляют собой определенную силу, они объявляют себя нормальными. История знает немало примеров того, как один сумасшедший творит с помощью силы, денег и власти страшные безобразия, и все считают его великим человеком. Странно все это и как-то непонятно».

Таково было психическое состояние хозяина, когда он сидел ночью в своем кабинете в полном одиночестве. Тут особенно заметно проявилось сумеречное состояние его мозга. Этот олух, несмотря на свои кайзеровские усы, не способен отличить сумасшедшего человека от нормального. Более того, поставив задачу своему мыслительному аппарату, он в конце концов так и оставил ее нерешенной. Он человек с примитивным умом, неспособный продумать что-либо до конца. Единственная характерная особенность его рассуждений, которую стоит отметить, — это их расплывчатость. В них не за что ухватиться, словно это дымок сигареты «Асахи», который он выпускает из своих ноздрей.

Я — кот. Возможно, кому-нибудь покажется странным, что я могу столь точно угадать мысли хозяина. Дело в том, что для кота это не составляет никакой трудности. Я умею читать мысли. Когда научился? Не задавайте глупых вопросов. Умею, и все. Вот я лежу, свернувшись в клубочек, на коленях у человека и потихоньку прижимаюсь своей мягкой меховой шубкой к его животу. Возникает поток электричества, и внутренний мир человека во всех подробностях встает перед моим мысленным взором. Был даже случай, когда я содрогнулся, узнав мысли хозяина. Он гладил меня по голове и вдруг подумал: «Какая теплая жилетка вышла бы, если бы содрать с этого кота шкуру!» Страшное дело! Как бы то ни было, я могу вам сообщить, какие мысли возникали в ту ночь в голове хозяина, и я считаю это для себя большой честью. Но вот хозяин подумал: «Странно все это и как-то непонятно», — и громко захрапел. Несомненно, на следующее утро он уже забудет все, о чем думал накануне. И если ему захочется еще раз поразмыслить о сумасшествии, придется все начинать сначала. Но нельзя поручиться, что мысли его потекут по тому же руслу, прежде чем он решит, что

«странно все это и как-то непонятно». Несомненно одно: по какому бы пути ни пошли его мысли, все кончится словами: «Странно все это и как-то непонятно».

Глава X

«Проснитесь, уже семь часов!» — крикнула через дверь хозяйка. Хозяин лежал молча, повернувшись лицом к стене, и неизвестно было, спит он или не спит. Откликаться не входит в его привычки. Только когда становится совершенно необходимым сказать что-нибудь, он говорит «угу». И даже это «угу» выдавить из него не так-то просто. Человек, опустившийся до такой степени, представляет какой-то интерес для изучения рода человеческого, но женщины таких людей не любят. Даже супруга не очень-то, по-видимому, дорожит хозяином, а уж об остальных женщинах и говорить нечего. Если справедлива пословица «Когда от тебя отвернулись родные, не жди ласки от чужих», то хозяину нечего ждать снисхождения от какой бы то ни было женщины. Может быть, мне не стоило говорить о том, что хозяин совершенно не котируется у представительниц прекрасного пола, но я делаю это из самых лучших побуждений. Я хочу открыть хозяину правду, а то он считает, что жена не любит его потому, что не соответствуют друг другу их знаки зодиака.

Жена, видимо, решила так: в указанное время она сообщила супругу, что указанное время пришло. Если супруг не обратил внимания на ее слова, это его дело, ответственность ложится на него. Поэтому хозяйка подхватила веник и выбивалку для выколачивания пыли и удалилась в кабинет. Из кабинета тотчас же послышались звуки ударов — началась уборка. Мне неизвестно, с какой целью производится уборка. Возможно, это спорт, возможно — игра, а может быть, уборка делается ради уборки. Можно было бы вообще не упоминать об этом, но я все же хочу отметить, что деятельность хозяйки лишена смысла с любой из упомянутых точек зрения. Почему? Да потому, что это деятельность ради деятельности. Хозяйка немного похлопала выбивалкой по сёдзи, погладила веником циновки. Уборка закончена, а зачем все это делалось, хозяйка не знает. Ответственности за результаты своей деятельности она не несет. Чистые места всегда.чисты, грязные — так и остаются грязными. Но истории известны прецеденты замены сущности видимостью, и потому, возможно, такая уборка лучше, чем никакая. Хозяину она никакой пользы не приносит. Но в том и заключается величие хозяйки, что она усердно выполняет заведомо бесполезную работу. Понятие «хозяйка» и понятие «уборка» связаны органически силой вековой практики, методы и результаты уборки остаются в наши дни такими же, какими они были во времена, когда хозяйка еще не появилась на свет, а веники и выбивалки еще не были изобретены. Как в формальной логике термин привязан к суждению, так привязаны друг к другу, независимо от содержания, понятия «хозяйка» и «уборка».

Я не такой, как хозяин. Я привык вставать рано, меня вынуждает к этому чувство голода. Находясь на положении кота, разумеется, не приходится помышлять о том, чтобы позавтракать раньше хозяев. Но вот в чем заключается слабое место кота: стоит мне представить дымящийся суп из ракушек, расточающий аппетитные запахи, как я уже не могу усидеть на месте. Я знал, что положение безнадежно, что в подобных случаях лучше всего просто питать радужные надежды и ничего не предпринимать. Но не тут-то было. Ведь всегда хочется немедленно проверить на практике, соответствуют ли предположения действительности. Даже когда наверняка известно, что проверка того или иного предположения на практике приведет к разочарованию, невозможно успокоиться, пока разочарование не станет свершившимся фактом. Охваченный ажиотажем, я прокрался на кухню. Прежде всего я заглянул в свое блюдце. Как я и ожидал, вылизанное мною еще вчера вечером, оно сияло, отражая ясный свет ранней осени, струившийся из окна. Рис уже сварился, и О-Сан переложила его в деревянную кадушку. Теперь она что-то помешивала в кастрюле, стоявшей на жаровне. На стенках кастрюли засохли белые полосы вылившегося через край рисового отвара. Некоторые полоски настолько засохли, что отставали от кастрюли, словно были приклеены к ней одним концом. Я подумал, что меня могли бы и накормить, ведь рис и суп готовы. В подобных случаях стесняться не приходится. Даже если ничего и не получится, убытка не будет. Я решил потребовать завтрак. Конечно, я иждивенец, но ведь голод не тетка! Поразмыслив так, я принялся мяукать — ласково, жалобно и обиженно. О-Сан не обращала на меня никакого внимания. Известно, что она от рождения многоугольна и весьма жестокосердна. Но в том-то и заключается мастерство, чтобы суметь разжалобить даже ее. Я попробовал снова: «мяу, мяу!». Скажу не хвалясь, в моем мяуканье слышались нотки такого отчаяния, что оно могло бы до слез разжалобить любого одинокого путника. Но О-Сан оставалась непреклонной. Возможно, эта женщина просто глуха? Но тогда она не могла бы работать прислугой. Возможно, она глуха к кошачьим мольбам?

Говорят, есть на свете дальтоники, больные цветной слепотой. Они считают, что у них нормальное зрение, но врачи смотрят на них, как на калек. А О-Сан, наверное, страдает голосовой глухотой. Нет никакого сомнения в том, что человек, страдающий голосовой глухотой, — калека. Подумать только, калека, а какая высокомерная! Никогда еще не случалось, чтобы она открыла мне дверь ночью, когда мне это совершенно необходимо. А если изредка и открывала, то потом не впускала назад. А ведь ночная роса вредна даже летом! Вы представить себе не можете, как это мучительно — ждать, сидя под крыльцом, восхода солнца. Однажды она захлопнула дверь перед самым моим носом. А как-то раз на меня напали бездомные собаки. В последний момент мне удалось вырваться из когтей смерти, я удрал на крышу сарая и там всю ночь протрясся от страха. А все это получилось из-за бессердечия О-Сан. Видно, сколько ни мяукай, такую женщину не разжалобишь. Но как говорят: «Нищета ворует, любовь пишет» — голодный надеется даже на бога. Он пойдет на все. В третий раз я промяукал свое «мяу, мяу» со сложнейшими переливами. Я делал все, чтобы привлечь ее внимание. Я убежден, что мое мяуканье по красоте звучания не уступало симфонии Бетховена. Но на О-Сан оно не произвело ни малейшего впечатления. Она опустилась на колени, подняла половицу и извлекла из-под пола четырехвершковый кусок древесного угля. О-Сан стукнула им о край жаровни, кусок разломился, засыпав пол черной пылью. Конечно, кое-что попало и в суп. Но О-Сан не из тех, кто придает значение подобным пустякам. Она бросила куски угля в жаровню. Нет, она не прислушается к моей симфонии. Никакой надежды. Я уныло побрел в столовую. Когда я приходил мимо ванной, до моих ушей донесся шум и веселый смех. Это умывались хозяйские дочки.

Я сказал «умывались». Но умываться по-настоящему умели только две старшие, которые ходили в начальную школу, а третья была так мала, что могла передвигаться самостоятельно, только держась за подол одной из старших. Должно быть, она не умела ни умываться, ни пользоваться белилами и румянами. Она вытащила из ведра половую тряпку и усердно терла ею лицо. Вероятно, это очень неприятно — мыть лицо половой тряпкой. Но стоит ли удивляться? Это такая девочка, которая при землетрясении кричит: «Ой, как интелесна-а!» Возможно даже, что она еще более прозревшая, чем Докусэн-кун. Старшая дочь, понимавшая всю ответственность своего положения, швырнула на полку стакан с водой, который держала в руках, и принялась отнимать у маленькой сестры тряпку. При этом она приговаривала: «Малышка, это же грязная тряпка!» Однако малышка ничего слушать не желала и изо всех сил тянула тряпку к себе. «Уйди, дула!» — вопила она истошным голосом. Что такое «дула» — никому не известно. Не известно, от какого корня происходит это слово. Известно лишь, что малышка употребляет его, когда капризничает. Итак, малышка и старшая дочь изо всех сил тянут половую тряпку в разные стороны. С тряпки капает грязная вода и пачкает ноги малышки. Если бы только ноги, то еще полбеды, но весь подол платья также оказался выпачканным. А малышка хоть и малышка, но одета в красивое платье.

Обнаружив, что подол нарядного платья намок, малышка — она называет себя не малышкой, а «мыской» — принялась плакать еще громче. Скверно будет, если она из-за этого простудится. Но тут из кухни вылетела О-Сан, выхватила у воюющих сестер половую тряпку и обтерла ею подол промокшего платья малышки. Среди этого переполоха относительно спокойной оставалась лишь средняя дочь хозяина, барышня Сунко. Она усердно мазалась пудрой, завладев пудреницей, упавшей с полки. Обмакнув палец в пудру, она для начала провела им по носу. На носу появилась белая полоса, и теперь сразу видно, где у Сунко нос. Затем она провела пальцем по щеке. Когда на щеке образовался белый круг, О-Сан, вытиравшая половой тряпкой платье малышки, заодно стерла той же тряпкой и пудру с лица Сунко. Кажется, Сунко была недовольна этим.

Налюбовавшись тем, что происходило в ванной, я прошел через столовую и заглянул в спальню хозяина. Я хотел узнать, встал ли он, но, к изумлению своему, обнаружил, что голова его исчезла. Вместо головы из-под одеяла торчала нога сорок пятого размера с высоким подъемом. Итак, хозяин спрятал голову, чтобы его не будили. Черепаха, да и только! В этот момент в спальню явилась хозяйка с веником и выбивалкой. «Как, вы еще не встали?» — осведомилась она с порога, ища глазами голову мужа. Ответа не последовало и на этот раз. Тогда хозяйка решительно двинулась вперед, стукнула веником об пол и настойчиво повторила: «Вы что, еще не встали?» Хозяин, конечно, уже не спал. Он перешел к обороне под одеялом, надеясь выдержать натиск супруги. Видимо, он всерьез думал, что, если его голова будет под одеялом, жена не сумеет его найти. Но не тут-то было. Пока голос раздавался за дверью, хозяин еще мог отлеживаться, но когда веник застучал по полу в нескольких вершках от его изголовья, хозяин испугался. Да и голос хозяйки звучал теперь

вдвое энергичнее. Хозяин понял, что дальнейшее сопротивление бессмысленно, и отозвался тонюсеньким «угу».

– Вам же нужно поспеть к девяти. Надо спешить, иначе опоздаете.

– Ладно, хватит, сейчас встану, — глухо донеслось из-под одеяла.

Хозяйка уже привыкла к тому, что после подобных заявлений супруг все-таки остается в постели, и это ее не успокоило. «Поднимайтесь же, поднимайтесь!» — тормошила она хозяина. Неприятно, когда тебе кричат «поднимайся!», если ты уже сказал, что поднимаешься. Тем более это было неприятно такому упрямцу, как хозяин. Он не выдержал, сбросил с себя одеяло и, резко поднявшись, закричал:

– Ну, чего ты орешь? Сказал, что встану, значит встану!

– Вы всегда так говорите, но не встаете.

– Кто? Когда? Что ты врешь?

– Всегда.

– Вот дура!

– Еще неизвестно, кто дурак.

Вид у хозяйки был весьма воинственный. Она стояла у изголовья мужа, уперев руку в веник. В этот момент громко заплакал Ят-тян, сынишка рикши. Ят-тян всегда принимается плакать, когда хозяин сердится. Так ему приказывает жена рикши. Ну ладно, допустим, ей нравится, чтобы Ят-тян плакал, когда хозяин сердится, но при чем тут сам Ят-тян? Однако ничего не поделаешь. Раз у него такая мать, ему приходится плакать с утра до вечера. Хозяину следовало бы понимать это и сердиться поменьше, тогда бы жизнь Ят-тяна стала намного легче. Заставлять плакать ребенка — хотя бы и по просьбе Канэда — величайшая глупость. В этом отношении мамаша Ят-тяна пошла еще дальше, чем Страж Небесной Справедливости. Пусть бы Ят-тяну приходилось плакать только для хозяина, но ведь он плачет и тогда, когда шалопаи Канэда досаждают продавцу имадояки. Вообще, исходя из предположения о том, что хозяин непременно рассердится, Ят-тян начинает вопить заранее, когда еще неизвестно, будет хозяин сердиться или нет. В таких случаях не разберешь, кто-кто, Ят-тян ли хозяин, или хозяин — Ят-тян. Тумак Ят-тяну равносилен пощечине хозяину. Говорят, что в древние времена в Европе существовал любопытный обычай: если преступнику удавалось удрать за границу, изготовляли и предавали сожжению его изображение Видимо, в шайке Канэда есть стратег, хорошо знающий историю Европы. Превосходная тактика. Будь то мальчишки из «Ракуун-кана» или мать Ят-тяна — все они, по мнению беззащитного хозяина, представляют собой огромную силу. А кроме них существует достаточно других враждебных хозяину сил. Возможно, весь квартал настроен враждебно по отношению к хозяину. Впрочем, сейчас это не относится к делу.

Едва заслышав вопли Ят-тяна, хозяин разгневался, хотя утро было прекрасное. Он вскочил на ноги с необыкновенной энергией. Все было забыто — и совершенствование в пассивности, и Яги Докусэн. Хозяин принялся чесать голову с такой свирепостью, словно хотел содрать с себя скальп. Перхоть, накопившаяся за месяц, тучами обрушилась на его шею и плечи. Зрелище было грандиозное. А усы? Они грозно загнулись кверху. Видимо, они решили, что непозволительно им пребывать в покое, когда хозяин гневается, и каждый волосок торчал так, как ему нравилось. Это тоже было достойное зрелище. Вчера перед зеркалом они подражали усам его императорского величества кайзера, но за ночь забыли всю муштру и вернулись в первобытное состояние, точно так же как хозяин забыл о совершенствовании духа и вернулся в лоно природной дикости. Лишь теперь я понял, насколько просторна Япония, если человек с такими дикими усами работает преподавателем и никто его не изгоняет. На ее просторах за людей сходят и Канэда-кун, и собака Канэда-куна. Хозяин тоже убежден, что ему не следует опасаться увольнения, пока Канэда-кун и его собака умудряются сходить за людей. В крайнем случае можно отправить в Сугамо к Стражу Небесной Справедливости письмо с призывом о помощи.

Затем своими дремучими доисторическими глазами, с которыми я познакомил вас вчера, хозяин уставился в нишу. В нишу были вставлены две книжные полки. Нижняя полка располагалась на высоте одного метра, так что взгляд хозяина всегда останавливался на ней. Полка была затянута узорчатой бумагой, которая прорвалась во многих местах, и через дыры можно было рассмотреть ее внутренности. Внутренности, как известно, бывают разные.

Одни бывают печатные, другие рукописные. Одни в обложках, другие без обложек. При виде этих внутренностей хозяину захотелось читать. Может показаться странным, что хозяин, которого только что обуревал великий гнев, хозяин, который только что жаждал изловить жену рикши и стукнуть ее головой об сосну, — этот самый хозяин вдруг захотел читать макулатуру, сваленную на книжной полке. Но у веселых психопатов такие перемены настроения не редкость. Они как ребенок, которому достаточно показать пончик, чтобы он перестал плакать и начал улыбаться. Действительно, хозяин смеется, радуется, печалится больше, чем обыкновенные люди, но ни одно из этих состояний не сохраняется надолго. Выражаясь мягко, характер у него переменчивый, легко поддающийся различным влияниям, а говоря попросту, хозяин вздорный, упрямый и оголтелый мальчишка. А поскольку он вздорный мальчишка, нет ничего удивительного в том, что он вдруг забыл про свои воинственные намерения и стал читать названия книжек на полке. Сначала взгляд его упал на перевернутый томик Ито Хакубуна. В верхней части томика было написано: «28 сентября, 11 год Мэйдзи». Видимо, уже в те времена губернатор Кореи плелся на поводке императорских указов. Интересно, чем тогда занимался этот дяденька? Разобрать было трудно, но я все-таки умудрился прочесть: «Министр финансов». Гм, большой, однако, был человек, и остается министром финансов, хотя лежит вниз головой. Левее — еще один министр финансов лежал на боку. Понятно. Этот вниз головой не выдержал. Из-под него свисает бумага, на которой оттиснуты только две буквы: «Ты». Дальше не видно, хотя очень хотелось бы прочесть. В следующей строке виднеется слово «быстрее». И тут тоже хотелось бы прочесть дальше, но невозможно. Будь мой хозяин сыскным агентом, я бы еще попробовал вытащить эти бумаги, не спросив разрешения. Как известно, сыщики не имеют высшего образования и способны пойти на все ради выявления фактов. Тут уж ничего не поделаешь. Хорошо бы, конечно, предложить им вести себя поскромнее. Полагаю, этого можно было бы добиться, если не давать им никаких фактов до тех пор, пока они не станут скромнее. Они, как я слыхал, объявляют преступниками честных граждан, опутав их сетью законов. Это уже настоящее сумасшествие — превращать в преступника собственного нанимателя. Я взглянул на среднюю часть полки. Там совершала сальто-мортале книга о провинции Ойта. Ну, если Ито Хакубун стоит вниз головой, то почему бы провинции Ойта не совершить сальто-мортале? Дойдя до этого места, хозяин поднял вверх сжатые кулаки. Он готовился зевнуть.

Зевок его походил на далекий вой кита. Покончив с зевотой хозяин переоделся и побрел в ванную умываться. Хозяйка сейчас же набросилась на постель, свернула ее и, как всегда, принялась за уборку. Умывание хозяина, как и уборка, носило символический характер. Я уже рассказывал, как он полоскает горло. Вот и теперь он загоготал: га-га-гэ-гэ… Затем он причесался, перекинул через плечо мохнатое полотенце и соизволил наконец выйти в столовую, где величественно опустился на свое место возле хибати. Прочитав последнюю фразу, читатель, возможно, сразу представит себе изысканную хибати, сделанную из драгоценного дерева, а рядом — элегантную куртизанку, — так всегда показывают в театре. Но ничего подобного у Кусями-сэнсэя не было. Наша хибати была такая древняя и обшарпанная, что неспециалисту было бы трудно определить, из чего она сделана. Достоинство хибати состоит в том, что она блестит от ежедневного протирания. Наша же хибати никогда не протиралась, и неизвестно было, то ли ее изготовили из вишни, то ли из криптомерии, а может быть, даже из павлонии. Вид у нее был необычайно мрачный. Вы спросите: где же хозяин умудрился купить ее? Он ее не покупал. Вы спросите: значит, ему ее подарили? Нет. Тогда вы спросите: что же, хозяин украл ее? А кто знает? Давным-давно хозяина однажды попросили до приезда наследников посторожить дом какого-то умершего старика родственника. Переезжая затем к себе домой, хозяин нечаянно прихватил и эту хибати — он очень привык к ней. Поступок, несомненно, предосудительный, но я думаю, такие случаи бывают на свете часто. Про банкиров, например, говорят, что они так часто имеют дело с чужими деньгами, что в конце концов перестают смотреть на них, как на чужие и считают своими. Чиновники — слуги народа. Они получили власть для отправления определенных законов. Но, пользуясь этой властью постоянно, они привыкают к ней и начинают думать, что она принадлежит им по праву, что народ к ней никакого отношения не имеет и не смеет о ней мечтать. Одним словом, пока мир полон таких вот людей, не следует из-за истории с хибати считать хозяина вором. А если считать вором хозяина, то надо считать ворами всех людей без исключения.

Когда хозяин расположился за столом возле хибати, трое его дочерей уже уписывали завтрак — умытая половой тряпкой малышка, школьница Тонко и любительница парфюмерии Сунко. Хозяин оглядел их. Физиономия Тонко похожа на гарду рапиры из

заморской стали. Сунко лицом в какой-то мере напоминает старшую сестру, хотя в общем больше похожа на круглый лакированный поднос, какие делают на Рюкю. И лишь у малышки физиономия продолговатая. Продолговатых лиц на свете много, так что в этом не было бы ничего особенного, если бы не одно обстоятельство, а именно: лицо этой девочки было продолговатым не в вертикальном, а в горизонтальном направлении. Хозяин иногда думает: «Мода, конечно, вещь изменчивая, но не может быть, чтобы когда-нибудь вошли в моду горизонтально продолговатые физиономии. Однако делать нечего, пусть уж растет какая есть». А растет она быстро, как бамбук в храме йогов. Каждый раз, замечая, как быстро она растет, хозяин оглядывается, словно кто-то гонится за ним, и обливается холодным потом. Как ни далек хозяин от всего земного, он все-таки знает, что все трое его детей — особи женского пола. А раз так, то рано или поздно их придется выдавать замуж. Но, зная это, он знает также и то, что никакими способностями выдавать замуж он не обладает. Он не имеет ни малейшего представления о том, что он будет делать со своими детьми. Но в таком случае зачем он производил их на свет? На то он и человек. Полагаю, это самое лучшее определение человеку. Человек — это существо, которое мучает себя, создавая совершенно бесполезные для себя предметы.

И все-таки дети — существа поразительные. Они и не подозревают, что их родитель не знает, как с ними быть, и в упоении поглощают завтрак. Больше всего хлопот доставляет малышка. В этом году ей исполнилось три года. Хозяйка ставит перед нею чашку и дает хаси, соответствующие ее возрасту. Но малышка всегда возражает. Она обязательно отбирает чашку и хаси у старшей сестры. Ей неудобно пользоваться большими предметами, но она довольна. Бесталанные люди всегда норовят занять посты, совершенно неподобающие им на этом свете. Их характер начинает проявляться уже в таком вот юном возрасте. Следует оставить всякую надежду на исправление таких людей, ибо зло коренится в них от рождения.

За столом малышка всех тиранит, с трудом управляясь с невероятно большой для нее посудой. Ей приходится это делать, ибо она желает пользоваться тем, чем пользоваться не умеет. Зажав хаси в кулак, она изо всех сил бьет ими в дно чашки. В чашке лежит рис, сверху она до краев наполнена супом. Чашка, до той поры кое-как удерживавшая равновесие, от толчка наклоняется на тридцать градусов. Суп весело льется на грудь малышки. Но не такова наша малышка, чтобы отчаиваться из-за таких пустяков. Она настоящий тиран. Она энергично поворачивает хаси вверх и одновременно приставляет к краю чашки свою маленькую пасть. Рис набивается ей в рот, отдельные рисинки, окрашенные супом в желтоватый цвет, приклеиваются к щекам и носу малышки. Некоторые зернышки, не рассчитавшие сил, не успевают зацепиться за щеки и падают на циновку. Любопытный способ принимать пищу. Мне бы хотелось сказать Канэда-куну и другим сильным мира сего: господа, вы обращаетесь с людьми, как малышка с чашкой и хаси. Поэтому в ваши рты попадает очень немного, и если попадает, то только по ошибке. К лицу ли это деловым людям?

Старшая Тонко, у которой малышка отобрала чашку и хаси, мучается с доставшимся ей слишком маленьким прибором. Она накладывает полную чашку, но ей достаточно сделать три глотка, чтобы чашка снова опустела. Поэтому она то и дело запускает руку в кадушку с рисом. Тонко съела уже четыре чашки и собирается наполнить пятую. Она подняла крышку кадушки, взяла черпак и вдруг задумалась. Видимо, она колебалась: накладывать или не накладывать. Но вот она приняла решение и стала рыться в кадушке, стараясь выбрать неподгоревший рис. Затем она подняла черпак. До этого момента все было в порядке. Но когда она попыталась перевалить ком риса к себе в чашку, он выскочил из черпака и упал на пол. Тонко не растерялась. Она бросилась подбирать рассыпавшийся рис. Что она будет с ним делать? Гм… она высыпала собранный рис обратно в кадушку. Нельзя сказать, чтобы это было очень гигиенично.

Сунко между тем спокойно грызла соленую репу. Вдруг она выхватила из дымящегося супа плававший в нем батат и целиком отправила его к себе в рот. Господа, вам, наверное, известно неприятное ощущение, когда во рту у вас оказывается горячий батат, только что выловленный из супа. Даже у взрослых, когда они действуют столь неосмотрительно, получаются ожоги. Малоопытная в обращении с бататами Сунко пришла в замешательство. Она завопила и выплюнула батат на стол. Батат развалился на кусочки, некоторые из которых оказались в пределах досягаемости малышки. Малышка бросилась подбирать их — она очень любит бататы…

Хозяин все время наблюдал за тем, что делается за столом, но не сказал ни слова. Он самозабвенно поглощал свой рис, запивая супом. Вот он уже запустил в рот зубочистку. Видимо, он решил предоставить дочерям полнейшую свободу. Даже если все трое когда-нибудь заведут себе любовников и удерут из родительского дома, он, как и сейчас, будет спокойно поглощать свой суп. Безынициативный человек. А впрочем, что такое инициативные люди, в чем выражается их инициатива? Обмануть ближнего, перебежать дорогу приятелю, шантажировать, обвинять невинных — вот, кажется, и все. Тем же занимаются и гимназисты, ибо они знают, что в противном случае им ни за что не стать джентльменами. Они совершают поступки, за которые можно только краснеть, и ждут момента, когда станут настоящими джентльменами. Неправильно называть их инициативными людьми. Лучше называть их мерзавцами. Я — кот японский, и я — патриот Японии. Когда я вижу подобных людей, мне хочется исколотить их. С появлением каждого нового деятеля такого рода государство все стремительнее катится к гибели. Подобные ученики — позор для школы. Подобные люди — позор для страны. Страшно подумать, что они паразитируют на нашем обществе. Кажется, японцы не так возмущаются этим, как возмущаюсь я — кот. Весьма прискорбно. В общем, должен сказать, что по сравнению с этими инициативными мерзавцами мой хозяин — человек высокого класса. Это определяется тем, что он не храбр и не нахален, что он не умен и не хитер.

Так безынициативно закончив завтрак, хозяин надел костюм, взял рикшу и отправился в управление Нихондзуцуми. Когда он спрашивал у рикши, знает ли тот, где находится Нихондзуцуми, рикша ухмыльнулся. А хозяин в довершение всего еще объяснил рикше, что Нихондзуцуми находится в районе публичных домов Иосивара.

Итак, хозяин уехал на рикше (между прочим, это бывает у нас редко), а хозяйка принялась торопить детей: «Собирайтесь в школу, собирайтесь, а то опоздаете!» Но дети не двигались с места. «Сегодня у нас нет занятий», — заявили они. «Как так нет занятий? — рассердилась хозяйка. — Собирайтесь живее!» Старшая, не поднимаясь с места, сказала: «Вчера учитель объявил, что сегодня занятий не будет». Тогда хозяйка достала с полки календарь и принялась его листать. Действительно, сегодняшнее число выведено красной краской, значит — праздник. А хозяин, не зная об этом, написал директору гимназии записку, в которой сообщал, что не явится сегодня на занятия, и хозяйка уже отправила записку по почте. Интересно, забыл Мэйтэй, что сегодня праздник, или нарочно ничего не сказал? Хозяйка удивилась, подумала немного и, наказав детям не баловаться и играть спокойно, принялась за шитье.

Минут тридцать в доме царило спокойствие. Не произошло ничего достойного описания. Затем явился весьма странный гость. Это была гимназистка лет семнадцати — восемнадцати в стоптанных туфлях и сиреневой юбке. Вся голова была у нее в мелких колечках. Она без спросу вошла в дом через черный ход. Барышню звали Юкиэ (очень красивое имя!), и она была племянницей хозяина. Юкиэ иногда приходила к нам по воскресеньям и уходила, всегда вдребезги поссорившись с дядей. Лицо у нее было далеко не так красиво, как имя. Такие лица встречаются через каждые двадцать шагов. Юкиэ прошла в столовую, села рядом с теткой и сказала:

– Здравствуй, тетя.

– Что-то ты рано сегодня, — ответила хозяйка.

– Сегодня большой праздник, вот я и решила прийти пораньше. Вышла из дому в половине девятого.

– Что, у тебя какое-нибудь дело?

– Да нет, просто давно не была у вас, вот и забежала на минутку.

– Что же на минутку? Сиди теперь… Дядя скоро вернется.

– А дяди нет? Он уже куда-нибудь отправился? Что это с ним случилось?

– Да, сегодня он поехал в необычное место… В полицию. Правда, странно?

– Да зачем же?

– Говорят, вора поймали. Того, что к нам весной забрался.

– Значит, дядю вызвали опознать вора? Вот уж не было печали!

– Нет, хотят вернуть вещи. Вчера специально приходил полицейский и сказал, чтобы явились за вещами.

– Вот оно что! Конечно, если бы не полиция, дядя ни за что так рано не пошел бы. Обычно он в это время еще спит.

– Ужасный соня. Разбудишь его — начинает сердиться и ворчать. Вот сегодня утром. Просил обязательно разбудить в семь. Ладно, бужу. А он забрался с головой под одеяло и даже не отвечает. Я опять бужу. А он мне из-под одеяла… Не знаю даже, как и сказать. Такой человек!…

– И что это он все время хочет спать? Знаете, у него, наверное, неврастения.

– Что?

– Он то и дело сердится без всякого повода. Просто удивляюсь, как он еще служит в школе.

– Что ты! В школе он такой спокойный!

– Ну, значит еще хуже. Он просто самодур.

– Почему?

– Как почему? Самодур, вот и все. Настоящий самодур.

– Да ведь он не просто злится. Вот если кто скажет «черное», он обязательно будет говорить «белое», а скажут «белое», он будет твердить «черное». Все не так, как у людей. Это называется упрямством.

– У него, наверное, макушка набекрень, вот он так себя и ведет. А вы, если хотите заставить его что-нибудь сделать, говорите как раз наоборот. Тогда он будет делать, как вам нужно. Вот недавно он покупал мне подарок, я нарочно говорила ему, что мне не нужен зонтик. А он говорит: «Как это не нужен?» И купил.

Хозяйка захихикала и сказала:

– А ты молодец. Пожалуй, я тоже попробую так.

– Попробуйте, да поскорее, а то прогадаете.

– Приходил к нам недавно агент страховой компании и все уговаривал мужа застраховаться, объяснял, как это выгодно, — словом, целый час толковал. А муж — ни в какую. Ты ведь знаешь, у нас нет никаких сбережений, трое детей… Обязательно нужно было застраховаться. У меня на душе стало бы спокойнее. Да ведь ему все нипочем.

– И верно, так неспокойно. Вдруг что-нибудь случится… — Племянница, несмотря на свои семнадцать лет, говорила весьма рассудительно.

– Очень интересно было слушать, как муж разговаривает с агентом. Упрям до невозможности. «Да, я признаю необходимость страхования. Видимо, для этого и существует ваша фирма. Но поскольку умирать я не собираюсь, необходимости страховаться у меня нет».

– Это дядя говорит?

– Да. Тогда агент отвечает: «Ну конечно, если не умирать, то необходимости в страховании нет. Но жизнь человека неуязвима только на первый взгляд. В действительности же она может прерваться в любую минуту, и совершенно неизвестно, когда человека настигнет смерть». А дядя ему в ответ: «Я принял решение не умирать, поэтому со мной ничего не случится». Такую чушь несет…

– Принял решение или не принял, все равно помрешь. Я вот тоже решила сдать экзамены, а провалилась.

– И страховой агент то же самое говорил: «Человек не волен в своей жизни и смерти. Если бы жизнь человека зависела от одного лишь решения не умирать, никто бы и не умирал».

– Он прав.

– Конечно, прав. А вот до мужа это не доходит. Хвастается: «Клянусь, что не умру ни в коем случае».

– Странно как-то.

– Какое там «как-то». Очень даже странно. Он говорит, что лучше класть деньги в банк, чем вносить страховые взносы.

– У вас есть сбережения?

– Да откуда они у нас? Он совсем не думает, что будет, когда он умрет. Ему все равно.

– Да, это плохо. Интересно, почему он такой? Таких нет даже среди его приятелей.

– И не может быть другого такого. Он уникум.

– Хорошо бы попросить Судзуки-сана, чтобы он усовестил дядю. Было бы хорошо, если бы дядя стал таким же спокойным и мягким человеком, как Судзуки-сан.

– Ну, знаешь, Судзуки-сан у нас доверием не пользуется.

– Все не как у людей! Тогда нужно попросить этого, как его… Ну, он такой всегда спокойный…

– Яги Докусэн-сан?

– Да, да, Яги-сан.

– Одно время муж очень восхищался этим Яги, но знаешь, вчера к нам заходил Мэйтэй и очень ругал его, так что теперь, я думаю, бесполезно просить Яги поговорить с мужем.

– Ничего страшного. Уж если Яги так спокоен и горд, он сумеет уговорить дядю… Недавно он читал лекцию у нас в гимназии.

– Кто? Яги-сан?

– Да.

– Что, разве Яги-сан преподает в твоей гимназии?

– Нет, он не преподаватель. Но его пригласили прочитать лекцию на собрании «Общества благородных девиц».

– И как, интересно было?

– М-м… Да нет, не особенно. Знаете, у этого сэнсэя длиннющая физиономия да еще козлиная борода. Только поэтому все слушали его с восхищением и не спускали с него глаз.

– О чем же он вам рассказывал?

В эту минуту в столовую с шумом ворвались дети. Видимо, они играли на пустыре и услыхали голос гостьи.

– Юкиэ-сан здесь! Юкиэ-сан! — радостно завопили двое старших.

– Не шумите так, — сказала хозяйка, складывая шитье. — Садитесь и слушайте, сейчас Юкиэ-сан будет рассказывать очень интересные вещи.

– Юкиэ-сан, а про что вы будете рассказывать? — осведомилась Тонко. — Я очень люблю, когда рассказывают.

– Сказку про зайца и барсука? — спросила Сунко.

Малышка тоже завопила: «Скаска! Скаска!» — и протиснулась

вперед, расталкивая сестер. Это вовсе не означало, что она собиралась слушать. Нет, она собиралась рассказывать сама.

– Сейчас малышка опять заведет, — хихикнула Тонко.

– Ты потом, когда расскажет Юкиэ-сан, — попыталась воспротивиться хозяйка.

– Нет, я! Нет, я! — заорала малышка.

– Хорошо, хорошо, малышка, рассказывай, — скромно уступила Юкиэ-сан.

– Мыска-мыска… ела туда…

– О, как интересно. А дальше?

– Я на поле лис косила…

– Как ты хорошо рассказываешь!

– Еси падесь с нами, будес месать…

– Не «падесь», а «пойдешь»… — попробовала было поправить ее Тонко, но малышка мигом поставила ее на место одним словом: «Дула!» Впрочем, ее перебили, и продолжать она больше не могла. Маленький тиран сдался и замолчал.

– Яги-сан рассказал такую историю, — начала наконец Юкиэ-сан. — В древние времена на одном перекрестке стоял огромный каменный идол. На дорогах было бойкое движение, и идол страшно мешал лошадям и телегам. Тогда жители всей округи собрались и стали совещаться, как отодвинуть идола в сторону…

– Что, он рассказывал действительную историю?

– Не знаю, об этом он ничего не говорил. И вот когда они совещались, самый могучий в округе силач выступил вперед и сказал, что он это мигом сделает. Он засучил рукава и принялся за работу. Но идол даже не дрогнул.

– Наверное, был очень тяжелый.

– Да… Когда силач изнемог, махнул рукой и ушел домой, жители опять принялись совещаться. Тогда взял слово самый умный в округе человек и сказал: «Поручите это дело мне». Он поставил перед идолом полную коробку сладостей и стал манить его к себе. Он думал, что идол сладкоежка и непременно поддастся обману. Но идол по-прежнему не двинулся с места. «Так не годится», — подумал умный человек и поставил перед идолом бутылку сакэ и рюмку. «Если хочешь выпить, — сказал он, — передвинься сюда». Но идол опять не двинулся.

– Юкиэ-сан, а идолы тоже едят? — спросила Тонко.

– Хочу сладостей, — сказала Сунко.

– Потерпев две неудачи, умный человек принес множество фальшивых денег и снова принялся соблазнять идола. И, представьте себе, не помогло даже это. Вот как был упрям идол.

– Да, совсем как твой дядя.

– Похож на дядю, правда? В конце концов умный человек махнул рукой и тоже оставил идола в покое. Тогда за дело взялся один большой мошенник. «Будьте спокойны, — заявил он, — я передвину его».

– И что же он делал, этот мошенник?

– Вот это и интересно. Сначала он переоделся полицейским и даже приклеил себе усы. Он подошел к идолу и крикнул: «Эй, немедленно передвинься, иначе тебе будет плохо! С полицией шутки плохи!» Но разве в наше время кто-нибудь попадется на такую удочку?

– Да, конечно. Ну, а идол?

– И не подумал передвинуться. Ведь он же как дядя!

– Ну, не говори. Дядя очень боится полиции.

– Это с его-то физиономией? Да и вообще полиции нечего бояться. И идол тоже никакого внимания на мошенника не обратил. Тогда мошенник рассердился, сбросил полицейскую форму, выкинул фальшивые усы и переоделся богачом. Он скорчил такую же мину, какая обычно бывает у барона Ивасаки[177]. Смешно, правда?

– А какая мина у Ивасаки?

– Да такая, высокомерная. И вот он, не говоря ни слова, только попыхивая огромной сигарой, принялся расхаживать возле идола.

– Зачем?

– Чтобы одурманить его.

– Очень похоже на анекдоты уличного рассказчика. И что, одурманил он идола?

– Какое там одурманил! Идол ведь каменный! Мошеннику лучше бы отступиться, да не тут-то было, он взял и переоделся великим князем. Дурак, правда?

– В те времена тоже существовали их высочества?

– Наверное. Во всяком случае, так рассказывал Яги-сан. Он говорил, что мошенник переоделся именно великим князем. Ужас какой-то. Во-первых, это оскорбление величества. Мошенник, а туда же…

– А каким великим князем он переоделся?

– Не знаю. Но все равно, это оскорбление.

– М-да…

– Но и великому князю ничего не удалось сделать. Мошеннику пришлось признать, что одолеть идола он не в состоянии.

– Давно бы так.

– Да… Заодно следовало бы отправить его на каторгу… Снова окрестные жители собрались на совет, но теперь уже не нашлось желающих передвинуть идола.

– И на этом дело кончилось?

– Нет, есть продолжение. В конце концов наняли рикш и всяких бродяг, чтобы они и днем и ночью шумели вокруг идола.

– Пришлось им, бедняжкам, потрудиться.

– Да, потрудиться пришлось немало, но все равно ничего не получилось. Такой был упрямый идол.

– А потом что было? — полюбопытствовала Тонко.

– Потом? Несмотря на шум и крики, раздававшиеся с утра и до утра, ничего не получилось. В конце концов всем стало это надоедать. Только рикши и хулиганы продолжали с удовольствием шуметь. Ведь они получали поденно…

– Юкиэ-сан, а что такое «поденно»?

– «Поденно» — это деньги.

– А зачем деньги? — спросила Сунко. — Что с ними делают?

– Зачем деньги? — Юкиэ засмеялась. — Дурочка ты, Сунко-сан… Так вот галдели они и шумели возле идола дни и ночи напролет. А между тем в этой округе жил один дурень, с которым никто не считался. Его и звали так: Дурень Такэ. Вот этот дурень посмотрел-посмотрел, как они шумят, и говорит им: «Эх вы, бедолаги, сколько шумите, а одного идола передвинуть не можете».

– Дурень-дурень, а умный.

– Да, очень умный дурень. И все решили на всякий случай обратиться за помощью к нему. Такэ сразу согласился. Первым делом он приказал рикшам и хулиганам прекратить шум и не мешать ему. Затем он с импозантным видом приблизился к идолу.

– Юкиэ-сан, а кто это — Импозантный Вид? Это знакомый Такэ? — спросила вдруг Тонко. Хозяйка и Юкиэ засмеялись.

– Нет, это не знакомый.

– А кто?

– Импозантный вид это… как бы объяснить?…

– Это что?

– Ну, вот ты знаешь Татара Сампэй-сана?

– Знаю. Он подарил нам дикие бататы.

– Вот такой вид, как у Татара-сана, и есть импозантный. Итак, Дурень Такэ, засунув руки за пазуху, подошел к идолу и сказал: «Идол-сан! Все жители нашей округи просят тебя передвинуться. Передвинься, пожалуйста». Тогда идол и говорит: «Так вот в чем дело! Давно бы так сказали!» И передвинулся.

– Какой странный идол!

– А потом началась лекция.

– Что? Это еще была не лекция?

– Нет. Потом Яги-сан сказал: «Рассказывая вам эту поучительную историю, я преследовал определенную цель. Может быть, вы сочтете мое поведение невежливым, но я должен сказать, что наши дамы часто идут к достижению своих стремлений не прямыми, а окольными, весьма трудоемкими путями. Правда, так поступают не только дамы. Такую, с позволения сказать, женственную манеру усвоили в наше время и многие мужчины. Часто тратится масса энергии и времени на околичности, потому что считается, что околичности характеризуют джентльмена. Но такие люди являются просто-напросто уродами, они пленники цивилизации. Не будем же говорить о них. Я только прошу прекрасных слушательниц запомнить рассказанную мною историю и стараться впредь поступать прямо и честно, как Дурень Такэ. Если вы все уподобитесь Дурню Такэ, вы, несомненно, сумеете избежать трети всех неприятностей, которые возникают между супругами, а также между свекровью и невесткой. Чем больше у человека стремлений, тем он несчастнее. Именно поэтому большинство женщин несчастнее мужчин — у них чрезмерно много стремлений. Я же прошу вас стать Дурнями Такэ.» Вот какую лекцию прочитал Яги-сан.

– Ну и ну… И что же, ты, Юкиэ-сан, собираешься стать Дурнем Такэ?

– Что вы! Стать Дурнем Такэ… Подумать и то противно. Не хочу я быть такой. Да, знаете, Томико-сан — дочь Канэда — была ужасно возмущена и все твердила, что это оскорбительно.

– Это та самая Томико-сан, что живет в переулке напротив?

– Да, эта модница.

– Она тоже учится в вашей гимназии?

– Нет, она приходила на собрание. Такая модница, просто удивительно!

– Говорят, она очень хороша собой.

– Так себе. Во всяком случае, не настолько, как ей кажется. Если так краситься, как она, все покажутся красивыми.

– В таком случае, Юкиэ-сан, если ты накрасишься, то будешь вдвое красивее Канэда-сан.

– Ой, что вы… Нет, что вы… Нет, знаете, она уж чересчур красится. И хотя она такая богатая, но все-таки…

– А все-таки лучше быть богатой, пусть она даже красится сверх меры.

– Это верно. Но знаете, ей бы не мешало стать Дурнем Такэ. Очень уж она хвастлива. Вот недавно растрезвонила на весь свет, что какой-то поэт посвятил ей стихи.

– Это, верно, Тофу-сан.

– Да неужели? Он? Делать ему нечего…

– Нет, Тофу-сан очень серьезный человек. По его мнению, ему так и следует поступать.

– Такие, как он, только портят ее. А вот еще один интересный случай. Недавно кто-то прислал ей любовное письмо.

– Как же это можно? Кто же?

– Она не знает.

– Без подписи?

– Нет, подпись-то есть, но она никогда не слышала об этом человеке. Она говорила, письмо длинное-предлинное, чуть ли не в два метра. И знаете, какие там странные вещи написаны? «Чувство мое подобно благоговению перед божеством. Наивысшим счастьем для меня было бы стать ради вас жертвой, подобно агнцу. Если мое сердце имеет треугольную форму, то стрела Купидона попала в самый центр его, а как известно, лучше всего попадают из духового ружья…»

– Это он серьезно?

– Да, пишет, что серьезно. Из моих подруг трое читали это письмо.

– Нехорошо она делает, что показывает такое письмо посторонним. Если слухи об этом пойдут дальше, ей будет плохо. Ведь она собирается замуж за Кангэцу-куна.

– Что в этом плохого, она очень довольна! Вот как Кангэцу-сан будет у вас, вы и расскажите ему. Он, наверное, ничего не знает.

– Пожалуй, действительно не знает. Ведь он целыми днями сидит в университете и шлифует свои шарики.

– Неужели Кангэцу-сан и вправду собирается на ней жениться? Вот бедняга!

– Почему же? Она богатая, а это всегда хорошо.

– Какая вы, тетя, право, неблагородная… Все только деньги да деньги… Ведь любовь важнее денег. Без любви не может быть супружеских отношений.

– Да? В таком случае, за кого собираешься выходить ты, Юкиэ-сан?

– Откуда я знаю? У меня пока нет никого на примете.

Хозяйка и Юкиэ-сан пустились в обсуждение матримониальных проблем, и вдруг Тонко, которая очень внимательно слушала их, выпалила:

– Я тоже хочу замуж!

Юкиэ-сан была ошеломлена. Хозяйка же с улыбкой осведомилась:

– За кого ты хочешь выйти?

– Знаешь, мама… Говоря по правде, я хочу выйти за Храм Павших Воинов. Но мне очень не хотелось бы ходить через мост Суйдо, а тогда придется… Просто не знаю, как быть.

Ни хозяйка, ни Юкиэ-сан не осмелились комментировать этот блестящий ответ и только рассмеялись. Тут к Тонко обратилась Сунко:

– Ты тоже влюблена в этот храм, сестричка? Я ужасно люблю его. Давай выйдем за него вместе. Хорошо? Не хочешь? Ну и пожалуйста. Я возьму рикшу и поеду туда одна.

– Мыска тозе поедет, — объявила младшая.

Итак, малышка тоже решила выйти замуж за храм. Это было бы большим облегчением для хозяина, если бы вся троица вышла замуж за храм.

В это время у парадного входа остановилась коляска, и послышался бодрый голос хозяина. Хозяин вернулся из управления Нихондзуцуми. Он взял у рикши большой сверток и передал служанке, а сам торжественно проследовал в столовую. Поздоровавшись с Юкиэ-сан, он поставил возле знаменитой хибати предмет, похожий на графин. Это был, конечно, не графин, но и не ваза для цветов. Не знаю, как назвать эту странную фаянсовую посудину.

– Какой странный графин, — заметила Юкиэ-сан, осматривая незнакомый предмет. — Вам дали его в полиции?

Дядя сказал хвастливым тоном:

– Хорош, правда?

– Хорош? Этот графин? Не думаю. Зачем вам эта масленка?

– Какая масленка? У тебя нет никакого вкуса.

– Так что же это?

– Ваза для цветов.

– Да какая же это ваза? Горлышко слишком узкое, а корпус слишком толстый…

– Вот интересно! Никакого вкуса у людей. Ты не лучше тетки, — сказал хозяин, поднимая вазу и любуясь ею.

– Ну еще бы, откуда у меня вкус! Я ведь не сумела бы получить в полиции масленку, правда, тетя?

Но тете было не до этого. Она поспешно разбирала возвращенные вещи.

– Просто удивительно! Какие теперь пошли аккуратные грабители! Все выстирано и вычищено, глядите!

– Кто тебе сказал, что в полиции дают масленки? Просто мне было скучно дожидаться там, я решил немного прогуляться и возле управления нашел эту штуку. Тебе-то, конечно, невдомек, а ведь это антикварная ценность!

– Наверное, слишком антикварная. А где вы гуляли, дядя?

– Где? Да по району Нихондзуцуми. И по Иосивара проходил. Место очень оживленное. А ты видела тамошние железные ворота? Поди не видала?

– Разумеется, не видала. Зачем это я пойду в Иосивара? Там живут женщины подлой профессии. Но как вы, дядя, будучи преподавателем, осмелились бродить по таким местам? Вы меня просто удивляете. Ведь так, тетя?

– Да-да, так. Но здесь, кажется, не все вещи. Они вам все вернули?

– Не вернули только дикие бататы. Сказали явиться к девяти, а ждать заставили до одиннадцати. Безобразие. Вот почему японская полиция никуда не годится!

– Японская полиция не годится! — презрительно сказала племянница. — А гулять по Иосивара годится? Вот погодите, если об этом узнают в гимназии, вас уволят. Правда, тетя?

– Да, возможно. Слушайте, здесь нет подкладки от моего оби. А я-то смотрю, чего здесь недостает?

– Подумаешь, подкладка… Вот у меня пропали драгоценные полдня, меня три часа заставили ждать!

Хозяин переоделся в кимоно, сел, прислонившись к хибати, и принялся разглядывать масленку. Хозяйка тоже успокоилась и стала убирать вещи в шкаф.

– Тетя, оказывается, эта штука — антикварная ценность! Правда, она безобразна? Вы ее в Иосивара купили? Ай-яй-яй…

– Что «ай-яй-яй»? Не понимаешь ничего, а берешься судить!

– За такой посудиной нечего ехать в Иосивара. Их везде полно.

– В том-то и дело, что нигде нет. Такую вещь найти нелегко…

– Какой вы, дядя, все-таки идол.

– Как ты смеешь так говорить со старшим? Какой скверный язык стал у нынешних гимназисток! Не мешало бы тебе прочитать «Правила приличия для женщин».

– Дядя, вот вам не нравится страхование. А что хуже — гимназистки или страхование?

– Страхование необходимо, страхуются все, кто думает о будущем. Так что страхование мне не может не нравиться. А вот гимназистки ни на что не годны.

– Ну и пусть не годны. Подумаешь, сами-то вы не застраховались!

– А я собираюсь застраховаться со следующего месяца.

– Обязательно?

– Обязательно.

– Не стоит, дядя. Лучше на эти деньги что-нибудь купить. Правда, тетя?

Тетя усмехнулась, а хозяин нахмурился.

– Ты так говоришь, потому что думаешь, будто можно жить сто или двести лет. Но вот подрастешь да поумнеешь, тогда и поймешь, что страхование жизни необходимо. Я обязательно застрахуюсь со следующего месяца.

– Да? Ну, что же делать. Пусть будет так. Правда, может быть лучше страховаться, чем покупать мне зонтики. Вы мне тогда этот зонтик прямо навязали. Я вам говорила, что не надо.

– Что, он тебе совсем не нужен?

– А зачем мне зонтик?

– Тогда верни его мне. Как раз Тонко просила зонтик. Отдадим ей. Он у тебя с собой?

– Это уж слишком, дядя. Сами навязали мне подарок, а теперь требуете его обратно.

– Да ты же говоришь, что он тебе не нужен. Вот я и прошу вернуть. Ничего в этом нет особенного.

– Он мне действительно не нужен, но все равно, это уже слишком.

– Вот бестолковая! Что тут особенного? Ты говоришь, что зонтик тебе не нужен, вот я и прошу тебя вернуть его мне.

– Но ведь…

– Что «но ведь»?

– Но ведь так никуда не годится!

– Фу, до чего глупа! Долбишь одно и то же.

– Вы, дядя, тоже все одно и то же долбите.

– А что мне делать, если ты одно и то же повторяешь? Ты же сказала, что он тебе не нужен?

– Сказала. И он мне действительно не нужен. Но возвращать его вам я не хочу.

– Поразительно. Ну что с тобой делать? Какое упрямство и тупость! Вам в гимназии логику преподают?

– Ах, оставьте, пожалуйста! Ну и пусть я необразованная. Можете говорить, что хотите. «Верни!» Даже от чужих такого не услышишь! Поучитесь немного у Дурня Такэ!

– Что? У кого поучиться?

– Я говорю, будьте хоть немного прямым и честным!

– Ты глупа и упряма вдобавок, потому и проваливаешься на экзаменах.

– Ну и что же, что проваливаюсь? Я вас не прошу платить за мое учение.

Юкиэ больше не в силах была сдерживать переполнявшие ее чувства. Она замолчала, и обильные слезы хлынули на ее сиреневую юбку. Хозяин смотрел то на юбку, то на склоненное лицо Юкиэ, словно раздумывая над психологическим источником ее слез. В это время в столовую заглянула О-Сан и, выставив свои красные руки, объявила:

– Гость пожаловал.

– Кто? — осведомился хозяин.

– Гимназист, — ответила О-Сан, искоса поглядывая на плачущую Юкиэ.

Хозяин встал и направился в гостиную. Я осторожно последовал за ним — мне необходимо было изучать людей и собирать нужный материал. Изучать человека следует в те моменты, когда он волнуется. Только тогда изучение приносит желаемые результаты. В обычной обстановке люди все обыкновенные, ни слушать, ни смотреть на них не интересно. Но когда человек волнуется, в нем, обыкновенном человеке, под влиянием каких-то таинственных сил, проявляются какие-то странные, необыкновенные, диковинные, удивительные качества. Одним словом, возникают явления, весьма поучительные для нас, кошек. К явлениям такого порядка относится, несомненно, и горючая слеза, пролитая Юкиэ-сан. Пока Юкиэ-сан разговаривала с хозяйкой, в ней нельзя было даже заподозрить столь необычные свойства. Но едва вернулся хозяин и поставил свою масленку возле хибати, она внезапно — словно дохлого дракона ошпарили из кипящего котла — проявила неведомые свойства своего характера, необычайно странные, необычайно диковинные, необычайно удивительные, о наличии которых до той поры невозможно было догадаться. Впрочем, эти прекрасные свойства характера обычны для всех женщин. К сожалению, они не так легко проявляются. То есть вообще-то проявляются постоянно, но далеко не так свободно и не с такой силой, как в данном случае. Мне удалось быть свидетелем этого представления только потому, что на свете живет вот такой чудак, с макушкой набекрень, мой хозяин, который и меня, случается, гладит против шерсти. Я не сомневаюсь, что люди чувствуют себя как на сцене всюду, где появляется мой хозяин. И только благодаря хозяину у меня есть возможность приобрести достаточный опыт в отношении людей, хотя век кошки и короток. Счастливая судьба! Интересно все-таки, кто же наш гость?

А гость был гимназистом лет семнадцати, чуть моложе или чуть старше Юкиэ-сан. У него была огромная синяя голова, остриженная под машинку, и картофелеобразный нос. В общем, ничего достопримечательного в его внешности не было, если не считать громадного черепа. Череп, даже голый, был необычайно велик, а если бы на нем росли такие волосы, как у хозяина, он бы привлекал к себе всеобщее внимание. Хозяин считает, что такие головы не приспособлены к восприятию наук. Возможно, так оно и есть, но на первый взгляд подобная

голова, похожая на голову Наполеона, производит ошеломляющее впечатление. Как и все другие гимназисты, наш гость был одет в кимоно с короткими рукавами. Белья под кимоно не было. Говорят, что это очень изящно — надевать кимоно прямо на голое тело и ходить босиком. Но этот юнец имел очень вульгарный облик. Может быть, виной были босые ноги: на циновках отчетливо выделялись три грязных следа. У гостя был смущенный вид. Нет ничего удивительного в том, что смущенный человек сидит тихо, но этому смущенному виду совершенно не соответствовала громадная нахальная голова. Нахалу, который гордится тем, что не здоровается с преподавателем, тяжело, конечно, высидеть в позе нормального человека хотя бы полчаса. Но со стороны выглядит очень смешно, когда подобный тип делает вид, будто он от рождения образец благопристойности и оплот нравственности. Любопытно, как это они, такие наглые и развязные на гимнастических площадках и в классах, способны сдерживать себя при других обстоятельствах? Эта мысль возбуждала во мне насмешливую жалость к нашему гостю. И как бы ни был глуп и бестолков хозяин, он начинает казаться человеком значительным, когда сталкивается лицом к лицу с таким учеником. Вероятно, и хозяин сознает это. Есть поговорка, что пылинки, скопившись, образуют горы. Ученики, собравшись вместе, представляют собой силу, которой нельзя пренебрегать. Они способны на остракизм и на стачку. На мой взгляд это нечто вроде храбрости пьяного труса. Дикие выходки стада учеников можно рассматривать как результат временного безумия, наступившего вследствие опьянения сознанием своего численного превосходства. В противном случае разве посмел бы такой вот типчик, который сидит сейчас, забившись в угол, презирать своего преподавателя? Разве посмел бы он выкидывать дурацкие шутки?

Хозяин пододвинул к гостю дзабутон и предложил сесть на него. Но господин Тыквоголовый не двинулся с места, он словно окаменел. Было странно видеть за безучастным ко всему дзабутоном безмолвную громадную голову. Дзабутон предназначен для сидения. Хозяйка купила его не для того, чтобы им любовались. Сидеть на циновке рядом с дзабутоном — это оскорбление для дзабутона, а следовательно, и для его хозяина. А господин Тыквоголовый вовсе не питал к дзабутону никаких враждебных чувств. Попросту говоря, он с младенческих лет ни разу не сидел по-человечески. Ноги его уже начали ныть от претерпеваемых ими мук, но он упорно отказывался от дзабутона, несмотря на то, что дзабутон оказывался из-за этого в дурацком положении, и несмотря на то, что дзабутон был предложен самим хозяином. Ах, какой стеснительный этот господин Тыквоголовый! Лучше бы он стеснялся тогда, когда таких, как он, собирается целое стадо. Пусть бы стеснялся в гимназии. Пусть бы стеснялся в пансионе. Нет, он стесняется там, где это совсем не нужно. А там, где нужно стесняться, он хулиганит. Скверный Тыквоголовый бонза…

Фусума тихо раздвинулись, и Юкиэ-сан почтительно подала бонзе чашку чая. Во всякое другое время бонза не упустил бы случая сказать по этому поводу какую-нибудь гадость, но сейчас при виде цветущей девицы, которая церемонно, по всем правилам школы Огасавара, изученным в гимназии, протянула ему чашку, он растерялся окончательно. Юкиэ-сан хихикнула и снова неслышно удалилась. Видимо, при одинаковом возрасте женщины более развиты, нежели мужчины. Юкиэ-сан гораздо смелее бонзы. И ее хихиканье было особенно выразительно после только что пролитых горючих слез.

После того как Юкиэ ушла, обе стороны некоторое время сидели молча. Наконец хозяин решил, что это уже похоже на самосозерцание с целью совершенствования духа, и раскрыл рот:

– Как бишь тебя?

– Фуруи.

– Фуруи? Ага, Фуруи. А дальше? Имя?

– Фуруи Буэмон.

– Фуруи Буэмон… Угу… Да, имя довольно длинное. Несовременное имя. Старинное имя. Ты, кажется, в четвертом классе?

– Нет.

– В третьем классе?

– Нет. Я во втором классе.

– Во втором «А»?

– Нет, «Б».

– «Б»? Значит, ты в моей группе? — удивленно сказал хозяин.

Если говорить по правде, эта гигантская голова с первых же дней своего появления в гимназии поразила воображение хозяина. Иногда он даже видел ее во сне. Но дурак хозяин был не в состоянии установить связь между этой примечательной головой и старинным именем, а тем более между головой, старинным именем и группой «Б» второго класса. И, постигнув наконец, что эта чудовищная голова, снившаяся ему по ночам, принадлежит ученику класса, в котором он, хозяин, является наставником, он мысленно захлопал в ладоши от восторга. Однако ему все еще было невдомек, для чего этот тыквоголовый парень, да еще со старинным именем, да еще ученик его класса, явился к нему. Еще не было случая, чтобы ученики наносили визиты своему не пользовавшемуся популярностью учителю хотя бы по случаю Нового года. Фуруи Буэмон был поистине редким гостем. Хозяин не знал, как себя повести, потому что не знал, чем он обязан этому визиту. «Пришел развлечься? Вряд ли, за этим ко мне не ходят. Пришел сообщить о том, что меня уволили? Нет, тогда он держался бы развязно. И тем более не может быть, чтобы он пришел попросить моего совета о том, как следует жить». Нет, хозяин никак не мог додуматься, зачем явился Фуруи Буэмон. Впрочем, если судить по виду Фуруи Буэмона, то ему самому было неясно, зачем он пришел. Наконец, отчаявшись, хозяин спросил официальным тоном:

– Ты в гости пришел?

– Нет.

– Значит, по делу?

– Да.

– По школьному вопросу?

– Да. Хотел немного поговорить.

– Угу. Так о чем? Говори же.

Но Буэмон-кун молчал, опустив очи долу. Вообще-то Буэмон-кун был весьма болтлив, хотя и учился во втором классе. Его мозг, не в пример голове, был недоразвит, и по болтливости этот ученик занимал в группе «Б» первое место. Именно он поставил хозяина в тупик, потребовав перевода на японский язык слова «Колумб». Да, видимо, была какая-то серьезная причина тому, что сей разговорчивый господин молчал и только ерзал на месте, как принцесса-заика. И причина эта заключалась не только в стеснении. Хозяину это тоже начало казаться странным.

– Если у тебя есть что сказать, говори скорее.

– Мне как-то неловко говорить…

– Неловко говорить? — хозяин заглянул в лицо Буэмон-куна, но тот продолжал смотреть вниз, и определить выражение его лица было трудно. Тогда хозяин попробовал изменить тон и сказал ласково: — Говори, не стесняясь. Нас никто не слышит, а я никому не скажу.

– Можно рассказывать? — Буэмон-кун все еще колебался.

– Можно, наверное, — решил хозяин.

– Ну, тогда я расскажу, — вздохнул Тыквоголовый и, подняв голову, тупо посмотрел на хозяина. Глаза у него совершенно треугольные. Хозяин надул щеки и выпустил в сторону дым «Асахи».

– Знаете… Такое дело получилось, не знаю, как теперь быть.

– А что случилось?

– Как что случилось? Я в большом затруднении и пришел к вам…

– Так что же тебя затрудняет?

– Я не хотел этого делать, но Хамада пристал — одолжи, говорит, да одолжи…

– Хамада — это Хамада Хэйскэ?

– Да.

– Так что, ты одолжил этому Хамада деньги в уплату за пансион?

– Нет, я одолжил ему не деньги.

– А что же?

– Свое имя одолжил.

– А для чего Хамада понадобилось твое имя?

– Он отправил любовное письмо.

– Что отправил?

– Я ему говорю, чем одалживать свое имя, я лучше опущу письмо в почтовый ящик…

– Ничего не понимаю. Кто и что сделал?

– Было отправлено любовное письмо.

– Любовное письмо? Кому?

– Да я же говорю, что неловко рассказывать об этом.

– Ну ладно, значит, ты отправил какой-то женщине любовное письмо.

– Нет, не я.

– Хамада?

– И не Хамада.

– Так кто же отправил?

– Этого я не знаю.

– Ничего не пойму. Что же, никто ничего не отправлял?

– Там только мое имя.

– Что значит «там только мое имя»? Ничего не понимаю.

О чем ты говоришь? Рассказывай все по порядку. Кому было адресовано письмо?

– Барышне Канэда.

– Это дочь коммерсанта Канэда?

– Да.

– А что значит «имя одолжил»?

– Видите ли, эта девица модничает и нос задирает, вот ей и отправили любовное письмо… Хамада сказал, что без подписи нельзя. Я ему говорю: подпишись своим именем. А он говорит: это неинтересно. Лучше, говорит, пусть будет подписано Фуруи Буэмон. Вот так я и одолжил свое имя.

– Ты что, знаешь эту девушку?

– Нет, не знаю. Даже не видел никогда.

– Какая наглость! Посылать любовное письмо человеку, которого не знаешь! Зачем же вы это сделали?

– Все говорили, что она хвастает и нос задирает, вот и решили подшутить над нею.

– Натворили вы дел. Значит, отправили за твоей подписью?

– Да. Письмо написал Хамада, я одолжил имя, а Эндо ночью отправил.

– Значит, вы втроем сговорились?

– Да. Но потом я испугался. Вдруг все раскроется и меня исключат? Я так беспокоюсь, что уже несколько ночей не сплю. В голове словно туман стоит.

– Черт знает, какую глупость вы выдумали. Что же, так прямо и подписали — «ученик второго класса гимназии „Буммэй“ фуруи Буэмон»?

– Нет, про гимназию не писали.

– Хорошо хоть, что догадались. Этого бы только не хватало!

Тогда бы речь шла о чести гимназии «Буммэй».

– Как вы думаете, меня исключат?

– Как тебе сказать…

– Сэнсэй, у меня очень строгий отец. Да еще у меня мачеха.

Если меня исключат, мне плохо придется. Неужели исключат?

– Вот я и говорю, что нельзя делать такие штуки.

– Я и не хотел, да вот так получилось… Нельзя ли постараться, чтобы меня не исключили?

Буэмон говорил слезливым голосом. Давно уже за фусума фыркают хозяйка и Юкиэ-сан, а хозяин все тянет с важным видом: «Не знаю… Вот уж не знаю, как с тобой быть…» Страшно интересно.

Я сказал — «интересно». Возможно, вы спросите: почему? Вопрос резонный. Величайшая цель жизни как человека, так и животного — это познание самого себя. Если бы люди оказались способными познать самих себя, они были бы достойны большего уважения, чем кот. И тогда я немедленно прекратил бы писать всю эту ерунду. Но человек никогда не познает свое «Я», как никогда не увидит собственных ушей. Вот почему за разъяснениями по поводу своего «Я» люди обращаются к обычно презираемым котам. Конечно, человек делает вид, что ему все известно, и просто чего-то не хватает. Он расхаживает по земле с величественным видом, называя себя венцом творения. Меня разбирает смех, когда я гляжу на него. Вот он и таскается по свету, сгибаясь под тяжестью этого самого венца творения, и спрашивает у всех встречных, где его уши. И не думайте, что он когда-нибудь откажется от этого венца. Будет таскать его до самой смерти. Впрочем, при всем этом он может считаться даже симпатичным, если только довольствуется тем, что он дурак.

Рассказывая о Буэмон-куне, о хозяине, о хозяйке и о Юкиэ-сан, я сказал «страшно интересно» не потому, что получилось такое совпадение, и не потому, что это совпадение касается столь пикантного предмета. Нет, меня заинтересовала реакция всех этих людей на описываемые события. Начнем с хозяина. Он относится к происшествию довольно прохладно. Его не особенно волнует строгость напаши Буэмон-куна и отношения между Буэмон-куном и его мачехой. Да он и не должен волноваться. Ведь между исключением Буэмон-куна и увольнением хозяина громадная разница. Вот если бы исключили всех учеников из всех гимназий, тогда другое дело. Тогда преподавателю не на что было бы жить. Но изменения в судьбе одного только Буэмон-куна, как бы велики они ни были, на судьбе хозяина не отразятся. А раз так, то с какой стати хозяин будет волноваться из-за Буэмон-куна? Хмуриться, сморкаться, вздыхать по поводу неприятностей постороннего человека совсем не в характере хозяина. Никто не поверит, что человек такое добросердечное существо. Только в качестве налога за свое появление на свет он иногда ради приличия пускает слезу и строит сочувственную мину. Это сплошной обман. Хотя, по правде говоря, для того, чтобы корчить сочувственные мины, требуется определенное искусство. Тех, кто обладает искусством такого обмана в наибольшей степени, называют «совестью человечества» и очень ценят. Поэтому самые подозрительные люди — это те, кого ценят другие. Присмотритесь к такому типу, и вы сразу все поймете. В этом смысле хозяин относится к неискусным. Поэтому его не ценят. И он, естественно, не прячет свое равнодушие, а выставляет его напоказ. Стоит поглядеть, как он повторяет Буэмон-куну: «Не знаю, не знаю, как с тобой быть…» Но было бы непростительной несправедливостью презирать такого праведника, как мой хозяин, из-за его равнодушия. Равнодушие — природное качество человека, и тот, кто не прячет свое равнодушие, честный человек. Не следует переоценивать людей и ожидать от хозяина в данном случае сочувствия к Буэмон-куну. Ожидать в этом взбаламученном мире от честности большего, чем равнодушие, все равно что ждать, когда верные рыцари старинных фантастических романов начнут гарцевать на улицах под вашими окнами.

Теперь о женщинах, что хихикают в столовой. Их привлекает главным образом смехотворность всей истории. Происшествие с любовным письмом, которое не дает спать по ночам Буэмон-куну, представляется им исполненным радостной благодати, словно голос Будды. Попробуем разобраться в этом, и мы увидим, что их веселит скверное положение, в которое попал Буэмон-кун. Спросите этих женщин: «Почему у вас вызывает смех человек в скверном положении?» И они вам ответят, что вы дурак. Или скажут, что вы задали этот вопрос с целью оскорбить их женское достоинство. Возможно, они и в самом деле будут считать себя оскорбленными. Но правда и то, что они рады посмеяться над человеком,

попавшим в беду. Нечего ожидать, что женщина предупредит вас: «Сейчас я буду оскорблять свое женское достоинство, но вы помалкивайте и не задавайте дурацких вопросов». Это все равно как если бы вор заявил: «Я сейчас буду грабить, но не смейте говорить мне, что это безнравственно. Этим вы опозорите и оскорбите меня». Женщины умны. Их рассуждения не лишены логики. Так что если тебе пришлось родиться человеком, будь любезен оставаться спокойным, когда тебя будут топтать ногами, пинать и всячески поносить. Более того, оплевав и обгадив тебя, над тобой еще будут посмеиваться. А если ты не способен оставаться спокойным в таком положении, держись подальше от существ, именуемых умными женщинами. Возможно, Буэмон-кун, совершивший без всякой задней мысли непристойный поступок и теперь совершенно подавленный, скажет, что нехорошо смеяться, когда ему так плохо. Но такие слова исторгнет у него лишь юношеская наивность. Тот, кто не терпит, чтобы его оскорбляли, именуется человеком, лишенным выдержки. Если он не желает, чтобы его оскорбляли, пусть ведет себя скромно.

Наконец о Буэмон-куне. Он — воплощение беспокойства. Его гигантская голова готова взорваться от переполняющего ее беспокойства, как голова Наполеона разрывалась от тщеславия. Его картофелеобразный нос подергивается — беспокойство овладело всеми лицевыми мускулами. Это бессознательный рефлекс; словно заглотив чудовищную конфету, он третий день чувствует в животе какой-то ком, от которого никак не может избавиться. Охваченный отчаянием, он уцепился за мысль, что его может выручить преподаватель, облеченный властью классного наставника. Вот почему он принес в наш дом с повинной свою гигантскую голову. Он уже забыл, что в гимназии постоянно изводил этого преподавателя и подстрекал других. Он, кажется, уверен, что наставник, невзирая ни на что, обязан принять в нем участие. Должен сказать, что мыслит он весьма примитивно. Хозяин стал его наставником не по своему желанию, а по приказу директора. Это такая же должность, как котелок дяди Мэйтэя. Одно название, и больше ничего. А с одним названием далеко не уедешь. Если бы название могло принести какую-нибудь пользу, то Юкиэ-сан послала бы на смотрины вместо себя одно свое имя. Буэмон-кун не только самонадеян, но еще и переоценивает натуру человеческую, полагая, что посторонние обязаны ему помогать. И он, наверное, никак не ожидал, что над ним будут смеяться. Можно не сомневаться, что в доме своего наставника Буэмон-кун познал великую истину о человеке. Теперь постепенно он будет превращаться в настоящего человека. Он будет смеяться, когда другие попадут в беду, он останется равнодушным к переживаниям посторонних. Мир переполнится буэмон-кунами. Мир переполнится такими, как Канэда-сан и его супруга. От всей души желаю Буэмон-куну как можно скорее познать себя и стать настоящим человеком. Иначе, как бы он ни раскаивался, как бы ни алкал вернуться на стезю добродетели, ему не добиться таких успехов, каких добился господин Канэда. Более того, общество еще отринет его. А это уже посерьезнее, чем исключение из гимназии.

Так размышлял я и восхищался ходом своих мыслей. Вдруг фусума раздвинулись, и в комнату заглянула половина чьей-то физиономии.

– Сэнсэй.

Хозяин твердил нудным тоном все одно и то же: «Не знаю, как с тобой быть…» Когда его окликнули, он обернулся. Он взглянул на половину физиономии, торчавшую из-за фусума. Оказалось, что это был Кангэцу-кун собственной персоной. Хозяин, не двигаясь с места, сказал:

– Входи же.

– У вас, кажется, гость, — все еще оставаясь за фусума, заметил Кангэцу-кун.

– Ничего, заходи.

– Я, собственно, пришел за вами…

– Куда? Опять в Акасака? Нет, уволь. В прошлый раз ты затаскал меня до того, что у меня ноги одеревенели.

– На этот раз все будет хорошо. Вы ведь давно уже не выходили на прогулку.

– На какую там еще прогулку? Да входи же ты.

– Я думаю сходить в Уэно и послушать рев тигров.

– На что это тебе? Иди сюда.

Кангэцу-кун решил, что переговоры на расстоянии бесполезны, и, сняв ботинки, вошел в комнату. Как обычно, на нем были брюки с многочисленными заплатами на задней части. Не следует, однако, думать, что его брюки рвутся, потому что им уже пора рваться или из-за тяжести зада. Сам Кангэцу-кун объясняет это частыми упражнениями в езде на велосипеде. Кангэцу-кун отвесил поклон Буэмон-куну, не подозревая, что видит перед собой коварного соперника, и уселся ближе к веранде.

– Так зачем тебе понадобилось слушать рев тигров?

– Сейчас, днем, это, конечно, неинтересно. В Уэно мы поедем часов в одиннадцать вечера, после того как побываем во всех других местах.

– Еще чего!

– Деревья в зоопарке, — объяснил Кангэцу, — кажутся в это время джунглями, становится жутко.

– Угу… Да, вероятно, интереснее, чем днем.

– Мы пойдем в такую чащу, куда люди и днем не забираются. Мы ощутим себя заблудившимися в джунглях и забудем, что живем в шумной столице.

– А зачем все это ощущать?

– А вот когда все это ощущаешь, вдруг заревут тигры!

– Так уж и заревут по твоему приказанию?

– Обязательно заревут. Их рев слышен даже в университете днем. А представляете, как это будет в тиши ночной, когда вокруг ни души, когда вы чувствуете на себе дыхание призраков, когда в нос ударяет запах тими…[178]

– Что это значит — когда в нос ударяет запах тими?

– Кажется, так говорят, когда бывает страшно.

– Разве? Не слыхал. Ну и что дальше?

– И в этот момент вдруг заревут тигры, да так, что с могучих столетних деревьев посыплются листья. Ужасно страшно.

– Да, это ужасно страшно.

– Так что же, отправимся навстречу приключениям? Я думаю, будет очень интересно. Если не слышал рев тигров ночью, значит не имеешь о нем ни малейшего представления.

– Право, не знаю, стоит ли… — Хозяин был равнодушен к приключениям, как был равнодушен к мольбам Буэмон-куна.

Услыхав это «право, не знаю…», Буэмон-кун, который до того с завистью и восхищением слушал рассказ о тиграх, встрепенулся и вспомнил о своем положении. Он спросил:

– Сэнсэй, как же мне быть?

Кангэцу-кун с недоумением воззрился на его гигантскую голову, а я, имея на то особую причину, покинул гостиную, а затем отправился в столовую.

Хозяйка, то и дело фыркая, наполняла чаем и ставила на поднос дешевые чашки.

– Юкиэ, будь добра, отнеси это в гостиную.

– Что вы! Я не хочу.

– Почему? — изумленно спросила хозяйка и даже улыбаться перестала.

– Не хочу, и все. — Юкиэ изобразила на лице независимость и опустила взгляд на лежавший рядом номер «Иомиури-симбун».

– Что за странности! Ничего в этом особенного. Там только Кангэцу-сан.

– А я вот не хочу! — сказала Юкиэ, не отрывая взгляда от газеты. Конечно, она не способна сейчас прочесть ни строчки, но попробуйте скажите ей об этом, и она наверняка пустит слезу.

– Нечего тут стесняться, — сказала хозяйка, засмеялась и поставила поднос на газету.

– Ах, что вы делаете! — воскликнула Юкиэ и потянула газету к себе. Чай расплескался на газету и на циновки.

– Ну вот, что ты сделала? — сказала хозяйка.

– Ах, что я наделала! — воскликнула Юкиэ и помчалась на кухню. Наверное, за половой тряпкой. Эта сцена немного развлекла меня, и я вернулся в гостиную.

Кангэцу-кун, не подозревавший о смятении Юкиэ, вел светский разговор:

– О сэнсэй, у вас на сёдзи новая бумага? Кто клеил?

– Женщины клеили. Правда, хорошо?

– Да, очень хорошо. Это, наверное, та барышня, что иногда к вам приходит?

– Да, она тоже помогала. И знаешь, она хвасталась, что раз она так хорошо оклеивает сёдзи, значит может уже выходить

замуж.

– Скажите пожалуйста! — сказал Кангэцу-кун и уставился на сёдзи. — Вот с этой стороны совсем гладко, а вон там немного морщит.

– Оттуда и начинали, когда еще было недостаточно опыта.

– Ах, вот в чем дело! Опыта, значит, было мало… Так-так. Эта поверхность образует трансцендентальные кривые и не может быть выражена в простых функциях.

– Да, да, конечно, — осторожно поддакнул хозяин.

Между тем Буэмон-кун окончательно отчаялся добиться чего-нибудь от учителя. Он внезапно опустил свой исполинский череп на циновку и молчаливо выразил свое желание откланяться. Хозяин сказал:

– Что, уже уходишь?

Уныло волоча ноги, обутые в гэта, Буэмон поплелся за ворота. Бедняга, если он ни в ком не найдет сочувствия, то наверняка напишет предсмертные стихи и бросится в водопад Кэгон. И все потому, что барышня Канэда задирает нос и модничает. Пусть Буэмон-кун после смерти станет привидением и придушит ее. Если такая вертихвостка исчезнет с лица земли, мужчинам не будет никакого урона. А Кангэцу-кун пусть женится на более достойной девушке.

– Сэнсэй, это ваш ученик?

– Угу…

– Какая громадная голова. Он способный?

– Не очень, если принять во внимание величину черепа. Задает иногда нелепые вопросы. Как-то поставил меня в дурацкое положение, спросив, как будет по-японски «Колумб».

– Наверное, он задает эти лишние вопросы из-за величины головы. А что вы ему ответили, сэнсэй?

– Что? Да так, перевел кое-как.

– Но все же перевели? Это здорово!

– Надо переводить все, что спрашивают, иначе ученики перестанут доверять.

– Смотрите, сэнсэй, вы стали дипломатом! Но он какой-то грустный, прямо не верится, чтобы он мог вас поставить в тупик.

– А, сегодня-то он шелковый. Дурак он.

– Да что с ним? По правде говоря, мне даже жалко его стало. Что он натворил?

– Глупость. Отправил любовное письмо дочери Канэда.

– А! Эта огромная голова? Ну и храбрецы эти нынешние гимназисты! Я просто ушам не верю!

– Тебе это, наверное, неприятно…

– Что вы, почему же неприятно? Наоборот, интересно. Пусть посылают сколько угодно любовных писем.

– Ну, раз тебе все равно…

– Конечно, все равно. Какое мне дело? Но все-таки странно, как эта громадная голова могла послать любовное письмо.

– Да… Это была, собственно, шутка. Девица модничает, задирает нос, вот они втроем и решили подшутить…

– Втроем написали барышне Канэда одно письмо? Это уже совсем дико. Все равно что есть втроем одну порцию бифштекса.

– Здесь было разделение труда. Один написал текст. Другой письмо отправил. Третий подписался. Вот этот тип, что был здесь, подписал письмо своим именем. Он, конечно, самый большой дурак из всех троих. Вдобавок он говорит, что даже не знает дочь Канэда. Непонятно, как он мог решиться на такую глупость…

– Да, такого давно не случалось. Подумать только, эта гигантская голова посылает письмо женщине! Интересно ведь, правда?

– Как бы здесь чего не вышло…

– А что тут может выйти? Ведь девица-то Канэда!

– Но ведь у тебя, кажется, какие-то намерения…

– При чем здесь мои намерения? Речь-то идет не обо мне, а о Канэда! Мне какое дело?

– Тебе, может быть, и нет дела…

– Ничего, с Канэда тоже ничего не случится.

– Ладно, оставим это. Ну так вот, он вдруг почувствовал угрызения совести и в растрепанных чувствах явился ко мне просить совета.

– Так вот почему он был такой грустный! Видимо, он робкий юноша. Вы подбодрили его?

– Больше всего он боится, что его исключат из гимназии.

– За что же его исключать?

– За безнравственный поступок, как он сам это называет.

– Что вы? При чем здесь безнравственность? Ничего в этом нет безнравственного. Я уверен, что девица всем показывает это письмо и считает для себя за честь…

– Ну, это уж ты слишком.

– Как бы то ни было, мне его жаль. Даже если его поступок дурен, все равно нельзя позволять ему так мучиться, ведь это может его убить. Голова у него такая громадная, но лицо неплохое. И у него очень мило дергается нос.

– Ты, как Мэйтэй, говоришь легкомысленные вещи.

– Ну что вы! Просто таковы современные нравы. А вы, сэнсэй, придерживаетесь старых взглядов и подходите ко всему слишком строго.

– Да ведь это глупо — посылать любовное письмо совершенно незнакомому человеку! Где здесь здравый смысл?

– В шутках не бывает здравого смысла. Помогите ему, и это вам зачтется. А то он такой грустный, что вот-вот бросится в водопад Кэгон.

– Не знаю, право…

– Помогите! Более взрослые озорники творят гораздо худшие безобразия, и у них такой вид, как будто ничего не случилось. Исключить этого юнца будет несправедливо, если сначала не исключить других типов, которые много хуже его.

– Может быть, это и так, однако…

– А как же насчет рева тигров? Поедем?

– Тигры?

– Да. Послушать тигров. Я очень прошу вас пойти сегодня со мной. На днях я собираюсь домой в провинцию и долго не смогу принимать участие в ваших прогулках.

– Угу… Значит, едешь на родину? Что, по делам?

– Да, у меня есть одно незначительное дело. Ну, поедем?

– Да? Ну что ж…

– Идемте, идемте. Сегодня я угощу вас ужином. Потом моцион, а потом мы поедем в Уэно.

Хозяин в конце концов позволил себя уговорить, и они отправились. Когда они ушли, хозяйка и Юкиэ-сан громко расхохотались: гэра-гэра, кэра-кэра, кара-кара…

Глава XI

Мэйтэй-кун и Докусэн-кун сидят возле токонома и заняты игрой в го. Мэйтэй настойчиво напоминает:

– Так просто играть я не стану. Проигравший выставляет угощение. Слышишь?

Докусэн-кун, привычно вздергивая свою козлиную бородку, отвечает:

– Это опошляет игру. И играть тогда неинтересно, голова занята одной мыслью: проиграю или выиграю? Это уже азарт. Нужно забыть об исходе игры, нужно играть так же свободно, как плывет по небу легкое облако, — только тогда можно ощутить вкус игры.

– Опять тебя понесло. Одно мучение играть с отшельниками. Ты тип из «Книги об отшельниках».

– Игра на бесструнном инструменте.

– Разговор по беспроволочному телеграфу.

– Ну, начнем.

– Твои белые?

– Все равно какие.

– Сразу видно, что ты отшельник. Итак, если твои белые, мои, следовательно, черные. Ну, ходи.

– По правилам начинают черные.

– Ах да. Ну, в таком случае начнем скромненько таким дебютом.

– Такого дебюта нет.

– Нет, так будет. Это мое изобретение.

Мир мой узок. И то, что называют игрой в го, я увидел впервые совсем недавно. Это небольшая квадратная доска, и на ней разложены как попало черные и белые камешки, от которых пестрит в глазах. Партнеры сидят над доской, шумят и потеют. Деревянный квадрат имеет площадь в квадратный фут и возвышается над циновками как раз настолько, чтобы кот имел возможность смахнуть с него лапой все эти камешки. Его можно сложить — тогда он становится похожим на хижину. Можно развернуть — он снова становится ровным, как поле. Легче сидеть и бесстрастно глядеть на эту доску, чем потеть над нею, отпуская неуместные шуточки. Пока на доске всего тридцать или сорок камешков, в глазах еще не пестрит. Но в решающий момент игры при взгляде на доску становится не по себе. Белые и черные камешки стоят так близко друг к другу, что, кажется, вот-вот посыплются с доски. И они не могут попросить соседей подвинуться, не могут потребовать, чтобы на них не напирали. Они могут только неподвижно стоять на месте, покорившись неизбежному року. Игра в го изобретена человеком. И в ней отразились все человеческие наклонности. Не будет ошибкой сказать, что несчастная судьба стесненных камешков отражает характер непоседливого человека. Действительно, человеку нравится так оградить себя, так сузить свой обширный мир, чтобы некуда было ступить с того места, где он, человек, остановился. Другими словами, человек — это существо, постоянно ищущее для себя новых пыток.

Не знаю, что это взбрело в голову легкомысленному Мэйтэю и йогоподобному Докусэну, но сегодня они достали с полки эту старую доску и принялись за игру. Вначале они действовали легко и свободно, и белые и черные камешки так и порхали по доске. Но доска не безгранична. С каждым новым ходом оказывались занятыми все новые клетки, и противники, несмотря на легкомыслие одного и йогоподобие другого, в конце концов стали испытывать затруднения.

– Мэйтэй-кун, ты играешь грубо. Кто же так ходит? Это не по правилам.

– У монахов-йогов, возможно, такого правила и нет, но у монаха Хонъин оно есть. И с этим ничего не поделаешь.

– Так я сейчас твою пешку убью, только и всего.

– Вассал не боится даже смерти, не говоря уже о затрещинах. Пойдем так.

– Вот так? Ладно. «С юга дует легкий ветер, но в палатах нет прохлады». Вот так будет безопаснее.

– Ага… Смотри, вот не думал, что ты способен на такой ход! А мы пойдем так. Что ты будешь делать, интересно?

– Да уж что-нибудь сделаю. Что-нибудь… «Леденеет меч под небом». Ну что с тобой возиться, получай!

– Постой, постой, что ты делаешь?! Ведь это же всему конец! Что за шутки? Погоди немного!

– Я же тебе говорил, что так ходить нельзя.

– Прошу простить мне этот ход. Возьми назад эту белую.

– Что? И эту обратно?

– А заодно и ту, что рядом.

– Ну, это уже наглость.

– Do you see the boy?[179] И это при нашей нежной дружбе? Не говори мне таких вещей, я не перенесу. Забери эти пешки. Речь идет о жизни и смерти. Погоди хоть немного, сейчас у меня на арене появится главный актер, а ты все хочешь загубить!

– Это меня не касается.

– Пусть, пусть не касается. Только ты ходы верни.

– Ты уже шесть раз просил вернуть ходы.

– Ох и память же у тебя. Видишь ли, на этот раз я прошу тебя взять назад целых два хода. Говорю тебе, забери эти пешки. Не надо так упрямиться. Посиди немного в позе созерцания, и тебе станет легче.

– Но если я так сделаю, я проиграю.

– Да ведь тебе с самого начала было все равно, выиграешь ты или проиграешь.

– Мне все равно, я могу и проиграть. Но я не хочу, чтобы ты выиграл.

– Вот так прозревший! Ты все такой же — «Весенний ветер прорезает молнию».

– Не ветер молнию, а молния ветер. Все перепутал.

– Ха-ха-ха-ха… Оно и в перевернутом виде хорошо. А ты молодцом, еще держишься. Ну, ладно уж, оставь все как есть.

– Смерть и рождение — не в нашей власти. А беда приходит нежданной.

– Аминь! — И Мэйтэй-сэнсэй опустил камешек на первое попавшееся место.

Пока Мэйтэй-кун и Докусэн-кун сражались не на жизнь, а на смерть в го, у входа в гостиную сидели рядышком Кангэцу-кун и Тофу-кун, а возле них — хозяин с кислым выражением лица. На циновке перед Кангэцу-куном лежали три ломтя сушеного бонита.

Ломти бонита появились из-за пазухи Кангэцу-куна. Они еще хранили тепло человеческого тела. Хозяин и Тофу-кун озадаченно глядели на них. Кангэцу-кун сказал:

– Четыре дня назад я вернулся из поездки на родину, но у меня были разные дела, и я не мог навестить вас сразу же по приезде.

– С этим нечего было спешить, — заявил хозяин, как всегда не очень приветливо.

– Конечно, можно было и не спешить. Но мне хотелось скорее передать вам вот эти гостинцы.

– Это ведь бониты?

– Да, ими славится моя родина.

– Может быть, твоя родина и славится ими, но их сколько угодно в Токио. — Хозяин взял самый большой ломоть и поднес к носу.

– По запаху качество бонита определить нельзя, — заметил Кангэцу-кун.

– Наверное, они славятся у вас величиной…

– А вы попробуйте на вкус.

– Это само собой, но вот здесь я вижу что-то странное, эта сторона как будто примята.

– Вот потому-то я и хотел принести их вам поскорее.

– Почему?

– Как почему? Ведь это же мыши отъели.

– Ну, тогда уволь. Еще съешь и чумой заболеешь…

– Да нет, не беспокойтесь! Это ничего, когда объедено так немного.

– Где это мыши объели?

– На корабле.

– Как на корабле? Почему?

– Мне некуда было их девать, и я положил их вместе со своей скрипкой. И в тот же вечер мыши их объели. Да не только бониты, они и скрипку приняли за бонит и тоже погрызли.

– Что за дуры эти мыши. Они, пока жили на корабле, видно, совсем перестали понимать что к чему. — Хозяин опять уставился на ломти бонита.

– Ну, мыши, наверное, везде дуры, где бы они ни жили. Я боялся, что и в пансионе мыши пронюхают о том, что у меня есть бониты, а потому на ночь прятал их себе под спину.

– Это, знаешь ли, немного нечистоплотно.

– Вот я и прошу перед употреблением в пищу слегка их помыть.

– Слегка помыть — от этого они чище не станут.

– Тогда, я думаю, можно почистить их пеплом.

– Скрипку ты тоже с собой в постель брал?

– Скрипка слишком велика, чтобы класть ее с собой, но…

– Что, что? — громогласно попросил Мэйтэй, отрываясь от игры. — Ты спал в обнимку со скрипкой? Вот это я понимаю, вот это утонченность! «Весна идет, и прижимаешь к сердцу хотя бы биву[180]». Даже стихи такие есть. Но так было в древности. А гении нашего нового времени, разумеется, должны превзойти древних и будут спать не с бивой, а со скрипкой. «В долгие ночи ласкает меня рядом лежащая скрипка». Тофу-кун, можно так сказать новыми стихами?

Тофу-кун очень серьезно отозвался:

– Новые стихи — это вам не хайку. На ходу их не сочинишь. Зато когда они готовы, в них так и чувствуется свежий, живой дух.

– Ах, вот как? А я-то думал, что духов вызывают с помощью возжигания курений! К новым стихам их, значит, тоже приспособили? — Мэйтэй уже забыл об игре.

– Не болтай, а то опять проиграешь! — сказал хозяин.

Но Мэйтэй и бровью не повел.

– Какой может быть разговор о проигрыше, когда противник уже не может пошевелиться, как осьминог в сетях. Вот я со скуки и вмешался в ваш разговор.

Докусэн-кун сказал раздраженно:

– Ход твой. Я тебя жду, а не ты меня!

– Да? Ты разве уже пошел?

– Давно пошел.

– Куда?

– Вот сюда.

– Ага. «И, пешку поставив, он проиграл». В таком случае мы… мы… мы… Ого, уже вечер наступает! Что-то я не вижу хорошего хода. Ладно, так и быть. Ходи еще раз.

– Да кто же так играет?

– Ну, раз никто так не играет, пойду… Так. Вот сюда походим, в этот уголочек… Кангэцу-кун, мыши были так непочтительны к твоей скрипке только потому, что она у тебя дешевая. Тебе следует купить подороже. Хочешь, я выпишу тебе старинную, этак трехсотлетнюю, из Италии?

– Пожалуйста, очень прошу вас. А заодно уж и заплатите.

– Да на что может годиться такое старье? — сердито проговорил хозяин.

– Ты приравниваешь старье человеческое к старым скрипкам? Если даже человеческое старье ценится высоко, как, например, Канэда, то о скрипках и говорить не приходится. Скрипка чем старее, тем лучше. Ну, Докусэн-кун, ходи скорее, прошу тебя.

– Невозможно играть с таким суматошным типом, как ты. Даже подумать не даешь. Ну, делать нечего, пойдем сюда.

– Ох, пошел все-таки сюда! Какая жалость… Я не думал, что ты сюда пойдешь. Специально тебя отвлекал. Не помогло.

– В этом нет ничего удивительного. Если б ты хоть играл, а то только жульничаешь…

– В этом как раз и заключается способ монаха Хонъин, Канэда и всех современных джентльменов. Эй, Кусями-сэнсэй! Разве не видно сразу, что Докусэн-кун в Камакура объелся тухлых маринадов? Ничем его не пронять. Достоин большого уважения. В го играет скверно, однако держится спокойно.

– А ты бы брал с него пример, — отвечает хозяин, не оборачиваясь. Мэйтэй показывает ему в спину громадный красный язык. А Докусэн-кун, ни на что не обращая внимания, опять торопит партнера:

– Твой ход!

Тофу-кун спросил Кангэцу-куна:

– Ты давно начал заниматься игрой на скрипке? Я вот тоже хочу заняться. Говорят, это очень трудно.

– В общем, играть может научиться всякий.

– Ведь это тоже искусство, — с надеждой в голосе сказал Тофу-кун. — У кого есть способности к стихам, тот и музыку освоит быстро, как ты думаешь?

– Попробуй. Мне кажется, у тебя получится.

– Ты когда начал?

– Еще в колледже… Сэнсэй, я вам не рассказывал, как я начал заниматься музыкой?

– Нет, не рассказывал.

– Вероятно, в колледже был преподаватель, игравший на скрипке? — предположил Тофу-кун.

– Ну что ты, какой там преподаватель. Я самоучка.

– Ты просто гений.

– Ну, самоучка — это не обязательно гений, — обиженно сказал Кангэцу-кун. Кажется, один только Кангэцу-кун способен обижаться, когда его называют гением.

– Хорошо, пусть будет так. Расскажи, пожалуйста, как ты научился играть. Мне тоже хочется научиться.

– Могу рассказать. Рассказывать, сэнсэй?

– Ну, рассказывай.

– Теперь часто можно увидеть на улицах молодых людей со скрипками в футлярах. Но в мое время в колледже не было ни одного человека, который бы занимался европейской музыкой. Тем более в нашем провинциальном колледже, где было все так скромно, что мы не имели даже нормальной обуви…

– Ого, — сказал Мэйтэй, — там рассказывают что-то интересное, Давай кончать, Докусэн-кун. Будет с нас.

– Но мы же еще не закончили. Есть еще свободные клетки.

– А ну их. Дарю их тебе.

– Мало ли что ты даришь. Я не могу их так просто взять.

– Ты такой аккуратный, что совсем не похож на йога. Ну ладно, будь по-твоему, давай заканчивать… Что это ты такое интересное рассказываешь, Кангэцу-кун? Это про колледж, где ученики ходили на занятия босиком?

– Да нет, ничего подобного.

– Да, да, я слышал еще, что у учеников там страшно огрубели пятки. Это оттого, что они босиком занимались военной подготовкой.

– Ну вот еще. Кто это вам говорил такие вещи?

– Какая разница — кто? Говорили, и всё. И еще говорили, что там ученики подвешивают к поясу комок риса, который съедают в школе на завтрак. Вернее, не съедают, а пожирают. В середине комка спрятана маринованная слива. Так вот, чтобы добраться до этой сливы, они с быстротой молнии пожирают несоленый рис. Очень энергичные молодцы, правда? Такие должны прийтись тебе по вкусу, Докусэн-кун.

– Отличные нравы. Скромные и здоровые.

– Есть нечто еще более отличное. Один мой друг служит в тех краях. Однажды он решил купить пепельницу знаменитого резчика с его, резчика, факсимиле. И что же? Сколько он ни искал, оказалось, что там нет не только пепельниц знаменитых резчиков, но и вообще никаких пепельниц. Он спросил, почему не продаются пепельницы, и ему ответили, что незачем продавать, когда каждый может сам вырезать ее из куска бамбука. Это тоже говорит о скромных и здоровых нравах, верно, Докусэн-кун?

– Все это так, однако…

– Однако, однако, однако… Хватит с меня. Я был изумлен, когда услыхал об этом. Поэтому достойно всяческой похвалы, что Кангэцу-кун научился играть на скрипке самоучкой в таком глухом месте. В книге «Кидзи» о таких сказано: «Одинок и гениален». Ты одинок и гениален, Кангэцу-кун.

– Ничего я не одинок и не гениален.

– Ну, тогда ты великий скромник… Что? Считать пешки? Не желаю, не приставай. Я и так знаю, что проиграл.

– Но ведь нужно знать точно.

– Вот и считай сам. Я не счетовод. Извиняюсь. Предки не простят мне, если я не выслушаю рассказ гения нашего времени о том, как он учился играть на скрипке.

И Мэйтэй, покинув Докусэн-куна, подсел к Кангэцу. Докусэн-кун старательно заполнил часть свободных мест белыми камешками, часть черными и принялся считать про себя, шевеля губами. А Кангэцу продолжал рассказывать:

– Нравы в наших краях очень жестокие, и чтобы не уронить свой престиж в глазах учеников из других провинций, наши ученики расправлялись с мягкотелыми очень жестоко. Дело доходило до самосудов, и мне приходилось очень тяжело.

– Действительно, настоящие грубияны, — сказал Мэйтэй. — Во-первых, зачем они носят синие без рисунка шаровары? Это уже снобизм. И все они такие смуглые, даже черные. Это, наверное, от морского ветра. Мужчина еще ничего, а уж женщине такой цвет кожи совсем не идет.

Тема скрипки отодвинулась на задний план.

– Да, женщины в нашей провинции смуглые, — согласился Кангэцу.

– И все-таки выходят замуж, да?

– Ну что же делать, если все в провинции смуглые?

– Вот бедняги. Правда, Кусями-кун?

– Это хорошо, что смуглые, — сказал хозяин. — Белокожие всегда крутятся перед зеркалом и без конца восхищаются собой. С женщинами ничего не поделаешь. — И хозяин

вздохнул.

– Но ведь там, где все смуглые, — сообразил Тофу-кун, — женщины будут восхищаться своей смуглостью?

– Все равно, — сказал хозяин. — Женщины — это существа, которые ни к чему не пригодны.

– Ты не очень-то, — предупредил Мэйтэй, — а то от жены попадет.

– Ничего, не беспокойся.

– Что, ее дома нет?

– Куда-то отправилась с детьми.

– Я так и думал. Что-то у вас очень тихо. Куда она пошла?

– Не знаю. Куда захотела, туда и отправилась.

– И вернется, когда захочет?

– Да. Тебе вот хорошо, ты холостой.

Тофу-кун состроил недовольную гримасу, а Кангэцу-кун заулыбался. Мэйтэй-кун сказал:

– Все женатые так думают. Докусэн-кун, ты тоже, кажется, страдалец в семейной жизни?

– Что? Подожди. Четырежды шесть — двадцать четыре… двадцать пять, двадцать шесть… двадцать семь… Думал, что мало, а здесь сорок шесть пешек. Оказывается, разница всего в восемнадцать пешек. Что ты сказал?

– Я говорю, что ты тоже страдалец в семейной жизни.

– Ха-ха-ха! Нет, только не страдалец. Ведь моя жена в меня влюблена!

– Ну, тогда прошу прощения. Докусэн-кун есть Докусэн-кун.

– Это не только Докусэн-кун, — вступился за всех жен на свете Кангэцу-кун. — Таких примеров сколько хотите.

– Правильно! — серьезно сказал Тофу-кун. — Я думаю, человек может увековечить свое имя только двумя путями: путем искусства и путем любви. Например, путем супружеской любви. Поэтому люди непременно должны бракосочетаться и строить свое счастье. Иначе они будут противоречить законам неба. Разве не так, сэнсэй? — обратился он к Мэйтэю.

– Великолепное рассуждение. Но таким, как я, не суждено увековечить свое имя.

– Если женишься, то наверняка не увековечишь, — сказал хозяин, поморщившись.

– Во всяком случае, мы, неженатые молодые люди, не постигнем смысла существования без соприкосновения с миром искусства. Именно поэтому я хочу научиться играть на скрипке и все расспрашиваю Кангэцу-куна, как это делают.

– Да, да, ведь мы собирались прослушать скрипичную повесть господина гения, — спохватился Мэйтэй и убрал наконец свои Щупальца. — Рассказывай, больше я не буду мешать.

Однако в это время Докусэн-кун принялся с важным видом поучать Тофу-куна:

– Путь к познанию не может раскрыться через скрипку. Было бы ужасно, если бы тайны вселенной познавались таким легким путем. Чтобы уловить дыхание мира, необходимо последовательно впадать в прострацию и оживать. Не имея способности впадать в прострацию, нечего и думать о познании.

Но Тофу-кун не знал из учения йогов даже начального «й», поэтому слова Докусэн-куна не произвели на него ни малейшего впечатления.

– Возможно, — ответил он. — Но я полагаю, что предел высших устремлений человечества выражается все-таки в искусстве. И я не могу отказаться от него.

– Если ты не можешь отказаться, — сказал Кангэцу-кун, — тогда я расскажу вам историю моей скрипки. Как я уже упоминал, осуществление этой затеи встретило на своем пути массу затруднений. Во-первых, как купить скрипку?

– Еще бы, разве можно купить скрипку там, где и шлепанцы достать невозможно!

– Нет, скрипки там продавались. И деньги я скопил. Но купить никак не мог.

– Почему?

– Все в округе знали друг друга, пойдешь купить — сразу заметят. А заметив, объявят, что заважничал, и потянут на самосуд.

– Гениев преследовали с древних времен, — сочувственно сказал Тофу-кун.

– Опять гений. Прошу тебя не называть меня гением. Так вот, я каждый день бродил возле магазина, где продавались скрипки, и все думал, как я куплю скрипку, как возьму ее в руки и что будет тогда с моей душой. Мне так хотелось, так хотелось… Каждый день я только об этом и думал.

– Понимаю, — сказал Мэйтэй.

– Странная склонность, — буркнул хозяин.

– Все же ты гений, — восхитился Тофу. И только Докусэн-кун промолчал, величественно пощипывая бородку.

– Может быть, вас удивит, что в таком захолустье продавались скрипки. Но ничего удивительного в этом нет. Там была и женская гимназия, а в этой гимназии преподавали скрипку. Конечно, хороших скрипок не было, но все же это были скрипки. Магазин, торговавший ими, относился к своему товару пренебрежительно. Их связывали в пучки и вывешивали на улице. Прохаживаясь возле магазина, я слышал, как они звучат от ветра или случайного прикосновения. И когда я слышал эти звуки, мне казалось, что сердце у меня вот-вот разорвется на части. Я не находил себе места.

– Плохо твое дело, — хихикнул Мэйтэй. — Существует водобоязнь, мизантропия и другие виды помешательства, а у тебя, значит, было скрипичное помешательство.

– Нет, знаете ли, — вступился Тофу-кун, — только тот, у кого вот так обострены чувства, способен стать настоящим художником. Что ни говорите, а он гений.

– Да, возможно, это было помешательство. Но услышанные мною звуки были поистине прекрасны. Сколько лет я играю на скрипке, но мне ни разу не удалось их воспроизвести. Как их выразить? Нет, выразить их словами невозможно.

– Словно голубые колокольчики в ночи, — провозгласил Докусэн-кун. К сожалению, никто не подхватил эту реплику.

– Дважды слышал я эти небесные звуки, пока бродил вокруг магазина. И когда я услыхал их в третий раз, я решил, что во что бы то ни стало куплю скрипку, хотя бы это и навлекло на меня презрение всех жителей моего края. Пусть даже насмехаются надо мной люди из других провинций, пусть даже мне суждено погибнуть во цвете лет под железными кулаками неумолимых преследователей. Пусть даже меня исключат из колледжа. Я понял, что не могу не купить скрипку.

– Вот это и есть гений, — с завистью и восторгом объявил Тофу. — Негений не способен на такие мечты. Я завидую. Я всегда мечтал, чтобы у меня возникали такие бурные стремления, но ничего не получалось. Вот хожу по концертам, внимательно слушаю, но восторга не испытываю.

– Ты счастлив, что не испытываешь восторга. Теперь я способен говорить об этом спокойно, а тогда мучился так, что трудно себе представить. И в конце концов, сэнсэй, я купил.

– Угу… И как это было?

– Был как раз вечер накануне дня рождения императора. Все мои земляки отправились на горячие источники с ночевкой. А я, сказавшись больным, не пошел в тот день на занятия и весь день пролежал в постели у себя на квартире. Я все думал о том, как вечером пойду покупать скрипку и моя мечта наконец исполнится.

– Так ты что — притворился больным и не пошел на уроки?

– Совершенно верно.

– Вот это уже немного гениально, — сказал Мэйтэй.

– Весь день я с нетерпением ждал захода солнца, то и дело высовывая голову из-под одеяла. Вечер все не наступал. Я закрывался одеялом и смежал веки, но и это не помогало. Я вновь высовывал голову, и меня бесили лучи солнца, падавшие на широкие сёдзи. Мой взгляд то и дело останавливался на узкой длинной тени, двигавшейся по сёдзи.

– Что за длинная тень? — осведомился Кусями-сэнсэй.

– А это у меня висела на карнизе связка очищенной хурмы.

– Угу. А дальше?

– Делать было нечего, я поднялся, вышел на галерею и съел одну сушеную хурму.

– Вкусно было? — спросил хозяин с завистью.

– Хурма в наших краях необыкновенно вкусна. Здесь, в Токио, невозможно даже представить ее вкус.

– Ну, будет о хурме, — нетерпеливо сказал Тофу. — А потом что ты сделал?

– Потом, вернувшись в постель и закрыв глаза, я стал творить тихую молитву о быстрейшем наступлении вечера. Мне показалось, что прошло по меньшей мере три-четыре часа, но когда я высунул голову из-под одеяла — что бы вы думали? — ослепительное осеннее солнце сияло по-прежнему, озаряя сёдзи, по которым скользила узкая длинная тень.

– Я это уже слышал, — сказал Тофу.

– Это повторяется несколько раз. Я встал с постели, раздвинул сёдзи, съел еще одну сушеную хурму и опять забрался в постель. И тут я снова стал творить молитву, прося богов поторопить солнце.

– Все на том же самом месте, — заметил хозяин.

– Прошу вас, сэнсэй, не спешите и слушайте. Я пролежал, как мне показалось, еще три-четыре часа, решил, что уже настало время подниматься, и высунул голову. Но нет! Ослепительное осеннее солнце по-прежнему озаряло сёдзи, а по ним скользила длинная узкая тень.

– Ну, так будет без конца одно и то же… — сказал хозяин.

– Я встал с постели, раздвинул сёдзи, вышел на веранду и, съев еще одну хурму…

– Что? Опять хурма? Ты без конца лопаешь ее.

– Это от нетерпения.

– Вот тебе не терпелось, а нам и подавно не хватает терпения слушать.

– Сэнсэй, вы вот всегда так спешите. Вам очень трудно рассказывать.

– Но ведь и слушать не так легко, — недовольно сказал Тофу.

– Ну ладно, делать нечего. Постараюсь закончить поскорее. Короче говоря, я ел хурму, а наевшись, забирался в постель. Так продолжалось до тех пор, пока я не прикончил всю хурму.

– К тому времени и солнце, наверное, зашло.

– Не тут-то было. Когда я доел последний плод и полежал в постели, а затем высунулся поглядеть, что творится вокруг, ослепительное осеннее солнце все еще озаряло…

– Я больше не могу. Сколько можно повторять одно и то же?

– Но вы подумайте и обо мне! Мне ведь тоже рассказывать скучно!

– У тебя такое терпение, что ты можешь смело браться за любое дело, обязательно одолеешь, — не выдержал Мэйтэй-кун. — Если тебя не подгонять, ты до завтрашнего утра будешь разглагольствовать о своем ослепительном солнце. Когда ты собираешься купить скрипку в конце концов?

Лишь Докусэн-кун оставался спокойным. Он не сдвинулся бы с места и до завтрашнего и до послезавтрашнего утра, сколько бы ни озаряло сёдзи осеннее солнце. Впрочем, и Кангэцу-кун был совершенно спокоен.

– Когда собираюсь купить? Как только наступит вечер, немедленно отправлюсь. К сожалению, сколько я ни высовывал голову из-под одеяла, ослепительное солнце сияло по-

прежнему… Да разве можно сравнить то, что я переживал тогда, с вашим нетерпением? Я съел последний плод, но солнце все не садилось. Тогда я заплакал от отчаяния. Тофу-кун, я плакал от тоски!

– Что ж, так и должно быть. Художник должен быть чувствительным. Я сочувствую твоим слезам. Но все-таки прошу тебя, рассказывай быстрее.

– Я от всей души стремлюсь рассказывать быстрее. Но что я могу сделать, если солнце все не заходит?

– Если солнце не зайдет, я и слушать не буду, — объявил хозяин. Видимо, ему стало невмоготу.

– Но не могу же я перескакивать с одного на другое! Я подхожу к кульминационному моменту.

– Ладно, продолжай. Но будем считать, что солнце зашло.

– Это чрезмерное требование. Впрочем, из уважения к вам, сэнсэй, будем считать, что солнце зашло.

– Превосходно, — невозмутимо произнес Докусэн. Тут уже никто не мог удержаться, и все дружно фыркнули.

– Итак, вечер наконец пришел, и я облегченно вздохнул. Я вышел из дома, где жил на квартире. Я не люблю оживленных мест и умышленно избегал комфортабельных районов. Вот почему я свил себе келью в крестьянской хижине в безлюдной Деревне.

– Так уж и в безлюдной, — недоверчиво сказал хозяин.

– Свил келью — это слишком высокопарно, — заметил Мэйтэй. — Лучше сказать просто: «Снял комнатушку без токонома».

Только Тофу-кун похвалил:

– Действительность может быть какой угодно, но слова должны быть поэтичны и приятны для слуха.

А Докусэн-кун серьезно осведомился:

– Как же вы ходили в колледж, если жили в таком месте? Сколько ри было от вашего жилища до колледжа?

– До колледжа было метров четыреста. Ведь колледж был в этой же деревне.

– Значит, ученики тоже жили в этой деревне и снимали там квартиры?

– Да, почти в каждом доме жили ученики — по одному, по двое.

– И такое место вы называете безлюдным? — в упор спросил Докусэн-кун.

– Разумеется, если бы не было колледжа, оно было бы абсолютно безлюдным… Итак, как же я был одет в тот вечер? На мне было форменное пальто с золочеными пуговицами поверх жилета из домотканого полотна. Капюшон я надвинул на глаза так, чтобы никто меня не узнал. Было время листопада. Мой путь пролегал по шоссе, сплошь усыпанному опавшими листьями. Листья шуршали на каждом шагу, и это пугало меня, потому что мне все казалось, что кто-то крадется за мной. Я обернулся. Вдали во мраке чернел лес у храма Торэйдзи. Этот храм — усыпальница рода Мацудайра. Он расположен у подножья горы Коосин в ста метрах от дома, где я снимал комнату. Это место внушает благоговение и пробуждает мечты о возвышенном. А над лесом простерлось бесконечное звездное небо. Млечный Путь пересекал реку Хасэгава и уходил… уходил… Э, куда бы это он уходил? Ну, скажем, к Гавайским островам…

– Ничего себе — к Гавайским островам, — сказал Мэйтэй.

– Я прошел по шоссе метров двести и вступил в город с улицы Таканодай-мати, затем прошел улицу Кодзё-мати и свернул на улицу Сэнгоку-мати. Потом пересек улицу Куисиро-тё и прошел по порядку первый, второй и третий кварталы улицы Тори-тё. Затем прошел улицы Оари-тё, Нагоя-тё, Сятихо-тё, Камабоко-тё…

– Будет тебе шляться по улицам, — разозлился хозяин. — Купил ты скрипку или не купил?

– Понимаете, магазин, где продавали скрипки, находился в районе Кандзэн. Точнее, в районе Канэко Дзэмбээ. Путь не малый.

– Пусть не малый! Покупай же скорее!

– Слушаюсь. Когда я дошел до района Кандзэн, в магазине сияла яркая лампа.

– Опять сияла, — перебил Мэйтэй. — Все сияющее тянется у тебя слишком долго, с ума можно сойти.

– Нет, на этот раз сиять будет только один раз, прошу не беспокоиться. Я огляделся и увидел при свете ту самую скрипку. Она сияла под лампой в осенней ночи. Холодно блестели боковые вырезы. Белели натянутые струны.

– Как красиво излагает, — восторженно сказал Тофу.

– Я подумал: «Вот она моя!» — и у меня бешено забилось сердце и затряслись ноги.

Докусэн-кун фыркнул.

– Вне себя я вбежал в магазин. Я выхватил из кармана кошелек. Я вытащил из кошелька две пятийеновые бумажки.

– И купил в конце концов? — спросил хозяин.

– Совсем было уже купил. Но я сказал себе: «Погоди! В такие моменты нужно быть осторожным. Как бы не промахнуться». И я решил не покупать. Остановился в самый критический момент.

– Что? Так и не купил? Что же ты из нас душу тянешь этой своей скрипкой?

– Я не тяну. Но что мне делать, если я все еще никак не могу купить?

– Почему?

– Как почему? Еще только начало вечера. Народу много.

– Ну и что же? Пусть себе хоть сотнями ходят. Что ты за странный человек?

– Конечно, будь это обычные люди, я не обратил бы на них внимания. Но попробуйте не обратить внимания на учеников колледжа, которые так и шныряют вокруг с засученными рукавами и громадными палками. Ведь среди них были и те, кто с гордостью именовал себя «партией утопленников», — они из года в год оставались в одном и том же классе. Такие типы очень сильны в дзюдзицу. И вот у них на глазах не так-то легко решиться прикоснуться к скрипке. Никогда нельзя знать наперед, что они с тобой могут сделать. Я, конечно, очень хотел иметь скрипку, но мне была дорога жизнь. Все же лучше жить, не играя на скрипке, чем умереть со скрипкой в руках.

– Значит, ты не купил? — уточнил хозяин.

– Нет, я купил.

– Ну что за человек! Если купил, то покупай быстрее. А не хочешь, так не покупай. Заканчивай быстрее!

– Не так легко все делается на свете, как хотелось бы, — сказал Кангэцу-кун, неторопливо закуривая сигарету.

Видимо, хозяину все это надоело. Он сходил в кабинет, принес какую-то европейскую книгу, лег на живот и принялся читать. А Докусэн-кун незаметно вернулся к доске и уже играл сам с собой в го, громко стуча камешками. Интересный рассказ был так растянут, что автор его лишился уже двух слушателей. Остались только преданный искусству Тофу-кун и неунывающий Мэйтэй.

Выпустив длинную струю табачного дыма, Кангэцу-кун прежними темпами продолжал:

– И вот что я подумал тогда, Тофу-кун: «В начале вечера у меня ничего не выйдет. А в середине ночи будет закрыт магазин. Надо дождаться, когда ученики колледжа разойдутся по домам. Но нельзя и пропустить момент, когда закрывают магазин. Иначе все мои планы рухнут. Как же, однако, определить этот момент?»

– Да, действительно, как?

– Я решил, что явлюсь в магазин в десять часов вечера. Но до десяти часов нужно где-то болтаться. Возвращаться домой и приходить снова — слишком хлопотно. Подойти к товарищам и побеседовать с ними — я был просто не в силах. И вот я решил до десяти часов погулять по городу. В обычное время два-три часа на прогулке проходят незаметно. Но в тот вечер время тянулось необыкновенно медленно. Тогда я в полной мере ощутил, как мучительно тянутся минуты, когда они кажутся вечностью. — И Кангэцу-кун поглядел на Мэйтэя.

– Да, я думаю, — отозвался Мэйтэй. — Еще древние говорили: «Мучительно ждать у котацу». Или еще: «Гораздо хуже ждать, нежели быть ожидаемым». Конечно, и скрипке, вывешенной на улице, было тяжело, но тебе, должно быть, еще тяжелее было бесцельно бродить по городу, подобно сыскному агенту или псу у вымершего дома. Знаешь, нет ничего более жалкого, чем бездомная собака.

– При чем здесь собака? Меня еще никогда не сравнивали с собакой.

– Вот я слушаю тебя, — сказал Тофу, — и не могу сдержать своих чувств. Мне все кажется, что я читаю биографию старинного художника. Сэнсэй сравнил тебя с собакой в шутку. Не обижайся и продолжай.

Впрочем, Кангэцу-кун все равно продолжал бы, даже если бы Тофу-кун не стал успокаивать его.

– И я прошел по улицам Окати-мати и Хякуки-мати, затем с улицы Рёгай-тё свернул на улицу Такадзё-мати и там сосчитал ивы перед губернским управлением. Затем я сосчитал огни в окнах больницы, выкурил на мосту Конъя две сигареты и поглядел на часы…

– Было уже десять?

– К сожалению, не было. Я перешел мост Конъя и пошел на восток по берегу реки. По дороге мне встретились трое массажистов. Да и, знаете, сэнсэй, вовсю лаяли собаки…

– В осенний вечер у реки далекий лай собак — это немного театрально. Ты как бежавший из-под стражи узник в театре…

– Разве я совершил что-нибудь дурное?

– Ты собираешься совершить.

– Разве приобрести скрипку — дурной поступок? Тогда все воспитанники музыкальных школ — преступники.

– Любой поступок, не получивший признания у людей, — преступление. Вот почему нет ничего более неопределенного, чем понятие преступления. И Христос стал преступником только потому, что родился не в свое время. И красавец Кангэцу-кун преступник, потому что покупает скрипку в таком месте.

– Ну что же, пусть я преступник. Но все было бы ничего, если бы я окончательно не выбился из сил в ожидании десяти часов.

– А ты еще разок перечисли названия улиц. А если этого будет мало, снова зажги ослепительное осеннее солнце. А уж если и этого окажется недостаточно, слопай еще три дюжины сушеной хурмы. Я буду терпеливо ждать до десяти часов.

Кангэцу-кун заулыбался.

– Ну что же, ничего не остается, как забежать немного вперед. Пусть будет сразу десять часов. Итак, назначенный срок — десять часов — наступил. Я подошел к магазину. Был поздний вечер. Даже на оживленной улице Рёгай-тё не видно было ни одного прохожего, только изредка доносился печальный перестук гэта. В магазине уже опустили ставни, остался лишь узкий проход. Мне все казалось, что меня преследуют соглядатаи, и я никак не мог решиться открыть дверь… Хозяин оторвался от книги и спросил:

– Ну что, купил скрипку?

– Нет, вот как раз сейчас собирается купить, — ответил Тофу-кун.

– Ну и тянет же он. Все еще не купил, — проворчал хозяин и снова уткнулся в книгу. Докусан помалкивал. Он уже заставил черными и белыми камешками почти всю доску.

– Наконец я решился, ворвался в магазин и, не поднимая капюшона, сказал: «Дайте мне скрипку». Мальчишки-посыльные и приказчики, болтавшие у хибати, разом испуганно уставились на меня. Я еще глубже натянул капюшон на лицо и повторил: «Дайте мне скрипку». Мальчишка, стоявший рядом и все пытавшийся заглянуть мне в лицо, робко ответил: «Сию минуту». Он притащил сразу несколько скрипок из тех, что днем висели на улице. Я осведомился о цене. Мальчишка ответил, что скрипки стоят пять йен двадцать сэн за штуку…

– Разве бывают такие дешевые скрипки? Они игрушечные, что ли?

– Я спросил, все ли скрипки одинаковые, и мальчишка тотчас ответил, что и цена одинаковая и сделаны все одинаково прочно. Я вынул из кошелька бумажку в пять йен и двадцать сэн мелочью и принялся завертывать скрипку в специально принесенный большой платок. Все это время приказчики, прекратив разговоры, упорно глазели на меня. Но лицо мое было скрыто под капюшоном, и опасаться, что меня узнают, не приходилось. И все-таки я очень боялся и мечтал как можно скорее очутиться на улице. Я сунул сверток за пазуху и вышел из магазина. Приказчики хором завопили мне вслед: «До свидания!» — и у меня душа ушла в пятки. На улице я огляделся по сторонам. К счастью, поблизости никого не было видно. Но метрах в ста от меня несколько человек принялись нараспев читать стихи. Перепугавшись, я свернул за угол магазина и у рва вышел на шоссе Якуоодзи. Затем я обогнул гору Коосин и в конце концов добрался до своего дома. Было уже без десяти два.

– Всю ночь пробродил, — сочувственно сказал Тофу-кун.

– Наконец-то, — с облегченным вздохом сказал Мэйтэй. — Ну и длиннющая была история.

– Самое интересное только начинается, ведь до сих пор было только вступление.

– Что? Еще не конец? Ну, знаешь, этого никто не выдержит.

– Дело не в том, выдержит или не выдержит. Просто рассказ нельзя обрывать на этом месте. Если я остановлюсь здесь, то получится так, словно идола слепили, а душу ему не дали. Я должен рассказать еще кое-что.

– Твое дело. Еще немного я послушаю.

– Кусями-сэнсэй, вы бы тоже послушали. Скрипку я уже купил. Вы слышите, сэнсэй?

– Что? А теперь будешь рассказывать, как продавал? Не желаю.

– Да нет, не о том, как продавал.

– Тем более.

– Как же мне быть? Только ты один, Тофу-кун, слушаешь. Не так интересно рассказывать. Ну, что же, расскажу коротко дальше.

– Можешь рассказывать обстоятельно, — сказал Тофу-кун. — Я слушаю с большим удовольствием.

– Итак, с большим трудом я приобрел скрипку. Но где ее держать? Товарищи часто приходили ко мне, и если ее повесить или поставить у сёдзи, ее немедленно обнаружат. Можно было бы выкопать яму и спрятать в землю, но это не так-то просто.

– Так куда же ты ее спрятал? На чердак?

– Чердака не было. Дом ведь простой, крестьянский.

– Вот, наверное, ты поволновался. И куда же спрятал?

– Догадайся.

– Не знаю. В шкаф?

– Нет.

– Завернул в одеяло и спрятал на полку?

– Нет.

Пока Тофу-кун пытался догадаться, куда была спрятана скрипка Кангэцу-куна, хозяин окликнул Мэйтэя:

– Слушай, как это читается?

– Что?

– Вот, вторая строка.

– Где? Ага… Так ведь это по-латыни.

– Сам знаю, что по-латыни. Я спрашиваю, как читается?

Мэйтэй, почуяв опасность, попытался увильнуть.

– Но ты же всегда говорил, что читаешь по-латыни.

– Читаю, конечно. Ты мне переведи.

– Как так «читаю, конечно, ты мне переведи»?

– Все равно как. Я прошу тебя перевести на английский. Ну-ка!

– Что еще за «ну-ка»? Что я тебе — прислуга, что ли?

– Не важно. Ты переведи.

– Знаешь, давай оставим латынь. Послушаем лучше поучительную историю Кангэцу-куна. Он сейчас рассказывает самое интересное. Решающий момент! Самый опасный! Обнаружат или не обнаружат его скрипку? — И Мэйтэй с видом чрезвычайно заинтересованным поспешно вернулся к группе любителей скрипки.

Хозяин был безжалостно покинут, а Кангэцу-кун продолжал:

– В конце концов я спрятал ее в старую корзину! Да, да, в корзину, которую подарила мне моя бабушка, когда я уезжал в колледж. Эта корзина была когда-то приданым бабушки.

– Вот уж старье… Что-то она не очень подходит для скрипки эта корзина. Как ты думаешь, Тофу-кун?

– Да, как-то не подходит.

– Чердак тоже не подходит, — отпарировал Кангэцу.

– Ничего, ты не огорчайся. Хоть и не подходит, зато можно сочинить стих: «Тоскливой осенью прячу скрипку в корзину» Как, господа?

– Вы сегодня много сочиняете, сэнсэй, и всё старинные стихи в одну строчку.

– Да разве только сегодня? Стихи возникают в моей голове постоянно. Даже покойный поэт Масаока Сики щелкал от изумления языком, когда слушал мои стихи.

– О сэнсэй, вы были знакомы с господином Сики? — восхитился наивный Тофу-кун.

– Нет, лично знаком не был, но мы читали друг другу свои стихи по беспроволочному телеграфу, — нашелся Мэйтэй.

Удивленный Тофу-кун замолчал, а Кангэцу-кун, посмеявшись, снова устремился вперед.

– Итак, я нашел место, где прятать скрипку. Тогда встал другой вопрос: как ею воспользоваться? Если бы можно было ограничиться тем, чтобы, закрывшись от людей, доставать ее время от времени из корзины и любоваться ею, все было бы просто. Но ведь не для любования же я ее купил! Она предназначена для того, чтобы по ней водили смычком. Но когда по ней проводят смычком, она издает звук. А как только она издаст звук, ее немедленно обнаружат. К тому же с южной стороны за изгородью жил сам главарь «утопленников».

– Как скверно, — выразил сожаление Тофу-кун.

– Да, конечно, это было скверно. Звук сразу выдал бы тебя, — сказал Мэйтэй. — Можно украдкой есть и пить, делать фальшивые деньги, но заниматься украдкой музыкой невозможно.

– Если бы она не издавала звуков, я бы как-нибудь управился…

– Погоди-ка. Вот ты говоришь: «Если бы она не издавала звуков». Есть вещи, которые невозможно скрыть, хотя они и не издают звуков. Давно уже, когда мы жили в храме Коисикава и сами для себя готовили пищу, с нами вместе жил некий Судзуки Тоосан. Он страшно любил мирин[181]. Он покупал мирин и пил его целыми бутылками. И вот однажды, когда Тоо-сан отправился куда-то на прогулку, Кусями-сэнсэй украдкой выпил…

– На кой мне черт мирин этого Судзуки? — заорал вдруг хозяин. — Это ты сам выпил!

– Гм… Я думал, ты книгу читаешь. Думал, можно рассказывать спокойно. А ты, оказывается, все-таки слушаешь? С тобой нужно ухо держать востро. Это про таких, как ты, говорят: «Все слышит й видит за восемь кварталов». Впрочем, ты прав. Я тоже пил этот мирин. Это правильно, я пил. Но ведь поймали тебя! Одним словом, господа, слушайте. Вообще Кусями-сэнсэй пьет плохо. Но тут он дорвался до чужого и выпил сколько влезло. Какой это был ужас! Вся физиономия у него опухла и покраснела. На него страшно было смотреть!

– Замолчи! Латыни не знает, а туда же…

– И вот вернулся Тоо-сан. Потряс он бутылку, видит — половины нет. Он сразу понял, что это кто-то из нас, и принялся нас осматривать. Видит, Кусями-куна скрючило в углу. Он весь красный, как лакированная кукла…

Тофу, Кангэцу и Мэйтэй захохотали. Захихикал и хозяин, не поднимая головы от книги. Не смеялся лишь Докусэн-кун. Видимо, он устал от умственного напряжения над доской и теперь спал, уронив голову на доску и похрапывая.

– И еще есть кое-что, что не звучит, но обнаруживается. Как-то я отправился на горячие источники Убако. Мне пришлось там жить в одной комнате с каким-то дедом, кажется хозяином мануфактурной лавки, ушедшим на покой. Мне, конечно, было все равно, мануфактурщик он или старьевщик, но мне одно было неприятно. Дело в том, что уже на третий день у меня кончились сигареты. Вам, господа, вероятно, известно, что Убако — очень неудобное место. Стоит в горах один-единственный домик, где тебя кормят. А купаться можно в источнике по соседству. Сигарет там достать невозможно. А как известно, когда чего-нибудь нет, то еще больше хочется. Я не такой уж заядлый курильщик, но когда я вспоминал, что сигарет у меня нет, курить начинало хотеться прямо-таки нестерпимо. А мой сосед, этот старый негодник, приехал в Убако с целым мешком табака. Сидит это он передо мной, развалившись на циновках, и покуривает. Мало того что не предлагает мне закурить, но еще и пускает дым в мою сторону! И это бы еще ничего, но он пускает дым кольцами, пускает вверх, в сторону, пускает завитками, пускает через нос и через рот — одним словом, вовсю показывает, что курит.

– То есть как это — показывает?

– Ну, наряды же показывают? Вот и он показывает, что курит.

– Чем так мучиться, лучше бы попросили у него.

– Ну, нет. Я же мужчина!

– Что, разве мужчине нельзя попросить табаку?

– Может быть, и можно, да я не попросил.

– И что же вы сделали?

– Просить я не стал. Я просто украл.

– Ого!

– Однажды дед взял полотенце и отправился купаться. Ну, думаю, если курить, то только сейчас, и принялся наслаждаться его табаком. Не успел я вдоволь накуриться, как раздвинулись сёдзи, и передо мной словно из земли вырос хозяин табака.

– Значит, он не купался?

– Он вспомнил по дороге, что забыл кошелек, и вернулся. Черт знает что! Как будто кому-нибудь нужен его кошелек!

– Видите ли, если учесть, что случилось с табаком…

– Ха-ха-ха… У деда был острый глаз. Ну ладно, кошелек оставим. Раздвинув сёдзи, он, конечно, увидел, что комната полна дыму — ведь я в один присест выкурил дневную порцию. Недаром говорится, что дурная слава слышна за сто ри. Он сразу все понял.

– И что он вам сказал?

– Старик был, наверное, умудрен жизнью. Он молча завернул в бумагу табак, которого могло хватить сигарет на шестьдесят, и протянул его мне. «Если вы курите такой плохой

табак, — сказал он, — можете курить на здоровье». И пошел купаться.

– Вот что называется эдоским[182] характером!

– Уж не знаю, эдоский там или мануфактурный, но после этого мы с дедом очень подружились. Я провел там две недели замечательно.

– И все это время угощались дедовым табаком?

– Да, конечно.

– Ну что, со скрипкой покончили? — осведомился хозяин и отложил книгу. Видимо, он сдался.

– Нет еще. Самое интересное только начинается. Стоит послушать. Кстати, как зовут сэнсэя, который заснул на доске го? Да, Докусэн-сэнсэй. Пусть и он послушает. Вредно так долго спать. Разбудите его, пожалуйста.

– Эй, Докусэн-кун! Поднимайся! Интересный рассказ! Поднимайся, говорят тебе! Видишь, все считают, что вредно столько спать. Твоя жена будет беспокоиться.

– Э? — Докусэн-кун поднял голову. По его бороде тянулась блестящая нитка слюны. — Ох, как я вздремнул… Сон спустился на меня, как облако на вершину горы. Ох, хорошо поспал!

– Это всем известно, что ты спал. Но ты, может быть, соизволишь подняться?

– Могу и подняться. Что-нибудь интересное?

– Сейчас будут на скрипке… Что делают на скрипке, Кусями-кун?

– Понятия не имею.

– Я буду играть на скрипке, — сказал Кангэцу-кун.

– Вот оно что. Сейчас он будет играть на скрипке. Докусэн-кун, подсаживайся к нам.

– Опять скрипка? С ума сойти можно.

– Ты-то не сойдешь. Ты же из тех, кто играет на бесструнных инструментах. А вот Кангэцу-куну придется — кии-пии, кии-пии — ему вот придется плохо. По всей округе будет слышно.

– Вот как? Вы что, Кангэцу-кун, не знаете, как играть на скрипке, чтобы не было слышно?

– Не знаю. Если вы знаете, научите, пожалуйста.

– Да чему здесь учить? Взгляни на белую корову, что бредет по дороге, и все поймешь, — сказал Докусэн-кун. Кангэцу-кун решил, что он несет эту белиберду спросонья, и переспрашивать не стал. Он снова приступил к рассказу.

– В конце концов я придумал. Весь следующий день — день рождения императора — я опять провел дома. Я то открывал, то закрывал корзину. Но вот наступила ночь, и под корзиной запел сверчок. Тогда я решительно извлек из корзины смычок и скрипку.

– Наконец-то, — сказал Тофу-кун.

– Теперь будь осторожен, — предупредил Мэйтэй.

– Прежде всего я проверил смычок — от рукоятки до наконечника.

– Ты выражаешься, как скверный торговец саблями, — заметил Мэйтэй.

– Знаете, когда подумаешь, что именно в этом твоя душа, чувствуешь себя точно так же, как самурай, который ночью при свете лампы осматривает любимый клинок. Сжимая смычок, я затрясся.

– Настоящий гений, — сказал Тофу-кун.

– Сумасшедший, — проговорил Мэйтэй.

– Ну, играй же скорее, — приказал хозяин.

Докусэн-кун молчал и всем своим видом выражал покорность судьбе.

– К моему восторгу, смычок оказался в полном порядке. Затем я приблизился к лампе и тщательно, со всех сторон осмотрел скрипку. И представьте себе, в течение этих пяти минут под корзиной непрерывно пел сверчок.

– Представили, представили. Играй же скорее.

– Нет, играть я еще не могу. О, что за счастье! На скрипке тоже не оказалось ни одного изъяна. «Итак, все в порядке», — подумал я и поднялся на ноги…

– Ты что, куда-нибудь пойдешь? — осведомился Мэйтэй.

– Ну слушайте же, не перебивайте! Не могу я рассказывать, когда меня перебивают на каждом слове…

– Господа, молчите! Тс!

– Да ты один только и болтаешь, — сказал хозяин.

– Ах да, простите, пожалуйста. Внимание, внимание!

– Я взял скрипку под мышку и сунул ноги в дзори. Я вышел из дверей и прошел несколько шагов, но тут остановился. Нет, думаю, погоди…

– Ну вот, я так и знал, что где-нибудь случится короткое замыкание.

– И зачем тебе возвращаться? Ведь сушеной хурмы больше не осталось…

– Господа, мне очень неприятно, что вы все время надо мной подшучиваете. Я тогда буду рассказывать одному только Тофу-куну. Так вот, слушай, Тофу-кун. Я вернулся в комнату, закатался с головой в красное одеяло, которое купил за три йены двадцать сэн, дунул на лампу и потушил свет. И что бы ты думал? Стало совсем темно! И я не мог найти свои дзори.

– А куда ты собрался?

– Ну… Ты слушай. Все-таки я с большим трудом отыскал дзори и вышел на улицу. Ночь была звездная и лунная. Землю покрывали опавшие листья. Я был закутан в красное одеяло, под мышкой у меня была скрипка. Я шел на цыпочках все дальше вправо… Когда я подошел к подножию горы Коосин, зазвонил колокол храма Торэйдзи. Звук колокола проник под одеяло, вошел в мои уши и наполнил гулом мою голову. Как ты думаешь, который был час?

– Не знаю.

– Девять, вот который. В эту долгую осеннюю ночь я решил подняться по горной дороге на восемьсот метров до Одайра. При других обстоятельствах я ни за что не решился бы на это, ибо я по характеру робок и пуглив. Но вот что интересно: когда ты охвачен одной великой идеей, страха не чувствуешь. Мысль о страхе даже не приходила в голову. Душу переполняло лишь одно желание — играть на скрипке. Одайра находится на южном склоне Коосин. Поднимитесь туда в хорошую погоду, и вы увидите плато с прекрасным пейзажем. Через сосны виден весь город… А площадь этого плато примерно триста квадратных метров. Посередине плато возвышается скала с плоской вершиной площадью в восемь циновок. К северу от скалы находится пруд Унонума, окруженный камфарными деревьями со стволами в три обхвата. На горе в маленькой хибарке когда-то жили люди, промышлявшие добычей камфары. Возле пруда и днем неприятно бывать, хотя добраться до него нетрудно, так как саперные войска проложили туда дорогу. И вот я поднялся на эту скалу и уселся, расстелив предварительно одеяло. Впервые в жизни поднялся я на эту гору в такую холодную ночь. И через некоторое время неприятная атмосфера, царившая здесь, стала действовать мне на нервы. В такие моменты только чувство страха может привести человека в смятение. Но если страха не испытываешь, дух твой становится удивительно ясным. Когда я просидел так минут двадцать, у меня появилось ощущение, будто я живу один в громадном хрустальном дворце. У меня было такое чувство, словно мое тело, да и душа тоже, сделаны из агар-агара, то есть совершенно прозрачные. И я перестал понимать, то ли я нахожусь в хрустальном дворце, или хрустальный дворец находится во мне.

– Вот ведь неприятность, — серьезно сказал Мэйтэй.

– Изумительное душевное состояние, — восхитился Докусэн.

– И если бы такое состояние продлилось до утра, я, возможно, так и просидел бы в рассеянности на скале, даже не вспомнив о том, что пришел сюда сыграть на скрипке.

– А там водятся лисы?[183] — осведомился Тофу-кун.

– Вот таким образом сидел я не помня себя, не зная, жив я или мертв, когда внезапно сзади, из глубины старого пруда раздался голос: «Гя-а!»

– Вот оно!

– Этот голос громовым эхом прокатился по горам, и я тотчас же очнулся…

– Вот теперь я спокоен, — сказал Мэйтэй, держась за сердце.

– В великой смерти обретаешь обновленный дух, — сказал Докусэн-кун и многозначительно поглядел на Кангэцу-куна. Но тот не понял и продолжал:

– Очнувшись, я огляделся по сторонам. На горе Коосин царила тишина. Не было слышно ни звука. Что же это за голос? Это не был голос человека — потому что он был слишком резок. Это не был голос птицы — потому что он был слишком громок. Это не был голос обезьяны — потому что в этих местах обезьяны не водятся. И не успел я подумать обо всем этом, как покой, в коем пребывал я до того момента, внезапно рухнул. У меня в голове заметались тысячи мыслей, как при встрече его высочества принца Артура метались по улицам жители столицы[184]. Храбрость, спокойствие, здравый смысл — все эти редкие гости моей души мгновенно испарились через открытые поры моей кожи. Сердце под ребрами принялось отплясывать танец «сутэтэко». Ноги задрожали, словно туго натянутая нить воздушного змея. Я схватил скрипку под мышку, накрылся одеялом, спрыгнул со скалы, одним духом сбежал с горы, добежал до дома, забрался в постель и уснул. Даже теперь я не могу вспоминать об этом без содрогания, Тофу-кун.

– А дальше?

– Это все.

– Как все? А твоя игра на скрипке?

– Какая там могла быть игра? Там же кричали «гя-а!». И ты бы тоже не смог играть на моем месте.

– У меня такое чувство, будто в твоем рассказе чего-то не хватает.

– Я рассказывал то, что было. А что вы скажете, господа? — И Кангэцу-кун с победоносным видом оглядел слушателей.

Мэйтэй расхохотался.

– Вот так штука! Много же ты потрудился, чтобы довести рассказ до конца! А я-то все ждал: вот-вот в стране восточного принца появится Сандро Беллони! — Мэйтэй остановился, ожидая, что его спросят о том, кто такой Сандро Беллони, но не дождался и продолжал: — Сандро Беллони играл на лире в лесу при луне, распевая итальянские песни, ты же потащился со скрипкой на гору Коосин — это все мотивы с одинаковыми поступками. Он испугал луну, а ты сам испугался барсука на старом болоте и тем самым сделал шаг, отделяющий великое от смешного. Представляю, как тебе было обидно!

– Да нет, не особенно, — спокойно отозвался Кангэцу-кун.

– Все выламываешься, лезешь на гору играть на скрипке, вот тебя и пугнули! — брюзжащим голосом заявил хозяин.

– Благородный муж думает о жизни и в логове дьявола, — со вздохом сказал Докусэн-кун. Еще не было случая, чтобы Кангэцу-кун понял, что говорит Докусэн. Да и только ли Кангэцу?

– Ну хорошо, Кангэцу-кун, — сказал Мэйтэй. — Ты как, все шлифуешь свои шарики в университете?

– Нет. Я последнее время был на родине и потому не занимался. Да и надоели мне уже эти шарики. Все собираюсь бросить это занятие.

– Как же бросить? — нахмурился хозяин. — Ведь ты тогда не станешь доктором наук.

– Доктором? — Кангэцу-кун засмеялся. — А для чего мне становиться доктором?

– Да ведь тогда и свадьбу придется отложить. Лишние неприятности тебе и твоей невесте…

– Свадьбу? Какую свадьбу?

– Твою, конечно.

– И на ком же я женюсь?

– На барышне Канэда…

– Хо!

– Что «хо»?! Ведь вы же договорились?

– Кто договорился? Если им хочется распускать всякие слухи, это их дело!

– Нет, ты погоди. Слушай, Мэйтэй, ты знаешь, о чем идет речь?

– Это относительно Носа? Ну, об этом весь мир уже знает. Эта тайна известна всем… Ко мне уже приходили из газеты и спрашивали, когда газета удостоится чести опубликовать фото жениха и невесты. Тофу-кун уже три месяца ждет этой свадьбы, он сочинил по этому случаю длиннейшую поэму, называется она «Песня орла». Он уже боится, что этот шедевр превратится в зарытое сокровище, потому что Кангэцу-кун не становится доктором. Правда, Тофу-кун?

– Не так уж я боюсь, как вы об этом говорите, но мне, конечно, хочется опубликовать произведение, в котором выражены мои чувства.

– Вот видишь, Кангэцу-кун, очень многое зависит от того, станешь ты доктором наук или нет. Так что ты уж как-нибудь держись, шлифуй свои шарики.

– Хе-хе-хе… Простите, что я доставил всем столько беспокойства, но мне уже нет необходимости делаться доктором.

– Это почему? — спросил Кусями-сэнсэй.

– Как почему? Да потому, что у меня уже есть законная жена.

– Вот так так! — воскликнул Мэйтэй. — Когда же ты успел? В этом мире только успевай поворачиваться! Кусями-кун, вы слыхали? Оказывается, у Кангэцу-куна уже есть семья!

– Положим, детей у меня еще нет. На что это было бы похоже, если бы у меня появились дети через месяц после свадьбы!

– Скажите, — произнес хозяин тоном прокурора, — где и когда вы совершили бракосочетание?

– Как когда? Приехал я на родину, а она там, оказывается, уже ждет меня. Бониты, сэнсэй, которые я вам принес, получены от родственников в качестве свадебного подарка.

– Как? Три ломтика в свадебный подарок? Что за жадность!

– Да нет, подарили много, но привез я вам только три.

– И она твоя землячка? Такая же смуглая, как все другие жители ваших краев?

– Да, совершенно черная. Как раз мне под стать.

– А что ты думаешь делать с Канэда? — осведомился хозяин.

– Ничего не думаю делать.

– Но ведь так нехорошо. Правда, Мэйтэй?

– А, чего там нехорошо! Отдадут за кого-нибудь другого. Какая разница? Муж и жена — это люди, которые ищут друг друга впотьмах. Искать совсем и не нужно, а они ищут. Напрасные хлопоты. Ведь все равно, кто кого найдет. Жаль вот только Тофу-куна, который сочинил «Песню орла».

– Нет, что вы… «Песню орла» можно приурочить и к этому событию. А на свадьбу девицы Канэда я сочиню что-нибудь еще.

– Вот это поэт! Вот это я понимаю! На все случаи жизни!

– Ты Канэда предупредил? — Хозяин все еще беспокоился о Канэда.

– Нет. И с какой стати я стану его предупреждать? Я предложения не делал, руки дочери у них не просил, достаточно с них будет и моего молчания. Я думаю, вполне достаточно. Сейчас они, наверное, все уже знают от своих двадцати сыщиков.

При слове «сыщики» лицо хозяина омрачилось.

– Гм… Вот как? Ну, тогда молчи, — приказал он. Но этого ему, видимо, показалось мало, и он принялся немедленно знакомить гостей со своими взглядами на сыщиков: — Когда у неосторожного вытаскивают из-за пазухи кошелек, это называется воровством. А когда к неосторожному залезают в душу, это сыск. Когда тайком забираются в дом и уносят вещи, это грабеж. А когда тайком извлекают из тебя сведения, это сыск. Когда с оружием в руках отбирают собственность, это бандитизм. А когда гнусными словами ломают твою волю и душу, это сыск. Сыщики — это воры, грабители и бандиты. Среди людей им нет места. Не слушай, что они говорят, Не сдавайся!

– Ничего, все будет в порядке! Я не побоюсь, если даже на меня нападут целые полки сыщиков, тысяча сыщиков, две тысячи сыщиков! Они будут иметь дело с Кангэцу Мидзусима, физиком и мастером шлифования шаров!

– Восхищен! — завопил Мэйтэй. — Я в восхищении! Сразу видно новобрачного физика! Какая великолепная энергия! Между прочим, Кусями-кун, если сыщики относятся к породе воров, грабителей и бандитов, то к какой породе относится Канэда-кун, который пользуется их услугами?

– Его можно приравнять к Кумадзака Тёхану.

– Тёхан — хорошо сказано. Как это поется? «Только что был Тёхан и вдруг раздвоился и исчез». Впрочем, наш Тёхан из переулка напротив, ростовщик, скупердяй и мошенник, не исчезнет, не беспокойся. И тому, кто попадется в руки к этому прохвосту, будет плохо, до конца дней своих помнить придется. Так что будь настороже, Кангэцу-кун.

– А, ничего страшного. «Ого, бандит, с каким ты важным видом ходишь! Давно мы знаем, кто ты таков, а ты все продолжаешь старые дела!» Я ему еще покажу! — храбро заявил Кангэцу-кун.

– Кстати, о сыщиках, — заговорил Докусэн-кун. — Знаете, в двадцатом веке большинство людей склонны заниматься сыском. Интересно, почему это?

Это было совершенно в стиле Докусэн-куна — перейти на отвлеченную тему, не имеющую отношения к конкретному вопросу.

– Вероятно, потому, что подорожали продукты, — ответил Кангэцу.

– Наверное, потому, что никто не разбирается в искусстве, — сказал Тофу.

– Я думаю, потому, что у людей прорезались рожки цивилизации, и они напоминают теперь забродившее сусло, — объявил Мэйтэй.

Наступила очередь хозяина. Он с важным видом сказал:

– Я много думал над этим вопросом. Полагаю, причина склонности людей к сыску кроется в чрезмерно развитом самосознании. Причем то, что я называю самосознанием, не имеет ничего общего с тем, что Докусэн-кун называет прозрением или единением «Я» с небом и землей…

– Как-то ты непонятно изъясняешься. Уж если ты, Кусями-кун, забрался в дебри великих теорий, то позволь и недостойному Мэйтэю пожаловаться на современную цивилизацию и изложить свои взгляды.

– Ну излагай, излагай. Как будто у тебя есть что излагать.

– А вот и есть. И еще как есть. Ты вот недавно кланялся сыщику, как божеству, а сегодня сравниваешь сыщиков с ворами и бандитами. Ты — воплощенное противоречие. А я всю свою жизнь ни разу не менял своего мнения.

– Сыщик — это сыщик. Агент — это агент. Недавно — это недавно. Сегодня — это сегодня. Постоянство мнений свидетельствует об отсутствии умственного прогресса. «Дурак не сдвинется» — это про тебя сказано.

– Ох, как строго! Даже сыщика похвалишь за такую прямоту.

– Это я — сыщик?

– Я не говорю, что ты сыщик. Ты не сыщик и потому человек прямой. И давай не будем ссориться. Давай лучше послушаем продолжение твоего мудрого рассуждения.

– Самосознание, — сказал хозяин, — это когда современные люди слишком отчетливо сознают, что им выгодно и что им невыгодно, а также что выгодно и что невыгодно другим. Это самосознание все более обостряется с развитием цивилизации. Хэнлей говорил о Стивенсоне, что Стивенсон ни на минуту не мог забыть о своем «Я». Он не мог пройти мимо зеркала, не оглянувшись на свое отражение. И таковы все люди нынешнего времени, независимо от того, спит их «Я» или не спит. Их постоянно преследует это «Я», где бы они ни находились, что бы ни делали. Поведение и слова людей становятся искусственными, жизнь превращается в муку, они с утра до вечера живут с таким ощущением, словно на смотринах. Слова «спокойствие» и «умиротворенность» стали пустыми звуками, лишенными всякого смысла. Вот почему я говорю, что современный человек детективен. Он все время высматривает и вынюхивает. Он ворует. Он скрывается от других и во всем ищет выгоду. Самосознание его обостряется. Он все время беспокоится, удастся ли ему поймать вора. Он думает о выгоде во сне и наяву и становится похож на вора и на сыщика. Все время оглядываться и копошиться, не иметь до самой могилы ни минуты покоя — вот удел современного человека. Это и есть проклятие цивилизации. Ужасно глупо.

– Очень интересно, — сказал Докусэн-кун. Остаться в стороне от обсуждения подобной проблемы он, естественно, не мог. — Рассуждения Кусями-куна весьма продуманны. Древние учат нас: «Забудь себя». А современная жизнь учит совершенно иному: «Не забывай о себе». Современный человек переполнен сознанием собственного «Я». Это постоянное горение в аду. А ведь нет на свете ничего более прекрасного, чем забыть себя. Сказано: «В ничто обращаюсь в ночи под луной». Современные люди неестественны, даже когда они творят добро. Все поступки англичан, которыми они так гордятся и определяют словом «найс»[185], обусловлены, если разобраться, чрезмерно обостренным самосознанием. В свое время король Англии путешествовал по Индии. Однажды он гостил у одного раджи и обедал с его семьей. И вот раджа, забывшись, схватил, по обычаю своей страны, картофелину рукой и положил к себе на тарелку. Он тотчас же спохватился и очень смутился, но король сделал вид, что ничего не замечает, и тоже взял картофелину двумя пальцами…

– Это и называется английским вкусом? — спросил Кангэцу.

– А я слыхал о таком случае, — сказал хозяин. — Это тоже произошло в Англии. Офицеры одного полка устроили угощение для какого-то нижнего чина. Нижний чин был, видимо, непривычен к банкетам, и когда после угощения принесли блюда с водой для мытья рук, он эту воду выпил. Тогда командир полка вдруг провозгласил в его честь здравицу и тоже одним духом выпил воду из своего блюда. И все офицеры последовали его примеру.

– Известна еще такая история, — сказал Мэйтэй, которому молчать было невмоготу. — Однажды Карлейль получил от королевы приглашение на аудиенцию. Он еще не был знаком с правилами этикета, установленными при дворе. К тому же он вообще был человеком со странностями. Он вошел в зал, сказал: «Ну, как дела?» — взял стул и уселся. Стоявшие позади королевы фрейлины захихикали… нет, хотели было захихикать, но тут королева обернулась к ним и подала знак садиться. Карлейль, таким образом, избежал глупого положения. Вот как была снисходительна и добра королева.

– Ну, так то Карлейль, — заметил Кангэцу-кун. — Карлейлю было бы наплевать, даже если бы остальные продолжали стоять.

– Оставим в стороне сознательную доброту, — сказал Докусэн-кун. — К сожалению, чем человек сознательнее, тем труднее ему быть добрым. Говорят, что грубость нравов исчезает пропорционально росту культуры, люди становятся все более вежливыми. Но это ошибка. Как может человек оставаться спокойным, если у него так сильно развито самосознание? Это только на первый взгляд кажется, что он тихий и вежливый. Отношения людей Друг с другом доставляют им неисчислимые муки. Каждый чувствует себя борцом перед решающей схваткой. Со стороны человек как будто спокоен и миролюбив, а в душе у него кипит яд.

– Вот и драки в старину были невинными, — захватил инициативу Мэйтэй. — Пользовались только грубой силой. А сейчас пользуются способами более утонченными, и это тоже способствует усилению самосознания. Бэкон сказал: «Побеждать природу, опираясь на ее силы». Как ни странно, это выражение можно применить и к современной драке. Совсем как дзюдзицу. Одолевать противника, используя его же силу…

– Или вот гидроэлектроэнергия, — подхватил Кангэцу-кун. — Мы не противимся силе воды, а используем ее и превращаем в электричество.

Докусэн-кун тут же вставил:

– Поэтому в нищете тебя связывает бедность, в богатстве связывает богатство, в печали связывает печаль, а в радости связывает радость. Гений гибнет от своей гениальности, мудреца поражает собственная мудрость, а одержимого, как Кусями-кун, враг захватывает в свои сети, используя его одержимость.

Мэйтэй-кун закричал: «Ого!» — и захлопал в ладоши, а хозяин проговорил ухмыляясь:

– Не так-то это просто сделать.

Все захохотали.

– А отчего погибнут такие, как Канэда?

– Жена погибнет от Носа. Самого Канэда погубит его алчность. Его подручные сдохнут от своей склонности к сыску.

– А дочь?

– Дочь? Трудно сказать. Я ее не видел. Ну, скажем, ее погубит страсть к роскоши и к жирной пище. Или она станет пьяницей. Но от любви она не погибнет, нет. Возможно даже, станет нищей бродяжкой.

– Ну, это уже слишком, — запротестовал Тофу-кун. Ведь он посвятил ей свои новые стихи.

– Это великие слова, — продолжал Докусэн тоном проповедника. — «Откажитесь от нелепого стремления иметь жилье и собственность, проникнитесь добрыми намерениями!» Пока человек не станет таким, он всегда будет мучиться.

– Ну, ты не очень-то распинайся, — заметил Мэйтэй. — А то еще действительно заживешь кверху ногами на манер своей молнии с весенним ветром.

Хозяин объявил ни с того ни с сего:

– Если цивилизация и дальше пойдет такими темпами, я не хочу жить.

– Да ты умирай, не стесняйся, — посоветовал ему Мэйтэй.

– А вот не буду умирать, — с непонятным упорством ответил хозяин.

– При рождении никто не думает о рождении, — сказал Кангэцу — Но вот смерть неприятна для всех.

– Занимая деньги, никто не испытывает душевных мук, — в тон ему откликнулся Мэйтэй. — Но вот отдавать долги весьма неприятно. Обычная история.

Докусэн-кун с отсутствующим и отрешенным видом проговорил:

– Счастлив тот, кто не думает о возвращении долга, и счастлив тот, кто не помышляет о смерти.

– Из твоих слов выходит, что прозревшие, не помышляющие о смерти, порядочные нахалы.

– Считай как угодно. В учении йогов сказано: «Будь с лицом из железа и с сердцем буйвола или будь с лицом буйвола и с сердцем из железа».

– Ты вот типичный представитель такого прозревшего.

– Я бы этого не сказал. Впрочем, мысль о смерти стала мучительной только с тех пор, как была изобретена болезнь, именуемая неврастенией.

– Поистине, ты человек доневрастенический, откуда ни посмотри на тебя.

Пока Мэйтэй препирался таким образом с Докусэном, хозяин выражал Кангэцу и Тофу-куну свое недовольство современной культурой.

– Весь вопрос в том, как уйти от возвращения долгов.

– Да ведь вопрос так не стоит; одолженное нужно возвращать.

– Погоди. Это же вопрос теоретический. Слушай и молчи. Вопрос о возвращении одолженных денег я уподоблю вопросу о неизбежности смерти. Такой вопрос уже ставился.

Это была алхимия. Алхимия провалилась. Стало очевидно, что при всех обстоятельствах смерть неизбежна.

– Это было очевидно и до алхимии.

– Погоди. Молчи и слушай. Я рассуждаю теоретически. Ну вот. Когда неизбежность смерти стала очевидной, возник второй вопрос.

– Какой же?

– Если смерть неизбежна, то как надо умирать? Одновременно с этим вторым вопросом возник, разумеется, и Клуб самоубийц.

– Вот оно что!

– Умирать тяжело. Но жить еще тяжелее. Для неврастеников жизнь еще более мучительна, чем смерть. Вот почему их терзают проблемы смерти. Неврастеник мучается не потому, что не хочет умирать, а потому, что не знает, как умирать. Большинство по причине собственного скудоумия полагаются на природу, а тем временем их потихоньку добивает общество. Но человек с характером не может удовлетвориться гибелью от руки общества. Я не сомневаюсь, что в ходе глубоких и разносторонних исследований способов смерти будет открыт какой-нибудь новый, замечательный способ. Число самоубийств в мире будет возрастать, и каждый самоубийца будет покидать этот мир своим особым, индивидуальным путем.

– Ух, что-то даже страшно стало.

– Страшно будет потом. В пьесе Артура Джонса есть философ, который пропагандирует самоубийство.

– И он кончает самоубийством?

– К сожалению, нет. Я убежден, что лет через сто все будут кончать самоубийством. А через десять тысяч лет иной смерти, кроме самоубийства, люди даже не будут знать.

– Вот ужас-то будет!

– К тому времени самоубийство будет обстоятельно изучено и превратится в особую науку. И в такой гимназии, как «Ракуункан», вместо этики будут в качестве обязательного предмета преподавать самоубийство.

– Чудовищно! Мэйтэй-сэнсэй, вы слыхали эту великолепную теорию Кусями-сэнсэя?

– Слышал, — откликнулся Мэйтэй-кун. — В эти времена преподаватель этики в гимназии «Ракуункан» будет говорить примерно так: «Господа! Откажитесь от этого дикого пережитка, именуемого общественной пользой! Каждый из вас, как представитель молодежи, обязан в первую очередь помнить о самоубийстве. Но поскольку естественно желать другому того, чего желаешь себе, вам следует сделать один шаг от самоубийства и перейти к убийству. Вот здесь рядом живет некий господин Тинно Кусями. Жизнь измучила его, и он пребывает в полном отчаянии. Вашей обязанностью является убить его. Причем в нашу цивилизованную эпоху ни в коем случае не следует пользоваться древними видами оружия, такими, как пика, секира или пистолет. Применяйте более возвышенное оружие — насмешку и издевательство. Лишь в этом случае убийство принесет пользу и ему, и вам…»

– Интересная лекция.

– Есть еще кое-что интереснее. В настоящее время основной функцией полиции является охрана жизни и собственности населения. А в рассматриваемое время полицейские будут ходить с дубинками, как живодеры, и убивать прохожих…

– Зачем же?

– Как зачем? Современному человеку жизнь дорога, поэтому его охраняет полиция. А в будущем жизнь станет в тягость, и полиция будет избивать людей из милосердия. Тем не менее все, кто обладает хоть частичкой здравого ума, покончат самоубийством, поэтому на долю полиции останутся лишь отчаянные трусы, кретины, неспособные себя убить, да калеки. Люди, желающие быть убитыми, будут вывешивать на дверях объявление. Тогда полицейские во время обхода явятся к ним в удобное для себя время и выполнят их желание. Трупы? Трупы будут увозить тоже полицейские. На ручной тележке. Но есть вещи, куда более интересные…

– Шуткам вашим нет конца, сэнсэй, — восхищенно сказал Тофу-кун. Но Докусэн-кун, теребя, как всегда, свою козлиную бородку, промямлил:

– Можно, конечно, сказать, что это шутка. Но можно назвать это и пророчеством. Люди, которые не постигли всей глубины истины, люди, которых захлестнула рутина повседневной жизни, склонны считать, что такой порядок вещей вечен и неизменен, хотя все это не что иное, как заблуждение и мираж. И когда таким людям рассказывают о чем-нибудь отвлеченном, они воспринимают это как шутку.

– Откуда ласточке и воробью знать помыслы феникса? — покорно согласился Кангэцу-кун.

Докусэн-кун пренебрежительно кивнул и продолжал:

– В старину в Испании была область, именуемая Кордовой…

– Разве теперь нет?

– Возможно, есть. Дело не в этом. Там существовал обычай: когда вечером в храме звонил колокол, все женщины города выходили из домов и шли к реке купаться…

– И зимой тоже?

– Н-не знаю точно. Во всяком случае, все женщины — старые и молодые, благородные и простые, все погружались в реку. Мужчины к ним не допускались, они только могли наблюдать издали, и они видели: среди зеленых волн, озаренных предзакатным солнцем, двигаются белые, словно крахмал, тела…

– Как поэтично! — Тофу-куна разговор об обнаженных женщинах заинтересовал сразу же. — Можно написать стихи в стиле новой поэзии. Где это было?

– В Кордове. Местным молодым людям было очень досадно, что им не разрешают поплавать вместе с женщинами, более того, им даже не позволяют подойти к ним поближе. И вот они решили подшутить…

– Что же они выкинули? — осведомился Мэйтэй.

– Они подкупили звонаря, и тот ударил в колокол на час раньше. Женщины, услыхав благовест, собрались на берегу и в одних трусиках попрыгали в воду. Прыгнуть-то они прыгнули, но ведь солнце еще не зашло!

– А ослепительное осеннее солнце не сияло?

– Но тут они поглядели на мост и увидели, что там собралось множество мужчин, которые смотрели на них. Им стало ужасно стыдно, но было уже поздно. Они сгорали от стыда.

– И что же?

– Я хочу сказать, что человеку свойственно блуждать среди обыденных и повседневных фактов, совершенно забыв о главных истинах. Нужно быть очень внимательным.

– Поистине благодатное нравоучение! Давайте, я тоже расскажу вам о блужданиях среди повседневных фактов, — предложил Мэйтэй. — Недавно в одном журнале я прочитал роман про афериста. Вот, предположим, я открываю антикварную лавку и выставляю в витрине картины и творения великих мастеров. Не какие-нибудь репродукции, а самые настоящие, без обмана, только высший сорт! И поскольку все это высший сорт, цены тоже высоки. Приходит ко мне любитель антикварных редкостей и спрашивает меня, сколько стоит вот эта картина Мотоногу. Она стоит шестьсот йен, — отвечаю я. Покупатель говорит, что картина ему нравится и он очень хотел бы приобрести ее, но, к сожалению, у него нет с собой шестисот йен, а поэтому ему приходится отказаться…

– Почему это он обязательно скажет именно так? — спросил хозяин. У него никогда не было воображения.

Мэйтэй снисходительно ответил:

– Это ведь роман. Предположим, что он так и сказал. Тогда я прошу его не беспокоиться о плате. Если вам нравится, — говорю я, — можете взять. Покупатель колеблется. Он говорит, что с удовольствием возьмет в рассрочку. И вот я говорю: «Вы будете моим постоянным клиентом, так что можете взять в рассрочку на продолжительное время. И не

стесняйтесь. Вас устроит по десять йен в месяц? Могу даже уступить по пять йен». Покупатель задает вопросы, я отвечаю, и в конце концов мы приходим к соглашению. Я продаю ему картину Богоокого Мотонобу за шестьсот йен, в рассрочку по десять йен в месяц.

– Совсем как продают энциклопедию «Таймса».

– Ну, относительно этой энциклопедии все точно известно. А у меня по-другому. Я берусь за аферу. Слушайте внимательно. Как ты полагаешь, Кангэцу-кун, за сколько лет можно выплатить сумму в шестьсот йен, если вносить по десяти йен ежемесячно?

– За пять лет, разумеется.

– Так, за пять. Ну, а как ты полагаешь, Докусэн-кун, пять лет — это короткий срок?

– «В одной мысли десять тысяч лет. Десять тысяч лет — это одна мысль». И короткий и долгий.

– Это что — из твоих псалмов? Идиотский псалом. Суть в том, что покупателю придется платить шестьдесят раз по десять йен. А привычка — страшная вещь. Если он из месяца в месяц будет повторять одно и то же, то захочет уплатить и шестьдесят первый раз, и шестьдесят второй раз. И будет платить шестьдесят третий раз, шестьдесят четвертый и так далее, и не сможет уже жить, не внося десять йен в каждый очередной срок. Человек представляется как будто бы разумным существом, но у него есть слабость — он часто погрязает в привычках и забывает основное. Я пользуюсь этой слабостью и выколачиваю из него по десять йен в месяц.

– Ну что вы! — рассмеялся Кангэцу-кун. — Разве бывают такие забывчивые люди?

Тут хозяин совершенно серьезно заметил:

– Бывают, бывают. Помню, я выплачивал ссуду, которую мне выдали в университете. Я вносил деньги ежемесячно до тех пор, пока в кассе не отказались принимать мои взносы.

– Вот видите, значит, я прав. Вот перед вами сидит доказательство моей правоты. А тот, кто считает мое пророчество шуткой, обречен на всю жизнь выплачивать ежемесячные взносы, хотя бы было достаточно и шестидесяти раз. Вас, Кангэцу-кун и Тофу-кун, это касается в первую очередь, вы еще неопытны и можете легко поддаться на обман.

– Слушаюсь. Никогда не буду выплачивать больше шестидесяти раз.

– Все это может показаться шуткой, Кангэцу-кун, — заметил Докусэн, — но наш разговор для вас по-настоящему полезен. Возьмем такой пример. Если вот сейчас Кусями-кун или Мэйтэй-кун скажут, что вы должны извиниться перед Канэда за то, что женились без предупреждения, вы будете извиняться?

– Нет уж, от извинений прошу уволить. Конечно, если Канэда захочет передо мной извиниться, я возражать не буду, но у меня такого желания нет.

– А если вам прикажет извиниться полиция?

– Тем более прошу уволить.

– А если министр или титулованная особа?

– Еще тем более.

– Вот видите, какая разница между нашим временем и прошлыми временами. В старину власть могла сделать все. А теперь наступила эпоха, когда и власть не всегда оказывается всесильной. В наше время высочество с любыми полномочиями и с любыми титулами может позволить себе подавлять человека лишь в известных пределах. В наше время чем сильнее власть подавляющего, тем с большим ожесточением ему сопротивляются. Многое изменилось с тех времен, и появились такие вещи, с которыми власть имущие не знают, что делать. Такой мир был совершенно немыслим в старину. Поистине, люди и нравы изменились необычайно. Вот почему пророчество Мэйтэй-куна, хотя его и можно назвать шуткой, приобретает в свете того, что я говорил, совсем другое значение.

– Ну, а раз среди вас есть хоть один человек, который меня понял, — сказал Мэйтэй, — я хотел бы продолжить свое описание будущего. Как справедливо говорил Докусэн-кун, в наши дни упрямцев, которые добиваются своего, пользуясь данной им властью и палками, можно наблюдать со спокойным сердцем. Они совершенно бессильны, и их можно сравнить с комаром, который пытается состязаться с поездом. Большею частью это главари бандитов,

вроде нашего Тёхана из переулка напротив. Но я ставлю другой вопрос, и вопрос этот касается не только сегодняшнего дня. Я имею в виду одно общественное явление, свойственное всему человечеству. Это брак. Давайте проследим направление культурной эволюции, и мы увидим, что в отдаленном будущем брак станет явлением немыслимым. Не поражайтесь. Сейчас я объясню. Как уже говорилось, наш век — это век индивидуализма. В старые времена, когда семью представлял муж, уезд — наместник, провинцию — князь, все остальные люди, помимо перечисленных, не были индивидуумами. А если даже и были, то таковыми не признавались. Теперь все изменилось, и каждый стал утверждать свою индивидуальность. Посмотрите вокруг себя. У любого человека такой вид, словно он говорит: «Я — это я, а ты — это ты, и не смей меня касаться». Два человека повстречались на улице и проходят мимо друг друга, при этом каждый думает: «Не только ты человек. Я не хуже тебя». Индивидуализм вошел в нашу плоть и кровь. И если все индивидуумы стали в равной степени сильными, то и слабыми они тоже стали в равной степени. Каждый стал достаточно сильным, чтобы защищать свое «Я» и одновременно слишком ослабел для того, чтобы иметь возможность с легкостью наносить ущерб ближнему. Обретенной силе человек радуется, а слабость вызывает в нем негодование. Он всеми силами тщится защитить себя и одновременно нанести урон соседу. Ясно, что при таких обстоятельствах жить становится тесно. Каждый раздулся так, что того и гляди лопнет, но ему мало места, и он стремится любыми средствами создать вокруг себя свободное пространство. Окончательно измучившись, человек сначала придумал раздельное житье — дети стали селиться отдельно от родителей. В лесных районах Японии до сих пор еще вся семья, весь род спит вповалку в одной хижине. У них еще нет индивидуальности, которую бы стоило утверждать, а если и есть, они ее еще не утверждают. Они довольны тем, что имеют. Зато в цивилизованном обществе считается ужасным, если дети или родители не имеют возможности настоять на своем, и потому, безопасности ради, родители и дети живут раздельно. В более цивилизованной Европе такой порядок существует уже давно. А если и случается, что родители и дети живут под одной крышей, то сын одалживает у отца деньги под проценты и платит ему за пансион. Такой прекрасный обычай возник потому, что отец научился ценить в сыне индивидуальность. Такие нравы необходимо по возможности скорее импортировать в Японию. Родственники разошлись уже давно. Родители отделяются от детей на наших глазах. Но должно появиться желание отделиться еще от чего-нибудь, ибо с развитием нетерпимой индивидуальности неизбежно будет расти и уважение к ней. И вот настанет очередь расстаться супругам. В наше время супругами называют мужчину и женщину, которые живут под одной крышей. Это ошибка. Чтобы быть супругами, необходима гармония характеров. В старину такая гармония существовала. Говорили: «В двух телах одна Душа». На первый взгляд казалось — вот муж и жена, их двое, а на самом же деле был только один. И после смерти муж и жена оборачивались в одного человека. Дикие были нравы. Теперь это невозможно. Муж остается мужем, жена — женой. Жена приходит к мужу, уже закалив в гимназии свою индивидуальность, стриженая, в юбке, и она, естественно, не может сделаться такой, какой ее хочет видеть муж. А если такое случится, про нее скажут, что она не жена, а кукла. Чем умнее женщина, тем более чудовищные формы принимает ее индивидуальность. Чем больше она развита, тем меньше шансов, что она будет соответствовать индивидуальности мужа. И вот между мужем и женой начинаются конфликты. И как раз те, кого называют умными, примерными женами, все дни напролет воюют с мужем. Далее, с ростом ума и примерности жены растут и испытываемые супругами мучения. Они становятся столь разнородными, как вода и масло. И хорошо было бы, если бы вода и масло спокойно сохраняли свои уровни, но они вступают в реакцию, и дом начинает содрогаться, как во время великих землетрясений. Наконец люди начинают понимать, что дальше жить вместе немыслимо…

– И супруги будут расходиться? — спросил Кангэцу-кун. — Признаюсь, это меня беспокоит.

– Будут расходиться. Обязательно будут. Разойдутся супруги во всем мире. А те, кто не последует этому, не будут больше считаться супругами.

– И на меня так будут смотреть? — хихикнул Кангэцу-кун.

– Твое счастье, что ты родился в эпоху Мэйдзи. Но вот я останусь холостым, ибо мой мозг проник сквозь завесу будущего. Некоторые ссылаются на несчастную любовь. Близорукие глупцы! Ну ладно. Слушайте дальше. Наступит день, когда с неба спустится мудрец и провозгласит небывалое: «Человек — животное-индивидуалист. Да будет

уничтожение индивидуальности приравнено к уничтожению человеческой жизни! Для сохранения значимости человека необходимо любой ценой охранять и всячески развивать его индивидуальность. Бракосочетание противоречит человеческой природе. Это варварство. Пусть оно имело место в седые века старины, когда не существовал развитый индивидуализм. Но в наше цивилизованное время есть еще люди, которые не вырвались из плена старых привычек, и это весьма прискорбно. В наше время культура достигла наивысшей точки, сейчас нет причин, которые могли бы оправдать нелепую дружбу и связь между отдельными индивидуумами. И все же некоторые невежественные юноши и девицы, отдавшись мгновенной низкой страсти, предаются животным наслаждениям. Это оскорбляет нравственность, губит этические основы. Ради человечества, ради культуры, ради сохранения индивидуальности этих несчастных юношей и девушек давайте всеми силами бороться против диких обычаев…»

– Сэнсэй, я протестую против вашей теории, — сказал в отчаянии Тофу, стукнув ладонью по колену. — На мой взгляд, нет на свете ничего более святого, чем любовь и красота. Они приносят нам наслаждение, счастье, радость. Только благодаря любви и красоте наши чувства становятся утонченными и чистыми, характер — возвышенным. Не забудем любовь, не забудем красоту, где бы мы ни родились. Эти чувства проявляются в нашей жизни, любовь в супружеских отношениях, а красота в искусстве, в поэзии и музыке. И так будет до тех пор, пока будут жить люди на земле.

– Хорошо, если бы было так. Но, очевидно, придется примириться. Разве ты не слыхал, что сказал мудрец? Мудрец сказал, что искусство ждет такая же судьба, как и супружество. Развитие индивидуальности означает свободу индивидуальности. А свобода индивидуальности означает: «Я — это я, ты — это ты, и не смей меня касаться». Так исчезнет основа для существования искусства. Искусство сейчас существует потому, что между художниками и ценителями их творений есть сходство вкусов. Вот ты, поэт, ты хвастаешься, что ты поэт-новатор. Но ведь если не найдется человека, который прочтет твои стихи и похвалит их, тогда, прости пожалуйста, ты будешь их единственным читателем. Сочиняй сколько хочешь «Песен орла» — не поможет. Твои произведения читают только потому, что ты родился в счастливую эпоху Мэйдзи…

– Да не очень-то читают…

– Ну, если уж теперь не читают, то в будущем, когда появится великий мудрец и начнет утверждать свою теорию, отвергающую браки и супружескую жизнь, у тебя не останется ни одного читателя. И совсем не потому, что никто не захочет читать именно тебя, а просто никому не будут интересны стихи, независимо от того, кто их написал. Ведь у каждого будут свои, вполне определенные и совершенно отличные от других вкусы. Первые признаки такого положения мы наблюдаем уже в наше время — например, в Англии. Авторов, в произведениях которых наиболее отчетливо проявляется индивидуальность характера, почти не читают. И понятно почему. Ведь такие произведения интересны только тем читателям, у которых индивидуальные черты характера соответствуют особенностям характера автора. Это явление будет считаться все более обычным, и к тому времени, когда брак станут рассматривать как явление безнравственное, искусство окончательно погибнет. Ведь так? То, что напишешь ты, не пойму я. То, что напишу я, не поймешь ты. Между тобой и мной не будет ни искусства, ни кучки навоза.

– Все это так, но я интуитивно чувствую, что здесь что-то не то.

– Если ты полагаешься на интуицию, то я чувствую свою правоту всеми печенками.

– Возможно, ты чувствуешь своими печенками, — заговорил Докусэн-кун, — но не следует давать человеку возможность иметь индивидуальный характер, ибо это стеснит еще больше отношения между людьми. Почему Ницше выдумал своего сверхчеловека? От этой самой тесноты. Сверхчеловек — это олицетворение философии тесноты. На первый взгляд может показаться, что сверхчеловек — это идеал, к которому следует стремиться, а на самом деле это всего-навсего продукт недовольства. Ницше прозябал в девятнадцатом веке, когда нельзя было без оглядки на других перевернуться с боку на бок. Он нес всю эту чушь от отчаяния. Когда я его читаю, я испытываю не восхищение, а жалость. Его голос — это не голос безумного смельчака и идейного борца, а вой обиженного, который испытывает боль и поэтому проклинает все на свете. Но так и должно было случиться. В древние времена стоило появиться какому-либо герою, и все уже собирались вокруг него, и все были довольны. Если бы такое положение сохранилось до сих пор, Ницше не пришлось бы

создавать героя при помощи пера и бумаги. Вот Гомер и другие старинные авторы тоже изображали сверхчеловеческие характеры. Но разве их можно сравнить со сверхчеловеком Ницше? Их характеры светлые и радостные. На них приятно смотреть. Были веселые подвиги, эти подвиги весело изложили на бумаге, и читатель не испытывает никакой горечи. Но во времена Ницше не появлялось ни одного героя. А если бы герой и появился, никто бы не признал его героем. В древности был один Конфуций, вот он и болтал, что в голову взбредет. А в наше время Конфуциями хоть пруд пруди. Не исключено даже, что все люди — Конфуции. И сколько ни убеждай других, что ты Конфуций, никто на тебя внимания не обратит. Это и порождает недовольство. А недовольство, в свою очередь, порождает книжных сверхчеловеков. Мы желали свободы, и мы получили ее. Но мы ее не ощутили в полной мере. И европейская цивилизация хороша только на первый взгляд, на самом же деле она никуда не годится. А вот у нас на Востоке с древних времен отдавалось предпочтение совершенствованию духа. И это было правильно. Да вы оглянитесь! Из-за развития индивидуализма все стали неврастениками. Дальше уже некуда идти. Только теперь люди стали понимать значение пословицы: «Народу под князем спокойно», и справедливость слов о том, что нагие и голодные — это и есть народ. Но теперь уже поздно. Так спившийся пьяница может жалеть о том, что начал когда-то пить сакэ.

– Это очень пессимистическая теория, сэнсэй, — сказал Кангэцу-кун. — Но я, как это ни странно, никакой тревоги не испытываю.

– Это потому, что ты только что женился, — сразу объяснил Мэйтэй, а хозяин вдруг сказал:

– Ты совершаешь громадную ошибку, когда женишься и думаешь, что женщина — это доброе и умное существо. В назидание я хочу прочитать тебе кое-что интересное. Слушай внимательно. — Он взял в руки старую книгу, которую недавно принес из кабинета. — Эта книга — старинная книга. И из нее видно, что женщины были существами вредными уже в те времена.

– Поразительно, — сказал Кангэцу-кун. — Когда была написана эта книга?

– Это Томас Нэш, шестнадцатый век.

– Еще более поразительно. Неужели уже в те времена ругали мою жену?

– Он ругает разных женщин. К их числу, несомненно, принадлежит и твоя жена. Поэтому слушай.

– Еще бы, конечно, буду слушать. Очень вам благодарен.

– Написано: «Вначале познакомлю вас со взглядами на женщин, высказанными древними мудрецами и философами». И вот… Вы слушаете?

– Все слушаем. Даже я, холостяк, слушаю.

– «Аристотель сказал: известно, что женщина — источник всяких неприятностей. И если жениться, то нужно брать женщину маленькую, а не большую, ибо малая неприятность лучше большой. От нее меньше хлопот…»

– Кангэцу-кун, у тебя жена большая или маленькая?

– Она — большая неприятность.

– Ха-ха-ха… Интересная книга. Читай дальше.

– «Некто спросил: что есть величайшее чудо? Мудрец ответил: верная жена…»

– А кто этот мудрец?

– Имя не указано.

– Наверное, рогоносец.

– Теперь о Диогене. «Некто спросил: когда нужно жениться? Диоген ответил: юношей рано, стариком поздно».

– Додумался же до такого Диоген-сэнсэй, сидя в бочке.

– «Пифагор сказал: на свете есть три страшные вещи. Сказал: огонь. Сказал: вода. Сказал: женщина».

– Смотрите, какие глупости говорят греческие философы! На мой взгляд все эти страшные вещи ничего не стоят. Я вот в огне не горю, в воде не тону… э-э… — Докусэн-кун замялся.

Мэйтэй пришел на помощь:

– На женщин не кидаюсь.

Хозяин стал читать дальше:

– «Сократ сказал, что величайшим трудом для человека является управление женщиной. Демосфен сказал: если человек хочет замучить врага, пусть он подарит ему свою жену, ибо она поднимет в семье ветер и бурю и днем и ночью будет мучить его. Сенека считал женщину и невежество двумя величайшими бедствиями мира. Марк Аврелий сказал, что женщиной так же трудно управлять, как заморскими владениями. Платон считал, что женщины украшаются, дабы скрыть природное уродство. Валерий в письме другу писал, что для женщин на этом свете нет ничего невозможного, и молил богов, чтобы они сжалились над другом и оградили его от женских козней. Он же писал: что есть женщина? Она — враг дружбы и любви. Она — мука неизбежная. Она — вред обязательный. Она — соблазн природный. Она — яд, сладкий, как мед. Если бросить женщину — безнравственно, то не бросить ее — преступление…»

– С меня хватит, сэнсэй. Если наслушаешься такого о жене, то ничего уже не будет нужно.

– Тут еще несколько страниц. Послушай уж заодно.

– Лучше остановиться, — заметил Мэйтэй. — Вероятно, вот-вот изволит вернуться госпожа…

И в этот момент из столовой донесся голос хозяйки:

– О-Сан, поди сюда!

– Вот так так! — воскликнул Мэйтэй. — Слушай, а госпожа уже дома!

Хозяин фыркнул.

– Подумаешь, — сказал он.

– Хозяюшка, когда это вы успели вернуться?

В столовой тихо, ответа не последовало.

– Хозяюшка, вы слышали, что здесь говорилось?

Ответа нет.

– Не подумайте, что это мнение хозяина! Это мнение господина Нэша из шестнадцатого века!

– Ничего не знаю, — донесся издалека голос хозяйки.

Кангэцу-кун хихикнул.

– Я тоже не знаю, так что извините, пожалуйста! — крикнул Мэйтэй и захохотал. Тут с шумом отворилась парадная дверь, раздвинулись сёдзи, и в гостиную бесцеремонно ввалился Татара Сампэй-кун.

Сегодня он был непохож на себя. На нем была сверкающая белизной сорочка и сюртук с иголочки. Он был заметно навеселе, в руке у него была тяжелая корзинка с четырьмя бутылками пива. Он поставил бутылки рядом с кусками бонита и рухнул на циновки.

– Ну, как у вас желудок, сэнсэй? — осведомился он. — Все дома сидите, вот и не поправляетесь!

– А я тебе еще не сказал, лучше у меня желудок или хуже.

– Да что с того, что не сказали! Лицо у вас какое-то плохое. Совсем желтое. Сейчас надо удить рыбу. Взять в Синагава лодку и… Я в то воскресенье удил.

– Что поймал?

– Ничего не поймал.

– И все-таки хорошо было?

– Поистине душой воспрянул. А вы были когда-нибудь на рыбалке? — Он обратился ко всем сразу. — Удить рыбу очень интересно. На крошечной лодочке в огромном море…

– А я хочу на огромной лодке по крошечному морю, — заявил Мэйтэй.

– И если уж удить, то выловить кита или русалку, иначе неинтересно, — добавил Кангэцу-кун.

– Да разве такие вещи ловятся? Никакого здравого смысла у этих литераторов.

– Я не литератор.

– Да? А кто же вы? Например, дельцам, как я, здравый смысл совершенно необходим. Знаете, сэнсэй, за последнее время я весьма обогатился здравым смыслом. Вращаешься в таком обществе и сам становишься таким.

– Каким это таким?

– И знаете… вот с сигаретами… Пока куришь «Асахи» или там «Сикисима», никто на тебя внимания не обратит. — И Сампэй-кун достал и закурил египетскую сигаретку с золоченым мундштуком.

– Откуда у тебя деньги на такую роскошь?

– Денег у меня еще нет. Но я думаю где-нибудь их раздобыть. Когда куришь такие сигареты, тебе не могут не доверять.

– Отлично, — обращается Мэйтэй к Кангэцу. — И хлопот никаких. Добывать деньги, пользуясь доверчивостью людей, легче, чем шлифовать твои шарики, Кангэцу-кун. Просто комфортабельный способ.

Кангэцу не успел ответить, как Сампэй-кун вскричал:

– А, так это вы и есть Кангэцу-сан? Вы так и не стали доктором? Ну, тогда возьму я.

– Доктора?

– Нет, барышню Канэда! Мне, разумеется, неудобно перед вами, но родители так настаивают, что я согласился. Меня только беспокоило, как я оправдаюсь перед вами.

– Да вы не стесняйтесь, — сказал Кангэцу, а хозяин как-то неопределенно проговорил:

– Если хочется, то бери… Думаю, это ничего…

Мэйтэй рассмеялся:

– Вот приятная новость! Нет, поистине о дочерях беспокоиться не стоит. Я же говорил, что ее кто-нибудь возьмет! Вот у нее и появился жених, да еще какой великолепный джентльмен! Тофу-кун, вот тебе материал для новых стихов. Принимайся за дело.

– А, так вы — Тофу-кун? — вскричал Сампэй. — Не сочините ли вы нам что-нибудь к свадьбе? Мы бы сразу отпечатали и распространили. Даже в «Солнце» опубликуем!

– Хорошо, я что-нибудь сделаю. К какому сроку вам надо?

– Это не важно. Давайте то, что у вас уже готово. А мы вас за это пригласим на свадьбу и угостим. Шампанским угостим. Вы когда-нибудь пили шампанское? Эго очень вкусно… Сэнсэй, я хочу пригласить на свадьбу оркестр. Как вы полагаете, можно будет переложить стихи Тофу-куна на музыку и сыграть?

– Как хочешь.

– Сэнсэй, может быть, это сделаете вы?

– Не говори глупостей.

– Может быть, здесь есть кто-нибудь, кто знает музыку?

– Вот есть мастер скрипки — провалившийся кандидат в доктора Кангэцу-кун. Только его надо хорошенько попросить. Он не такой человек, чтобы согласиться на бутылку шампанского.

– Знаете, шампанское по четыре или пять йен — это не шампанское. Я буду угощать не такой дешевкой. Так вы сочините мне музыку?

– Сочиню. Даже за бутылку по двадцать сэн сочиню. Даже даром сочиню.

– Нет, даром я принять не могу. Я обязательно должен отблагодарить. И если вам не нравится шампанское, то как вам понравится вот это? — Он достал из внутреннего кармана десяток фотографий и разбросал по циновке. Это были портреты девиц самого нежного возраста в хакама, в фурисодэ, с высокими прическами. — Вот сколько у меня кандидаток, сэнсэй. Я могу отблагодарить Кангэцу-куна и Тофу-куна, посватав их за любую из них. Как вам нравится вот эта? — спросил он, тыча в лицо Кангэцу одну фотографию.

– Хороша. Сосватайте меня за нее.

– И эта?

– И эта хороша. За нее тоже сосватайте.

– Так за какую же из них?

– За любую.

– Ох, какой вы любвеобильный! Сэнсэй, а вот эта — племянница одного профессора.

– Да?

– У нее замечательный характер, и она очень молода. Ей всего семнадцать. Приданое — тысяча йен. А эта — дочь губернатора.

– А нельзя ли будет жениться сразу на всех?

– Сразу на всех? Что вы! Вы проповедуете многоженство?

– Я не сторонник многоженства. Просто я любитель женщин.

– Ну, хватит, — сказал хозяин. — Убирай отсюда эти штучки, да поживее…

– Значит, ни одна не подходит? — уныло спросил Сампэй-кун и снова спрятал фотографии обратно в карман.

– Что это за пиво?

– Это вам гостинец. В честь предстоящей свадьбы. Купил в лавочке на углу. Прошу отведать.

Хозяин хлопнул в ладоши и приказал служанке откупорить бутылки. Пятеро господ — хозяин, Мэйтэй, Докусэн, Кангэцу и Тофу — торжественно подняв стаканы, поздравили Сампэй-куна с предстоящим счастливым браком. Сампэй-кун был вне себя от восторга.

– Господа, я приглашаю вас всех на свадьбу. Надеюсь, вы не откажетесь?

– Я не приду, — сразу сказал хозяин.

– Почему? Ведь такой торжественный случай раз в жизни бывает. Как же вы не придете? Это же бессердечно!

– Нет, не бессердечно, и я не приду.

– Может быть, у вас нет приличного костюма? Если вам нужны хаори и хакама, я устрою. Надо же хоть изредка выходить на люди, сэнсэй. Я вас познакомлю со знаменитостями.

– Нет, я не приду.

– У вас желудок исцелится.

– Пусть даже не исцелится.

– Ну, раз вы так заупрямились, делать нечего. А вы?

– Я? — сказал Мэйтэй. — Обязательно приду. Если это возможно, я бы даже хотел быть сватом. «Шампанским прославляют торжество в весенний вечер…» Что? Сват — Судзуки То-сан? Вон в чем дело… Впрочем, я так и думал. Ну что же, делать нечего. Двух сватов — слишком много. Ладно, буду как обыкновенный гость.

– А вы как?

– Я? — сказал Докусэн-кун. — «Веду тихую жизнь под луной, а в бамбуковой роще ветер свистит. Но взаимна дружба людей — белобородых старцев и краснощеких юнцов».

– Что это? Из сборника китайских стихов?

– Я и сам не знаю.

– Не знаете… Жаль. А вы, Кангэцу-кун, конечно, будете обязательно? Вы ведь знакомы с невестой…

– Обязательно. Должен же я прослушать свою музыку в исполнении оркестра.

– Да, разумеется… А вы, Тофу-кун?

– Как вам сказать… Хотелось бы присутствовать и прочитать вам новые стихи.

– Это очень приятно. Сэнсэй, мне никогда в жизни еще не было так приятно. И с вашего разрешения я выпью еще стакан пива.

Он принялся за пиво, которое принес в подарок хозяину, и совершенно побагровел.

Короткий осенний день начал наконец клониться к вечеру. Я поглядел на жаровню. В жаровне валялись груды окурков. Огонь уже давно погас. И даже этим беззаботным людям стало, по-видимому, скучно.

– Смотрите-ка, — сказал Докусэн-кун. — Уже поздно. Я иду домой.

Он поднялся. Вслед за ним поднялись все остальные. Они ушли, и в гостиной стало скучно, как в театре после спектакля.

Хозяин поужинал и удалился в кабинет. Хозяйка, кутаясь от холода, принялась штопать застиранное тряпье. Дети уснули возле нее. Прислуга ушла в ванную.

Все эти люди кажутся беззаботными, но постучите по донышку их души, и вы услышите какой-то печальный отзвук. И ноги прозревшего Докусэн-куна ступают только по земле. Возможно, Мэйтэй-куну живется легко, но и его мир не так прекрасен, как принято изображать на картинах. Вот и Кангэцу-кун бросил обтачивать свои шарики и привез из провинции жену. Все идет своим чередом. Но когда то, что идет своим чередом, тянется до бесконечности, становится как-то тоскливо. И лет через десять Тофу-кун, наверное, осознает, каким он был дураком, когда раздаривал свои стихи направо и налево. О Сампэй-куне трудно сказать, будет он жить в воде или в лесах. Хорошо, если бы он всю жизнь мог радоваться, угощая людей шампанским. А Судзуки То-сан будет катиться все ниже и ниже и будет пачкаться все больше и больше. Но и по уши в грязи он будет более сыт, чем те, кто не умеет катиться.

Больше двух лет прошло с тех пор, как я, кот, появился среди людей. Я считал, что в мире нет другого кота, равного мне по уму, но недавно я прочитал рассуждения незнакомого своего сородича, кота Мурра, и они поразили меня. Я узнал, что кот Мурр умер давным-давно, лет сто назад. Теперь, оказывается, только для того, чтобы удивить меня, он стал привидением и является мне из далекого потустороннего мира. Этот кот не ведал канонов сыновнего долга — однажды отправился навестить свою мать, неся ей в подарок рыбку, но по дороге не выдержал и потребил ее сам. Отсюда видно, что его ум не уступал уму человека. Однажды он даже удивил своего хозяина, сочинив стихи. И если подобный герой жил век назад, такому ничтожеству, как я, давно следовало бы проститься с этим светом и отправиться в то королевство, где царствует Ничто.

Мой хозяин рано или поздно умрет от больного желудка. А дядька Канэда уже сейчас, в сущности говоря, мертвец, жертва собственной алчности. Опали осенние листья. Смерть — неизбежный удел всего сущего. Возможно, лучше умереть скорее, нежели жить без пользы. По рассуждению некоторых господ, судьба приведет человечество к самоубийству. И коты будут рождаться в век индивидуализма. Это будет ужасно. Я чувствую себя как-то неважно. Надо выпить пива Сампэй-куна и немного развеселиться.

Я отправился на кухню. Лампу давно задул осенний ветер, проникающий сквозь дверную щель. Ночь, наверное, лунная, потому что из окна падает свет. На подносе стоят три стакана. Два из них наполовину наполнены коричневатой жидкостью. Даже кипяток кажется холодным в стеклянной посуде, а в призрачном лунном свете эта жидкость тем более представляется ледяной. И пить ее совсем не хочется. Но попробовать надо. Сампэй, пивший ее, был красен и веселился вовсю. Вероятно, и мне, коту, будет весело, если я выпью. Ведь такова жизнь, не знаешь, когда умрешь. Все, что можно, следует испытать при жизни. Потом будет поздно, останется только с сожалением глядеть из могилы. «Попробую», — сказал я себе и лизнул коричневой жидкости. Я был поражен. Мне показалось, что в мой язык

вонзились мелкие иголки. Как могут люди пить такую гадость? Мне, коту, ее не выпить. Кот и пиво не сходятся характерами. Я хотел уже отойти, но передумал. Люди часто говорят: «Хорошее лекарство на вкус горькое». Когда человек простудится, он пьет, кривясь, что-то неприятное. Потому ли он выздоравливает, что пьет, или пьет, потому что выздоравливает, я не знаю до сих пор. А тут мне представляется удобный случай разрешить этот вопрос относительно пива. Если у меня станет так же горько в животе — ну, что же делать! Зато как будет великолепно, если мне станет так же отчаянно весело, как Сампэй-куну! Тогда я научу пить пиво всех знакомых. «Будь что будет», — подумал я и, отдавшись на волю судьбы, снова высунул язык. Я плотно закрыл глаза и принялся лакать.

Я еле выдерживал, но все же выпил один стакан до дна. И странное дело — сначала кололо язык и мучительно вязало рот, но чем дальше, тем становилось легче. Таким образом я быстро прикончил первый стакан и, окрыленный успехом, безо всякого труда разделался со вторым стаканом. В конце концов я отправил в живот все, что было разлито на подносе.

Некоторое время я сидел молча, прислушиваясь к своим ощущениям. Постепенно я согрелся, уши начали гореть, глаза застилал туман. Мне захотелось петь песни, захотелось плясать нэкодзя-нэкодзя. А ну вас всех к чертям, и хозяина, и Мэйтэя, и Докусэна… У меня возникло горячее желание исцарапать рожу дядьке Канэда. Захотелось отгрызть нос у его жены. Захотелось разного. Я поднялся, пошатываясь. Мне захотелось пойти куда-нибудь. Ох, как весело! Мне захотелось на улицу. Я вышел на улицу, и мне захотелось поздороваться с Луной, Здравствуй, госпожа Луна! Ох, как весело!

Так вот что называется опьянением! Я пошел, или побрел, беспорядочно перебирая ногами. Но вдруг мне захотелось спать. Интересно, сплю я или хожу? Глаза не раскрываются, отяжелели веки. Ну так все равно. Чего мне бояться? Не боюсь ни моря, ни леса… И я ступил на подламывающиеся лапы. Раздался всплеск — попался! Я и ахнуть не успел. Я даже ничего не сообразил сначала. Со мной творилось что-то ужасное.

Когда я пришел в себя, то обнаружил, что барахтаюсь в воде. Я захлебывался и бил лапами изо всех сил. Я старался ухватиться за что-нибудь, но лапы уходили под воду. Тогда я попробовал оттолкнуться задними лапами и взмахнул передними. Тут мои когти за что-то уцепились. Голова высунулась из воды, Я осмотрелся. Оказалось, что я упал в огромный чан, врытый в землю. В этом чане летом держали траву, называемую «мидзуаои», но потом прилетел ворон Канко, слопал всю траву и приспособил чан для купания. Воды становилось все меньше. Я только недавно обратил внимание на то, что за последнее время вороны перестали прилетать. Но я никогда не думал, что мне суждено купаться здесь вместо них.

Чан довольно широкий. Лапой до края не достать. Если не двигаться, остается только тонуть. Пока барахтаешься, когти скребут по стенкам чана, и кажется, что спасение уже близко, но тут же снова погружаешься с головой в воду. Погрузившись, начинаешь захлебываться и снова барахтаешься. Постепенно устаешь, лапы уже не слушаются, и даже не понимаешь, зачем нужно барахтаться. Барахтаешься, потому что тонешь, или тонешь, потому что барахтаешься.

Я испытывал невыносимые муки, но в то же время думал: «Я выбиваюсь из сил потому, что хочу выбраться из чана. Но, очевидно, мне все равно это не удастся. Мои лапы не вытягиваются и на три вершка. Предположим даже, что я всплыву на поверхность и вытяну передние лапы на всю длину. Все равно я не смогу зацепиться за край чана. Нет, если я даже буду стараться сто лет, выбраться не смогу. А если ясно, что я не смогу выбраться, то для чего же стараться? Тяжело, когда знаешь, что все напрасно. Не стоит. Самому обрекать себя на муки, самого себя на муки, самого себя подвергать пытке — это глупо».

Нет, довольно. Будь что будет. Не буду больше царапать стенку чана. И я отдал на волю судьбы свои передние лапы, свои задние лапы, свою голову, свой хвост.

Постепенно мне становилось все легче и легче. И я уже не понимал, что я испытываю — муки или блаженство. Где я, в воде или в комнате? Все равно, где бы я ни был, только бы было легко. Нет. Я уже не чувствую даже, что мне легко. Покой! Необычайный покой. Я умираю. И, умирая, я обретаю этот великий покой. Великий покой обретается только в смерти. Намуамидабуцу. Намуамидабуцу[186]. Благословенно небо!

吾輩は猫である

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Ваш покорный слуга кот» («Вагахай ва нэко дзару»)… Уже в самом названии повести скрыт тонкий юмор. Эта короткая фраза звучит так по-старомодному учтиво, будто читателям представляется некий грамотей, искушенный в книжной премудрости. И не удивительно: заговорил кот школьного учителя.

Наслушавшись в доме своего хозяина умных разговоров о новых течениях современной мысли, в первую очередь о модном индивидуализме и о «сверхчеловеке», он возомнил себя существом необыкновенным, подлинным «сыном двадцатого века». Комизм ситуации, как в «Путешествиях Гулливера» Свифта, состоит в том, что карлик меряет великана меркой своего малого мира с полным чувством собственного превосходства. Хозяин кажется коту «придурковатым», выходки, чудачества хозяина — верх нелепости. Карлик не владеет ключом к душе великана. Но это верно только в том случае, если существо из малого «кошачьего» мирка встречается с подлинно большим человеком. «Не все люди — люди» — таков подтекст повести.

Один из самых действенных приемов сатиры состоит в том, чтобы перенести явления, которые кажутся «большими», «великими», в какой-нибудь «малый мир» и тем самым лишить их мнимой, иллюзорной значительности, развенчать их, заставить над ними смеяться.

Когда кот в битве с мышами объявляет себя адмиралом Того, то смешон не только кот: прежде всего смешон адмирал Того. Показывая японское общество своего времени в плане пародии и гротеска, писатель словно поворачивает бинокль уменьшительной стороной. Наивные суждения кота не только забавляют, они дают с особой силой почувствовать нелепость окружающей жизни.

Повесть начинается в тонах мягкого юмора и перерастает в гневную сатиру свифтовского масштаба, «облитую горечью и злостью». Гулливер по рукам и ногам связан лилипутами. Шутка больше не в силах замаскировать трагедию, скрыть гнев и отчаяние. Главный герой повести учитель Кусями — это сам автор. В душном «кошачьем» мирке обывателей задыхается человек большого ума и сердца, замечательный писатель-гуманист Нацумэ Сосэки. Со всех сторон его теснят животные в образе людей: пошляки, толстосумы, всякая мелкая продажная тварь; но он бьет своих врагов, сильно бьет острым оружием слова, оружием сатиры, и эхо ударов разносится по всей Японии.

«Ваш покорный слуга кот» — первая большая сатирическая повесть в японской литературе нового времени.

Нацумэ Сосэки родился 5 января того самого 1867 года, когда молодой буржуазной Японии удалось наконец бурным натиском прорвать обветшалую плотину феодализма. Но взбаламученные волны скоро успокоились. Возникло буржуазно-монархическое государство, слегка подкрашенное умеренным, вполне благопристойным либерализмом. Император Мэйдзи позировал в роли «просвещенного государя», покровителя науки и искусства, сам сочинял стихи. Он считался «потомком богов на земле». При новом режиме нашли себе место под солнцем и старые феодалы, влившиеся в ряды правящей дворянской бюрократии, и деятели промышленного капитализма. Но многие «мелкие люди» потеряли свои хлебные места в результате последовавших после буржуазной революции преобразований, растерялись, ожесточились. Среди них оказался и отец Нацумэ Сосэки. При феодальном режиме он занимал наследственную должность «нануси» — старшины в одной из общин города Эдо (Токио). Должность эта приносила ему немалые доходы. Он не сумел приспособиться к новым порядкам, семья обеднела. Будущий писатель появился на свет в «день обезьяны» по старому японскому календарю. Старинное поверье гласило, что родившийся в этот день становится вором. Беду можно было отвести, дав ребенку имя, в состав которого входит иероглиф «Кин» (деньги). Мальчика нарекли Кинноскэ (имя Сосэки является литературным псевдонимом писателя). Престарелые родители не обрадовались появлению нового, шестого по счету, ребенка и отдали его в чужую семью. Им распоряжались как вещью. Супруги, усыновившие Кинноскэ, через несколько лет разошлись, и родителям волей-неволей пришлось взять сына обратно. Для них он был нежеланной обузой, лишним ртом.

В повести «Мальчуган» Нацумэ Сосэки с горьким юмором вспоминает собственное детство. Позднее он рассказал о нем снова в очерках «Сквозь стеклянную дверь». Отец и мать любили только старших детей. Как-то раз ночью служанка из жалости к заброшенному ребенку тихонько шепнула ему на ухо несколько участливых слов, и он помнил о них всю свою жизнь. В писателе рано проявилась одаренность, но в окружающей мещанской среде он ни в ком не встречал понимания.

Еще в школьные годы Сосэки полюбил литературу. Он рассказывает в своих воспоминаниях («Вспоминая свое первое произведение»):

«В возрасте пятнадцати — шестнадцати лет я пристрастился к литературе, читая китайских классиков и романы. Захотелось сочинять и самому, но когда я сказал об этом своему, ныне покойному, брату, он разбранил меня, заявив, что литература не может считаться серьезным занятием, это не более чем приятная забава».

Надо сказать, что такой взгляд на литературу был широко распространен в старое феодальное время и исчез далеко не сразу.

В сентябре 1888 года Сосэки поступил на подготовительное отделение Токийского университета. Там он познакомился с поэтом Масаока Сики (1867-1902). Дружба с ним сыграла очень важную роль в жизни Сосэки. Масаока Сики не только сам был талантливым поэтом-новатором, он умел чутьем находить талант и в других, будить его, поощрять. Постепенно он собрал вокруг себя многочисленную группу молодых поэтов и стал их признанным вождем. Масаока Сики вдохнул новую жизнь в традиционные жанры японской поэзии, которые к концу XIX века пришли в упадок: хокку (лирическое трехстишие) и танка (пятистишие).

В университете Нацумэ основательно изучил английский язык и западную литературу. Он писал статьи об Уолте Уитмене и английской поэзии, переводил на английский язык памятники старой японской литературы, редактировал литературно-философский журнал. Нацумэ Сосэки интересовало прежде всего идейное содержание литературы. Об Уолте Уитмене он пишет как о певце равноправия и свободы.

Токийский университет наложил сильный отпечаток на личность и мировоззрение Нацумэ Сосэки. Влияние это не во всем было положительным. Не следует забывать, что именно «Акамон» («Красные ворота», как иначе называют Токийский университет) не без основания считался цитаделью идеализма. Из его стен вышли многие адепты чистого искусства. Университет Васэда, второй по значению в Японии, придерживался более демократического и передового направления.

Закончив свое образование в 1893 году, Сосэки начал преподавать английский язык сначала в Токио, потом в провинции. В маленьком городке Мацуяма на о. Сикоку, который был родиной Масаока Сики, он снова встретился со своим старым товарищем. Друзья возобновили занятия поэзией. Сосэки увлекся сочинением стихов в форме хокку и создал такие, например, очаровательные миниатюры:

Спросите у ветра,
Кто первым из Вас упадет,
О листья на ветке!

Чистый горный ключ!
Как живые, движутся
Камешки на дне…

В своей поэзии Сосэки обнаружил зоркий глаз художника. Он свободно обращался с традиционным поэтическим материалом, вводя в стих прозаизмы и книжные китайские слова. Стиль его первой повести «Ваш покорный слуга кот» был выплавлен в тигле поэзии хокку. Отметим, что для нее характерны лаконизм и сдержанность. Чувство в хокку не изливается бурным потоком, а глубоко скрыто в подтексте. Образы конкретны и точны. Романист Сосэки унаследовал многие лучшие свойства Сосэки-поэта.

Пребывание в Мацуяма оказалось плодотворным для творчества Сосэки, но в остальном принесло ему мало радости. Преподавать в косной провинциальной школе, насквозь

пропитанной рутиной, было очень тяжело. Независимый, неуступчивый молодой человек был у начальства как бельмо на глазу. Его бессовестно, безжалостно травили. Сосэки рассказал о своих мытарствах педагога на страницах повестей «Мальчуган» и «Ваш покорный слуга кот».

В 1900 году Сосэки был командирован министерством народного просвещения в Лондон, где провел три года. За это время он собрал много материала для своей будущей капитальной работы «О литературе» («Бунгакурон»), изучал Шекспира под руководством известного шекспироведа Крейга, но, по его собственным словам, чувствовал себя «среди английских джентльменов, как лохматая собака в стае волков».

Из Лондона Сосэки посылал письма своему другу Масаока Сики, в которых описывал свои впечатления. Масаока публиковал их на страницах издававшегося им журнала «Хототогису» («Кукушка»). Реформатор поэзии, он был новатором и в области прозы.

В самые первые годы нового века в японской литературе назревало событие огромной важности: рождение школы критического реализма. Романтизм, под знаменем которого японская литература развивалась долгие годы, уже не отвечал новым запросам общества. Правда, свои позиции он сдал не сразу. Ведущими писателями еще считались писатели-романтики во главе с Одзаки Кое (1867-1903). Но в японском обществе уже сложились исторические условия для победы критического реализма. Японская буржуазная интеллигенция стремилась осознать возникшие перед ней острые социальные проблемы, еще не страшась взглянуть правде в глаза. Японская литература достигла такого уровня зрелости, что могла изображать жизнь в реалистических образах, глубоко проникая в ее сущность. Процесс рождения реализма облегчался еще и тем, что в других странах: в России, Англии, Франции, уже существовали высокохудожественные реалистические произведения.

Японская литература убыстренными, иногда судорожными темпами проходила через те же этапы развития, что и литературы наиболее развитых капиталистических стран мира, в которых в конце прошлого века школа критического реализма уже достигла своего зенита и пришла в столкновение с натурализмом и модернизмом. В то время, когда в Европе назревал кризис буржуазной мысли, японской литературе приходилось скачками догонять европейскую. Вот почему молодой японский реализм оказался замутненным модным в Европе натурализмом и даже выступил под его вывеской. Реализм стал властным требованием эпохи, и японские писатели шли к нему своими, особыми путями.

Чуткий художник, Масаока Сики по-своему откликнулся на новые веяния. Он провозгласил принцип «правдивого изображения» и начал писать художественные очерки, «верные натуре» (сясэйбун), на путях к большому роману, который ему так и не удалось создать. Реализм Масаока Сики был еще очень ограниченным, он был пропитан элементами идеализма. Сики призывал правдиво изображать реальность, но согласно его учению надо было изображать главным образом прекрасное, искать в каждом явлении скрытую красоту. Нацумэ Сосэки во многом унаследовал эстетические взгляды своего друга, развив и углубив их в своих литературоведческих работах.

Сам Нацумэ Сосэки не причислял себя к писателям-реалистам (школы «сидзэнсюги»), ему претил плоский бытовизм, которым грешили некоторые из них, но в лучших своих произведениях он великий реалист. Художник, влюбленный в красоту, он взял в руки скальпель хирурга, чтобы вскрыть гнойные язвы на теле японского общества. Эстетические воззрения Нацумэ требовали, чтобы художник, соблюдая дистанцию между собой и предметом, сохранял маску равнодушия, внешнего бесстрастия, «бесчувствия», по выражению писателя, но слишком часто лицо его искажала гримаса боли и гнева.

Пока Нацумэ Сосэки был в Англии, Масаока Сики скончался, и во главе журнала «Хототогису» стал его ученик, талантливый поэт Такахама Кёси. Он предложил Сосэки написать для журнала что-нибудь в стиле художественного очерка («сясэйбун»).

Сосэки согласился, но из-под его пера вышло нечто совсем неожиданное: эксцентрическое произведение, главным персонажем которого был кот. В то время писателю шел тридцать девятый год. За плечами была большая трудная жизнь. Он был автором многих литературоведческих работ, признанным поэтом, но большую повесть начал писать впервые. Сосэки следующим образом описывает свое вступление на литературное поприще: «Я вступил в литературу, уступая просьбам своего друга, начал учительствовать потому, что мне так посоветовали. И все так. По чужой указке я и в Европу поехал, и стал, вернувшись на родину, преподавать в университете, и поступил на службу в редакцию газеты „Асахи“, и

начал писать романы… Может показаться со стороны, что я, такой, как я есть, весь сделан чужими руками».

Но это только шутка. На самом деле Нацумэ Сосэки приступил к написанию повести лишь тогда, когда у него назрела глубокая душевная потребность высказаться. Повесть «Ваш покорный слуга кот» печаталась в журнале «Хототогису» с января 1905 года по июль 1906 года. В течение 1905-1906 годов писатель создал несколько рассказов, много литературных статей, повести «Мальчуган» и «Двести десятый день», роман «В дороге»… Список можно было бы продолжить. Поразительна творческая вспышка подобной мощи у этого уже немолодого, усталого человека! С тех пор и до самой своей смерти он продолжает напряженно творить, создавая один за другим романы большого художественного и общественного значения. С каждым новым произведением растет его писательская слава.

Одиннадцатилетний период творчества писателя называют «„годами Нацумэ“ — так велико было его влияние на читающую Японию[187]».

Замысел повести «Ваш покорный слуга кот», как свидетельствует сам писатель, вызревал у него в процессе творческой работы. Вначале он думал написать маленькое произведение для одного номера журнала, но увлекся и понял, что найденные им сатирические приемы позволяют создать социальную повесть большого масштаба.

Сюжетная фабула повести несложна; отсутствие значительных событий как раз характерно для той обыденной застойной жизни, какую изображает Нацумэ Сосэки. Завязка — рождение кота, трагическая развязка — его гибель в чане с водой. Но композиция повести довольно сложна. В ней свободно чередуются жанровые сцены, пародийные псевдонаучные рассуждения, литературные пародии, комические анекдоты. Все эти пестрые элементы подчинены общему замыслу: пучок стрел крепко сидит в колчане.

Нацумэ Сосэки был отлично знаком с современной европейской культурой и культурами Японии и Китая. Его кругозор необычайно широк. В повести «Ваш покорный слуга кот» легко открыть следы влияния великих английских сатириков XVIII века Джонатана Свифта и Лоренса Стерна. Нацумэ Сосэки внимательно изучал знаменитый роман последнего «Тристрам Шенди», в котором своеобразно, в нарочитом беспорядке чередуются гротески, пародии, жанровые сцены. Кот в повести Сосэки вспоминает своего предшественника — ученого кота из «Истории кота Мурра» немецкого писателя-романтика Э. Т. А. Гофмана.

Нацумэ Сосэки недаром был коренным «эдокко» (уроженцем г. Эдо). Горожане старого Эдо любили юмор и понимали в нем толк: большим успехом пользовались у них смешные истории (ра-куго) в исполнении уличных рассказчиков, расцвеченные каламбурами, анекдотами, вольными шутками, «комические романы», шуточные стихи, юмористические картинки. У горожан Эдо была репутация острословов. Некоторые страницы в повести «Ваш покорный слуга кот» написаны в манере уличных рассказчиков. Сочная жанровая сценка в бане напоминает популярный «комический роман» Сикитэй Самба (1776 — 1822) «Баня», но таких резких, бичующих сарказмов, как у Сосэки, в старых юмористических книгах, конечно, не найти. Многим, как уже говорилось выше, писатель обязан поэзии хокку.

Нацумэ Сосэки по-хозяйски использует разнообразные приемы сатиры, юмора, пародии, гротеска; он как опытный мастер берет в руки тот или иной из этих инструментов и создает оригинальное произведение в собственной, неповторимо своеобразной манере. Один из характерных приемов юмора Сосэки состоит в том, что его герои говорят серьезно о несерьезных вещах и наоборот. Читатель должен это помнить, иначе он рискует уподобиться простодушному коту.

Многое в повести выхвачено прямо из самой жизни. Сосэки сообщал в письме своему другу Судзуки Миэкити в самый канун 1906 года: «Читал ли ты уже „Хототогису“? Если от школы, расположенной позади моего дома, поступит протест, то буду очень рад: это даст мне лишний материал. По соседству со мной находится школьное общежитие. Только наступает ночь, как ученики начинают галдеть, чтобы отравить жизнь соседям. Вот и сегодня беснуются вовсю. Все, что потом произойдет, я опишу в точности. Недурно, если в конце концов директор школы тоже скажет свое слово. Такие распри дадут мне богатый материал для моего „Кота“».

Герои повести — коты и люди. В японских книжках для детей принято изображать животное как маленького человечка с головой зверя. Коты в повести Сосэки — это маленькие человечки в масках. Среди них сохраняются те же социальные различия, что и среди людей,

ведь они живут в мире, где служанка часто расценивается ниже кошки. В повести они на роли клоунов: разыгрывают интермедии между основными номерами. Но если коты похожи на людей, то верно и обратное: многие люди не лучше животных.

В центре повести учитель Кусями и его друзья: шутник Мэйтэй, красавец Кангэцу, простак Тофу, философ Докусэн и другие. Нацумэ Сосэки вылепил учителя по своему образу и подобию. Он всячески подчеркивает портретное сходство между своим героем и собой вплоть до рябин на лице. Кусями тоже преподает английский язык и литературу. Он человек замкнутый, сидит в своем кабинете, как улитка в раковине, но вовсе не из врожденной любви к одиночеству. Кусями полон отвращения к окружающему обществу, в котором царствуют толстосумы вроде Канэда, этой «ходячей банкноты с глазами и носом». Но и в своем кабинете он не может укрыться от наглости богатых выскочек и их подлипал вроде Судзуки, от вездесущего сыска.

«Когда у неосторожного вытаскивают из-за пазухи кошелек, — говорит он, — это называется воровством. А когда к неосторожному залезают в душу, — это сыск. Когда тайком забираются в дом и уносят вещи, — это грабеж. А когда тайком извлекают из тебя сведения, — это сыск. Когда с оружием в руках отбирают собственность, — это бандитизм. А когда гнусными словами ломают твою волю и душу, — это сыск».

Кусями томится скукой жизни, невыносимой скукой, когда обыденность становится заурядностью. Он ненавидит обывателей, и они платят ему тем же: дразнят его, как обезьяну за прутьями решетки. В их глазах он чудак, полусумасшедший, потому что не хочет прислуживаться, хотя по десять лет ходит в одной и той же потертой лисьей шубе. Кусями способен на короткие вспышки гнева, но не на активное действие: «Так стрела, пущенная из лука, вяло шлепнется на землю». Но он полон внутреннего сопротивления: «Да я каждый день только и делаю что дерусь. Пусть у меня нет противника — раз я злюсь, это все равно что драка».

Большое место в книге занимают диалоги между Кусями и его учениками, остроумные, полные искрометных шуток. Кажется, что герои книги — это весельчаки, забавники, готовые высмеять все на свете, но скоро замечаешь, что шутки у них невеселые, сквозь смех пробивается глубоко скрытая горечь, слышатся даже нотки душевного надрыва:

«Да, эти люди кажутся беззаботными, но постучите по донышку их души, и вы услышите какой-то печальный отзвук… Все идет так, как должно быть. Но когда это „все“ тянется до бесконечности, становится как-то тоскливо».

Впереди нет просвета. Умрет учитель Кусями, изъеденный болезнью и душевной тоской. Засосет тина обыденности его учеников. Еще глубже увязнет в грязи продавшийся толстосумам Судзуки… Даже кот почувствует пресыщение жизнью!

«Скучно на этом свете, господа!»

В повести «Ваш покорный слуга кот» зло высмеивается современное писателю общество, в котором «человек даже у кошки способен отнять крысу». Законы его нелепы. Изобретательность людей дошла до того, что они нагородили всюду заборов, набили кольев, разделили земные просторы на земельные участки господ таких-то или таких-то. Это выглядит примерно так же, как если бы они протянули по голубому небу веревки и объявили: «Эта часть неба — моя, а вон та — его».

Шел второй год войны с Россией. Казенная пропаганда призывала к войне до победного конца. Даже кот готов сформировать сводную кошачью бригаду и отправиться на фронт царапать русских солдат. Нужна была большая гражданская смелость, чтобы в самый разгар военных событий сделать ура-патриотизм предметом злой пародии. Согласно казенной пропаганде, в японском воине жил особый дух Ямато. И вот оказывается, что доблестный дух Ямато — фикция, нелепая выдумка, пустышка, меньше чем ничто: «Адмирал Того обладает духом Ямато. И аферист, и шулер, и убийца обладают духом Ямато…» «Дух Ямато треугольный? Дух Ямато квадратный?…» «Все о нем говорят, но никто его не видел. Все о нем слышали, но никто не встречал. Возможно, дух Ямато одной породы с тэнгу[188]».

В разгар войны, когда газеты трубили о «духе Ямато», а поэты и писатели воспевали его, в глазах многих такие дерзости по его адресу граничили с кощунством.

Нацумэ Сосэки прокалывает как воздушные шарики одну ложную истину за другой, и от них остаются только пустые сморщенные оболочки.

Особую ярость писателя вызывает система сыска и шпионажа. Давно кончилась эпоха реформ, Япония все более превращалась в полицейское государство, уподобляясь Гераклову быку, которого тащат за хвост назад. Со стороны кажется, что его следы ведут вперед, на самом же деле он пятится назад.

Сосэки обрушивает град насмешек и на интеллигентов, зараженных низкопоклонством перед Западом. Такие люди перенимали только внешние приметы европейцев, потому что, сознательно или нет, заискивали перед сильными, а до подлинной культуры им и дела не было. Кажется, они согласились бы гулять голыми в парке Уэно, если б только так делали европейцы!

Сосэки стремится очистить сознание интеллигенции от всего, что его отравляет. Для этого он атакует по всему фронту лженауку и лжефилософию. В сущности, он подвергает беспощадной критике всю новую цивилизацию буржуазной Японии. Свою критику современной японской культуры Нацумэ Сосэки изложил впоследствии в статьях и заметках «Мой индивидуализм», «Современная японская цивилизация» и других. Главную силу своих ударов он направляет против модной доктрины индивидуализма и против ницшеанства с его учением о «сверхчеловеке». Индивидуализм, по мнению Сосэки, ведет к крайнему эгоизму, к забвению своего долга перед другими людьми, означает в конечном счете духовную смерть. В обществе, построенном на началах крайнего индивидуализма, искусство гибнет, потому что нет общности вкусов, которая создается только коллективно. Художнику ничего не остается, как творить для самого себя, а это бессмысленно. В конце романа кот рисует страшную картину гибели человечества, которое не может существовать, превратившись в сборище одиночек. В отчаянье кот предпочитает утонуть в чане с водой. Нацумэ Сосэки считает, и не без основания, самой опасной болезнью века именно индивидуализм, но противоядия он не находит, потому что не понимает, как может возродиться чувство общности между людьми. Ядовитые насмешки вызывает у него ницшеанство. «Сверхчеловек», который стоит над толпой, оказывается всего-навсего олицетворением философии тесноты. «Ницше прозябал в девятнадцатом веке, когда нельзя было без оглядки на других перевернуться с боку на бок. Он нес всю эту чушь от отчаяния. Когда я его читаю, я испытываю не восхищение, а жалость. Его голос — это не голос безумного смельчака и идейного борца, а вой обиженного, который испытывает боль и поэтому все на свете проклинает».

Крайний индивидуализм ведет к мертвящему эгоизму, нравственной опустошенности и в конечном счете к распаду личности и полной духовной гибели. Человеку, который заболел этой болезнью, по мнению писателя, остается только покончить с собой. Трагическая тема нравственной гибели в условиях буржуазного общества высоко одаренного человека, наделенного острой восприимчивостью и чуткой совестью, становится главной темой последующих психологических романов Нацумэ Сосэки (см. переведенный на русский язык роман «Сердце»).[189]

Большое место в книге занимают литературные пародии. Пародируются главным образом сочинения романтиков, например популярного в то время Идзуми Кёка (1873-1939). Мистик и фантаст, Кёка сочинял рассказы, в которых потусторонний мир вторгается в область реального, и не замечал при этом, что делается вокруг; у него «крабы вылезали из-подо льда».

Насмешник Кангэцу сочиняет пространный рассказ в духе романтиков. Друзья в роли «Серапионовых братьев» Гофмана все время перебивают его ироническими комментариями. Как и полагается романтику, герой «не любил оживленных мест и с умыслом избегал комфортабельные города»… Он бежит от них в пустынные леса и горы, в безлюдную деревню… То есть она была бы безлюдной, если бы в ней не помещался колледж…

В другом пародийном рассказе герой скитается в пустынных горах и встречает красавицу, — распространенный романтический сюжет. Любовь загорается внезапно: «Я проснулся наутро, и тут приключилась несчастная любовь»… Увы, мечты разбиты: красавица оказалась лысой!

В своей повести Нацумэ Сосэки действует как могильщик романтизма, но сам он и после этого продолжает еще писать в романтической манере. Недаром он говорит, что ведет борьбу прежде всего с самим собой.

Повесть кончается грустно: убирая шлак и мусор, писатель не знал, что же можно построить на расчищенном месте. Классовая ограниченность мешала ему увидеть положительные силы, способные стать строителями будущего общества.

«Ваш покорный слуга кот» прославил имя автора. Газеты жадно искали новые, свежие таланты. Нацумэ Сосэки поступил на службу в крупнейшую токийскую газету «Асахи»; он решился на такой шаг не ради наживы: платили мало, но благодаря газете он смог общаться с массовым читателем. В жизни писатель вовсе не был таким затворником, каким он рисует своего героя — учителя Кусями. Сосэки очень любил молодежь. В своих произведениях он часто рисовал образы молодых людей Японии. У него было много учеников, молодежь охотно собиралась на знаменитые четверги в доме писателя. Среди его учеников были такие первоклассные таланты, как Судзуки Миэкити, Морита Сохэй, Абэ Дзиро, Абэ Иосисигэ, Акутагава Рюноскэ… Как литературный критик Нацумэ Сосэки оказал поддержку многим начинающим писателям на страницах газеты «Асахи».

Весной 1906 года Сосэки написал небольшую повесть «Мальчуган». Она до сих пор очень популярна в Японии. «Мальчуган» (боттян) стал нарицательным словом для пылкого молодого человека, который всегда готов постоять за правду, не заботясь о последствиях. Осенью того же года писатель создал небольшую романтическую повесть «В дороге». Он развил в ней свое эстетическое учение о красоте, противопоставив его утилитарным идеалам своего времени. Все три его ранних произведения: «Ваш покорный слуга кот», «Мальчуган» и «В дороге» — резко отличаются друг от друга по своему жанру, содержанию и стилю, «Ваш покорный слуга кот» — сатирическая повесть, «Мальчуган» — бытовая, полная юмора реалистическая повесть, повесть «В дороге» написана в романтической манере. В позднейших произведениях Сосэки юмор и романтизм исчезают.

Роман «Сансиро» (собственное имя), написанный в 1908 году, — новая веха в творчестве Нацумэ. Писатель внимательно анализирует разъеденный рефлексией душевный мир современного японского интеллигента, неспособного к действию, изучает его, как врач больного. Но единственное, что может ему предложить писатель, — это точный диагноз болезни. «Его героем стал человек, — говорит академик Конрад в своем предисловии к роману „Сердце“, — перед которым открылось многое, который знает много, серьезно и глубоко думает, но не знает, как ему жить… который стоит „у врат царства“ и знает, что ему не открыть их, но в то же время не может отойти от них назад».

К психологическим романам этого типа, рисующим типичные образы интеллигентов, относятся также «Затем» (1909), «Врата» (1910) и «Сердце» (1914).

Нацумэ Сосэки долгие годы страдал от язвы желудка. Уже в повести «Ваш покорный слуга кот» он изображает себя тяжело больным человеком.

В 1910 году он чуть не погиб от внутреннего кровотечения. Сосэки говорит в своих воспоминаниях: «Передо мною то и дело появлялся образ Достоевского. В моем воображении отчетливо возникали холодное небо, новый эшафот и на этом эшафоте фигура Достоевского, дрожавшего в одной рубашке…» В эти дни, по словам Сосэки, он смог до конца постичь то, что пережил на эшафоте Достоевский: ужас смерти и радость возвращения к жизни. Сосэки любил Достоевского и ясно ощущал свою духовную близость к нему.

В 1916 году Нацумэ Сосэки начал писать свое последнее большое произведение «Свет и тьма». Герои романа погружены во тьму, они отравлены собственным эгоизмом, но писатель хотел показать, как из мрака отчаяния они ищут дорогу к свету. Он хотел показать, что такую дорогу можно найти. Нацумэ Сосэки не дописал роман. 9 декабря 1916 года он скончался.

Творчество Нацумэ Сосэки — правдивая летопись жизни японской интеллигенции. Писатель верно показал ее мучительные искания на пути из мрака к свету. Правда, единственный представлявшийся ему возможным путь к спасению вел в глубины собственного духа. Там, и только там писатель видел свет.

Великий писатель-гуманист, правдолюбец, замечательный художник Нацумэ Сосэки оставил после себя значительное творческое наследие.

Особое место в нем занимает единственное сатирическое произведение Нацумэ Сосэки «Ваш покорный слуга кот». Советскому читателю будет интересно познакомиться с этим шедевром японской литературы.

В повести «Ваш покорный слуга кот» подвергаются осмеянию и утилитаризм, и буддийское учение «о духовном прозрении», попадает и старому конфуцианству, достается и академической лженауке. В погоне за докторской степенью, которая обеспечивает

академический пост и положение в обществе, молодой ученый целыми днями вытачивает стеклянные шарики, иначе говоря, переливает из пустого в порожнее. Диссертации пишутся о цикадах (возникает даже целая наука — цикадология), о влиянии ультрафиолетовых лучей на электрические процессы, происходящие в глазном яблоке лягушки, — о чем угодно, лишь бы получить докторский диплом. Ученый доклад «Механика повешенья» пародирует схоластику, процветавшую в университете. Нацумэ Сосэки посвятил вопросу о докторском дипломе несколько статей, в которых он выступал против ложного академизма. Именно по этому вопросу он вступил в резкий конфликт с университетским начальством и отказался от своей должности: неслыханный в то время поступок!

---

notes

Примечания

1

Сёсэй — подросток, живущий в доме врача, учителя или адвоката и выполняющий небольшие поручения своего патрона, за что последний оплачивает его обучение в гимназии.

2

Диастаза — средство, применяемое при желудочных заболеваниях для улучшения пищеварительных процессов.

3

Мэсибицу — сосуд для хранения вареного риса; имеет форму небольшой кадушки с крышкой.

4

Котацу — жаровня, которая помещается в углублении в полу.

5

Кун — приставка к имени или фамилии при фамильярном, дружеском обращении.

6

Хайку — стихотворение из трех строк, где в первой строке содержится пять слогов, во второй семь и в третьей — снова пять слогов.

7

Утаи — песни, исполняемые во время представлений в классическом японском театре Но.

8

Тайра Мунэмори — персонаж одной из пьес театра Но.

9

Сарто Андреа делъ (1486 — 1531) — итальянский живописец флорентийской школы эпохи Возрождения. Автор фресок, картин, портретов и рисунков.

10

Цубо — мера площади, равная 3,3 кв.м.

11

Сэна — денежная единица, 1/100 йены.

12

Йена — основная денежная единица Японии.

13

Сакэ — японская рисовая водка. Ее пьют в подогретом виде.

14

Николас Никклби — персонаж романа Ч. Диккенса «Жизнь и приключения Николаса Никклби», написанного в 1839 году.

15

Гиббон Эдуард (1737 — 1794) — английский историк.

16

Моти — рисовая лепешка. Мотия — человек, занимающийся приготовлением и продажей рисовых лепешек.

17

Сан — вежливая приставка к фамилии или имени.

18

Хаори — верхнее короткое кимоно.

19

Бу — мера длины, равная 3,03 мм.

20

Эпоха Мэйдзи — годы правления императора Мэйдзи (1868 — 1911).

21

Кутитори — закуска к вину.

22

Цумуги — шелковая ткань.

23

Момокава Дзёэн (1832 — 1898) — известный японский рассказчик. Им собрано свыше сорока разных историй о кошках.

24

Грэй Томас (1716 — 1771) — английский поэт, видный представитель сентиментализма. В1747 году им написана «Ода на смерть любимого кота, утонувшего в аквариуме с золотыми рыбками».

25

Охати — кадочка, где хранится вареный рис.

26

Дзони — традиционное новогоднее блюдо; готовится из лепешек моти, мяса и овощей.

27

Хаси — палочки для еды.

28

Эпиктет (ок. 50 — ок. 138) — греческий философ, один из представителей позднего стоицизма.

29

Волан — игра, напоминающая бадминтон.

30

Тян — приставка к имени, употребляется при фамильярном обращении или при обращении к ребенку.

31

Ясуи Соккэн (1799 — 1876) — конфуцианский ученый.

32

Сакамото Рюма (1835 — 1867) — самурай из княжества Тоса, организатор союза между княжествами Сацума и Тёсю в борьбе за восстановление императорской власти.

33

Сэнсэй (буквально: учитель) — вежливая приставка к имени особо уважаемых людей — ученых, артистов, врачей.

34

Кото — японский национальный музыкальный инструмент, обычно имеет тринадцать струн.

35

Сёдзи — раздвижные части стены японского дома.

36

Тэнсёин-сама — жена Токугава Иэсада — тринадцатого сёгуна из рода Токугава.

37

Я хоть на Новый год дурак, а такие, как ты, целый год ходят в дураках. — Здесь в японском тексте игра слов. Слово, означающее «поздравляю», может иметь и другое значение: глупый, недалекий.

38

…«августейшего царствования, когда ни одна ветвь на деревьях не шелохнулась». — Строка из пьесы театра Но.

39

Рин — мелкая денежная единица.

40

Кин — мера веса, равная 600 г.

41

Эпоха Тэммэй — 1781 — 1789 гг.

42

Манъёсю — антология японской поэзии, древнейший памятник японской литературы, созданный в VIII веке.

43

Мэнтибо — искаженное английское название мясного блюда — mince ball.

44

Нихонха — поэтическая группировка, ставившая своей целью вдохнуть новую жизнь в классический жанр японской поэзии «хайку»; основана в 1892 году поэтом Масаока Сики.

45

Тоти Мэмбо — один из поэтов, входивших в «Нихонха».

46

Бай Лэ-тянъ — иначе Бо Цзюй-и (772 — 846) — выдающийся китайский поэт. Его стихи были очень популярны в Японии.

47

Бусон (1716 — 1783) — известный японский поэт жанра «хокку». «Сюмпубатэйкёку» — сборник стихов, изданный в 1777 г.

48

Тикамацу Мондзаэмон (1653 — 1724) — японский драматург. Им написано большое количество дзёрури — пьес для театра марионеток, в том числе синдзюмоно — трагедий о самоубийстве влюбленных.

49

Ханагами — листы мягкой бумаги; употребляются вместо носовых платков.

50

Танка — стихотворение, состоящее из тридцати одного слога, которые располагаются следующим образом: 5-7-5-7-7.

51

Синтайси (стихи новой формы) — стихотворная форма, возникшая в Японии в конце XIX века под влиянием европейской поэзии.

52

Моммзен Теодор (1817 — 1903) — видный немецкий историк. Основные работы: «Римская история», «Римское государственное право».

53

Смит Голдвин (1823 — 1910) — английский критик и историк.

54

Тёдзубати — горшок с водой для умывания.

55

Реставрация — термин, принятый в японской историографии для обозначения переворота Мэйдзи 1868 года. Этот переворот нанес сильный удар по японскому феодализму и способствовал переходу страны (хотя и не полному) на капиталистические рельсы и широкому приобщению ее к европейской и американской культуре.

56

Рай Санъё (1780 — 1832) — конфуцианский философ и историк.

57

Секта дзэн — одна из буддийских сект.

58

Дайто Кокуси (1282 — 1337) — буддийский монах, основатель секты Тэндай.

59

«Золотой демон» — роман японского писателя Одзаки Коё. Омия — героиня романа.

60

…кухонная доска из Гётоку — выражение, обозначающее человека глупого, но обтесавшегося в обществе.

61

Берри Пэйн (1864 — 1928) — английский писатель-юморист.

Сяку — мера длины, равная 30,3 см.

63

Гэта — национальная обувь, деревянная подошва с двумя поперечными подставками, держится на двух ремешках, в один из которых продевается большой палец.

64

Куямоти — одна из разновидностей японских сладостей.

65

Хибати — жаровня; топится древесным углем.

66

Тан — старинная мера длины, равная 11—12 м.

67

СэтцуДайдзё (1836 — 1917) — знаменитый актер театра Кабуки.

68

Сямисэн — японский трехструнный музыкальный инструмент.

69

…many a slip twixt the cup and the lip. — Близок локоть, да не укусишь; видит око, да зуб неймет *(англ.)*.

70

Симэ — ритуальные украшения из соломенных веревок с вплетенными в них полосками бумаги.

71

Ихаи — деревянная табличка с посмертным именем, предмет буддийского культа.

72

Амида — буддийское божество.

73

Хидари Дзингоро — полулегендарная личность. Его имя стало нарицательным для обозначения искусных скульпторов.

74

Стейнлен Теофилъ (1859 — 1923) — выдающийся французский гравер-реалист.

75

Кибиданго — круглые рисовые лепешки.

76

Тэннэн Кодзи — Дитя Природы *(японск.)*.

77

«Лунъюй» — книга изречений Конфуция и его учеников.

78

Гудзэн Додзи — Дитя Случайности *(японск.)*.

79

Мон — старинная мелкая монета, достоинством в 1/10 сэны.

80

Дзэн — низкий обеденный столик.

81

Бакин (1767 — 1848) — популярный японский писатель.

82

Пенденнис — персонаж романа У. Теккерея «История Пенденниса».

83

«Беовульф» — англосаксонская эпическая поэма. В основе поэмы лежат народные сказания о спасении Дании от страшного дракона.

84

Блэкстон Уильям (1723 — 1780) — английский юрист, автор четырехтомного труда «Комментарии к английским законам».

85

«Видение о Петре Пахаре» (1362) — выдающаяся социальная поэма английского поэта Уильяма Ленгленда (родился около 1332 г. — год смерти неизвестен).

86

Сун — мера длины, равная 3,03 см.

87

Эдо — старинное название города Токио.

88

Ханако — по-японски означает «госпожа Нос».

89

Гумпай-утива — жезл, который держит в руках судья во время встречи по японской борьбе сумо.

«Хаккэ, ёй-я, ёй-я!» — выкрики, которыми сопровождается эта борьба.

91

Хагоромо — легкая одежда из птичьих перьев. Одежда феи в одной из пьес театра Но.

92

Бива — четырехструнный музыкальный инструмент.

93

Исократ (436 — 338 гг. до н. э.) — выдающийся древнегреческий публицист, автор многочисленных речей и памфлетов.

94

Симоноид (ок. 556 — ок. 469 гг. до н. э.) — древнегреческий поэт-лирик, автор гимнов, стихов на героические темы.

95

Тёммагэ — старинная мужская прическа.

96

Барсук из Имадо — Имеется в виду грубая статуэтка из обожженной глины, производством которых занимались в одном из кварталов Токио — Имадо.

97

Нио-сама — буддийское божество, хранитель храмов.

98

Токоротэн — кушанье, приготовляемое из морских водорослей.

99

Бантя — зеленый чай низкого качества.

100

Пьяница беспробудный — игра слов, основанная на том, что слово «мэйтэй», написанное другими иероглифами, имеет значение «пьяный».

101

Фусума — раздвижная перегородка в японском доме, обтянутая с обеих сторон толстой бумагой.

102

Эпоха Тэмпо — 1830 — 1844 гг.

103

Ода Нобунага (1534 — 1582) — средневековый полководец, известен многими боевыми подвигами.

104

Хатамото — самурай, подчиняющийся непосредственно сегуну.

105

Биндзуру — один из учеников Будды; считается, что прикосновение к его скульптурному изображению приносит исцеление.

106

«Лучше рисовая лепешка, чем нос» — Искаженная японская поговорка: «Лучше рисовая лепешка, чем цветы». По-японски «цветы» и «нос» звучат одинаково, хотя обозначаются разными иероглифами.

107

Курамаяма — гора, на которой, по поверью японцев, обитают волшебные человекоподобные существа тэнгу.

108

Сасими — мелко наструганная сырая рыба.

109

Кумасака Тёхан — легендарная личность, грабитель, живший в конце периода Хэйан (VIII — XII вв.). Его имя стало нарицательным.

110

Дзуси — ларец, в котором хранятся изображения Будды, мощи святых и т. д.

111

Каннон — буддийская богиня милосердия.

112

Асакуса — район в Токио, где находится храм богини Каннон.

113

Магэ — женская прическа.

114

Дзабутон — подушка для сидения.

115

акция — это вроде братишки редьки — по-японски слово «акция» произносится так же, как и слово «редька» — кабу.

116

Тофу — густая творожистая масса из бобов.

117

Фундоси — мужская набедренная повязка.

118

Лорд Кельвин Уильям (1824 — 1907) — английский физик, преподаватель университета в Глазго.

119

Сент-Бёв Шарль Огюстен (1804 — 1869) — французский критик и писатель.

120

Брюнетъер Фердинанд (1849 — 1906) — французский критик, историк и теоретик литературы.

121

Даси — суп из рыбы, морской капусты, грибов.

122

Кобо-дайси — посмертное имя буддийского священника Кукая (774 – 835).

123

Хантэн — верхнее платье.

124

Тридцать восьмой год Мэйдзи соответствует 1905 году.

125

Оби — широкий матерчатый пояс к кимоно.

126

Константин Палеолог (род. ок. 1403 г. — ум. в 1453 г.) — последний византийский император.

127

Суси — острое кушанье из риса, рыбы, овощей.

128

Авасэ — вид верхней одежды.

129

Праздник Бон — праздник поминовения умерших.

130

Говорят… войну с Россией. — Имеется в виду русско-японская война (1904 — 1905).

131

Татами — соломенные циновки, которыми застилается пол в японских домах.

132

Дома — незастланная часть у входной двери.

133

…наемного убийцу с берегов реки И-Шуй. — Имеется в виду наемный убийца Цзин Кэ, который по поручению принца Дань должен был убить императора Цинь Ши-хуанди.

134

Мисо — густая масса из соевых бобов; служит как приправа, а также для приготовления супов.

135

«Мэнцю» — китайское классическое стихотворное произведение для детей. Представляет собой собрание жизнеописание разных выдающихся людей.

136

Слухи о моих любовных похождениях никогда не живут больше семидесяти пяти дней… — Здесь Мэйтэй перефразирует поговорку: «Ложь не живет больше семидесяти пяти дней».

137

Хакама — широкие штаны, которые надеваются поверх кимоно.

138

Ханамити (буквально «дорога цветов») — помост, идущий через весь зал к сцене. По ханамити артисты выходят на сцену.

139

Кэн — японская мера длины, равная 1,82 м.

140

Орискэ — слуга и ученик самурая.

141

Ама-но Хасидатэ — название местности.

142

Бонит — название рыбы.

143

Ёсицунэ Минамото — один из героев японского феодального эпоса, знаменитый полководец одного из главных феодальных кланов Японии в конце XII века.

144

Кандзаэмон Канко — так в Японии называют ворон (ср. русское «Петя-Петушок»).

145

…даже две тысячи блох. — Игра слов: в оригинале употребляется слово «сэмбики», что означает по-японски и «тысяча блох» и «тысяча тюков материи».

146

Поднебесная — в японской литературе словом «Поднебесная» означают Вселенную (в отличие от китайской литературы, где «Поднебесная» часто означает Китай).

147

«Голым на дорогу не выйдешь». — Эта пословица имеет совсем иной смысл — «без денег путешествовать нельзя».

148

Вассал бакуфу — здесь член военно-бюрократического правительства Японии до буржуазной революции 1867-1868 годов.

149

Дзютаро Ивами — один из героев японских преданий.

150

Хэ Тан-нйэ — персонаж одной из пьес замечательного японского драматурга Тикамацу Мондзаэмона.

151

Мин — китайская императорская династия, правившая с 1368 по 1644 год. Ёсицунэ жил двумя веками раньше первого минского императора.

152

Сёгун — звание военно-феодальных диктаторов Японии до 1868 года.

153

…пятна, словно фишки — следы прижигания моксой (одно из средств восточной медицины).

154

Я взглянул на столик. — Японский обеденный столик «дзэн» очень низкий.

155

«Архаиомелесидонофруникерата» — «люблю старинные песни Фруникерата Сидонского» (из «Пчел» Аристофана).

156

Дзори — обувь на плоской (без подставок) деревянной подошве, обычно покрытой сверху плетеной соломой, узорчатой материей и т. п.; держится на двух ремешках.

157

Нюйва — древнекитайская богиня, чинившая, согласно мифу, разбитый небосвод.

158

Дзюдзицу — японская борьба вольного стиля и система самозащиты.

159

Камабоко — японское национальное блюдо.

160

Камонамбан — японское национальное блюдо.

161

Чжан-фэй — один из героев «Троецарствия», китайского повествовательного произведения XIV века.

162

«Цзо-гжуань» — китайская историческая летопись V-IV вв. до н. э. Никакого описания диспозиции в ней не содержится.

163

«Раз приведенное в движение тело… посторонняя сила». — Формулировки законов Ньютона весьма произвольны.

164

Сасаяма в Тамба — горная курортная местность в Японии.

165

Кансякудама — «шарик сердитости», который, по существующему в Японии поверью, рассерженный человек давит у себя во рту.

166

Имадояки — сладкие пирожки.

167

…всем рябинам было приказано переместиться на руки… — Имеется в виду закон об обязательном оспопрививании.

168

«Обезьяна имеет руки». — Японцы считают передние конечности обезьяны ногами.

169

Тэмпосэн — мелкая монета с отверстием посредине.

170

Ри — мера длины, около четырех километров.

171

Отафуку — игрушка, изображающая веселую толстую девушку; символизирует счастье.

172

Синран, Нитирэн — названия буддийских сект.

173

Комати — знаменитая поэтесса XI века; по преданию, она была красавицей.

174

Токонома — стенная ниша в японском доме с полочками для украшений.

175

Переворот — имеется в виду буржуазная революция 1867-1868 годов.

176

Кусуноки Масасигэ — известный полководец средневековой Японии.

177

Барон Ивасаки — основатель монополистического концерна Мицубиси.

178

Тими — мифическое чудовище с туловищем зверя и головой человека.

179

Do you see the boy? — Здесь: каков молодчик! *(англ.)*.

180

Бива — японский двухструнный щипковый инструмент.

181

Мирин — сладкая хмельная приправа.

182

Эдоский — прилагательное от Эдо.

183

А там водятся лисы? — По народным преданиям, лисы обладают волшебными свойствами и способностью околдовывать людей.

184

…при встрече его высочества принца Артура метались по улицам жители столицы. — Имеется в виду посещение Японии Артуром, принцем Уэльским.

185

…«найс» — мило *(англ).*

186

Намуамидабуцу. Намуамидабуцу. — Этими словами начинается буддийская молитва.

187

Нацумэ Сосэки. Биобиблиографический очерк. Автор вступительной статьи и составитель библиографии В. С. Гривнин. Изд-во Всесоюзной книжной палаты, М., 1959, стр. 5.

188

Тэнгу — сказочное крылатое существо с длинным носом, по поверьям обитающее в лесу на деревьях.

189

К. Нацумэ, «Сердце», перевод с японского и предисловие Н. И. Конрада. Гослитиздат, Л., 1935, стр. 7.